

**Олесь Бузина
Воскрешение Малороссии**

Арий; 2012
ISBN 978-966-498-223-5

Аннотация

«Воскрешение Малороссии» — новая, пятая книга Олесь Бузины. Она написана под воздействием статьи Николая Гоголя «Взгляд на составление Малороссии», опубликованной в 1832 году. Гоголевская концепция легла в основу документального повествования писателя XXI века о забытой стране, ставшей матерью Российской империй и..., современной Украины.

Предисловие

*я малоросс, моя страна —
Гнездо борцов за честь и волю...*

*(Михайло Грушевский.
«Я малоросс», 1883 г.)*

*О, Малороссия! О, моя несчастная историческая родина,
растоптанная ордами диких Укров!..
(«Плач малоросса», 2011 г.)*

«Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!» — так начинается «Сорочинская Ярмарка» Гоголя. В основном мы знаем эту страну, благодаря Николаю Васильевичу. И как же прекрасна она! Как идиллична! В ней вечно «полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землею, кажется, заснул весь потонувший в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях»...

Чувствуете, сколько эротики? Гоголевская повесть — первая в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» — начинается, как античный миф, в котором Бог Неба оплодотворяет Землю. Все здесь цветет. Все пахнет. Тут удивительные баштаны, храбрые казаки и девушки невообразимой красоты. Тут Иван Иванович потешно судится с Иваном Никифоровичем. Зато Пульхерия Ивановна живет в вечном мире со своим Афанасием Ивановичем. Тут даже башмачки любимым Оксанам привозят от самой царицы из Петербурга! Не от Версаче, а именно от Царицы!

Тем не менее, именно эту прекрасную Малороссию ненавидит все то, оккупировавшее ее, что называет себя «незалежным» и «национально-свидомим». Ненавидит какой-то лютой, почти животной ненавистью! Словно именно Малороссия не дает ей слопать лишнюю порцию вареников.

Но я никогда не стыдился своих малороссийских корней. Мои предки тоже с Полтавщины, как и предки Гоголя. Малороссия — достойная, корневая часть Украины, сердце Руси — ее основа. Те самые десять левобережных казачьих полков, которые не поддались ляхам и унии, не предали душу и присягнули на верность православному царю. И присягу эту хранили, пока был царь!

Из Малороссии началась украинская литература — «Энеидой» Котляревского и «Малороссийскими повестями» Квитки-Основьяненко. Отсюда вышли те знаменитые генералы, философы и политические деятели

Российской империи, которые до сих пор составляют славу Украины — Феофан Прокопович, Григорий Сковорода, Разумовские, Кочубеи, Трощинские и фельдмаршал Паскевич, взявший штурмом Варшаву.

*Истоки: литература
на Украине началась
«Малороссійскими повестями»
Квитки-Основьяненко*

Тут корни композитора Чайковского и великого юмориста Зощенко, написавшего в автобиографии: «Я родился в Полтаве в 1895 году. Мой отец — художник. Из дворян».

Именно из Малороссии пошло наше дворянство — национальная аристократия, оставившая стране свои родовые усадьбы и коллекции предметов старины, до сих пор остающиеся гордостью украинских музеев.

*Малороссия — идиллическая страна, воспетая Гоголем
в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»*

Киев, между прочим, это тоже Малороссия — ее западная граница, малороссійский плацдарм, героически выброшенный на правый берег Днепра. Еще в XVIII веке граница с Польшей начиналась под Киевом по речке Ирпень. И пусть столицей Малороссии был Петербург, но Киев оставался ее СВЯТЫМ ГОРОДОМ. Как и всей России.

Давно пора вернуть Малороссии историческую память, самосознание и, не побоюсь

этого слова, автономию, которой она исторически обладала. В будущей украинской федерации Малороссия наряду с Новороссией, Крымом, Галичиной, Волынью, Донецко-Криворожской республикой и Подкарпатской Русью должна занять свое достойное место как равная среди равных.

Ведь заслуги ее перед Украиной неизмеримы! Именно в Малороссии зародилась идея украинской независимости. Тут на рубеже XVIII — XIX веков жил загадочный автор «Истории русов» — книги, которую известный исследователь украинской национальной идеи Николай Ульянов назвал «катехизисом» украинства. «Написано чрезвычайно живо и увлекательно, — писал он, — превосходным русским языком карамзинской эпохи, что в значительной степени обусловило ее успех. Расходясь в большом количестве списков по всей России, она известна была Пушкину, Гоголю, Рылееву, Максимовичу, а впоследствии — Шевченко, Костомарову, Кулишу, многим другим и оказала влияние на их творчество. Первое и единственное ее издание появилось в 1846 году».

Ульянов дал эту характеристику в середине XX века. С тех пор знаменитая книга как минимум дважды переиздавалась — на языке оригинала в 1991 году и, примерно в то же время, в украинском переводе. Существование «Истории русов» неопровержимо доказывает, что в Малороссии издавна существовали два литературных языка — общерусский, который малороссы, филологически одаренные, как никакой другой народ на свете, создали вместе с москвитями, и местный, для внутреннего употребления — тот, который мы знаем сегодня под именем украинского.

Качановка. Усадьба богатейших малороссийских помещиков Тарновских, спонсировавших Глинку, Шевченко и Репина

В то время, как Гоголь и автор «Истории русов» (как полагают исследователи, это был малороссийский дворянин Полетика либо кто-то из его круга, пожелавший скрыть свое имя) творили на общерусском языке, Иван Котляревский писал преимущественно по-украински (или, как говорили в его времена, «по-малороссийски»). Другие же отцы-основатели малороссийской литературы — Гребинка, Квитка-Основьяненко и Пантелеймон Кулиш — с одинаковым блеском удивляли публику на двух языках.

Враги Украины-Малороссии любят изображать представителей нашего народа бедными и забытыми, вечными крепостными и злыднями. Это делается, чтобы подорвать у малороссов веру в конечное торжество малороссийского дела. Но мы не дадим обвести себя вокруг пальца.

Слово «малоросс» или «малороссиянин» более древнее, чем «украинец». Малороссами называли себя Гоголь и Шевченко, Паустовский и Нарбут, Костомаров и Максимович. В нем нет ничего унижительного. Мал, да удал! Все зависит от самооценки. Человек, который не

любит себя, рано или поздно будет считать уничижительным любое определение — назови его хоть «великоамериканцем».

В украинцах такие ущербные личности видят, прежде всего, людей с окраины, забывая, что окраина — синоним пограничья, а пограничник — высокое предназначение, выпадающее только настоящим героям!

Но так как малоросс и украинец — это одно и то же, то любые нападки на малороссов следует считать проявлением пещерной украинофобии. Убивая в себе малоросса, такой человек убивает украинца.

Эта книга — дань памяти Малороссии — удивительной забытой стране.

Глава 1. Конец евроинтеграции Богдана Хмельницкого

У каждой страны есть начало. Малороссия зародилась триста шестьдесят лет назад под Берестечком — в июле 1651 года на болотистом поле самого кровопролитного и загадочного сражения Хмельниччины. Это была «битва народов» середины XVII столетия. На стороне казаков сражались крымские татары, пятитысячный отряд янычар, который прислал турецкий султан, московские стрельцы и донские казаки.

*1651 год. Литовский великий гетман Януш Радзивилл принимает казацких послов в завоеванном Киеве.
Рисунок очевидца — художника Вестерфельда*

Официально Россия вступит в войну с Польшей только через три года, когда Украина присягнет на подданство московскому царю, но добровольцы из Московской Руси шли под Берестечко сами, никого не спрашивая.

Значительная часть оружия армии Богдана Хмельницкого тоже была изготовлена в Москве. Археологические раскопки на месте битвы выявили огромное количество ружейных стволов московской работы. Как известно, сами запорожцы огнестрельное оружие не изготавливали. Обычно они покупали импортные стволы и приделывали к ним приклад и ложе. Так получались знаменитые казацкие самопалы, вызывавшие ужас у польской кавалерии. Как писал в книге «Битва під Берестечком» (Львов, 1993) самый авторитетный исследователь этого сражения Игорь Свешников, «багато знайдених на переправі під Берестечком рушничних стволів і цілих рушниць є виробами майстрів Московської збройної палати. До найбільш характерних їх ознак належать потовщення кінців стволів, інкрустація стволів латунними кільцями та дуже видовжені губи курків».

Получается, что казаки Хмельницкого убивали крылатых гусар своего короля Дна

Казимира из ствол, присланных «братским российским народом» в лице бородатого царя Алексея Михайловича — к слову, совсем недавно обросшего бородой, так как в год сражения ему едва исполнилось двадцать два года.

Армия Речи Посполитой представляла собой не менее, если не более многонациональное воинство. Шляхетское ополчение (так называемое «посполитое рушение») состояло из ПОЛЯКОВ и... русских православных и греко-католических шляхтичей различных воеводств. Рядом с чисто польскими отрядами из-под Варшавы и Кракова в одном ряду стояли хоругви с Воыни, из-под Бреста и из «воеводства Русского» — то есть, окрестностей Львова.

Большинство русских шляхтичей, отдававших воинский долг Речи Посполитой, еще оставались православными по вере. Но в Яне Казимире они видели своего законного монарха, гаранта их сословных прав, а в Хмельницком — опасного бунтовщика, вождя мятежных холопов и прислужника нехристей-татар.

Так они выглядели. Казаки XVII века с генеральной карты Украины Боплана

Другие известные участники битвы, например, князь Богуслав Радзивилл и литовский подканцлер Сапега, естественно, были литовцами. Литва тоже входила в состав Речи Посполитой. Поэтому ее воины вынуждены были гасить пламя Хмельниччины, чтобы оно не перекинулось еще и на литовские воеводства, а также на Белую Русь, являвшуюся составной частью Великого Княжества Литовского. Как раз в то время, когда Богуслав Радзивилл сражался во главе своего личного, вымуштрованного на немецкий манер полка под Берестечком, его старший брат великий литовский гетман Януш Радзивилл двигался во главе литовской армии на Киев. Да и под самим именем «литвины» выступали в те времена не только этнические литовцы, но и предки нынешних белорусов.

«27 мая король производил общий смотр всего состоящего на жаловании войска, как старой, так и новой вербовки, — писал в своем дневнике участник и летописец похода Станислав Освенцим. — Чтобы избежать беспорядка от смешения конницы и пехоты, а также потому, что трудно осмотреть все войско в один день, его разделили на три части: польскую конницу, конницу и пехоту иностранную и польскую пехоту. В первый день произведен был смотр польской конницы... Она построилась в поле, и король долго ее осматривал, объезжая все полки и хоругви. При этом писарь польный коронный Сигизмунд Пржиемский записывал каждую хоругвь и получал от ее ротмистра и поручика регистр входивших в ее состав солдат. Все мы пересчитывали при этом количество людей и лошадей в каждой хоругви».

Перед самым выступлением в поход 3 июня в том же лагере под Сокалем на Западном Буге был произведен смотр иностранной конницы и пехоты — по словам Освенцима, «таким же образом, как и первой части». Среди наемников больше всех было немцев — ветеранов закончившейся за три года до Берестечка Тридцатилетней войны.

Рейтары. Половину польской армии составляли немецкие наемники

Об этническом составе этих полков или, как тогда говорили на немецкий манер, «региментов» лучше всего говорит еще один отрывок из того же Освенцима: «Регимент королевский — 1259 человек, в восьми компаниях (то есть, ротах) под начальством: полковника Вольфа, подполковника Бутлера, майора Гизы и капитанов: Ратке, Циммермана, Кельбруэля, Валля 1-го и Валля 2-го. Регимент князя Богуслава Радзивилла — 1152 человека, в 8 компаниях под начальством майора Валля, капитанов: Френтака, Гульдена, Штрауса, Госа, Берга, Лося и поручика Берга-младшего. У этого регимента был также эскадрон драгун ротмистра Фальккерсана».

Небольшой отряд в помощь Яну Казимиру прислал даже курфюрст Бранденбургский — он был обязан это сделать как вассал польского короля. Бранденбург — это та часть Германии, где находится Берлин. Но звезда Пруссии еще не возшла. В год битвы под Берестечком бранденбуржцы и пруссаки — будущие объединители Германии — еще представляли второсортное европейское государство, подчиняющееся Польше.

Польскому королю Яну Казимиру по факту и де-юре подчинялась чуть ли не половина нынешнего Евросоюза

Небезынтересно вспомнить полный титул того человека, которого сегодня в учебниках и популярных книжках по истории для краткости именуют «королем Польши». Итак, Его Величество Ян II Казимир – «Божиею милостью король польский, великий князь литовский, русский, прусский, мазовецкий, жемойдский, лифляндский, смоленский и Черниговский, наследственный король шведский, датский и вандальский».

Уже этот титул, как мантия, струящаяся горностаем, передает и реальную власть, и наследственные амбиции противника Богдана Хмельницкого. Яну Казимиру в год битвы под Берестечком, кроме Польши и Литвы подчинились Лифляндия, (нынешняя Латвия) и вся Западная Русь со Смоленском и Черниговом. Кроме того, как наследник шведских королей из династии Ваза он претендовал на корону Швеции (вместе с входившими в ее состав Норвегией и Финляндией) и Дании. Не будет преувеличением сказать, что под реальной и номинальной властью Яна Казимира находилась чуть ли не половина нынешнего Евросоюза!

Таким образом, самую боеспособную часть армии ПОЛЬСКОГО короля составляли наемники-немцы — первостатейные солдаты, оставшиеся без работы после окончания Тридцатилетней войны и с радостью завербовавшиеся на польскую службу. Эти немцы еще не видели в поляках «недочеловеков», как их далекие потомки в 1939 году. Служить Речи Посполитой было почетно и выгодно. До восстания Хмельницкого Польша являлась поставщиком зерна для всей Западной Европы. Экономика страны находилась на взлете. Денег хватало и у магнатов, и у короля. Теперь эта казна уходила на оплату жалованья солдатам, чьей задачей было укротить, как выразился один из участников похода, «зловредного зверя Хмельницкого и бесчисленную запорожскую саранчу».

Но безработные немцы могли воевать и на стороне Хмельницкого. Перед началом летней кампании 1651 года польский король получил уведомление от императора Священной Римской империи Германской нации (так звучал официальный титул того, кого мы сегодня обычно называем австрийским императором), что «из числа солдат, распущенных после водворения мира в империи, 4000 отборных воинов поступили на жалование к Хмельницкому, и что они намерены вторгнуться в Польшу».

Четыре тысячи — это примерно три тогдашних полка. Как утверждал августейший автор письма, сводный отряд немцев-наемников на службе Хмельницкому собирался вторгнуться в Польшу со стороны Карпат, поднять в горах восстание крестьян и напасть на

Краков.

Самое удивительное, но сообщение австрийского двора не было беспочвенным! По-видимому, эмиссары Хмельницкого, который сам был некогда поставщиком наемников-казаков в Европу, действительно вербовали немецких пехотинцев. По странному стечению обстоятельств, весной и летом 1651 года именно в этом районе Польши вспыхнуло крестьянское восстание некоего Костки Наперского (он же Шимон Бжовский), беглого капитана армии Речи Посполитой, выдававшего себя за внебрачного сына покойного короля Владислава IV. Этот польский «лжедмитрий» весьма загадочного происхождения поддерживал связи с Богданом Хмельницким и распространял его универсалы, разжигая всепольский бунт. В конце-концов, если у Хмельницкого хватило таланта убедить крымского хана выступить против Польши, то что мешало ему подбить на бунт амбициозного экс-капитана и подкинуть ему денег на вербовку в землях империи безработных «солдат удачи»? Восстание Костки Наперского будет ликвидировано как раз в те дни, когда казачья армия потерпит поражение под Берестечком.

Нет ничего хуже, чем подгонять историю под красивые псевдопатриотические схемы, чем любят грешить украинские официозные историки. Они лгут, не краснея, пересказывая с новыми вариациями еще советский миф о «национально-освободительной войне украинского народа». Но в 1651 году еще не существовало никакого «украинского народа». И Хмельницкий, и его казаки называли себя «русинами» и «православными». Что, впрочем, для них тоже было не очень важно. Удивительный исторический факт — на месте битвы под Берестечком найдено множество казачьих останков. В болотистом грунте прекрасно сохранились детали обуви, пуговицы, сабли, мушкеты, пороховницы, кожаные пояса с пряжками, ложки, люльки, казаны, даже кошельки с монетами. Нет только одного — НАТЕЛЬНЫХ КРЕСТОВ!

*Крест московской работы.
Удивительно, но казаки, воевавшие под Берестечком, еще не носили нательных крестов*

Эти кресты не могли снять с убитых. Трупы казаков сохранились в трясине, которая высохла за триста лет, в том виде, как их застала смерть. Ни один победитель не рискнул полезть за ними в топь, зная, что там его ждет смерть. Если в кошельках остались монеты, значит, остались бы и на шеях кресты, ЕСЛИ БЫ ОНИ БЫЛИ... Но их — НЕ БЫЛО!

Слухи о воинствующей религиозности казачьего воинства сильно преувеличены. Тот же Свешников, буквально перекопавший все поле под Берестечком и сравнивший свои

результаты с находками коллег, пришел к выводу, что «на Україні з XIV до середини XVIII ст. не було звичаю носити нагрудні хрестики чи іконки. Ці предмети ніколи не були знайдені біля кістяків, ні в численних досліджених археологами похованнях згаданого періоду, ні біля козацьких кістяків на переправі під Берестечком».

По двум свинцовым крестикам под Берестечком определили именно тела донских казаков! А запорожцы крест не могли пропить, так как они его не имели. Обычай носить нательные крестики пришел в Украину из России — только во второй половине XVIII века, во время совместного проживания в православной империи. Зато воинство гетмана Хмельницкого таскало с собой бесчисленное количество ведьм и ворожек, с которыми гадало об исходе будущего сражения. Одну из таких ведьм во время битвы поймали поляки и торжественно зажарили со всем ее ведьмовским инструментом.

Куда важнее для Богдана Хмельницкого и его братьев по оружию была принадлежность к казачьему сословию. Это делало их полноценными гражданами Речи Посполитой — разновидностью воинов, получавших от короля ежегодное жалование.

Когда в 1649 году Хмельницкий заключил Зборовский договор с Яном Казимиром, никто в Польше не верил, что он выполнит его условия и действительно составит 40-тысячный реестр Войска Запорожского Его Королевской Милости. Как писал тот же Станислав Освенцим в своем дневнике, «Составление этого регистра было лучшим доказательством искренности и повиновения Хмельницкого. Большинство панов наших, опытных в политике, были убеждены, что Хмельницкий не имел желания и, если бы даже желал, то не был в состоянии исполнить того условия, до того казалось трудным из нескольких сот тысяч восставших хлопов столь малое число признать казаками, всех же остальных вновь обратить в крепостное состояние. Однако в этом деле он выказал столько ума и сообразительности, что умел совершить то, что обещал, хотя дело всем казалось невозможным».

Хмельницкий выполнил условия договора, потому что, подобно нашим нынешним олигархам и политикам, очень хотел интегрироваться в европейскую цивилизацию. Настолько хотел, что будем же честны, после всех побед над поляками в 1648—1649 гг. чуть ли не лизал сапоги польскому королю Яну Казимиру. По условиям Зборовского договора, Хмельницкий был обязан на коленях просить у короля прощения за все свои «злодеяния», что и проделал лично, заливаясь слезами и обещая «исправить свое поведение в будущем».

Различные независимые друг от друга источники описывают, как это выглядело. По словам современника Хмельницкого, автора «Истории войны казаков против Польши» Пьера Шевалье, «гетман казаков прибыл к королю и, упав на колени, произнес со слезами на глазах большую речь».

Богдан Хмельницький

А «Черниговская летопись» гласит, что Хмельницкий, явившись к Яну Казимиру, «пал пред ним на землю» со словами:

«Я на короля пана моего милостивого руки не подношу!». И «плакал король сам, сенаторы и Хмельницкий вельми час немалый, потом Хмельницкий снова пал перед королем плачучи, просил прощения и лежал, облапивши ноги королевские, а король приказал его поднять и дал ему руку поцеловать».

Хмельницкий жаждал именно ИНТЕГРИРОВАТЬСЯ! И готов был пойти ради этого на любые унижения. Но Польша не хотела никакой интеграции. Она была готова Хмельницкого только СЪЕСТЬ! Это Богдану нравилось быть гетманом Его Королевской Милости. Но Речь Посполитая не желала ТАКОГО гетмана. Она не могла содержать сорокатысячную казачью армию, соблазнявшую простонародье своими привилегиями. Ей было некуда деть князя Вишневецкого, утратившего из-за восстания всю свою Вишневеччину на левобережье Днепра. Ей было не по силам успокоить коронного хорунжего Александра Конецпольского, чей город Чигирин теперь стал столицей Хмельницкого, а так же Корецких, Збаражских, Потоцких и бесчисленную шляхту, как католическую, так и православную, вроде киевского воеводы Адама Киселя, чье место на Украине теперь занимали казаки.

Новая война была неминуема. Именно поэтому в июне 1651 года Ян Казимир и вел к Берестечку свою многоязычную армию, чтобы взять реванш за Пилявцы и Зборов, а с другой стороны навстречу ему с распростертыми объятьями и татарской поддержкой шагал в Европу, скрипя возами обоза, гетман Богдан. Если бы под Берестечком Хмельницкий победил, то, еще раз поцеловав после победы ноги побежденного короля (о, ирония истории!), он то ли тушкой, то ли чучелом «евроинтегрировался» бы со своей полуазиатской казачьей ордой без крестов. С «атаманами», «есаулами», «кошами», «гаманами», «курениями», «майданами» и прочими татарскими заимствованиями, которыми обросла после монголо-татарского нашествия Южная Русь.

Однако огонь немецкой артиллерии и пехоты Яна Казимира, убивший под Берестечком татарского побратима Богдана — перекопского мурзу Тугай-бея — рассудил иначе. Новые гунны не дошли до Европы. Теперь интегрироваться они могли только на восток — в православную русскую цивилизацию. Ибо только она соглашалась признать права Хмельницкого и его казаков (по факту — полурусских-полутатар) на Украину и бывшие владения Вишневецких и Конецпольских.

Так Берестечко открыло только одну дорогу Богдану — в Переяслав, а на бычьих шеях потомков уцелевших после битвы казаков через сто лет, неисповедимую волею Всевышнего, которую никто не в силах постичь, наконец-то появились кресты.

Глава 2. **Юбилей первого раздела Украины**

У нас любят отмечать круглые даты. Но некоторые из них не видят даже в упор. Совершенно незамеченной в 2007 году прошла 440-я годовщина первого раздела Украины на Восток и Запад. Хотя она многое объясняет в нашем прошлом и настоящем. 30 января 1667 года спорное наследие Богдана Хмельницкого впервые разрезали по Днепру — между Россией и Польшей.

В далеком селе Андрусове под Смоленском высокие договаривающиеся стороны заключили перемирие, согласно которому правый берег отныне контролировала Варшава, а левый — Москва. И на каждом из берегов сидело по гетману. Тоже, естественно, подконтрольных. Первый шаг к разделению предков украинцев на «схидняков» и «западенцев» был сделан. Так с тех пор и повелось...

Забавная данность нашей истории состоит в том, что Украину успели разделить еще до ее рождения. Почему-то все вокруг были убеждены, что родится не мальчик, а девочка — капризная и истеричная «хуторянка». То веночком с лентами в жениха швырнет, то песню о своей горькой бабьей доле затянет: «Ой, насуває чорная хмара»...

Кстати, если кто за «хуторянку» обиделся, то это не я первый так ее назвал (мне чужого не надо!), а один из отцов независимости — Владимир Винниченко. Его сейчас в школе проходят. Как драматурга и сопредседателя петлюровской Директории — украинского правительства конца 1918 года. Вот он-то раньше всех Украину «хуторянкой» и обозвал в хрестоматийной работе «Відродження нації».

Но до этого в XVII веке было еще далеко. А дележ приданого «хуторянки» уже шел полным ходом. Недаром на одной из первых полноценных карт Украины, нарисованной в Нюрнберге немцем Гоманном в начале следующего «осьмнадцатого» столетия, вокруг символического казака с люлькой заносят сабли турок и поляк. А рядом протягивает руку помощи бородатый донской казак и выглядывает из-за польского плеча ка-кой-то равнодушный европейский джентльмен в треуголке — то ли швед, то ли француз на самом деле это европеизированный Петром Первым москвит (над ним реет трехцветное сине-бело-красное знамя с двуглавым орлом).

Новый 1667-й «хуторянка» встретила вконец истощенной. Шел десятый год после смерти Богдана Хмельницкого. И все это немалое время было потрачено не так на «державотворення», как на выяснения, кому из ближайших соратников покойного гетмана владеть его булавой.

Возникает вопрос: как же получилось, что вокруг Богдана собрались такие мерзавцы и ничтожества, схватившие друг друга за глотки, когда еще не успело остыть тело их вождя?

*Картуш карты Украины Гоманна.
Нюрнберг, нач. XVIII в.*

Но причина казачьей междоусобицы во многом кроется в личности нашего самого главного национального героя. Богдан в Украине — идол. Как знамя его поднимают все силы пророссийской ориентации. Но побаиваются трогать и те, кто тянут страну в другую сторону.

Для них он тоже — символ силы. Ведь если Хмельницкий не выиграл, то, по крайней мере, и не проиграл. Он умер в своей постели собственной смертью. Такая доля достанется не многим из тех, кто стоял у его гроба — они окажутся куда менее удачливыми.

Но за маской сильной личности скрывался хитрый и часто бессмысленно жестокий эгоист. Никакого государства Хмельницкий никогда не строил. В год смерти он подписывался титулом гетмана Войска Запорожского Его Царского Величества. Зато Богдан очень беспокоился о личной власти и о том, как бы оставить булаву в своей собственной семье. Первый кол в систему казачьей демократии вогнал именно этот всадник, который сидит теперь на коне в Киеве на Софиевской площади.

Если бы выборы после смерти Богдана происходили по-честному, то армия, скорее всего, захотела бы видеть во главе себя Ивана Богуна — лучшего казачьего полководца той эпохи. Но вместо него им подсунули шестнадцатилетнего мальчишку Юрася Хмельницкого,

ни по возрасту, ни по интеллекту не способного вести в бой ветеранов, воевавших с самого 1648 года, когда началось восстание против поляков.

А еще передрались у гроба многочисленные родственнички по разным супругам почившего в Бозе. Юрась был сыном Богдана от первой жены, принадлежавшей к старому мещанскому роду Сомков из Переяслава. Поэтому ее брат Яким Сомко получил от гетмана-родственника должность Прилуцкого полковника.

Вторую жену Богдан повесил за измену и растрату. Детей от нее не было и никакой «политической партии», следовательно, тоже.

А третья жена Хмельницкого принадлежала к казачьему клану, носившему фамилию Золотаренко. Тихая, ничем не примечательная и не во что не лезущая Ганна, тем не менее, помогла сделать карьеру двум своим родным братьям, Первый из них — Иван — погиб в 1655 году в Белоруссии во время осады Старого Быхова. А второй — Василий Никифорович — был некоторое время Нежинским полковником.

Родная дочь Богдана от первого брака вышла замуж за брата генерального писаря Ивана Выговского. Выговские, таким образом, тоже вошли в круг ближайших родственников самого знаменитого деятеля эпохи так называемой национально-освободительной войны.

Юрась Хмельницкий

Наконец, еще один персонаж — Ивашко Брюховецкий, хоть и не успел ни на ком из Хмельницких жениться, зато числился чем-то вроде личного адъютанта Богдана — в иерархии запорожцев его должность называлась «джура». Уехав на Сечь, он стал там кошевым атаманом, пользовавшимся огромной популярностью среди тамошней гольтьбы как ближайший соратник великого гетмана: Действительно, кто еще был ближе, чем этот? Ведь именно он чистил вождю сапоги!

Вот эти деятели и устроили друг другу трепку, как только умер Богдан.

Иван Выговский, до того как стать писарем, работал адвокатом. У него была типичная для юристов манера морочить всем мозги. Сразу же после смерти Хмельницкого он убедил простодушных казаков, что вместо несовершеннолетнего Юрка, плохо знающего грамоту, кто-то должен подписываться в официальных документах. Лучше всего, по логике бывшего адвоката, мог сделать это он как самый грамотный — даже Литовский статут читал! Выговский выторговал себе право подписи с удивительной формулировкой — «на той час гетман».

По-нашему — вр. и. о. («временно исполняющий обязанности»). Он имел в виду, что гетманом становится только в то время, пока водит по бумаге пером. Со временем первая часть этого смешного титула как бы отпала, и хитрый Иван стал считать себя полноценным вождем — не хуже самого Богдана.

Никого не спрашивая, лжегетман договорился с Польшей, что подконтрольная казакам часть Украины и Малой Руси войдут в состав Речи Посполитой под именем Великого

княжества Русского. Сразу после этого соглашения остальные родичи Богдана восстали против Выговского и добились его смещения. Не помогла даже победа над московитами под Конотопом, которую вместе с крымским ханом одержал Выговский. Пришлось ему дать деру в Варшаву.

Булаву вернули полудурку Юрасю — гетманская же кровь! Ну и что, если не шибко умный? Главное, что он к этому времени немного подрос. Но молодой гетман оказался отчаянным трусом. Во время сражения объединенной русско-казачьей армии с поляками на Волыни под Чудновом в 1660 году Хмельницкий-младший испугался врага и перебежал на его сторону. Ему снова оставили булаву, но права урезали. По новому договору Украина возвращалась в Польшу. Но уже не как Великое княжество Русское, а как обычная территория под началом гетмана Войска Запорожского.

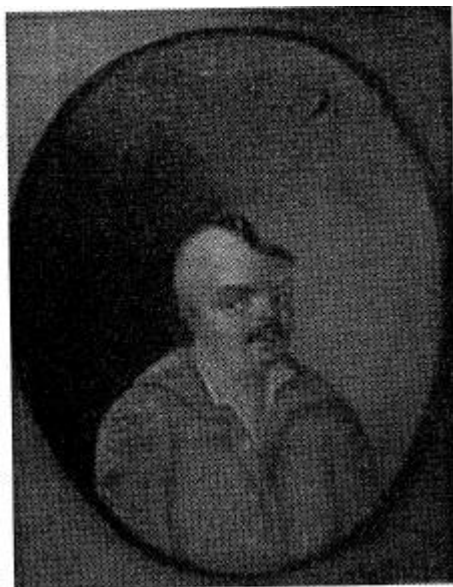

Иван Выговский

Далеко не все родственники поняли этот шаг.

Яким Сомко тут же восстал против сына своей родной сестры, а другой дядя — Золотаренко — присоединился к недовольному. Гуртом легко бить не только батька, но и племянника. Неразумному Юрасю всыпали по первое число. Булаву у него отобрали, а гетманом без всяких выборов стал считаться Сомко — как главный победитель в битве с малолеткой.

Но тут с Запорожской Сечи вылез Брюховецкий, заявивший, что родичи Хмельницкого ведут себя недемократично, все забрали себе, порядка в стране нет, и нужны новые честные выборы, а не тайные игры «олигархов», которые к добру не доведут, в общем, всю власть — народу!

Яким Сомко

Состоялась знаменитая Черная Рада 1663 года под Нежином. Большинством голосов победил «демократ» Брюховецкий. Но чтобы не было новых перевыборов, Якима Сомко, популярного у зажиточных казаков, он тут же казнил. А заодно и его союзника — Золоторенко. С братьями жен Хмельницкого было покончено.

Вся эта каша, получившая название Великой Руины, совершенно измотала запорожцев. Ведь продолжалась война с Польшей, а вела ее в основном русская армия. Причем, неплохо вела! Западные очевидцы отмечали, что в обороне русские действовали просто замечательно. Когда в январе 1664 года польский король Ян Казимир осадил малороссийский город Глухов, русские драгуны встретили его таким огнем, что французский офицер на польской службе Антуан Грамон не сдержал восхищения: «Большая часть всех наших офицеров была убита... Я не думаю, чтобы когда-либо войска показали столько доблести, как поляки в этот день в атаке и московиты — в своей прекрасной обороно[^].

Днепр стал естественным географическим рубежом в этом противоборстве. Война постепенно превратилась в партизанскую. У России не хватало сил закрепиться на Правобережье. А измотанная почти двадцатилетней смутой Польша не могла вернуть себе левый берег. Наконец, в начале 1667 года обессиленные стороны заключили перемирие на тринадцать с половиной лет. И те, и другие собирались еще «довоевать» — когда-нибудь «потом»! Но пока вынуждены были засунуть сабли в ножны.

Но за грехи отцов отвечают дети. Хмельницкого-старшего не смущало, что он «освобождает» Украину в союзе с татарами и турками, расплачиваясь с ханом пленниками из собственного народа. Его младший сын продолжил ту же политику. Только на пародийном уровне и не по своей воле. Потеряв булаву после измены царю, Юрко подался в монахи. Из монастыря его вытащили посланники турецкого султана. Стамбул планировал новый поход на Украину, а во главе шутовской «освободительной» армии поставил Юрия Хмельницкого. Так он и трясся в янычарском обозе.

Но поход провалился. Турок разбили под Чигирином — родным городом Хмельницкого-младшего, в окрестностях которого он вырос на отцовском хуторе. В Стамбуле долго думали, что делать с обанкротившимся ставленником. А потом задушили. Так закончил свою бездарную жизнь последний из рода Хмельницких. Образно говоря, его задушила петля старого отцовского союза с мусульманским востоком.

Иван Брюховецкий

Печальным был и конец «адъютанта» Хмельницкого — победителя на Черной Раде Ивана Брюховецкого. Казнив проигравших выборы противников, он не догадывался, что очень скоро точно такая же участь ожидает и его самого.

Брюховецкий стал жертвой собственного популизма. Он обещал казакам, что при нем больше не будет бедных и богатых, а у старшины все отберут и поделят. В результате, отобрали, но «поделили» в основном только в пользу самого Брюховецкого и его ближайшего окружения. Этого гетмана тоже бес попутал. До 1668 года он держался строго промосковской линии. Даже выпросил себе звание боярина и женился на московской княжне. Но буквально через год после заключения Андрусовского перемирия правобережный гетман Дорошенко с польской части Украины пообещал хитрому Ивану, что признает его власть. Брюховецкий безнаказанно обманул такое количество людей, что просто не представлял, что и его можно «кинуть». Ради того, чтобы получить еще и правобережье, он отложился от Москвы.

Но к тому времени старый популист так всем надоел, что на очередной раде, состоявшейся в местности под красноречивым названием Диканька, толпа казаков просто затоптала своего бывшего любимца насмерть. Так задолго до Гоголя это село впервые вошло на страницы нашей истории.

Брюховецкий был последним из ближайших соратников Хмельницкого, оставшихся в живых на тот момент. Перебежчика Выговского расстреляли за несколько лет до этого сами поляки, подозревая его в том, что он может изменить и им.

После Андрусовского перемирия смута на Украине продолжалась еще десять лет. Ведь на правом берегу засел необыкновенно энергичный гетман-фальшивомонетчик Петро Дорошенко. Он то воевал с поляками, то задирали русских, то признавал себя вассалом турецкого султана и временно успокаивался. А средства на эти предприятия добывал за счет фальшивой польской монеты, которую чеканил в своей столице Чигирине. Это позволяло Дорошенко набирать наемников-сердюков, а не воевать за счет ненадежного энтузиазма народных масс.

От такой «политики» правый берег Днепра окончательно запустел.

Все, что стремилось к стабильности, перебиралось на русскую сторону реки, где установилась прочная прогнозируемая власть.

Царь Алексей Михайлович

Пусть тут не было особенной свободы, зато никто не умирал с голоду и не рисковал ежеминутно попасть в плен к разномастным сомнительным деятелям тогдашних «визвольних змагань».

Даже сам Дорошенко, устав от постоянной борьбы за свободу от всех, перебрался к русским, сдал булаву и получил «пенсию» — тихую должность воеводы в Подмосковье.

Старые грехи ему простили, а на новые не осталось сил.

Именно в это время — после Андрусовского перемирия — и начала формироваться разница между рассудительным, спокойным и домовитым украинцем-схидняком и склонным к авантюрам и надеждам на чудо жителем Галичины, которую в XX веке назовут Западной Украиной.

Но для того, чтобы отстоять Малороссию от турок, необходимо было выдержать еще одну войну — за Чигирин.

Глава 3.

Чигирин — белые пятна забытой войны

Политическая конъюнктура не знает справедливости. Кавалерийскую стычку, под Конотопом у нас возводят чуть ли не до уровня государственного праздника. А двухлетнюю войну за Чигирин, в результате которой Украина была спасена от завоевания турками, забыли, словно ее и не было. Почему? Да только потому, что там сражалась русская армия боярина Ромодановского и казаки гетмана Самойловича. И тот, и другой ныне в Украине не в моде. Первый за то, что «москаль». А второй — потому что не Мазепа. Но пропусти они тогда турок к Киеву, стояла бы посреди нашего города вместо Собора святой Софии, турецкая мечеть. Точь-в-точь, как в Стамбуле — бывшем Константинополе. А, может, и Киев назывался бы как-то иначе — Малым Стамбулом, например. А жители его были бы — «малостамбульцами»...

*Битва с турками. В конце XVII в. войско султана
еще наводило ужас на весь христианский мир*

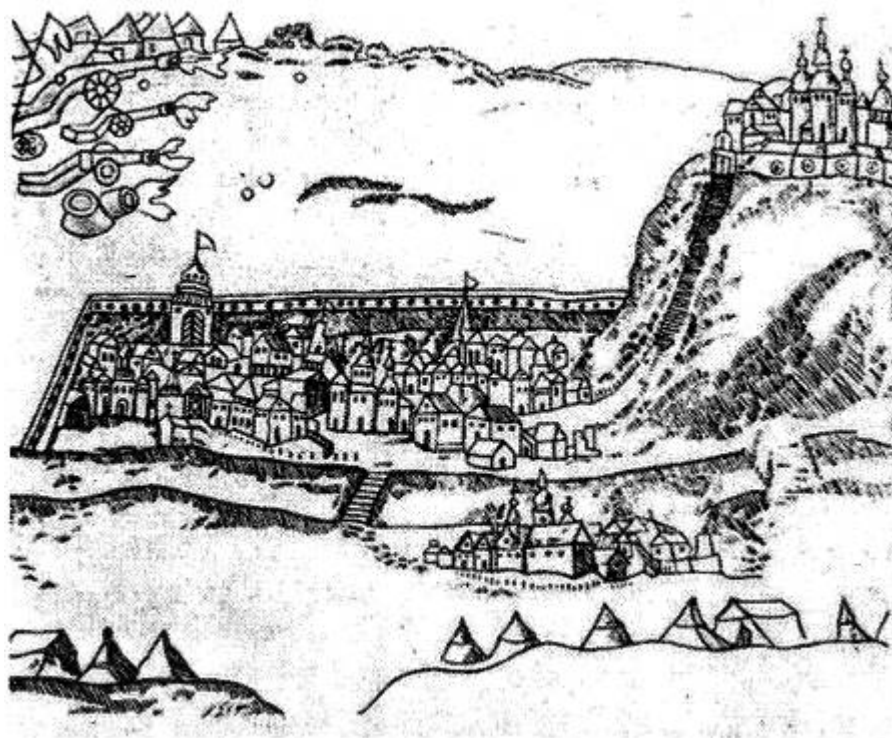
В отличие от нынешних «политиков-историков», современники тех событий хорошо понимали, какая опасность нависла над ними. Украинский поэт XVII столетия Александр Бучинский-Яскольд писал в изданной в 1678 году книге «Чигирин»:

Вже турецька притисла нога Україну —
Смок азійський поспішно повзе до Чигрину...
Чигирин ув облозі у відчай впадає
І надії на поміч вже майже не має...
Християн тисне нехрист накотом важезним.
Вдар їх, Боже! Кинь в їжу гадюкам шаленими

Жил Бучинский в Новгороде-Северском, а писал по-польски, как и большинство образованных людей в тогдашней Украине. Я цитирую его в современном украинском переводе. Но сути дела это не меняет. Накал и ужас тех событий чувствуются в каждой строке.

Хмельниччина и гетманские междоусобицы, которые впоследствии назовут Руиной, разворотили гигантскую геополитическую дыру на самой границе христианского и мусульманского миров. Измученная многолетними войнами Польша больше не могла удерживать свои южные границы.

В Турции это хорошо понимали. В 1672 году армия султана захватила Каменец-Подольский. Потом — Умань. «В Умани, — писал в своей летописи гадячский полковник Григорий Грабянка, — турки отрезали у убитых христиан головы и за каждую голову брали у паши по червонцу. А были головы, с которых содрали шкуру, набили соломой и высушили... В тех же городах, что покорились туркам, они взяли выкуп сыновьями и дочерьми и обасурманили их».

Осада Чигирина. Хорошо видны турецкие осадные пушки

Ставленником турецкого султана-обасурманивателя был гетман Дорошенко, при котором бегал в это время ротмистром надворной хоругви (роты почетного караула по-нынешнему) еще мало кому известный Ивашка Мазепа — он же Ян Мазепа-Колединский, изгнанный из пажей польского короля Яна Казимира за выдающуюся безнравственность.

«После покорения Умани, — продолжает Грабянка, — турок вернулся в свои земли, оставив Дорошенко орду. С ней Дорошенко прошел Украину и всех, кто поддался царскому величеству, истреблял. А у тех, кто припрятал что-то от войска, тотчас же забирал все пытками и платил татарам. А своей пехоте, не имея, чем платить, приказал грабить купцов на дороге».

Таковы были эти «защитнички Украины!» Народ драпал от них, куда глаза глядят. Только пятки сверкали! По словам Грабянки, «начали заднепряне свою землю бросать и переходить в Малую Россию к гетману Самойловичу». Тот принимал беглецов с радушием.

К 1676 году Дорошенко оказался в полной политической изоляции. Он закрылся в Чигирине, а когда Самойлович и боярин Ромодановский прижали его осадой, решил, сдаться без боя, выторговав право на жизнь. Резиденты царя согласились. «Тогда он вышел из города, — пишет Грабянка о капитуляции опозорившегося туркофила, — поклонился боярину и гетману, сдал Самойловичу гетманство вместе с булавой и бунчуком, потом вывел из города наемников и сдал город и артиллерию. Их место заняло войско великорусское и малорусское во главе с черниговским полковником Василием Борковским, в городе они нашли немалое число пушек и много пороха. А Дорошенко победители приказали ехать в малороссийский город Сосницу на проживание. Вот таким позором и разрушением Украины завершилось гетманство Дорошенко. Ибо привел на Украину турецкого султана, а тот, захватив Подолию и Украину, передвинул границу своей империи до самого Львова».

*Казак-артиллерист.
Рисунок XIX ст.*

Обратите внимание: Грабянка, живший в конце XVII — начале XVIII веков, то есть, в те времена, которые описывал в своей летописи, четко разделяет Малороссию, Подолию и Украину. Тогда это было совсем не одно и то же! Украиной называлась только окраина на татарском пограничье между Южным Бугом и Днепром. Столицей этой Украины и был Чигирин, в котором поймали Дорошенко.

«Обиду», нанесенную своему ставленнику, султан не простил. Он выпустил из тюрьмы сына Богдана Хмельницкого — Юрия, дал ему титул «князя Сарматского» и вместе с турецкой армией и татарской ордой направил под Чигирин. В 1677 году русско-малороссийское войско отстояло город — в битве погиб даже ханский сын. Но ровно через год 8 июля, по старому стилю, новая турецкая рать во главе с великим визирем Кара-Мустафой опять оказалась под Чигирином.

Вражья сила была огромна. По свидетельству шотландского полковника Патрика Гордона, находившегося в Чигирине на царской службе, Кара-Мустафа привел 15 тысяч янычар, еще столько же других пехотинцев, 15 тысяч саперов («шанцекопов»), 3 тысячи кавалери-стов-спагов и 10 тысяч солдат вассальных князей Молдавии и Валахии, Турки имели 4 гигантских пушки, «каждую из которых везли 32 пары буйволов», 27 больших батарейных орудий, 130 полевых пушек и 15 мортир. Крымский хан привел 50 тысяч татар. Кроме того, в армии было 5 тысяч верблюдов, 8 тысяч подвод и 100 тысяч повозок для провианта и 8 тысяч пастухов — «пастухи, извозчики и шанцекопы были все христиане из европейских владений султана».

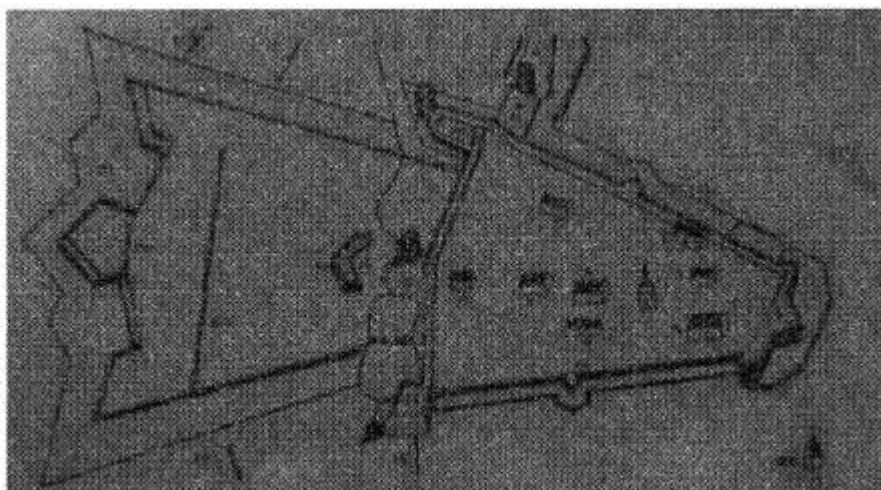
Гарнизон Чигиринской крепости насчитывал 11 тысяч русских стрельцов, драгун и малороссийских казаков. Самым многочисленным полком среди них был Гадячский, состоявший из 4860 человек. В его рядах в Куземинской сотне сражались и предки автора этой книги.

Битва за город продолжалась больше месяца. Наиболее полное ее описание оставил полковник Гордон: «Янычары стреляли из своих траншей в бойницы настолько удачно, что ни один русский не мог выглянуть, не подвергаясь опасности быть убитым». Но самый сильный психологический эффект производили ручные гранаты турок. Гордон рассказывает о панике, возникшей среди его солдат, когда они впервые столкнулись с этим оружием: «Они приведены были в такое смятение случайно разорвавшейся ручной гранатой, что побросали оружие и сломя голову бросились в ров, увлекая с собой, как поток, и офицеров». Но вскоре защитники крепости привыкли к гранатам и научились тушить эти набитые

порохом ядрышки с фитилем, набрасывая на них мокрые рогожи.

Не забывал Гордон и о денежных стимулах. Перед штурмом турками Крымских ворот Чигирина он пообещал каждому-из-своих солдат, «который захватит знамя или пленника, 5 руб, из своего кармана». В результате, во время вылазки осажденные выгнали турок из траншеи и захватили сразу два знамени. Но они, как не без иронии повествует полковник, «были так изодраны русскими и казаками (так как каждый хотел принести их), что невозможно было решить, кому принадлежала обещанная награда». Премию так никому и не вручили.

Осада Чигирина действительно напоминала ад. Турки взрывали валы крепости с помощью мин. Каждый день в город попадало около тысячи ядер и две-три сотни бомб (разрывных снарядов). Жар от огня пылающих зданий был так силен, что в некоторых местах «казаки не могли устоять на валу». Это была зрелище, достойное экранизации — война, напоминающая нынешние уличные бои в Грозном или Багдаде. Русские солдаты сражались в кирасах и шлемах, как современные дерутся в бронежилетах и касках. Иногда схватки происходили в минных галереях под землей. От взрыва бомбы погиб комендант крепости Ржевский.

Секретный объект. Так выглядел Чигирин в 1678 г., когда полковник Гордон спроектировал некоторые его укрепления

Хватало и комичных моментов. Однажды вечером к Гордону прибыл один голландский подполковник и рассказал, что обещал боярам прогнать турок с вала с 50 солдатами. «Видя, что он пьян и что предприятие это, конечно, невозможно, — иронизирует Гордон, — я попросил подождать его до следующего утра, а пока осмотреть крепость».

9 августа противостояние достигло пика. Перед рассветом в Чигирин перебежал молодой поляк Кирпицкий, взятый в плен турками четыре года назад: «Так как он был взят в плен мальчиком и обрезан, то Кара-Магомет паша сделал его своим слугой; таким образом, он легко мог знать, что происходило у турок и что они намерены предпринять». Кирпицкий рассказал, что турки создали совет, на котором большинство было за снятие осады. Но визирь не хотел и слышать об этом.

*Оборона Чигирина. По накалу
превосходила сотню
«битв за Конотон»*

Русские и казаки оставили крепость, только когда всю ее охватил пожар. Сражаться было уже не за что. Об ожесточенности бомбардировки говорит то, что последнюю ночь в полку Гордона погибли три капитана, четыре лейтенанта и шесть прапорщиков. Такие потери среди офицеров доказывают как силу турецкого огня, так и то, что осажденные себя не жалели. «Весь вечер и ночь, — завершает полковник, — турки не переставали стрелять со своих батарей, чтобы помешать тушению пожара... Так был защищаем и потерян Чигирин; он был оставлен, но не покорен».

Надвигалась осень. Ни времени, ни сил для похода на Киев у турок больше не осталось. Разорив Чигирин, они ушли восвояси.

Название этого города писали по-разному — Чигирин, Чегирин, Чигрин. По происхождению оно не славянское, а тюркское. Как свидетельствует словарь Владимира Даля, на языке астраханских и крымских татар чигирь — «водопроводный снаряд для поливки садов, виноградников, бахчей, баштанов». Он представлял собой стоячий вал, который с помощью шестерни соединялся с другим валом — установленным горизонтально над колодцем. Это приспособление вращали лошади или волю. «Через колесо, — пишет Даль, — перекинута круглая цепь ковшей на веревке; они черпают и выливают воду опрокидкою через колесо в корыто, желоб, откуда она растекается скатными канавками по бахче; главное искусство — расположить канавки». Другое значение слово «чигирь», по Далю, — «звезда или планета Венера, утренняя звезда, зарница, восходящая или заходящая, как чигирная бадья».

В украинской истории слава Чигирина действительно возшла и погасла, как звезда. Накануне восстания Богдана Хмельницкого этот городок был обычным сотенным местечком Черкасского казачьего полка на самом рубеже Речи Посполитой и Крымского ханства. Но так как черкасским сотником и был сам Богдан, то после первых побед над поляками он сделал Чигирин своей столицей. После его смерти тут находилась ставка следующих гетманов — Юрия Хмельницкого, а потом Выговского и Дорошенко. Чигиринский период Украины вписался всего в три десятилетия — с 1648 по 1678 год. То есть, от начала так называемой «национально-освободительной войны против Польши» и до взятия города турками.

Следующей столицей гетманской Украины стали тоже маленькие городки — сначала Батурин, а после 1708 года — Глухов. Спрашивается, почему не Киев? И Батурин, и Глухов

располагались поблизости от границы с Россией, вассалом которой была Гетманщина. А Киев находился на самой границе с Польшей. Чтобы чувствовать себя в безопасности от вторжения с запада, гетманы и забирались в «глухомань».

Патрик Гордон: генерал и писатель

Гордон получил около десятка ран и оставил три толстых тома мемуаров

Больше всего о Чигиринской осаде мы знаем из мемуаров шотландского наемника на русской службе Патрика Гордона. В России его называли еще Петром Ивановичем. Гордон родился в 1635 году и с восемнадцати лет участвовал во всех войнах, которые происходили в его время в Восточной Европе. Сначала он служил в шведской армии, потом — в польской. А с 1661 года в чине майора поступил на службу царю. Таких иностранцев было очень много в Московском царстве при отце Петра Первого — Алексее Михайловиче. Именно они заложили основу русской регулярной армии — «полков нового строя». А заодно ввели моды на дуэли. Патрик Гордон стал участником первого такого поединка, зафиксированного на территории России. В 1666 году в Москве он поссорился на ужине у себя дома с другим шотландским «военным специалистом» майором Монтгомери, употребившим «оскорбительные для Гордона слова». На следующее утро противники встретились верхом на поле за городом, несмотря на то, что Гордон, как пишет он в своих мемуарах, «был совсем болен после попойки прошлой ночью». Сначала дуэлянты, разъехавшись, обменялись пистолет-ньпий выстрелами на полном скаку, а потом слезли с лошадей и реімлі драться пешими на шпагах. Но заспорили о том, какое оружие выбрать. Пока ездили за шпагой для Монтгомери, хмель вышел, brave шотландские парни поостыли, и «в тот же день после обеда их помирили английские купцы».

Несмотря на этот анекдотический случай, Патрик Гордон был храбрым и честным воякой. В 1660 году он получил чин полковника. Потом ездил послом к английскому королю Карлу II. С 1667 по 1686 год большая часть службы шотландца проходила на Украине. Несколько лет он прожил в Киеве. Став генералом, он участвовал в двух походах на Крым при царевне Софье, взятии Азова при Петре Первом, подавил стрелецкий бунт, когда Петр находился в заграничном путешествии. Царь-реформатор очень любил Гордона, считал его своим учителем в военном деле, а когда генерал умер в 1699 году, проводил его такими, словами: «Когда б не Гордон, Москве было бы бедствие великое. Я даю ему только горсть земли, а он дал мне целое пространство земли с Азовом».

Всю жизнь генерал вел дневник, описывая исторические события, в которых

участвовал. Он никогда не стеснялся правды, какой бы неприглядной она не была. Воспоминания Гордона — самое интересное чтение по истории России и Украины конца XVII столетия. Полный перевод их вышел только несколько лет назад в Москве.

Глава 4. Когда на Украине было жить хорошо

Начавшись в 1648 году на экономическом подъеме, восстание Богдана Хмельницкого завершилось экономической катастрофой. Первоначальные успехи плавно переросли в бесконечную казачью междоусобицу.

Гетманы расплачивались собственным народом за военную помощь татар. Польские карательные отряды выжигали местечки. Так продолжалось ни много ни мало три десятилетия! Южная граница христианского мира, проходившая по Украине, оказалась открытой — сюда хлынули турки, захватившие Каменец-Подольский и Чигирин.

*Украинский крестьянин на аэроплане.
Юмористическая картинка предреволюционной эпохи*

Правобережная Украина на полвека запустела до самого Львова. Даже через несколько поколений тут можно было наглядно увидеть плоды эпохи, начавшейся после смерти гетмана Богдана и названной современниками Руиной. Казачий историк Самуил Величко, побывавший в этих местах уже на заре XVIII века, оставил описание страшной картины разрушения: «Проехал я Волынь и княжество Русское (так официально называли тогда Галичину. — Авт.) до Львова, Замостья, Бродов и дальше, и перед моими глазами предстали многочисленные обезлюдившие города и замки, пустые валы, когда-то насыпанные человеческим трудом... Все они служили тогда за пристанище дикому зверью. Я заметил, что крепости, попадавшиеся нам на пути в военном походе (в Челганском, в Константинове, Бердичеве, Збараже и Сокале), одни стоят малолюдные, другие совсем опустели — разрушенные, заросшие землей, заплесневевшие, обсаженные бурьяном и полные только червей и змеев, что там гнездились. Присмотревшись, увидел я покрытые мхом, камышом и зельем просторые тамошние украино-малороссийские поля и просторые долины, леса и большие сады, красивые дубравы и реки, пруды и запущенные озера. И это был край, который воистину когда-то, уже жалея за утратой его, называли поляки раем мирским — был он перед войной Хмельницкого словно другая земля обетованная, что кипела молоком и медом. Видел я, кроме того, в разных местах много человеческих костей сухих и голых — их покрывало одно только небо, я спрашивал тогда себя: «Кто они?» Насмотрелся я всего этого

— пустого и мертвого, переболел сердцем и душой — ибо сделалась пустыней эта прекрасная когда-то и переполненная всякими благами земля, часть отчизны нашей украино-малороссийской».

Нормальная жизнь сохранилась только на Левобережной Украине — в Малороссии, которая оказалась под властью московского царя. Десять казачьих полков, составлявших Гетманщину, процветали. «Богат и славен Кочубей, его поля необозримы», — напишет об экономическом могуществе «новых украинцев» того времени Пушкин. Его слова — не преувеличение. Гетманская Украина не платила налогов в царскую казну. Земельные наделы после того, как Хмельниччина смела польскую шляхту, разделили с помощью очень нехитрого приема — так называемой «займанщины». Кто первым прибежал и огородил участок — того и земля. Естественно, что больше всех огораживала старшина.

Царское правительство заботилось о своих новых подданных. Вместо дырявых пикетов запорожцев на границе с Крымским ханством оно построило Украинскую линию. Под ее защитой можно было богатеть и разлагаться, сколько душа пожелает. От сытной жизни сразу же расцвел алкоголизм. «Малороссияне, — констатировал в 1761 году гетман Разумовский, — не только пренебрегают земледелием и скотоводством, от которых проистекает богатство народное, но еще, вдаваясь в непомерное винокурение, часто покупают хлеб по торгам дорогою ценою не для приобретения каких-либо себе выгод, а для одного пьянства, истребляя лесные свои уголья и нуждаясь от того в дровах, необходимых для отапливания их хижин».

Какие девчата!

Полунезависимая гетманская держава очень напоминала нынешнюю Украину. Везде процветало взяточничество и кумовство. Очередной обладатель булавы растыкивал ПО хлебным местам своих близких и родичей. Образование пребывало в упадке. Армия разложилась. Казачьи полки не представляли никакой реальной боевой силы. Для поддержания хоть какого-то порядка гетманы нанимали два-три сердючких полка из полууголовного сброда. Это была тогдашняя «прохвесийна» армия.

Но ни с кем воевать она не могла — только с собственными обывателями.

Побочный эффект экономического роста под «гнетом» проклятого царизма

Некоторые отмазывались от военной повинности, становясь «бобровниками» и «пташниками».

На этой службе, вместо того, чтобы подвергать себя походным тяготам, можно было ловить бобров и стрелять дичь для гетманских нужд. На момент ликвидации гетманства таких ценных для общества людей насчитывалось несколько тысяч дворов! Они не платили податей даже в украинскую казну и вели вольготную жизнь браконьеров в законе — благо зверья еще хватало.

Именно в это время сложился тип нашего земляка, старающегося не утруждать себя излишним трудом. «Сама природа, расточая с обилием дары свои в плодоносном сем краю, — писал в «Истории малой России» Дмитрий Бантыш-Каменский, — производит беспечность, вялость в жителях. В то время, как на севере хлебопашец, расчищая неудобные места, унавоживает и в поте лица обрабатывает землю сохой, в южной Украине земледелец не помышляет о удабривании, орет плугом и беззаботно пожинает плоды занятий кратковременных».

Еще бы! Ведь в распоряжении бездельника был лучший в мире чернозем!

Старшина постоянно пыталась подстегнуть этого лежебоку, и когда Екатерина II предложила сделку: вы отказываетесь от автономии, а мы сравниваем вас в правах с русским дворянством и подтверждаем документально присвоенные вами самозахватом земли, — «украинская элита» радостно согласилась. Этот размен совпал с удачными войнами Российской империи на юге. Уничтожение Крымского ханства подарило Украине огромные пространства новых пахотных земель. Тяготы крепостничества тут же смягчились возможностью сбежать на Целину. Новороссии — в Таврические степи. Кто не ленился, так и делал.

Несмотря на все «ужасы» крепостного права, на протяжении всего XIX века в Украине продолжается демографический взрыв. Да и что это были за ужасы? Продать крестьянина без земли при Николае I запрещал закон — только целым поместьем. Разрывать крестьянские семьи правительство не позволяло. За тем, чтобы помещики не безобразничали, строго следила государственная администрация. Так называемые «Уставные

правила» предписывали, что работать на пана крестьянин должен не более трех дней в неделю, еще три дня — на себя, а в воскресенье — на Бога, то есть молиться и отдыхать.

*Эпоха процветания. На открытке царского времени
лица сытых довольных украинцев*

Но многие предпочитали церкви корчму. В школе детям рассказывают, как страдали земляки Тараса Шевченко. Хотелось бы добавить немножко статистики. По описи 1845 года, в Кирилловском имении пана Энгельгардта значилось 29 шинков и постоянных дворов, куда, в отличие от барщины, силой никто не гнал. Эта цифра свидетельствует, что у крестьян были деньги, которые они с удовольствием спускали на пьянку. Давайте задумаемся, отец Шевченко промышляет чумачеством. Следовательно, панская администрация не перетруждала его работой. А сам маленький Тарас до 13 лет или ходит в школу, или пасет общественный крестьянский скот. Как трудовая единица он совершенно не интересуется управляющим помещьем. Значительная часть крепостных Энгельгардта вообще находилась, по документам, в бегах!

Кроме крепостных, в Украине сохранялось абсолютно свободное казачье сословие. Оно существовало до самого 1917 года, о чем мало кто помнит. Но именно к нему принадлежали предки автора этих строк. Еще в метрике моего деда, родившегося в 1902 году, значилось: «сын казака». А кто лее тогда был крепостным в промежутке с 3 мая 1783 года, когда последовал знаменитый указ Екатерины II, и до 1861 года, когда Александр II вернул крестьянам личную свободу? Да тот, кто находился в этом состоянии и при Гетманщине! Законодательный акт Екатерины только узаконивал это положение: «Каждому из поселян остаться в своем месте и звании, где он по нынешней последней ревизии написан».

Не царица ввела крепостное право. А сама казачья старшина задолго до нее!

Уровень жизни украинских крестьян на протяжении всего XIX века значительно превосходил тот, что был в великороссийских и прибалтийских губерниях. Современник Пушкина Фаддей Булгарин приводил Украину как пример благосостояния: «Ужели мы никогда не дождемся того, чтоб крестьяне в северной полосе России жили в хороших, чистых, уютных домах, как в Новой Финляндии и в Малороссии? Вот уж к этому следовало бы их понудить!»

Малороссия казалась Булгарину эталоном. В действительности так и было. Рекрутские наборы отвлекали только ничтожную часть мужского населения в царскую армию. Со времен Карла XII и до самой Первой мировой войны на Украину не ступала нога неприятельского солдата. Жители воспринимали Российскую империю как свое родное

государство. В сельских хатах висели литографии с портретами императорской семьи. Малороссы с успехом воспользовались временем мира, подаренным династией Романовых.

При Богдане Хмельницком население Украины насчитывало меньше одного миллиона человек — всего 700 тысяч, как считает большинство историков. А по переписи 1897 года, малороссов в пределах империи уже 22,5 млн — причем, от низов общества до царского двора и буржуазии! Эта цифра демонстрирует подлинную, а не выдуманную картину так называемого «царского гнета». Под невыносимым гнетом люди не размножаются.

Если из Галичины, находившейся под властью Австрии, крестьяне в начале XX столетия эмигрировали в Канаду, то в восточную Украину, входившую в Российскую империю, наоборот въезжали на работу иностранцы! Мы забыли о колониях немецких крестьян в причерноморских степях. А ведь тачанка, на которую установят пулемет хлопцы батьки Махно, это экипаж, позаимствованный у немецких колонистов — тогдашний «фольксваген» — в переводе «народный автомобиль» с рессорами и поворачивающейся передней осью.

Немецких крестьян было полно на нашем юге. Но мало кто помнит сегодня о том, что первую в Киеве футбольную команду создали рабочие-чехи, приехавшие вкалывать на киевские предприятия. Украина нуждалась в квалифицированном труде и принимала избыток рабочей СИЛЫ из Европы! Сейчас все наоборот — наши заробитчане горбачатся на чужбине.

«Первенствующую роль в обрабатывающей промышленности края,— писал изданный в 1909 году «Краткий курс географии России» Э. Лесгафта,— играет сахароваренное дело... Малороссия поставляет сахар на всю Россию; в сахарном деле и на свекловичных плантациях заняты здесь десятки тысяч рабочих рук громадное число винокуренных и пивомедоваренных заводиков, маслобоек, паровых мельниц, разбросанных по всему краю, дополняет общую картину обрабатывающей деятельности: как страна чисто земледельческая, Малороссия занимается обработкой почти исключительно продуктов земледелия... В ней издавна процветала ярмарочная торговля. Почти каждый город, каждое большое село или слобода имеет свою ярмарку, на которой малоросс продает продукты своего хозяйства, хлеб, скот, шерсть, кожу, сало и закупает различные мануфактурные и галантерейные товары и железные изделия для своего хозяйства».

По размерам торговых оборотов самой крупной считалась январская Крещенская ярмарка в Харькове. После нее шла Контрактовая ярмарка в Киеве: «Торговля крупным рогатым скотом происходит в Харькове и Киеве, откуда убойный скот по железным дорогам отправляется в Москву и Санкт-Петербург».

Это был настоящий сельский рай. Вспоминая те времена, моя бабушка говорила: «Бідні були тільки ті, що ліниві». Для примера могу рассказать с ее слов, как жил мой прадед по женской линии — простой украинский крестьянин Андрей Бубырь. В его доме стояла сделанная на заказ мебель, он имел свой выезд с бричкой, покупал на ярмарках все то, что особенно ценилось крестьянами — фабричные ткани, селедку, которую воспринимали как деликатес, игрушки и сладости детям, которых у него было восемь!

В доме стояла немецкая зингеровская швейная машинка — прадед был портным. В те времена было принято закупать на зиму большое количество ткани, а потом приглашать портного, который обшивал целые семьи. Так прадед уезжал из дому недели на две. Пока он занимался ремеслом, его отец вел хозяйство, обрабатывая несколько гектаров земли, а в сезон занимался закупками табака для фабрик, разъезжая по селам. Миф о страданиях крестьян в дореволюционную эпоху придумают только большевики, чтобы оправдывать тот террор против кулачества, который они устроили. А ведь в Украине-Малороссии любой работающий мужик был кулаком!

Глава 5.

Петр Первый — великий украинофил.

Сегодня гигантскую фигуру этого царя у нас пытаются засунуть в тесную шевченковскую формулу: «Ще той первий, що розпинав нашу Україну ». Так и видится за ней образ какого-нибудь деспота в древнеримском духе, приколотившего к кресту целую страну! Однако Шевченко был не историк, а поэт. К тому же, полуграмотный. За всю жизнь он толком прочитал только несколько книг. Да и писать без ошибок так и не научился — на одной странице слово «бухгалтер» царапал в трех разных вариантах. Верить ему нельзя. Хотя бы потому, что Петр I никогда не практиковал казни распятием, предпочитая ей более привычные способы — повешение, обезглавливание и четвертование.

Однако этим свою государственную деятельность он не ограничивал. Император был молодчага — храбрец, реформатор, просветитель. Как говорится, деятель мирового масштаба. Недаром даже один из самых критично настроенных современных русских писателей Эдуард Лимонов нашел для него несколько добрых слов: «Он собрал у себя все отбросы Европы, тех, кто еще не уехал в Америку, авантюристов, военных наемников, отпетых мерзавцев, лгунов и просто преступников. Но именно такие и были ему нужны при строительстве нового государства: алчные, наглые, дерзкие, беспардонные эмигранты. Ни один современный лидер не может себе позволить собрать весь европейский сброд и с их помощью создать современное государство. Петр использовал формулу всех без исключения революций: «Кто был ничем — тот станет всем!»... В человеке Петр ценил не происхождение, не место в Бархатной книге сословий, но энергию, силу воли, профессиональность».

Никакого предубеждения к Украине у императора не было. Он обожал все европейское или хотя бы европоподобное. "А страна казаков и была такой слегка вестернизированной Азией.

Взять хотя бы того же Мазепу. Поначалу юный Петр души в нем не чаял! Он хотел доверять людям, велся на внешний лоск. Будущий гетман-предатель появился при дворе царя как ставленник его злейших врагов — царевны Софьи и ее фаворита Васьки Голицына. Было это в 1689 году. Незадолго до того Иван Мазепа купил у Голицына вожделенное гетманство, а тот возьми и проиграй в придворных интригах — с высокого места слетел и оказался в ссылке.

По логике Петру I следовало бы намять бока не только коррупционеру Голицыну, но и тому, кто дал ему взятку — хитрецу Мазепе. А он вместо того Ивана Степановича пригрел и обласкал! Верил ему так, что даже не окружил надежными осведомителями. Донос Искры и Кочубея — и тот завернул! По сути, гетман двадцать лет правил в Малороссии, как хотел, до самого перехода своего к шведам в 1708 году.

Два десятилетия самодержавный царский режим никак не вмешивался во внутренние украинские дела. Не собирал налогов, не мешал грабить казацкой старшине народ, а единственное, чего требовал, — это посылать казачьи полки для поддержки царского войска. Полки эти, кстати, воевали отвратительно — драпали при первой же возможности, а мужичков на Псковщине, где шла война со шведами, обирали так, что фельдмаршал Шереметьев просил их забрать назад: «Лучше умереть., нежели с ними служить, а на добычу и на разорение таких не слыхано».

Несмотря на это, Петр тратил кучу драгоценных царских сил на защиту Украины — построил в Киеве крепость, заставил Мазепу соорудить еще несколько крепостей на границе с татарами, чтобы спасти своих подданных в шароварах от набегов с юга. Еще и армию казачью пытался переучить по новейшему европейскому образцу, дабы она не только водку лопала, но и стрелять дружным залпом умела! Только саботажник Мазепа (представьте себе!) всеми силами этому сопротивлялся. Не хотелось ему иметь под командой боеспособных казаков. А вдруг воевать хорошо научатся, да и самого гетмана на место поставят — земли, захваченные у простого люда юридическими подтасовками, заберут назад.

Почему, кстати, в 1709 году украинский народ (он же — малороссийский) никак не

поддержал Мазепу? Боялся расправы со стороны Петра, как утверждают теперь наши историки? Да ничего подобного! Царь никого не карал — наоборот, даже покаявшихся в предательстве старшин прощал и наделял прежней властью. Иван Скоропадский, например, тоже поначалу сбежал вместе с Мазепой. Но потом одумался, присмотрелся поближе к новым шведским хозяевам, вспомнил о присяге обманутому царю и вернулся. Что же сделал ему царь Петр? Распял? Отрубил руки и ноги на придорожном пне? Велел затоптать копытами диким калмыцким всадникам? Нет! Провел новые выборы и утвердил новым гетманом вместо Мазепы, согласно всем нормам казачьей «демократии».

А народу на зажавшегося Мазепу было вообще плевать. Он до того осточертел всем своей плюшкинской жадностью, взятками и коварством, что все только обрадовались, когда этот «гамнюк» вскочил с перепугу на коня и подался лизать ботфорты Карлу XII, А ботфорты — они, ого, с какими голенищами — тут длинный язык надо!

Гетманскую же гвардию — бездельников-сердюков, из поляков и молдаван нанятых — простые селяне просто ненавидели. От врага эти опричники не защищали, а грабить своих умели даже лучше, чем Чужие — все знали, что где лежит.

Теперь иудин «подвиг» Мазепы называют «антиколониальным повстаньем». И врут, сволочи! Ведь гетман всего лишь договорился передать Украину из московского подданства, в шведское.

Иван Мазепа

Никакой колонией она не была! Где вы видели колонии, о населении которых «колонизатор» говорил, что там живет единокровный православный народ?

А ведь именно ТАК было сказано в Коломацких статьях, которые подписал гетман в 1687 году, когда принимал должность.

Согласно этому документу, Мазепа должен был «всеми силами соединять в крепкое и неразрывное согласие ОБА РУССКИХ НАРОДА»

Петр I так и поступал, стараясь сгладить между ними разногласия и выявить все лучшее, что было в их природе. При этом царе малороссов-украинцев еще не брали в императорскую армию. Зато они заполнили чуть ли не половину всех высших церковных должностей в России. Украинские попы казались реформатору более прогрессивными, чем свои московские. Он поднял авторитет малороссийского духовенства настолько, что даже во главе русской церкви поставил киевлянина Феофана Прокоповича. И никто не кричал при этом в Москве: «Долой хохлацкого батюшку!», как орали совсем недавно (да и сегодня

орут!) наши околицерковные экстремисты: «Геть московського попа!», когда в начале 90-х во главе украинского православия стал митрополит Владимир — кстати, уроженец Украины, тоже сделавший карьеру в Москве и вернувшийся на малую родину, дабы принять митрополичью кафедру!

На вопрос, почему Малая Русь-Украина все-таки поддерживала Петра, есть однозначный ответ: он искренне любил и пытался защищать эту страну. Взятие царскими войсками в 1696 году Азова разрежало татарские кочевья, как ножом. Теперь людоловы куда реже ходили в набеги. Поход на Прут в 1711 году, хоть и не принес царю победы, зато отбил у турок охоту «мрять» под конопляным кайфом о покорении Киева.

Дружить с имперским Петербургом было исключительно выгодно и для малороссийской старшины, и для простых обывателей. Впервые за долгие годы на украинских землях установилась власть и порядок. Уставшие от казачьих междоусобиц люди это ценили и не желали возвращения к хаосу Великой Руины.

Взятие Азова царскими войсками. 1696 год

Деятельность Петра I открыла уроженцам Украины широкие возможности делать карьеру в Петербурге. Вместо провинциальной ограниченности и мелочной сельской грызни сыновья казаков привыкали к великодержавному размаху. В столицу империи потянулись тысячи молодых людей из Малороссии. Они становились чиновниками, офицерами, художниками, музыкантами, занимали высшие государственные должности. Несмотря на южный говор, их не считали в Петербурге чужими. Даже наоборот! Простой черниговский казак Алексей Розум стал морганатическим мужем дочери Петра I Елизаветы. Он положил начало целому клану своих родственников, на протяжении XVIII—XIX вв. входивших в имперскую элиту.

Еще один клан основали в Петербурге Кочубеи — потомки оболганного Мазепой генерального судьи. Судьба тоже благоволила к ним. Но, пожалуй, наиболее блестящим представителем этой породы малороссиян был светлейший князь Александр Безбородько, руководивший внешнеполитическим ведомством при Екатерине II и Павле I. Во времена Петра его дед был не последним человеком в казачьей старшине, а он сумел подписать Кучук-Карнайджийский договор 1774 года, по которому весь юг нынешней (а не тогдашней — «узкой») Украины отбирался у турок и переходил под юрисдикцию империи двух славянских народов — малороссиян и великороссов.

А еще Петр I любил всех женить. С удовольствием верховодил на свадьбах. Ему нравилось, когда люди размножаются. Проводя политику сближения украинцев и русских,

он охотно приветствовал браки между ними. В 1718 году гетман Скоропадский обратился к Царю с просьбой «выдать пятнадцатилетнюю дочь на Украине из тамошних за кого Бог повелит, желая при старости глубокой и здоровье ослабелом, прежде кончины своей, быть свидетелем ее благополучия».

Император слегка усовершенствовал гетманский проект и повелел, чтобы Скоропадский «в ознаменование верности и по примеру предшественников сговорил и выдал дочь за одного из чиновников великороссийских». Вскоре подыскали и кандидатуру — сына Петра Толстого, одного из самых преданных сподвижников императора, прославившегося тем, что добыл из-за границы сбежавшего царевича Алексея. А чтобы старик-гетман не скучал без дочери, Толстого-младше-го отправили служить на Украину, сделав Нежинским полковником.

Если было надо, Петр I не останавливался перед крутыми мерами против своих зарвавшихся «птенцов». Когда его любимец фельдмаршал Меншиков стал выпрашивать в Малороссии Почепскую волость, он охотно дал ее, помня об услугах этого замечательного кавалерийского генерала в войне со шведами. Но когда тот же фаворит на радостях «округлил» свои новые владения с помощью продажных землемеров, гетман Скоропадский обратился с жалобой в Петербург. Император тут же встал на защиту справедливости! Меншиков очутился под следствием. Началось многолетнее дело о так называемом «Почепском межевании», Скорее всего, «рейдеру» XVIII века не сносить бы головы. Но его спасла неожиданная смерть Петра в 1725 году. Однако земли прежним владельцам к тому времени успели вернуть.

Иван Скоропадский

Так кем был Петр Великий? Великим украинофилом, по-моему.

Глава 6. Русь триединая

До 1917 года официально считалось, что русские состоят из трех народностей — великороссов, малороссов и белорусов. Но уже со второй половины XIX века некоторые в Украине стали говорить, что «малороссы» — слово обидное.

Давайте, мол, назовемся украинцами и станем отдельной нацией— так будет лучше. Назвались...

Но сразу же возник вопрос, как делить историческое наследие Древней Руси? Ведь по исторической логике получается, что до того, как стать украинцем, каждый, даже трижды бандеровский националист, все-таки был русским? Никто ведь пока не отрицал, что Русь

была раньше Украины.

Этот вопрос всегда ставил любого украинского националиста в очень неудобное положение. Некоторые даже до бешенства доходили, когда я им его задавал. Чтобы как-то облегчить тягостное для «национально-свидомой» психики осознание этого прискорбного факта, придумали очередной исторический миф: дескать, в прошлом только Украина называлась Русью, но проклятые москали украли у нас это название. А виноват, говорят они, во всем Петр I. Это он, проклятый, переименовал Московию в Россию, до тех пор так никогда не называвшуюся, всех в мире запутал и над мазепами с орликами, а также их духовными потомками — «мертвыми і, живими» и даже «ненародженними» в очередной раз цинично «познущався».

Сейчас на основании этого утверждения целые книги выходят. Одна из них так и называется — «Украдене ім'я». Хотя, казалось бы, чего проще; давайте переименуемся назад в Русь, станем русскими, русичами или русинами (как кому больше нравится) и всех делов! Пусть попробует кто-то в Кремле возразить. Мы им быстро нового, князя Юрия Долгорукого в наместники пришлем — чтобы дань собирал! Или «американского профессора» Зварыча тот еще страшнее. А разговаривать будем на древнерусском языке: «Не лепо ли, не б'яшет» и так далее. Выучили же евреи в Израиле мертвый иврит и даже сделали его государственным! И мы выучим Ведь древнерусский, по этой логике, ЭТО наша «давньоукраїнська мова », хоть и не очень понятная. Придется, правда, «Кобзарь» тоже на него перевести. Но чего не сделаешь ради исторической справедливости!

Но действительно ли до Петра Великого Московия не была Русью? Стал я старинные книги читать, в библиотеках пыльных во имя истины здоровье молодое калечить. Целых двадцать пять лет на вопрос потратил и, представьте, ничего, что бы подтверждало петровский «подлог», не обнаружил. Ни одного, как говорят наши современные историки, «автентичного » документа. Зато доказательств противоположной ТОЧКИ зрения хоть пруд пруди.

Любой закончивший исторический факультет слышал о «Ливонской хронике» — документальном произведении XIII века, рассказывающем о войнах немецких крестоносцев в Прибалтике. Воевать им пришлось в основном с Польшей, Литвой и Русью. Но до Киева (да что там до Киева, даже до Смоленска!) они не доходили.

Так что же тогда считал автор хроники Русью? Посудите сами. В одном месте он пишет: «Псков находится в Русской земле». Еще в одном сообщает: «В Русской земле есть город Новгород». Наконец, имеется у него фраза, которая повергает любого сторонника теории об «украденном» имени в шок: «В Русской земле есть город Суздаль». А Суздаль — это в двух шагах от Москвы,

Собственно, Москва тогда и была маленьким городишком во владениях суздальского князя. Он туда своих сыновей назначал.

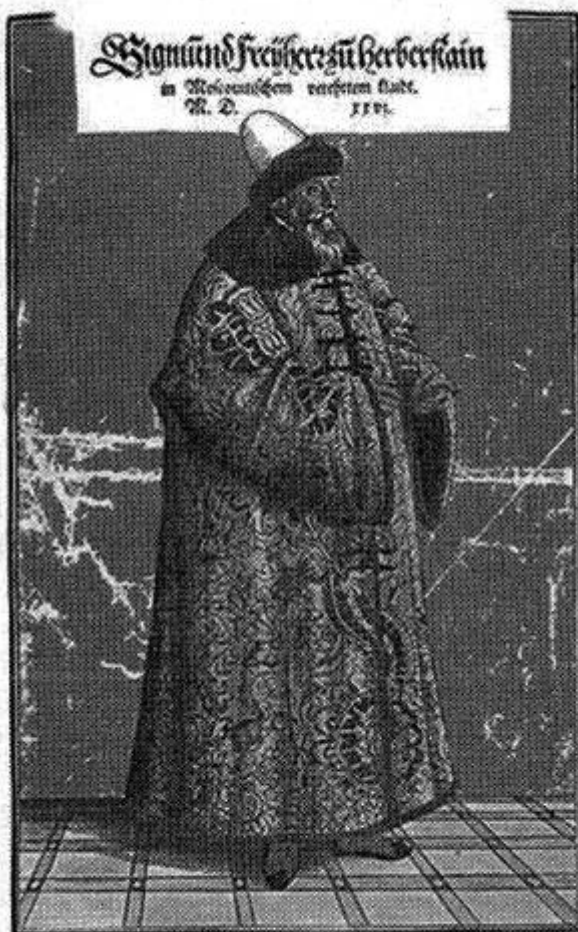
Но и задолго до «Ливонской хроники» мы видим ту же географическую картину. В 1231 году римский папа пишет письмо великому князю Владимирскому Юрию Всеволодовичу. В послании этом он именует его «Regi Russiae» — в переводе, «правителем России». Владимир — это тоже территория «Московии». Он находится на речке Клязьме. Взгляните на карту: до Москвы — рукой подать.

В любой приличной киевской или областной библиотеке можно найти «Историю монгалов» Плано Карпини. Ее несколько раз переиздавали. Библиографической редкостью она не является. Плано Карпини — итальянский монах середины XIII столетия. По поручению римского папы он сгонял в столицу татарского хана Каракорум и оставил подробный отчет о своем путешествии. Ехать, естественно, пришлось через Русь. Вот что пишет Карпини о 1246 годе: «В это время умер Ярослав, который был великим князем в некоторой части Руси, которая называется Суздаль... Все верили, что он был отравлен».

Упомянутый Ярослав — это отец широко известного князя Александра Невского. Как видим, он тоже правит в «некоторой части Руси», хоть Киев в его владения не входит! Зато Московское княжество — это часть его земель.

Не Московия стала называться Русью, а часть Руси назвалась Московией, по мере того, как этот город набирал силу и присоединял к себе другие русские территории. Лучше всего это понимали не нынешние украинские публицисты-фантасты, а современники этих событий. Нет ничего лучше, чем обратиться к первоисточникам — свидетельствам западноевропейских путешественников.

«Московия получила свое название по имени реки, на которой находится ее столица, но она является частью Руси», — писал некий Цезарь Бароний в 1602 году в изданной в Венеции книге «Анналы». «Московиты — это русские, которые только называются так по имени своей столицы», — вторил ему в 1667 году немец Георгий Хорн. «Страна московитов теперь называется Великая Русь», — это еще одна констатация западного европейца Йогана Якоба Гофмана. Принадлежит она к 1672 году — тому самому, в который родился Петр Первый. Как видим, никакими переименованиями своей страны этот царь не мог заниматься — она была Русью задолго до него.

Сигизмунд Герберштейн: «Московиты уверены, что их страна называется Россеея...»

Дважды — в 1517 и 1526 годах съездил в Москву послом от германского императора немецкий дворянин Сигизмунд Герберштейн. Он оставил классические «Записки о Московии». В XVI столетии они стали бестселлером, переиздаваясь несколько раз. «О происхождении названия Russia существуют различные мнения, — писал - он. — Одни полагают, что оно произведено от имени Русса, брата польского короля Леха, поскольку этот Русс был государем русских. Другие ведут его от имени весьма древнего города Русы, неподалеку от Новгорода Великого... Однако большинство считает, что «Руссия» — это измененное «Роксолания». Сами же московиты, отвергая подобные мнения, как не соответствующие истине, уверяют, будто их страна изначально называлась «Россея», а имя это указывает на разбросанность и рассеянность ее народа, ведь «Россея» на русском языке и

значит «разбросанность» или «рассеяние». Это мнение, очевидно, справедливо, так как и до сих пор различные народы живут вперемешку с обитателями России, в которую, повсюду вклиниваются, разделяя ее, иные земли... Но каково бы ни было происхождение имени «Россия», народ этот, говорящий на славянском языке, исповедующий веру христову по греческому обряду, называющий себя на своем языке «руссы» (Russi), а по-латыни именуемый «рутены» (Rhuteni), столь умножился, что либо изгнал живущие среди него иные племена, либо заставил их жить на его лад, так что все они называются теперь одним и тем же именем «русские».

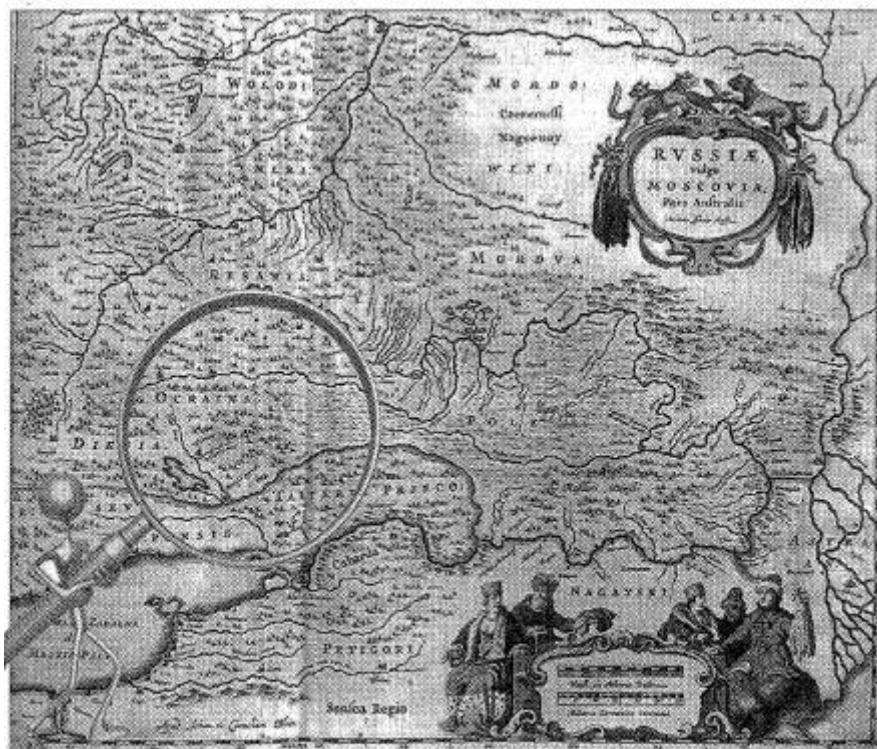
Свидетельство Герберштейна — бесценно. Оно показывает не только конечный результат исторического процесса, но само его развитие. Знал германский посол и то, что в прошлом — во времена древнерусского единства — эта страна была значительно больше. Он говорит: «Руссией владеют ныне три государя; большая ее часть принадлежит великому князю московскому, вторым является великий князь литовский, третьим — король польский, сейчас владеющий как Польшей, так и Литвой». Он понимал, что русские города Минск и Киев просто захватили литовцы и поляки.

В советские времена, чтобы никого не обидеть, не особенно распространялись о том, что земли Новгорода стали называться Русью раньше, чем Киев. К сожалению, почти всегда к истории примешивается политика. При СССР старались подчеркнуть равные права трех братских восточнославянских народов на древнерусское наследие, даже если это не совсем соответствовало действительности.

Но стоит открыть «Повесть временных лет» (жаль, что ее так редко открывают!), чтобы прийти к выводу о северном происхождении имени Русь. Рассказывая о захвате Киева явившемся из Новгорода князем Олегом, летописец говорит, что его войско состояло из новгородского племени словен и варягов, которые «прозвашася Русью» (то есть, назывались Русью). Киев же в это время еще именовался «Польскою землею» — он принадлежал племени полян, которые приняли имя Русь только после своего подчинения Олегу.

Получается, что сделав Киев своей столицей, этот князь и повел отсюда политику «русификации». Ведь именно он подмял независимые славянские племена — древлян, северян, радимичей, уличей и других. Возможно, что в будущем мы еще столкнемся с каким-нибудь древлянским сепаратизмом, если потомки древлян, живущие в Коростене, захотят отделиться и вернуться в свой первобытный рай.

Официальная советская историография утверждала, что нынешние русские, украинцы и белорусы стали складываться на развалинах древнерусской народности после татаро-монгольского нашествия — где-то в XIV столетии. Но на самом деле это было подтасовкой призванной прикрыть развал единого русского народа большевиками после революции 1917 года. Документы показывают, что не только в XIV веке, но даже тремя столетиями позже и население Московии, и люди тех частей Руси, которые попали в подчинение Польше и Литве, по-прежнему называли себя русскими. «Русь есть троистой, — писал итальянский историк XVI столетия Александр Гваньини, — первая — Белая, вторая — Черная, третья — Красная. Белая находится возле Киева, Мозыря, Мстиславля, Витебска, Орши, Полоцка, Смоленска и Северской земли и издавна принадлежит Великому княжеству Литовскому. Черная — находится в Московской земле... Красная — расположена возле гор, которые называются Бескиды, и ею правит польский король».

Россия, в просторечии Московия. Голландская карта 1641 года из книги «Україна на стародавніх картах»

Мы привыкли к другому делению Руси — на Великую, Малую и Белую. А было, оказывается, еще одно! Кстати, оно нашло отражение на старинных западноевропейских картах. Красной Русью называли территорию Львовщины. А нынешнюю северную Украину с Киевом и Черниговом еще даже не отделяли от Белой Руси! Что не удивительно — граница со степью, где кочевали татары, проходила примерно в ста километрах южнее Киева. Украиной именовали «окраину» — трудно поддающееся определению пограничье.

Вообще труды любых официальных историков следует читать крайне внимательно. Подлаживаясь под очередную власть, они не могут скрыть всех противоречий. Это очень интересная игра — ловить их на плохо спрятанных в воду концах. К примеру, несколько лет назад во Львове вышла замечательная книга «Україна на стародавніх картах (кінець XV — перша половина XVII ст.)». Стоит она довольно дорого — около 150 гривен. И все-таки я советую ее купить. Потому что, кроме названия, все остальное в книге — правда. Карты там приведены подлинные. Но ни одна из них не называется «Карта Украины»! Зато есть другая — изданная в 1641 году в Амстердаме «Russia, vulgo Moscovia». В переводе это означает «Россия, в просторечии Московия». Есть на ней и крошечная территория, обозначенная громким названием «Окраина» — чуть выше Азовского моря.

Это — замечательный Львовский ответ выдумке о том, что Московию в Россию якобы переименовал Петр Первый.

Глава 7. Имперский проект возник в Киеве

Результатом победы Петра Первого под Полтавой стало возникновение Российской империи. Но идея этого геополитического проекта родилась на поколение раньше... в Киеве.

Парадный портрет Петра. На груди императора — лента и звезда Ордена святого Андрея Первозванного

Вместо того, чтобы изучать, историю у нас насилуют. И в советские времена, и сейчас школьникам давали только набор дат и сиюминутные политизированные трактовки событий. Победившие в Гражданской войне коммунисты объясняли прошлое со своих партийных позиций, абсолютизируя классовую борьбу. Для них в истории самым важным были забастовки, восстания рабов и бунты Разиных и Пугачевых. Отход от этого взгляда наметился только накануне Второй мировой войны, когда в учебники вместе с классовостью стал проникать советский патриотизм.

После развала СССР украинские историки в авральном порядке из провинциальной obsługi советского государства стали перековываться в «национально-сознательных» исследователей. Те же люди, которые прославляли индустриализацию и ведущую роль КПСС во всем, от руководства культурой до производства эмалированных кастрюль, стали концентрироваться исключительно на изучении Голодомора и петлюровско-бандеровских «подвигов».

Можно по пальцам перечислить исследователей, которые пытаются выйти за этот тесный круг конъюнктурных тем, обеспечивающих официальную карьеру. Но даже они обычно боятся писать для удовольствия и публики, поднимаясь к широким обобщениям.

Проблема усугубляется еще и тем, что украинской исторической науке упорно навязывают не национальный, а провинциальный «галицкий» взгляд. Галичина долгое время была задворками Австро-Венгерской империи. Тут сложился миф про «добротого цисаря» и набор русофобских штампов, в основе которых лелсит обычная солдатская муштра старой австрийской казармы. Поэтому все, что было плохо для почившей в Бозе старушки Австро-Венгрии, объявляется плохим и для нынешней Украины.

К чему, например, свелось не так давно обсуждение последствий Полтавской битвы в средствах массовой информации в год ее 300-летнего юбилея? К тому, что на телевидении и радио упорно пытались доказать, что Мазепа — «хороший», а Петр Первый — «плохой». Все это напоминало не спор историков, а детское обсуждение какого-то боевика.

Между тем на земле Украины (и мы можем этим гордиться больше, чем гордятся бельгийцы «своим» Ватерлоо и чехи — Аустерлицем) произошло эпохальное событие, понять которое можно только в контексте геополитики. По факту, именно на Полтавском поле в 1709 году родилась Российская империя, в создании которой малороссы — предки нынешних восточных украинцев, — принимали активнейшее участие. И не только как рабочие на строительстве Петербурга, о чем нам не забывают напоминать официальные пропагандисты, но и как идеологи, менеджеры и военные специалисты. Это было наше

ОБЩЕЕ государство, наследие которого мы ПРОЖИВАЕМ до сегодняшнего дня.

Но из чего возник набор великодержавных идей Петра Великого? В 1654 году Богдан Хмельницкий принял русское подданство. Впервые со времен Киевской Руси почти все восточные славяне оказались в составе одного государства. Можно было пестовать региональные различия, тряся друг перед другом бородами и оселедцами, портками и шароварами. Но наличие общих врагов отодвинуло эти фольклорные забавы в далекое будущее. Вместо этого здесь, на Украине, в стенах Киево-Печерской Лавры возникла концепция общерусского единства.

Мало кто ныне помнит, что царствовавший во времена Хмельницкого в Москве Алексей Михайлович Романов до Переясловской Рады был не самодержцем, а конституционным монархом. Он правил совместно с Боярской думой (пожизненным сенатом) и Земским собором — тогдашним российским парламентом. На таких условиях после Смутного времени избрали на царство в 1613 году его отца Михаила Федоровича — первого Романова на престоле.

Правда, Алексей Михайлович имел титул «государя всея Руси». Но это было только политической претензией. В руках у него находилась не вся, а только северо-восточная Русь — Московия. Остальные земли Руси были захвачены Литвой и Польшей. Только после решения Земского собора о принятии в подданство Украины и Переяславской Рады, на которой Богдан Хмельницкий и Войско Запорожское присягнули царю, отец Петра I принял титул «Царя, Государя, Великого Князя и всея Великия, Малыя и Белья России САМОДЕРЖЦА». Это случилось 1 июля 1654 года.

Киевская Лавра. Место, вдохновившее царя на подвиги

Только с этого момента можно говорить о восстановлении самодержавия на Руси!

А еще через двадцать лет — в 1674 году — в типографии Киево-Печерской Лавры вышло первое издание «Киевского синописа» — краткого учебника, написанного с позиций общерусского единства. Знаменательно, что никакого приказа из Москвы для создания этого текста не было — инициатива исходила из самого Киева, от группы интеллектуалов, сформировавшейся вокруг ректора Киево-Могилянской академии Иннокентия Гизеля. Исследователи считают его и редактором этого текста, главной мыслью которого было: «Русский или паче российский народы тыижде суть Славяне. Единаго бо естества, отца своего Афета, и тогожде языка». Живут же они, по словам «Синописа», «иныи над морем Черным, иныи над Танаис или Доном и Волгою реками, иныи над Дунайскими, Днестровыми, Днепровыми, Десновыми берегами, широко и различно селеньми своими россеяшася».

«Синопис» (в переводе с греческого это слово означает «изложение», «обозрение»)

писал о «российских народах», предках, нынешних русских и украинцев. Значит, его автор видел этнографические различия между ними. Но от его взгляда не ускользало и то ОБЩЕЕ, что объединяло эти ветви славянства — идея ВЕЛИКОЙ РУСИ — мощного государства, призванного сохранить свет православной веры, что стало ясно еще со времен старца Филофея, обращавшегося в XVI веке к Великому Князю Московскому — отцу Ивана Грозного — со словами: «Раскрой глаза, посмотри окрест — и ты увидишь очевидное: нет больше в мире православных стран, некогда прославленных, православной осталась одна Русь, именно она есть православное царство, сам же ты никакой не великий князь, а православный царь».

Это была идеологическая революция — ОЗАРЕНИЕ! Очевидное нам открылось впервые внутреннему взору псковского старца.

Но проникновенные слова Филофея все еще оставались новой истиной и при Алексее Михайловиче, и во времена Петра I. Единственной православной страной после захвата Малой и Белой Руси Польшей, а турками — Византийской империи и ее сателлитов (Сербии и Болгарии) оставалась Великая Русь — она же Московская или Россия, как звучало имя этой страны по-книжному, на греческий манер с ударением на первый слог в грамотах константинопольских патриархов.

«Киевский Синописис» Иннокентий Гизеля стал не только учебником обычных русских школьников, но и маленького царевича Петра. Слово, рожденное киевскими монахами, вдохновило будущего императора на его свершения. Но об этом в нынешних украинских учебниках нет ни слова.

В отличие от Мазепы, всю жизнь приспособивавшегося, Петр Великий умел менять действительность. Он даже вырос в подмосковном селе с красноречивым названием Преображенское. Государство, полученное царем в наследство, было большим, рыхлым и отрезанным от выходов к мировому океану. В нем словно бы осуществился идеал нынешней украинской независимости — оно ни от кого не зависело, и от него тоже ничего не зависело. Можно было охотиться в подмосковных лесах, париться в баньке с девками и лешими, хлестать водку хоть лаптем, хоть серебряной чаркой, хоть ковшом и братиной из двух рук, и ничего не делать. Вражьи рати, как это не раз бывало, все равно затеряются в бескрайних северных пространствах вокруг банно-водочного рая, утонут в сусанинских болотах, а самому кого-то завоевывать — накладно и хлопотно.

Но вместо того, чтобы провести жизнь обывателя на троне, царь Петр посвятил ее непрерывной деятельности. Страшно подумать, чем бы была Россия, не возмись император вытаскивать ее за волосы из болота — каким-нибудь непрсыхающим от пьянства «ельцинским царством», которое мы недавно имели счастье лицезреть после горбачевской перестройки — разбойнички, нищие и бояре-олигархи, ведомые за бороды всякими Гусинскими да Березовскими. Тем не менее, молодой царь выбрал подвиг и заставил подданных соответствовать этому выбору.

*Петр-плотник. Сам нахал
и других заставлял*

Походы Петра — и удачные, и неудачные — наметили путь развития империи наших предков на два века вперед. В его времена Европа давала избыток военных и технических специалистов. Это были люди из той же породы, которые ехали осваивать Америку. Царь не боялся тащить их в Россию, назначать на самые ответственные места и «заводить» ими, как ключом, тяжелый на подъем славянский механизм.

Иноземцы вызывали зависть, а это очень сильное свойство славянской природы. Лежать на печи более было невозможно. Местные кадры стремились во всем обскакать «немцев» (под этим термином подразумевали не только уроженцев Германии, но и голландцев, шотландцев и всех прочих эмигрантов с Запада). Это был процесс, очень напоминавший тот, который положил в IX веке начало Руси — новые «варяги» снова придали славянству жесткую структуру Империи. Характерно, что будущие Соединенные Штаты тоже начинают путь к восхождению примерно в это же время и тоже за счет избытка активных людей из Европы.

Полтава стала великим триумфом вестернизированной восточно-славянской цивилизации. Но вслед за ним последовала неудача Прутского похода. Бежавший Карл сумел напугать турецкого султана опасностью резко усилившейся России. Стамбул, не мешкая, объявил Петру I войну. И тут царь повторил ту же ошибку, которую за два года до этого совершил его шведский противник. Вместо того чтобы втянуть турецкую армию на территорию Украины и измотать ее, а потом нанести контрудар, Петр сам бросился в наступление на юг и попал в окружение в Молдавии неподалеку от города Яссы на берегу реки прут.

Однако дух русской армии в 1711 году, в отличие от шведской в 1709-м, не был сломлен. У нее хватало воды, энтузиазма и боеприпасов. Соппротивление петровских гренадеров было таким яростным и организованным, а потери янычар такими ужасающими, что командующий турецкой армии легко пошел на переговоры, опасаясь бунта собственных солдат.

Полтавская битва. Мозаика академика Михаила Ломоносова

Петр отступил на север с минимальными потерями, отказавшись, по результатам мирного договора, только от Азова в устье Дона. Но на самом деле он потерял не Азов, а возможность освободить от турок Балканы и вырваться к Константинополю и теплому Средиземному морю в тот удобный момент, когда в Европе, охваченной многолетней Войной за испанское наследство, никто не мог ему помешать. Больше такая уникальная

ситуация в истории не повторится.

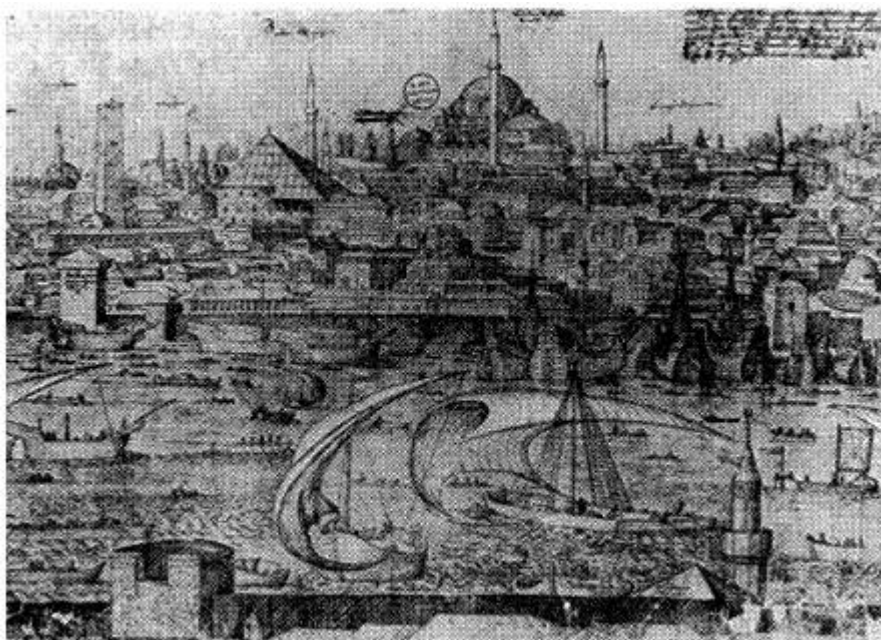
Неожиданное продолжение идея Петра о расширении славянской цивилизации на юг получила в XIX веке в знаменитой работе Николая Данилевского «Россия и Европа». Кстати, написана она была на Южном берегу Крыма, то есть на территории нынешней Украины. Там автор купил небольшое имение Мшатка, состоявшее из сада и развалин дома, сожженного французами в Крымскую войну. В этой атмосфере, словно законсервировавшей противостояние Востока и Запада, Данилевский начал писать свой эпохальный труд о всеславянской федерации и необходимости освобождения Константинополя.

Это очень смелое историко-публицистическое произведение, которое напоминало о печальной судьбе Византийской империи, отвернувшейся от православия и завоеванной османами. «Теперешнее название Стамбул, данное ему турками, — писал Данилевский, — не имя, а позорное клеймо... Но Босфорская столица, — не только город прошедшего, но и будущего. И славяне, как бы предчувствуя его и свое величие, пророчески назвали его Цареградом. Это имя, и по своему смыслу, и по тому, что оно славянское, есть будущее название этого города».

Книга Данилевского вышла отдельным изданием в Петербурге в 1869 году. Но она не была прямолинейной апологетикой самодержавия или призывом к простому расширению империи. Славянофил Данилевский требовал завоевания Царьграда не для России, а для всех славян: «Константинополь не должен быть столицей России, не должен сосредотачивать в себе ее народной и государственной жизни — и, следовательно, не должен и входить в непосредственный состав Русского государства... Царьград должен быть столицей не России, а всего Всеславянского союза».

Война 1877-1878 гг. России с Турцией за освобождение Болгарии получила свое идеологическое обоснование во многом благодаря выкладкам Данилевского. Но когда буквально перед стенами Константинополя русская армия остановилась по приказу Александра II, напуганного возможным конфликтом с Европой, в обществе это было воспринято как измена царя миссии той православной цивилизации, которую он возглавлял.

Мистика истории состоит в том, что буквально через три года император был убит после восьмого покушения террористов, хотя до этого его словно хранила судьба. А Россия, отказавшись от самостоятельной международной политики, подчинила свои интересы Франции и дала втянуть себя в Первую мировую войну, результатом которой стало падение империи и династии. Высшие духовные силы словно отвернулись от материального орудия, оказавшегося не на высоте возложенной задачи.

Константинополь-Стамбул-Царьград. К нему стремилась империя Петра, но так его и не достигла

Но я верю, что спасением для Украины, погрязшей в междоусобицах и политической немощи, стало бы место в будущем Всеславянском союзе, идея которого родилась на ее территории.

Киеву — «второму Иерусалиму», как говорили в средние века, просто предопределено стоять рядом с Москвой — «третьим Римом» и Царьградом — «Римом вторым».

А далее — освободим от скверны и Рим Первый!

Глава 8 Как астрология подвела Карла XII

Осенью 1708 года Украина стояла на распутье. С кем пойти? С лукавым Западом? Или с единой, но не всегда справедливой Москвой? Выбор делал не только Мазепа. Выбор делал весь народ. Это было что-то вроде референдума: вступать в НАТО или нет?

«Референдум», естественно, проходил без соблюдения формальных процедур. Но он предопределил нашу историю до самого 1917 года, когда ситуация цивилизационной развилки повторилась снова.

Слуга всех господ. Карл был для Мазепы «последним работодателем». До этого он сумел послужить королю Польши, султану Турции и русскому царю

Я уже не раз напоминал, что Украина — страна говорящих фамилий. Мы живем, как в малороссийской комедии с шельменками и кирпа-гнушкошиенками. Одно из значений слова «мазеп» — маска. Действительно, до самого перехода к Карлу XII хитрый гетман на протяжении двух десятилетий скрывал свою подлинную сущность под личиной верного «слуги престола».

Но еще занятнее трактует это прозвище академический «Словарь украинского языка» 1908 года под редакцией Бориса Гринченко. «Мазеп», — гласит он, — первоначально то же, что и замазур, а затем вообще неопрятный, грубоватый и простоватый человек, вахлак, простак, простофиля, глупец». Тут же приводится пример: «У нас у селі мазепою лаються: от як дурна людина, чого не зрозуміє, так кажуть: ах ти мазеп!» Есть и соответствующее прилагательное, тоже значащееся в словаре: «мазепський» — бранное слово: плохой, глупый». Дуру, кстати, согласно тому же Гринченко, называли «мазепською дівчиною».

Развязка мазепинской биографии — это еще и притча об уме и гордыне, перехитривших самих себя. Иллюстрация русской поговорки: «На всякого мудреца довольно простоты». Историк Николай Костомаров в своей известной монографии «Мазеп», со слов

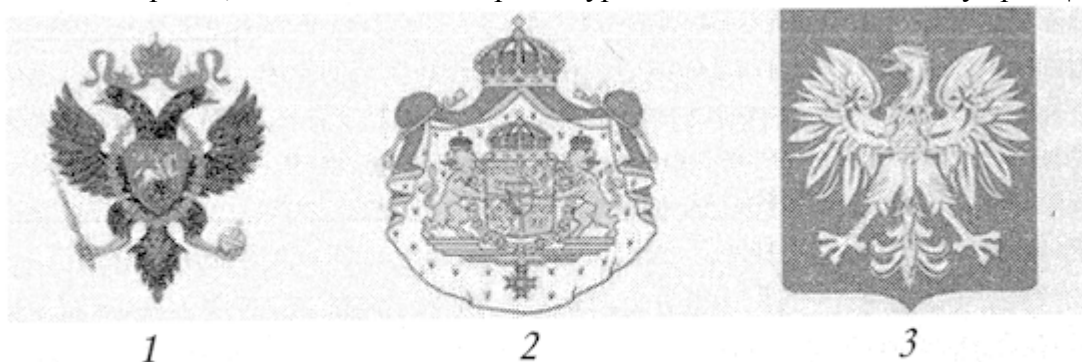
писаря Орлика (того, который якобы придумал «першу в світі конституцію»), приводит фразу, сказанную гетманом в ответ на просьбу старшин раскрыть им подробности секретного соглашения со шведским королем. «Ты, гетман, — спросил кто-то из тогдашней украинской «элиты», созданной на тайный «сходняк» в Батурине, — объяви нам, чего имеем с целою Україною и Войском Запорожским надеяться и на яком фундаменте ты тую махину заложил?»

Мазепа в ответ сердито заявил: «Для чого вам о том прежде времени ведать? Спуститесь вы на мою совесть и на мое подлое розумишко... Я по милости Божой мею розум един неж вы все».

«Мазепа, — пишет Костомаров, — был из таких личностей, которые, получив власть, стараются внушить подчиненным постоянную веру в свою мудрость и потому умышленно не открывают им сразу всего, что замышляют, дабы тем приучить их с благоговением полагаться во всем на свою главу или владыку. Мазепа за 20 лет своего гетманства уже приучил старшин к такому повиновению себе, и теперь он только понемногу приподнимал перед ними завесу, скрывавшую его тайный замысел».

Ныне усиленно рекламируется легенда, будто бы гетман хотел добиться для Украины независимости. Но это не так. Секретарь Карла XII — Густав Адлерфельд, погибший в Полтавском сражении, оставил подробные записки о походе шведов на Украину. Как человек, входивший в самый ближний круг короля, он был в курсе всех закулисных соглашений между гетманом, шведами и их союзником польским королем Станиславом Лещинским.

По словам Адлерфельда, Мазепа заключил с поляками следующую договоренность: «Вся Украина с Северским княжеством, с Черниговом и Киевом, а также и Смоленск присоединялись к польской Речи Посполитой, а Мазепе, в вознаграждение за такую услугу, обещан был титул княжеский и предоставлялись ему во владения воеводства Полоцкое и Витебское на таких правах, на каких владел герцог Курлянский подвластным ему краем|».

1. Двуглавый русский орел; 2. Шведский герб с золотыми львами; 3. Одноглавый белый орел Польши

В случае удачи этого прожекта гетман из выборного предводителя казачьего края превращался в наследственного монарха пусть небольшого, но «своего» государства на территории Белоруссии. У него не было прямых наследников. Но зато новое княжество могли унаследовать его родственники, имевшие детей.

Все это выглядит очень правдоподобно. В молодости будущий гетман начинал карьеру пажом у польского короля Яна Казимира. Он был воспитанником иезуитов, поляком по культуре и духу. И даже разговаривал до конца дней на польско-украинском суржике, вплетая в свою речь варшавские словечки.

Правда, расплатиться за этот новый монархический мираж следовало реальной Украиной. Но и просвещенные европейские умы нашли «изыщный» ход. Предполагалось, что Карл XII разобьет армию Петра. А после этого, утверждал Адлерфельд, «Мазепа созовет своих полковников, объявит им договор и постарается уговорить их добровольно принять его».

В победе лее Карла никто не сомневался. Ведь, несмотря на успехи русских в Прибалтике, где им противостояли второсортные шведские контингенты, царские генералы неизменно пасовали перед армией самого короля, отступая все дальше на восток. Поражение под Полтавой оказалась шоком не только для Швеции, но и для всей Европы. В его возможность осенью 1708 года, когда Мазепа совершил свое предательство, никто не верил. Да разве могут какие-то «дикие московиты» разбить лучшую европейскую армию, только что расколотившую Данию и Саксонию?

Правда, в шведской ставке были и скептики, не советовавшие Карлу XII переоценивать помощь предателя. В начале августа в Могилеве, где расположилась лагерем шведская армия, состоялся решающий военный совет. Квартирмейстер (по-нынешнему начальник штаба) генерал Гилленкрок предлагал повернуть не на Украину, а к Витебску, и там дожидаться вспомогательного корпуса Левенгаупта, двигавшегося из Прибалтики с продовольствием и боеприпасами.

Но соперники Гилленкрока фельдмаршал Реншильд и генерал Мейерфельд подговаривали короля рвануть на Украину. Они особенно расхваливали бесстрашие казаков, будто бы готовых единодушно отложиться от царя и уверяли, что трусливые русские не посмеют напасть на Левенгаупта.

Но главным аргументом для суеверного Карла XII стали «разведданные» астрологов, предсказавших, что «Лев севера с малыми силами одолеет Орла, притупит его когти и распространит свою власть на Азию и Африку». Так они трактовали туманные тексты мистика Парацельса, писавшего почти за два столетия до похода Карла на восток. На знаменах шведов красовался золотой лев. А гербом России был двуглавый орел. Все выглядело очень убедительно.

Парацельс: «Золотой лев Севера одолеет Орла, притупит его когти и распространит свою власть на Азию и Африку»

И «шведский лев», как называли Карла, 8 августа 1708 года выступил из Могилева на Украину. Ему даже не пришло в голову, что пророчество могло иметь в виду совсем другого орла — ОДНОГЛАВОГО и белого. Именно эта птица является до сих пор геральдическим символом Польши. А Карл действительно разбил Польшу накануне вторжения в Россию и посадил на ее престол нового короля Станислава Лещинского!

Вторая часть пророчества тоже удивительным образом сбылась! Разбитый под Полтавой Карл сбежал на турецкую территорию в молдавский городок Бендеры и сумел

уговорить султана начать войну против России. В турецкую империю в то время входили земли в Азии и Африке. Таким образом, втянув султана в войну, Карл действительно «распространит свою власть на Азию и Африку». Но только на короткое время. Ибо уже в 1711 году после битвы на речке Прут Турция заключит мир с Россией и останется ни с чем. Любой астролог скажет вам, что шведский монарх просто неправильно понял пророчество.

Но это будет потом. А 21 сентября 1708 года ведома звездами армия Карла XII вступила в пределы Малороссии. Край показался им обильным и населенным. Хлеба и мяса было в избытке — крестьяне только что собрали урожай. Но уже через неделю захватчиков ждала первая неудача. Король напрасно разделил свои силы. Вскоре он получил известие, что корпус Левенгаупта разбит в Белоруссии при деревне Лесной. Шведы остались без запасов пороха.

Тут самое время напомнить, что за «европеец» вступил тогда на украинскую землю. Король шведов был полудикарем. Французский посол в Стокгольме граф Даву, описывая в одном из донесений Людовику XIV поведение юного Карла XII, упомянул, как шведский король и его приятель герцог Голштинский веселились в дворцовых покоях, отрубая головы собакам, телятам, баранам и выбрасывая эти головы из окна. Свою репликацию галантный француз завершил словами: «Люди, которые видели это, были крайне шокированы».

Английский дипломат Томас Вентворт, описавший Карла накануне вторжения в Россию, отметил: «Он высок ростом и статен, но крайне неопрятен и неряшлив... Волосы у него светло-русые, очень сальные и очень короткие, и он никогда не расчесывает их иначе, чем пальцами. За стол он садится безо всяких церемоний... За каждой трапезой он выпивает по две полные бутылки пива... Каждый раз, перед очередным кусочком мяса, он откусывает от хлеба с маслом, которое размазывает по ломтю большими пальцами... Он ест, как конь, и не произносит ни единого слова за все время еды».

Современники отмечали крайнее упрямство Карла и его жестокость. После победы шведов над саксонцами и русскими под Фрауштадтом в 1706 году фельдмаршал Реншильд приказал казнить несколько тысяч русских пленных «за бесполезность», в чем и отчитался перед своим королем. Карл одобрил зверства своего лучшего полководца коротко и ясно: «Это очень хорошо». Но и к собственным подданным шведский монарх относился с не меньшей беспощадностью. Законы его холодного северного королевства предписывали казнить даже за супружескую измену. Но предшественники Карла на троне обычно амнистировали прелюбодеев. Однако сам Карл XII всегда зггверждал подобные «пикантные» претоворы, отправляя любителей развлечься на стороне на эшафот. История сохранила его фразу по этому поводу: «Божий закон гласит, что и развратник, и развратница должны умереть». И умирали! По милости доброго короля Карла...

Узнав о приближении шведов, Мазепа прикинулся больным. Петр I звал его в свою ставку в Смоленск, где он праздновал победу при Лесной, а гетман отписывался, что не может подняться с постели. Втайне ему, как обычно, хотелось обмануть всех — и короля, и царя. Пусть бы они выяснили, кто сильнее, а Мазепа бы присоединился к победителю. Но Петр не спешил вступать в генеральное сражение, изматывая нервы и шведов, и потенциального предателя, которому по-прежнему доверял.

Чтобы еще больше убедить царя в своей верности, гетман попросил Петра в одном из писем утвердить покупку им земель у русских помещиков в Рыльском уезде. Кто бы мог подумать, что человек, только что обросший недвижимостью в исконной России, собирается перебежать на сторону неприятеля? Мазепа поздравлял Петра с победой при Лесной и даже желал в письме сокрушить врагов «до конца».

Между тем, главная шведская армия двигалась к Новгород-Северскому, вынуждая гетмана соображать быстрее. Наконец, престарелый авантюрист, у постели которого дежурили доктор и попы, решился. Он вскочил с постели и с немногочисленной свитой 24 октября рванул из Батурина навстречу Карлу, демонстрируя отличную физическую форму. Комедия «Мнимый больной» закончилась.

29 октября Мазепа впервые лично встретился с Карлом XII и тут лее приглянулся ему,

как раньше Петру. По сообщению королевского секретаря, гетман выглядел лет, эдак, на 66. Он был среднего телосложения, без бороды, но с усами на польский манер. Имел вид важный, но «временами проявлял проблески веселого и живого нрава» — шутил и развлекал публику. Если бы я снимал про Мазепу фильм, то пригласил бы на эту роль «первого президента Украины» и ее последнего советского «наместника» Леонида Кравчука — наклеил усы и прямо в кадр! Ну, вылитый Мазепа.

Особенно королю понравилось, что в ЗНАК ПОКОРНОСТИ гетман сложил к его ногам свою булаву и бунчук. Нового «союзника» тут же пригласили к столу, где за обедом все славно выпили и закусили в честь встречи. Наконец, заморив червячка, гетман взобрался на коня и под звуки труб, на которых играли казаки из его свиты, отправился в свой шатер отдыхать.

Нынешние конъюнктурщики до сих пор не хотят ответить на вопрос: почему украинцы в 1708 году не поддержали Мазепу? Ведь он же был, по официальной версии, «за незалежність»?

Лучше всего об этом сказал Николай Костомаров. В книге о Мазепе, изданной еще в царские времена, он раскопал немало нелицеприятного и о гетмане, и о Петре Первом. Но так и выглядит правда! «В последнее время, — писал Костомаров, — много было говорено о внутреннем смысле, какой проявляет масса народная в важные минуты своего исторического бытия. Нигде эта истина не явилась так наглядно, как в эпоху Мазепы. Нельзя сказать, чтобы в те времена народ малороссийский питал какую-то привязанность к Русской державе и к соединению с «москалями»; напротив, мы на каждом шагу натываемся на факты взаимного недружелюбия и даже вражды между двумя русскими народностями. Нельзя сказать также, чтобы народ малороссийский не сознавал своей народной личности и не желал национальной независимости. Много было условий, делавших возможным отпадение малороссиян от верности русскому царю. И, однако, вышло не то. Народ инстинктивно почуял ложь в тех призраках свободы, которые ему выставляли. Он уже и прежде лучше самого Петра и его министров раскусил своего гетмана, считал его ляхом, готовым изменить царю с тем, чтоб отдать Украину в рабство Польше. Никакие уверения изменника, никакие лживые обвинения, рассыпаемые им на московские власти, не переменили к нему народной антипатии. Народ инстинктивно видел, что его тянут в гибель, и не пошел туда. Народ остался верен царю даже не из какой-либо привязанности, не из благоговейного чувства к монарху, а просто оттого, что из двух зол надобно было выбирать меньшее».

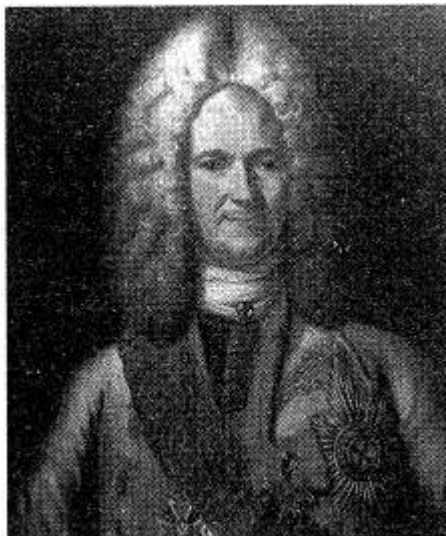
Глава 9. Батуринский позор мазепинцев

Из исторического события Батурин давно превратился в миф, на котором можно цинично зарабатывать. Ежегодно 13 ноября от нации требуется, чтобы она не думала, почему и по чьей вине случилась батуринская катастрофа, а отдавала свою энергию в виде слез и соплей на алтарь официальной идеологии, которую впаривают нам вчерашние члены КПСС, вот уже два десятилетия выдающие себя за «украинских буржуазных националистов».

А что же случилось на самом деле в Батурине в ноябре 1708 года? Почему пала всего после нескольких дней осады «першокласна фортеця», вооруженная але 315 орудиями и защищенная «высокоидейным» гарнизоном из мазепинских гвардейцев-сер-дюков? Как могло случиться такое при их высочайшей дисциплине и безупречно организованной караульной службе? Тем более что батуринский гарнизон сидел в месте своей постоянной дислокации годами. Он до мелочей должен был изучить подходы к крепости — все ее сильные и слабые места.

А генерал Меньшиков оказался в этих местах впервые в жизни у него совсем не было пушек. Не то, что осадных, а вообще никаких! Потому что командовал он кавалерийским корпусом, состоявшим из одних драгун — солдат, которые могли при необходимости

спешиваться, но преимущественно действовали в конном строю. Да и вообще 36-летний фаворит Петра I не умел читать и писать! Как же мог этот темный «московит» победить передовых «европейцев» — элитные части, собранные Мазепой отовсюду в свою неприступную столицу? просто диво какое-то!

*Меньшиков. Не умел писать,
но оказался талантливым
полководцем*

Мне приходилось бывать в Батурине. Сейчас это тихое заштатное местечко — поселок городского типа, в котором проживает чуть больше 3 тысяч человек. Он стоит на высоком берегу Сейма в необыкновенно живописном месте и со стороны реки, огибающей городок крутым изгибом, защищен болотистой заставой.

Идти тут в атаку невозможно ни в конном, ни в пешем строю — увязнешь в грязи по уши. Особенно в ноябре после осенних дождей. Более-менее пригодной для штурма была только противоположная от реки сторона. Но ее должны были защищать валы, дубовые стены и сторожевые башни — для кавалерии явно непреодолимое препятствие. Разве что число пушек, которые обычно приводят историки — 315 — показалось мне преувеличенным. Обойдя место, где некогда стоял замок, а теперь его построенная при президенте Ющенко приблизительная копия, я пришел к выводу, что такую уйму артиллерии тут было просто негде расположить. Цифра эта появилась впервые во второй половине XVIII столетия, то есть больше, чем через полвека после описываемых событий — в анонимной книге, которую называют «Историей русов» и обычно приписывают малороссийскому дворянину Григорию Полетике, тратившему свой помещичий досуг на литературные упражнения.

Перечитав тексты различных современных историков, живописующих Батуринскую резню в научных трудах и школьных учебниках, я понял, что все они черпают в основном из одного источника — все из той же «Истории русов». Григорий Полетика писал о времени своих дедов. Он многое мог слышать из фамильных преданий, ходивших в кругу украинской казачьей старшины, к которой принадлежали и его предки. Но как всякий устный рассказ, эти байки тоже обрастали фантастическими подробностями, хотя в них и можно вычлени фактическое ядро.

«Из Белоруссии, — пишет автор «Истории русов», — командирован Меньшиков с корпусом его и казаками в Малороссию для предупреждения армии короля шведского и истребления резиденции гетманской города Батурина, яко хранилища многих запасов и арсеналов национальных. Он поспешил туда в последних числах октября и принял отважное намерение взять его приступом, и для того повел зараз войска свои на городские укрепления. Войска Мазепины, называемые сердюки, составленные из вольницы, а больше из украинских

поляков и ВОЛОХОВ, и содержавшие гарнизон в городе, зная также, чего им ожидать должно от войск царских, защищали город и его укрепления с примерно храбро-стию и отвагою. Осаждающие отбиваемы были несколько раз от городских валов, рвы городские наполнялись трупами убитых с обеих сторон, но битва еще продолжалась около города во всех местах. Наконец наступившая ночь и темнота развели бьющихся, и россияне отступили от города и перешли реку Сейм для обратного похода».

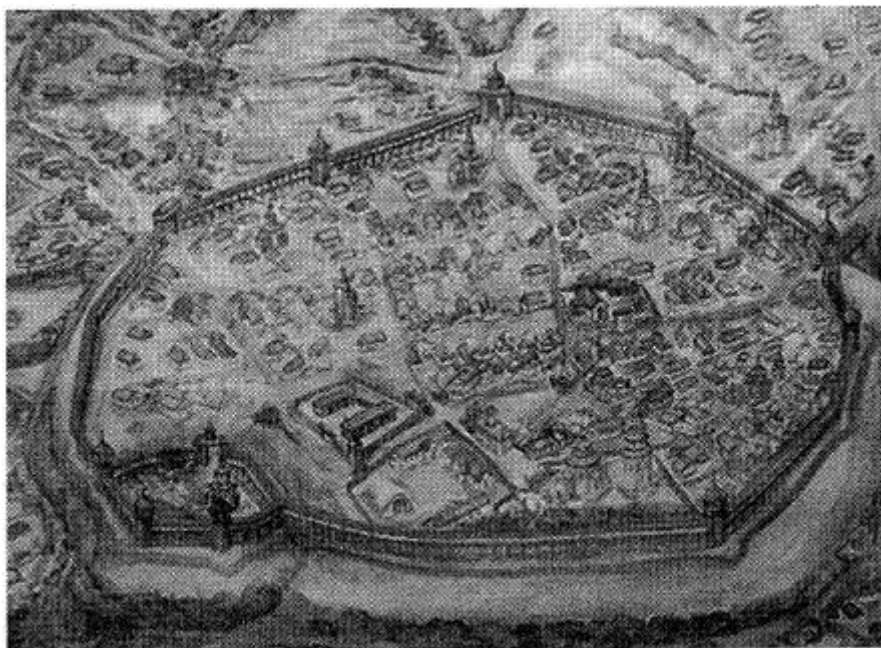
Но, как показывают архивы царской ставки и служебная переписка самого Меншикова (писать он не умел, но секретарю диктовал весьма толково), никакого штурма не было вообще. Решение взять Батурино было принято 30 октября, по старому стилю, после того, как Петр I узнал о переходе Мазепы к шведам. На следующий день Меншиков был уже под стенами гетманской столицы.

Сначала он вступил в переговоры с оставленными Мазепой в городе сердюками. Те тянули время, прикидывались дураками, заявляли, что ничего об измене не знают, и что гетмана нет в Батурине, а открывать без него ворота не велено. «Ни малейшей склонности к добру у них не является», — сообщал Меншиков в донесении царю вечером 31 октября.

Единственной стычкой этого дня стала перебранка между защитниками Батурина и царскими солдатами. Из замка выдвинули к реке шесть пушек, чтобы помешать Меншикову переправляться. Человек пять мазепинцев кричали через реку: «Не ходите, а если пойдете силою, то станем вас бить». В ответ на это Меншиков приказал высадить на двух лодках полсотни солдат. Увидев этот десант, батуринские герои бросились наутек, а царская армия навела мосты и спокойно переправилась на городской берег.

Меншиков был, что бы о нем ни говорили недоброжелатели, опытным способным генералом, только что одержавшим победу над шведами при Лесной, неоднократно громившим их в Польше и не собиравшимся попусту тратить своих солдат. Раскопки в Батурине не показывают никаких следов яростного штурма и больших потерь осаждавших, о которых так живописно рассказывал сочинитель «Истории русов». Если бы они были, в Батурине осталось бы много трупов, которые легко опознаются по остаткам форменной обуви, прекрасно сохраняющейся в болотистом грунте, медным пуговицам, русским нательным крестам и оружейному лому. Но никаких братских могил солдат Меншикова под крепостью не обнаружено до сих пор. Ничего не писал о штурме Петру I и сам генерал.

На следующий день утром гарнизон поджег дома вокруг крепостной стены. Отметим эту деталь: получается, ЧТО добрую ПОЛОВИНУ Батурина спалили сами сторонники Мазепы. Как писал историк Костомаров: «Это показывало, что, собираясь защищаться и согнавши жителей в замок, мазепинцы готовы стоять до последней капли крови и истребляют жилища около замка, чтобы не дать своим неприятелям там пристанища». Посланного в Батурино парламентаря возбужденные поджигатели едва не разорвали на куски.

План Батурина времен Мазепы. На реконструкции видно, что такую крепость без артиллерии не возьмешь

Но единодушия среди защитников не было. «Истории русов» можно верить в одном — большинство солдат батуринаского гарнизона составляли не украинцы, а поляки и молдаване (их называли валахами). А командовал ими немец из Саксонии Кенигсек. Эти солдаты удачи на службе у Мазепы согнали жителей в крепость насильно. Там же оказались и казаки Прилуцкого полка. Но их полковник Иван Нос, по словам «Истории русов», «гнушался вероломством Мазепы». Наемники-сердюки удержали его людей в крепости, когда те хотели уйти. В отличие от Сердюков, связанных с Мазепой чисто денежным интересом, казаки были свободными людьми. Они понимали, что гетман нарушил присягу. А, кроме того, владели в Украине недвижимым имуществом — своими домами и землями — и не хотели терять их из-за эгоистического гетманского «выбрыка».

Ночью Иван Нос связался с Меньшиковым и указал ему калитку в крепостном частоколе. Через нее русские солдаты проникли в крепость. Теперь запылала та половина города, которую не подожгли батуринцы. «Меньшиков, — пишет «История русов», — приступил к городу и вошел в него на рассвете со всею тихостью и когда сердюки, поводом вчерашней их, виктории, напились до пьяна и были в глубоком сне».

Сложно сказать, что можно считать их «викторией» (победой), ведь боя-то не было! Героическое бегство от драгун Меньшикова, переправившихся через реку? А вот в то, что повод напиться нашелся, лично я охотно верю. Отсутствие дисциплины и элементарной караульной службы сделали Батурин легкой добычей. Вывод: не пей на посту!

В отличие от поздней «Истории русов», написанной в куда более гуманные времена Екатерины II, современники батуринаских событий не видели в них ничего исключительного. Конечно, во время утреннего штурма были убитые, а сама деревянная крепость сгорела. Но часть ее гарнизона оказалась на стороне русской армии и, естественно, не пострадала.

Лето 2008-го. Современные раскопки так и не обнаружили большого количества погибших

А неоднократно упоминаемая историками опись Батурина 1726 года показывает, что через восемнадцать лет после «полного уничтожения» батуринцев многие горожане по-прежнему жили в нем еще со времен Мазепы. Если кто и подвергся полному уничтожению, так это сердюки. Но они были так ненавистны украинскому народу и так чужды ему по этническому происхождению, что о них никто не жалел.

Вот как писал о сердюках автор «Истории русов»: «Все сии войска вызвал... из всякой сволочи и содержал их на жалованье в городе Батурине в околичных селениях, окружающих его резиденцию. Они были у Мазепы его ангела-ми-хранителями и духами, исполняющими самые манования гетманские, и горе человеку, впадшему в их руки! Лучшие чиновники содрогались, увидя у себя в доме кого-либо из сих гвардейцев, за ними присланного, а чернию играли они, как мячом, почему и ненавидел их народ».

Сердюки были, попросту говоря, мазепиными опричниками! Чего их было жалеть?

А чтобы читатель имел представление, как тогда вели себя любые «защитники отечества», приведу пример из книги Костомарова «Мазепа». Для живописания «подвигов» украинских казаков из экспедиционного корпуса, посланного по приказу Петра гетманом Мазепой в Польшу за несколько лет до батуринских событий, историк нашел такие слова:

Мазепа. Портрет
проигравшего

Эти люди не встречали неприятеля, зато всякого мирного жителя обдирали, не разбирая звания. Они забирали пивные и горельчачные котлы, выдирали пчел в пасеках и обваривали их кипятком, зажигали хаты без всякого повода, истребляли скот поголовно. Везде, где эти казаки стояли обозом, там невозможно было стоять от нестерпимого смрада. Они умышленно, без всякой нужды, истребляли копны хлеба в полях. Невозможно было от них ни отпроситься, ни откупиться, и, многих поселян обобравши, они уродовали ударами плетей по голому телу, а тех, которые показывали намерение сопротивляться или убежать от них, забивали до смерти; если бы при этих казаках не находилось 600 великороссиян, то, кажется, в краковском воеводстве не осталось бы в живых ни человека, ни скотины».

Главная вина за батуринский погром лежит на Мазепе. Вместо того, чтобы лично возглавить оборону крепости, гетман предательски бежал из города к Карлу XII.

Он оказался дважды предателем — и Петра I, которому присягал на верность, и батуринцев, которых бросил, переметнувшись на сторону шведов. В очередной раз руководство Украины проявило не только вероломство, но и трусость, присутствие Мазепы в своей столице показывало бы горожанам, что гетман считает свое дело правым и готов стоять за него до смерти. Но он поступил, как старый шkodливый кот — напакостил и отбежал в сторонку. мол, выстоят — хорошо. А пропадут — тоже не велика потеря.

И, наконец, о последнем мифе. Якобы Меньшиков, взяв Батурин, приказал установить на плотах виселицы и пустить их по течению Сейма с болтающимися пленными, Дабы устрашать украинский народ. Сочинители этой байки забывают, что Сейм течет по довольно глухим местам, где пугать в общем-то некого, а потом впадает в Десну. Ближайшей от Батурина крепостью на Десне был Чернигов. В нем стоял русский гарнизон. Какая надобность была Меньшикову его «устрашать»?

Глава 10. Как земляки Ющенко Мазепу «за зраду» били

Но зато именно после Батурина всю Украину охватил пожар партизанской войны. Малороссы поднялись на борьбу со шведами и предателями-мазепинцами. Особенно доставалось негодьям в родных местах нашего третьего президента-мазеполюба:

Почему-то считается, что изображать Мазепу в неприглядных красках (то есть таким, каким он был в действительности) любили только русские историки. Но это не так! Очень много интересного о злодеяниях гетмана и Карла XII на Украине можно почерпнуть из трудов архинационалистических специалистов по препарированию исторических тайн. У людей, так сказать, с «безупречной» репутацией — живших в «свободном мире» и печатавших свои труды в Европе и США.

При написании нижеследующей главы я специально решил воспользоваться только теми данными, которые приводятся в подобной литературе. Прежде всего, монографией Александра Оглоблина «Гетман Мазепа» — личного Друга организатора дивизии СС «Галичина» профессора Кубийовича. Между двумя «учеными» существовало настоящее взаимопонимание и даже сходство в биографиях. Оба они, как и бывший «Герой Украины» Роман Шухевич, активно сотрудничали с гитлеровцами. Просто Кубийович «лизал» им во Львове. А известный мазеповед Оглоблин то же самое делал в Киеве. В сентябре-октябре 1941 года он служил первым киевским градоначальником («бургомистром», по немецкой терминологии) при оккупационном режиме. Его монография о гетмане-предателе, вышедшая в 1960 году уже за океаном, написана именно с точки зрения профессионального и, отдадим ему должное, успешного предателя. А значит, верить ей можно вдвойне.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Александр Оглоблин

Александр Петрович Оглоблин. Родился 6 декабря 1899 года в Киеве.

Настоящая фамилия — Мезько. Настоящее отчество — Михайлович. Долгое время считал себя сыном своего официального отца, состоятельного киевлянина Петра Оглоблина, владевшего домом на Андреевском спуске, 4 и книжным магазином на Крещатике.

Только спустя многие годы узнал, что его настоящего отца зовут Михаил Николаевич Мезько, и познакомился с ним. Официальные биографы «видатного науковця» никогда не объясняли причин такого двойного отцовства, но оно, несомненно, повлияло на раздвоенность личности Александра Оглоблина. Это был один из самых ярких перевертышей переходной эпохи первой половины XX века.

Учился в III Киевской гимназии на Подоле, потом в университете Св. Владимира на историко-филологическом факультете. Высшего образования в связи с революционными событиями не получил, что не помешало ему стать «красным профессором». В 27 лет получил степень доктора истории украинской культуры, потом — доктора исторических наук. Практически не поддерживал отношений с родственниками, отрекшись от своего «эксплуататорского» происхождения. В 30-е годы-арестовывался НКВД, но вскоре был

отпущен, что обычно происходило с людьми, которых предназначали на роль стукачей.

В 1941 году остался в Киеве как член ОУН (М) и стал первым киевским бургомистром при оккупационной власти. В 1943-м уехал во Львов, потом в Чехословакию, Германию, а в 1951 году эмигрировал в США. С 1958-го — профессор Украинского технического института в Нью-Йорке. Автор многочисленных книг по украинской истории, написанных сначала с советских, а потом — с антисоветских позиций. Умер в 1992 году в роли «светила» националистической науки.

Понятное дело, что для Оглоблина Мазепа сугубо положительный персонаж. А как же еще «зраднику» оценивать себе подобных? Не крыть же их последними словами! Но тем ценнее факты, которые приводит этот историк-перевертыш. Именно благодаря его изысканиям, я узнал, что особенно активно с Мазепой и его шведскими хозяевами сражались земляки Виктора Ющенко из Недригайловского района на Сумщине. А сам Недригайлов дважды оказывался в осаде шведов, после чего был взят и сожжен дотла.

Виктору Андреевичу, любящему популяризировать «резню» в Батурине, следовало бы для объективности вложиться еще и в восстановление Недригайловской твердыни. Пусть помнят нынешние украинцы, чем оборачивался в прошлом для нашей страны приход «просвещенных» европейцев.

Предоставим же слово Оглоблину о шведском вторжении на малую родину нашего третьего президента. Цитирую языком оригинала, дабы никто, не дай Бог, не попытался обвинить меня в неточном переводе. Благо, все в-нашей стране замечательно понимают и русский, и украинский языки: «30 листопада 1708 р. загін полковника Дюкера числом близько 1500 чол. хотів зайняти місто Недригайлів, але мешканці засіли в замку й не впустили шведів, які у відплату за це спалили передмістя й спустошили околицю».

Конечно, если бы среди них был человек, наподобие Оглоблина, мечтавший стать недригайловским бургомистром, то оккупанты спалили бы не только предместье! А так упорным европейским просветителям пришлось предпринять еще одну попытку. Как пишет в своей книге «Гетьман Іван Мазепа та його доба» все тот же Оглоблин, «9 грудня 1708 р. король вислав туди загін у 500 чол. на чолі з підполковником Функом. В м. Тернах всі мешканці, навіть жінки, билися проти шведів. Адлерфельд свідчить, що загін Функа вбив близько 1600 чол. у Тернах, спалив це містечко і місто Недригайлів, а також чимало сіл. Але широко задумана східна експедиція Карла і Мазепи в лютому 1709 р. не вдалася».

Почему же у нас никто не вспоминает о сожжении Недригайлова? Почему молчат о десятках других украинских местечек и сел, которые уничтожили Мазепа и его шведские друзья? Ведь, по словам Оглоблина, «самі шведи признавалися, що вони пройшли цю землю «вогнем і мечем». На 7 миль навкруги все було знищено і спалено. Загинули міста й містечка Краснокутськ, Городня, Коломак, Куземин, Котельва, Мурафа, Колонтаїв, Олешня, Рублівка та інші й багато околичних сіл».

*Мазепа и шведы огнем и мечом прошились по родным местам
третьего президента Украины*

Между прочим, все это места, из которых происходили мои предки по отцовской линии. Сожженный шведами Куземин — родное село моего отца. А в начале XVIII века оно было сотенным местечком Гадячского полка — соседнего с Полтавским! Там тогда стоял замок над речкой Ворсклой, который и сожгли шведы! Интересно, получится ли Виктору Ющенко убедить после всего этого меня, что шведы пришли на Украину как «союзники»? Думаю, нет. Далее если он мобилизует все киевские научные институты, где заправляют такие лее, как и он, перекрасившиеся в желто-синее бывшие красные «члены» КПСС.

Не увидели в карателях-шведах союзников и люди, населявшие тогда эти места. В теплой уютной эмиграции профессор Оглоблин продолжает повествовать о последствиях шведских зверств: «На терені Слобожанщини й пограниччі Гетьманщини «почалася нечувана до того партизанська війна» проти шведів, «ведена з упертістю й завзяттям головно українськими селянами»..

Дальше историк-псевдонационалист (ведь не может же быть настоящим националистом советский профессор и гитлеровский лакей) был вынужден даже процитировать современную вторжению Карла XII «Лизогубовскую летопись» которая свидетельствовала на тогдашнем украинском языке, почему-то удивительно похожем на русский: «Того ж року (1708-1709) малороссияне ВЕЗДЕ на квартерах и по дорогам тайно и явно шведов били, а иных живых к государю привозили, разными способами бьючи и ловлячи блудящих, понеже тогда снеги великие были и зима тяжкая морозами, от которых премного шведов погинуло».

Вынужден Оглоблин признать и грабежи, которые чинили шведские солдаты, и мародерство, и осквернение ими православных церквей: «Обурене шведськими насильствами та грабунками, а де-не-де й зневагою українських церковних святинь чужовірною солдатською, населення Сіверщини, під впливом також російської пропаганди, а згодом і закликів української адміністрації, почало вживати партизанські методи боротьби. Про це свідчать і шведські, і московські джерела».

Думается, главной причиной тут была все-таки не «російська пропаганда», а поведение захватчиков. Шведы были лютеранами. Причем, фанатичными. Они не проявляли терпимости к представителям других конфессий. Вот их и били малороссы, так же, как советские украинцы били немцев и их прислужников во времена Оглоблина. А тому, от дубины народной войны бежавшему, приходилось констатировать, что весной 1709 года «діяльність партизанських загонів, організованих за допомогою російської військової влади,

охоплює всю територію, зайняту шведським військом. Стоплена лютою зимою, знесилена через тяжкий стан і хвороби... шведська армія в цей час особливо відчувала всю силу й небезпеку партизанської війни. Шведські учасники походу одноставно скаржилися на дії партизанських загонів у квітні 1709 р.».

Вы спросите, а почему Оглоблин вынужден был все это признать? Ведь до прихода немцев в Киев он числился советским доктором истории украинской культуры — причем, первым, кто получил эту степень в СССР! Ему было не привыкать к вранью. До того, как переqualificироваться в истинного «европейца», а дотом «американца», он оценивал Мазепу весьма критически. Что же мешало ему подчистить факты?

То, что в таком случае его просто подняли бы на Западе на смех. Побежденные под Полтавой шведы оставили даже не десятки, а сотни мемуарных свидетельств о своем походе. В плену писали все. Даже рядовые солдаты, которые в это время в Швеции уже были грамотными. Партизанская война малороссиян против Мазепы и шведов — общее место западноевропейской историографии. Если ее и пытаются замолчать, то только в современной Украине, где верхи строят маленькую псевдо-Европу для себя лично, как раньше строили псевдокоммунизм.

Но самое главное: автор «Гетмана Мазепы» еще полвека назад поставил крест на тех исторических мифах, которые сегодня пытаются вбить в мозги наших сограждан. Конечно, и он тоже плетет ерунду о «тактических маневрах» своего великого учителя в ремесле предательства. Но под давлением фактов даже такой патентованный неомазепинец, как Оглоблин, вынужден признать: Мазепа заключил с Варшавой тайный договор, по которому Украина вместо того, чтобы получить независимость, **ВОЗВРАЩАЛАСЬ В СОСТАВ ПОЛЬШИ**.

1709 год. Настоящие казаки не поддержали Мазепу, за которым пошла только кучка наемников

«Спеціально досліджував питання про ці українсько-польські переговори доктор Микола Андрусяк, — пише Оглоблин. — Хоч, на нашу думку, він дещо переоцінює характер і значення угоди Мазепи з Станіславом Лещінським, але можна погодитися з твердженням доктора Андрусяка, що на підставі цієї угоди **УКРАЇНА МАЛА ЗАБИТИСЬ З ПОЛЬЩЕЮ** як велике князівство, на тих самих основах, як Велике князівство литовське; в його склад мали ввійти Правобережся та Лівобережжя з Сіверщиною... Це й дало підставу російським урядовим колам, починаючи з маніфестів Петра I до українського народу восени 1708 р., обвинувачувати Мазепу в тому, що «намерение его было отторгнуть Малую Россию

от Российской державы и паки подвести под иго польское».

Ничего нового в такой политике не было. Мазепа всего лишь повторял замысел гетмана Ивана Выговского, точно так же действовавшего во времена его юности. В те времена Мазепа служил «покоевым шляхтичем» — пажом польского короля Яна Казимира. На старость его снова потянуло к прежнему месту службы — в Речь Посполитую.

Но настоящая сенсация скрывается в монографии Оглоблина о Мазепе не в основном тексте, а в авторских примечаниях. Уже в 2008 году Батуриин отстроили как крепость-музей. Однако после чтения оглоблинской книги возникает вопрос: было ли там что отстраивать? В примечаниях к своему труду автор приводит сразу несколько свидетельств разного времени о том, в каких развалинах стояла гетманская столица задолго до ее «штурма» Меншиковым! В 1691 году Мазепа писал в Москву: «В Батурине городе проезжие башни зело малы и те ветхи и худы да и городовая стена во многих местах обвалилась, а починить нечем».

Ничего де изменилось и позже: «в 1700 г. московский поп Иван Лукьянов, проезжая через Батуриин, заметил, что «город не добре крепок, да еще столица гетманская». А в 1708 году генеральный судья Василий Кочубей, обличая Мазепу в измене, писал царю: «Батуриин 20 лет стоит без починки, и того ради валы около него всюду осунулися и обвалилися; взглядом того и одного дня неприятельского наступления отсидетися невозможно».

Мазепа отговаривался, что «к строению того города за непрестанными воинскими крымскими и нынешними походами не было угодно времени». Единственное, что он успел, — это обнести «знатным видом» собственный загородный дворец.

Какой вывод напрашивается из этих свидетельств? Гетман был бездельник и вор. За почти 20 лет так и не удосужился укрепить свою столицу, кроме личного логова, где прятал от батуриинцев казну. Это очень напоминает нынешних временщиков, управляющих Украиной. Вокруг собственных поместий они возводят многометровые стены. А украинская армия и флот в то же самое время приходят в полную негодность.

Признал Оглоблин и то, кто же на самом деле поддержал Мазепу, когда он драпанул к шведам. Это были сердюки, калмыки и молдаване — одним словом, истинно украинские люди.

Сердюками в те времена назывались наемные пешие полки. Служить в них шли не казаки, а так называемые «лицарі другого сорту» — уголовники и бандиты, готовые за деньги служить кому угодно. В декабре 1708 г. в четырех сердюцких полках Мазепы осталось только 300 человек а в двух компанейских (наемных конных) еще 500. Кроме того, триста волохов (так на Украине называли молдаван), которых гетман переманил от польского магната Огинского, и даже 40 калмыков!

«При нем войска козацкого ничего нет», — свидетельствовал в Лебедине, где была русская ставка, малороссийский поп Иван из Роменщины. «Про малу кількість гетьманського війська, — указывает Оглоблин, — оповідають і інші перебіжчики. Московський уряд вважав, що війська в Мазепи «и тысячу не будет».

Этот жалкий наемный сброд лучше всего показывает, какой «рейтинг» был у Мазепы после двадцатилетнего правления. Видимо, процента два-три. Точь-в-точь, как у Ющенко к концу правления. Мазепинец от Мазепы недалеко падает.

Глава 11. Золото Мазепы

Золото Полуботка — миф. А золото Мазепы — реальность. Это кредит, который Карл XII взял у Украины под 6 процентов годовых. До сих пор Швеция у нас в неоплатном долгу!

Гетман Мазепа умирал, как герой пиратских романов, в окружении бочек с награбленным золотом и мешков с украденными бриллиантами. Это была вся государственная казна Украины, которую ему удалось присвоить и увезти из-под Полтавы в Бендеры — молдавский городишко, находившийся тогда на турецкой территории.

В шведском государственном архиве сохранился отчет о незабываемом зрелище,

которое представлял собой беглый гетман на смертном одре. «Когда я пришел к нему, — пишет приближенный Карла XII Густав Зольдан, — я застал его очень слабым... Он просил меня остаться при нем и бережно следить за его вещами, которые находились в его комнате, а именно за сундуком и за двумя бочками, полными дукатов, и за парой дорожных мешков, в которых находились все его драгоценности и большое число золотых медалей. Дорожные мешки лежали у него под головой, а бочонки с его дукатами стояли рядом с его кроватью. Также он просил меня, чтобы никто из его людей не вынес и не забрал чего-то из его комнаты».

Впервые этот документ опубликовал еще в 1903 году в журнале «Киевская старина» историк Никандр Васильевич Молчановский — автор множества исследований по малороссийскому прошлому. Его находка хорошо известна специалистам, но от массового читателя ее скрывают, так как она рисует Мазепу в очень неприглядном свете. Как следует из отчета шведа-очевидца, даже умирая, гетман больше всего беспокоился о сохранности своих богатств — той самой любимой части Украины, выраженной в червонцах, которую ему удалось утащить в эмиграцию. Кроме того, он не доверял даже своим соратникам самым «благородным мазепинцам», которые составляли его ближайшее окружение и «жадную толпою», по бессмертному вырalsению Лермонтова, Дожидались кончины своего «атамана», дабы «по справедливости» поделить его кассу.

Кого это напоминает? Конечно, все тех же пиратов, с которыми неоднократно сравнивали повадки казаков западноевропейские очевидцы! Единственной душой, которой Мазепа еще доверял, был его племянник — Андрей Войнаровский — совсем молодой человек и единственный наследник гетмана, не имевшего прямого потомства. Обличенный доверием племянник сидел в том же доме в соседней комнате. Посланец Карла XII, уходя от Мазепы, сообщил Войнаровскому, что имеет приказ от короля присмотреть за гетманом и его вещами, что, по его словам, Андрею «было приятно». Андрей не пользовался популярностью среди приближенных Мазепы и мог рассчитывать только на защиту шведского короля, чей двор и остатки гвардии находились тут же в Бендерах.

Беспокойство Мазепы о своих сокровищах психологически объясняется еще и тем, что как всякий человек он не собирался умирать и не считал свою болезнь смертельной — он даже не успел составить завещание. Однако Бог рассудил иначе. По-видимому, семидесятилетний авантюрист, послуживший двум польским королям, одному турецкому султану, русскому царю и шведскому королю, так надоел ему своими политическими зигзагами, что он прибрал его к себе в ночь с 21 на 22 сентября 1709 года по старому стилю — то есть с 5 на 6 октября по - новому.

Как только Иван Степанович «отделился» от своей казны и перешел в небесную юрисдикцию, его дом был тут же опечатан местными турецкими властями. Однако Карл XII потребовал передать находившееся в нем имущество Войнаровскому. Турки сдались, и, как свидетельствует отчет все того же Густава Зольдана, турецкий паша «послал судье приказ снять печать». В тот же день бочки и мешки с золотом были перенесены на квартиру Войнаровского, где оказались в его «полном распоряжении».

Однако это было только началом многолетних приключений мазепинских сокровищ. Буквально над могилой усопшего негодяя разгорелся безобразный финансовый скандал. Беглая старшина во главе с писарем Орликом, которого она хотела избрать новым гетманом, заявила, что богатства Мазепы — это не его личное достояние, а государственная казна Малороссии, на которую все они имеют право. Правда, на Украине в это время уже был другой, вполне законный гетман — Иван Скоропадский, избранный не на сходняке кучки эмигрантов, а на легальной Раде в Глухове сразу после бегства Мазепы. Логично было бы покаяться и передать все деньги на родину, но «наследников» интересовала не далекая Украина, а ее близкая и такая лакомая казна.

Грузите золото бочками...

Поэтому Орлик и его однопартийцы обратились к своему «наяснейшему протектору» («защитнику») Королевскому Величеству Шведскому, чтобы оно рассудило, кому принадлежат мешки и бочки. Но Королевское Величество само находилось после Полтавы в весьма стесненных финансовых обстоятельствах, потеряв армию и честь, и беспомощно сидело на турецкой территории в ожидании поворота фортуны. Внезапную, чвару казачьей старшины за наследство Оно восприняло как знак небес, предлагавших перехватить легких денег.

Все, что произошло дальше, имеется в исследовании известного украинского историка Любомира Винара, работающего в США. Этот почтенный ученый муж написал специальную работу «Андрей Войнаровский», самый интересный раздел которой посвящен приключениям гетманских бочек и их дележу. Я специально ссылаюсь именно на него, чтобы нашим дубинноголовым «патриотам» стало ясно, что сюжет этот хорошо разработан на Западе эмигрантской националистической наукой. Если кто-то начнет вопить и в очередной раз обвинять меня в несуществующих грехах, то со всеми вопросами пусть обращается прямо в Соединенные Штаты Америки, где немало потрудился в Колорадском, Кентском и Боулинг Гринском университетах Любомир Винар — основатель журнала «Український історик» и председатель Мирового Научного Совета при Мировом Конгрессе украинцев — организации, которую невероятно уважал (и, надеюсь, доньше уважает) экс-президент Виктор Ющенко, многими чертами напоминающий мне Мазепу.

Но главное даже не это, а то, что Любомир Винар исследовал дело о материальном наследии Мазепы на основании архивных данных — как обнаруженных лично, так и открытых его предшественниками, работавшими и за границей, и в Украине.

Итак, 22 октября 1709 года обиженные «мазепинцы» в лице генерального писаря Орлика, генерального обозного Ломиковского, генерального бунчужного Мирви-ча, полковника Горленко и кошевого атамана Запорожской Сечи Гордиенко подали Карлу XII витиевато названный документ «Покорный мемориал Запорожского Войска святому Королевскому Величеству Швеции». В этой кляузе они обвинили Войнаровского, что тот обманым путем завладел украинской (она же — малороссийская) казной, выдав ее за личное имущество своего дядюшки.

«Хотя он и племянник по сестре ясновельможного гетмана Мазепы, — стучали на Войнаровского жалобщики, — однако несправедливо и незаслуженно присваивает себе право иметь все то, что принадлежит не частной особе гетмана, но всему Войску... Ибо обычай нашей родины и старинный закон запрещает потомку запорожских гетманов, присваивать после их смерти движимое и недвижимое имущество, принадлежащее всему Войску и общественной казне... Хорошо знаем, что все сокровища предыдущих запорожских гетманов: Брюховецкого, Многогрешного, Самойловича и сынов его..., и очень многих

украинских монастырей и церквей, уничтоженных турецким оружием на этом берегу Днепра, и деньги, собранные за столько долгих лет со всей Украины в войсковую казну, попали в руки ясновельможного гетмана Мазепы, в его распоряжение и под его охрану... Хорошо знаем, что ничего не пропало из золота и драгоценных камней, но все это в целостности привез ясновельможный гетман с собой в Бендеры».

Пилип Орлик

Этот скандал пролил свет на темное финансовое прошлое Мазепы, за двадцать один год правления переставшего различать границу между своим и общественным. Старшина обвинила покойного далее в том, что в 1687 году он получил пост гетмана, подкупив фаворита царевны Софьи: «Мазепа без согласия Запорожского Войска передал множество сокровищ гетмана Самойловича в Москву князю Голицыну за предоставленное себе гетманство... До сего дня живы свидетели, которые по приказу ясновельможного гетмана Мазепы выкопали из земли различные сосуды гетмана Самойловича, полные дукатов, а именно паны Довгопольый и Быстрицкий».

В числе других грехов Орлик и компания припомнили Мазепе и то, как он купил за 3 тысячи дукатов, пересланных князю Меншикову в Москву, титул князя Римской империй (так называли тогда Австрию) и уже тут, в Бендерах, торговал кое-какими мелочами из имущества своего предшественника — большими серебряными сковородами и другой столовой посудой с гербами покойного гетмана Самойловича, что «нельзя было продавать без согласия Запорожского Войска».

От имени этого самого Войска старшина требовала, чтобы Войнаровский вернул всю государственную казну — золото, серебро, драгоценные камни, «среди которых находится бриллиантовое перо в 20 тысяч импералов», векселя различным лицам, в том числе шведскому генералу Лагеркроне и княгине Дольской, копыя, украшенные золотом и драгоценными камнями, соболя и прочее имущество, «дабы отчизна не требовала в будущем от нас отчета о растроченной войсковой казне». В противном случае старшина отказывалась избрать нового гетмана, ибо «без нерва войны — денег» он не смог бы быть реальным правителем.

Бендеры. Тут Орлик и Карл XII поделили бюджет Украины за 20 лет

В сущности, все это было фарсом. И Войнаровский, и Орлик, и Карл XII не имели никакого права делить деньги, «собранные со всей Украины». Реальная Украина не имела к ним уже никакого отношения. В Бендерах находилась просто банда политических банкротов и две бочки с золотом, на которые они претендовали.

Но все эти карточные шулера, битые на зеленом полтавском поле, еще собирались отыграться. Старшина хотела вернуться на Украину и снова править ею. Король желал взять реванш за бездарно проигранную Полтаву. А Войнаровский просто жаждал денег, чтобы весело жить за границей. По сей причине Карл XII, нуждавшийся в «нерве войны», не меньше политических сыновей гетмана Мазепы, решил использовать ситуацию во благо своей королевской милости. Понеже старшина именно в нем узрела справедливого судию, то он и решил провести процесс прежде всего к собственной пользе.

Шведский король постановил, что все деньги, находившиеся при Мазепе, принадлежат Войнаровскому. Аргументов старшины он не принял — даже взывающие о справедливости сковородки с гербами Самойловича, которые Мазепа якобы «загнал» перед смертью налево, не тронули его душу. Он понимал, что гетмана из своей среды «мазепинцы» все равно выберут. А куда им было деваться? Им же нужно было получить в глазах Европы хоть какой-то статус. Кем был бы тот же Орлик без «выборов»? Писарем-эмигрантом? А так он обзаведется звучным титулом гетмана-эмигранта!

Кроме того, король свирепо, как оголодавший шведский лев с его государственного герба, нуждался в деньгах. Но единственным «банком» в бендерской глухомани были бочки с золотом покойного Мазепы! Банда старшин вполне могла отнять их у одинокого и не имеющего вооруженной силы Войнаровского. Но «банда»

Карла, насчитывавшая около 2 тысяч бежавших от Петра шведских солдат и офицеров, была сильнее и могла легко начистить физиономии Орлику и его сторонникам, а то и вовсе утопить их в Днестре, чтобы не оставлять лишних свидетелей.

Ну, и что, если утопили? Поехали кататься на лодочке всей компанией — писарь, -обозный и кошевой — напились до бесЧ)п:тья и перевернулись! Запорожцы — известные пьяницы! Кто о них будет наводить справки? Царь Петр с князем Меншиковым? Так они только порадуются, что Бог призвал к себе таких проходимцев!

Если бы король узрел в «золоте Мазепы» государственную казну Украины и вернул ее старшине, то сам остался бы без денег. И даже если бы эта компания скандальных людей, считающих себя украинской элитой и следящих друг за другом, как бы кто чего не украл, в будущем стала кредиторами Карла, то избавиться от нее было бы непросто.

Куда интереснее, по мысли короля, было взять сторону самого слабого в этой ситуации

— Войнаровского — и «назначить» его наследником. Во-первых, он плясал бы от радости. Во-вторых, из благодарности дал бы королю в долг, сколько бы тот ни попросил. И в-третьих, по причине политической немощи не настаивал бы на быстром возвращении кредита.

Именно так король и поступил. Тем более что в прошлом он уже брал в долг у Мазепы по мелочам через третьих лиц — векселя шведского генерала Лагеркрона на самом деле были долговыми обязательствами самого Карла, не желавшего признавать публично, что он банкрот.

Новые кредиты, уже от ошачливленного Войнаровского, были получены под 6 процентов годовых в разной валюте — червонцах, рейхсталерах и альбертталерах — всего на сумму 305 533 шведских пятака (каждый пятак равнялся двум талерам). Эта точная сумма, которую племянник Мазепы ссудил королю Швеции, плюс проценты за тринадцать лет на сумму 238 290 пятаков, указана в требованиях, выдвинутых в 1722 году наследникам Карла XII «супругой» Войнаровского — некой Анной Войнаровской.

Слово «супруга» я пишу в кавычках, потому что эта бойкая дама умудрилась выйти замуж за наследника Мазепы, уже имея в Украине одного мужа, — войскового товарища Семена Забелу, с которым так и не развелась. Войнаровский — большой любитель слабого на передок пола и сильной карточной игры — не устоял перед ее феромонами и формами, а потом сбежал. В результате скорбящая в одиночестве мадам насчитала за правительством Швеции долга больше, чем в миллион талеров вместе с набежавшими процентами. Но получить их оказалось непросто.

Повторяю, Карлу XII было выгодно сделать вид, что «золото Мазепы» — не государственная казна Украины, а частные сбережения гетмана, так как король сам собирался запустить в них руку. Поэтому единственным наследником спорного богатства он признал племянника покойного — Андрея Войнаровского. Тот же Любомир Винар, подробно разобравший этот конфликт, пишет: «Комісія Закінчила цілу розправу в користь Войнаровського, якому дуже допоміг своїм свідченням гетьманський довірений і адміністратор Іван Бистрицький. Згодом виявилось, що зізнання Бистрицького неправдиві».

Лжесвидетель сознался в преступлении уже на смертном одре — в 1717 году, через восемь лет после того, как были «распилены» деньги. Причина его «раскаяния» проста — Войнаровский не расплатился с ним за услуги. Желая отомстить, за два дня до смерти Быстрицкий написал шведскому королю письмо. В нем он слезно жаловался на неблагодарного племянника Мазепы, обещавшего ему 100 дукатов за то, чтобы он как человек «бывший на службе при Мазепе сорок лет» подтвердил, будто мешки и бочки с золотом, верхом на которых гетман «уехал» в эмиграцию — это его частное, а не общественное добро.

«Лев Севера». Король Карл XII в парадном облачении

Сто дукатов — немалая сумма. Дукат — золотая монета весом 3,5 грамма. Таким образом, Быстрицкий продал свою совесть за 350 грамм золота. «А если бы я подтвердил правду, — писал он, — то должен был бы заявить, что Мазепа присвоил сокровища трех гетманов — Брюховецкого, Многогрешного и Самойловича, а также трех сыновей Самойловича... Сокровища всех этих персон остались при Мазепе. Общественные деньги за аренды были у Мазепы, а после смерти гетмана получил все те общественные ценности и клейноды пан Бойнаров-ский».

По сути, эти богатства были присвоены Мазепой, так как, по словам вышеупомянутого Быстрицкого, покойный гетман явился на Украину в одной только бедной одежде, а умер, «прихватив все сокровища публичной кассы».

Это письмо предало гласности неприглядную подноготную казнокрадства Мазепы и жадности его мнимого «наследника». По словам Аюбомира Винара, «перебіг розправи перед Бендерською комісією виявив багато не-гативних рис А. Войнаровського й козацької старшини. Тут в першу чергу наявна погоня сестрінка (племянника по сестре. — *Авт.*) Мазепи за скарбами та повна нетолеранція до домагань старшини. З другого боку, старшина в невластивий час робила закиди Мазепі в справі зловживання публічними доходами. Як бачимо, наша перша політична еміграція в XVIII столітті не могла внутрі між собою поладити внутрішні розходження... Головною причиною непорозумінь... були матеріальні добра».

Зато Войнаровский отказался в пользу генерального писаря Орлика от булавы. Реальные деньги он предпочел мифическому титулу гетмана в изгнании. Он был человек молодой, легкомысленный, любивший женщин и карточную игру. Одолжив Карлу деньги, племянник Мазепы счел это весьма выгодной инвестицией в свое будущее и предался радостям заграничной жизни, проводя время в разъездах по всем доступным столицам Европы от Стамбула до Стокгольма.

Горшочек явно не пустой...

Где-то по дороге он обзавелся еще и вышеупомянутой «женой» — дочерью Переяславского полковника Анной Минович, которая влюбилась в племянника Мазепы, бросила своего мужа войскового товарища Семена Забелу и подалась за границу.

Это была вредная авантюристичная баба. Никто не вспомнил ее добрым словом — ни на Украине, ни в среде «первой волны» украинской эмиграции. Орлик считал, что именно Анна портит его отношения с Войнаровским. А жена Орлика в одном из писем отозвалась о ней так: «Бог відає про теперішню пані Войнаровську, кому вона остаточно належить, чи Войнаровському, чи її першому мужові Забілі». С Войнаровским она обвенчалась в Бендерах вопреки всем церковным законам — не разведясь со своим первым мужем. Впрочем, и Войнаровский ее недолго выдержал. Он сбежал от Анны в 1715 году во Вроцлаве, оставив ей дочь Элеонору, а сам вместе с сыном дернул в Вену.

В следующем году поиздержавшийся Войнаровский явился в Швецию, чтобы напомнить королю о долге. Но Карл XII, как обычно, воевал, сам нуждался в средствах и не имел возможности расплатиться. Несолоно хлебавши, племянник Мазепы уехал в вольный город Гамбург, славный богатым портом, борделями и широкой карточной игрой.

Андрей Войнаровский получил украинскую казну благодаря лжесвидетелю, но и с ним не расплатился

Местные дамы и шулера были от него без ума. Не дремало и царское правительство, агенты которого по одному вылавливали беглых мазепинцев и возвращали царю Петру, Царская разведка работала отлично. Ее офицеры, в том числе знаменитый капитан Румянцев, прославившийся тем, что изловил царевича Алексея, следили за легкомысленным Войнаровским и даже играли с ним в карты, пользуясь его общеизвестной слабостью.

Племянника Мазепы схватили прямо на улице, когда он возвращался с обеда у графини Кенигсмарк и доставили в русское посольство. Гамбургский магистрат возражал, но

российский резидент (посланник) заявил, что Войнаровский — беглый царский подданный, казнокрад и должен быть немедленно возвращен России. «Этого кавалера жаль вдвойне, — писал прусский посланник в Гамбурге. — На днях он проиграл все свои деньги в карты, а теперь может потерять жизнь».

За пленника завязалась короткая дипломатическая борьба. Шведы утверждали, что Андрей — полковник их армии. Сам же он оправдывался, что никогда «не участвовал ни в каких заговорах вместе с дядей» против царя и выражал надежду, что король шведский его освободит. Но королю был не нужен человек, которому он был ТАК много должен. Попротестовав для виду, благородные европейцы отдали племянника выдающегося казнокрада в августейшие лапы царя Петра. Остаток своей жизни он провел сначала в Петербурге под следствием, а потом в Сибири, прожив еще больше двадцати лет в здоровом русском климате за Уралом и переписываясь время от времени со своей супругой, оставшейся в Европе.

В отличие от жен декабристов, Анна Забела-Войнаровская решила не ехать за мужем в далекий Якутск, предпочтя ему тоже холодный, но куда более близкий Стокгольм. Там она занялась выколачиванием из шведского правительства долгов своему супругу.

Незаконной жене Андрей Войнаровский завещал кредиты шведскому королю. И даже успел нотариально оформить свою волю. Анна, «чрезвычайно проворная женщина», по словам Любомира Винара, в 1718 году прибыла в Швецию и засыпала ее своими претензиями, как снегопадом. В шведском государственном архиве нашли больше семидесяти ее писем на латинском, немецком, французском и шведском языках. Вряд ли она была полиглотом. Но в Швеции нашлось достаточно адвокатов, занявшихся делами энергичной жены двух украинских мужей.

*Бюст Карла. Его шведы
хотели подарить Полтаве*

Карл XII признал свой долг. Да и как ему было не признать? Король вел бесконечные войны, постоянно нуждался в деньгах и должен был заботиться о своей «кредитной истории»; Но, по стечению обстоятельств, уже в феврале следующего года «льва Севера», как его называли льстецы, подстрелили в Норвегии при осаде какой-то крепости. Тогда Анна взялась за наследницу погибшего — королеву Ульрику Элеонору, родную сестру бездетного Карла.

В наступившей после его смерти анархии (фактически страной правил парламент — риксдаг) пани Войнаровская чувствовала себя на своем месте. Она предъявила счет больше чем на миллион талеров с хвостом. От части долга Анна была готова отказаться. Но 400 тысяч талеров упорно требовала, несмотря ни на какие возражения. Попутно вредная женщина еще и бомбардировала посланиями другие европейские дворы, разжигая международный скандал.

*Сестра Карла XII Ульрика
Элеонора унаследовала коро-
левство бездетного брата
и его украинские долги*

Поначалу шведы откупились от нее пенсией, назначив 4000 талеров ежегодного вспомоществования. Но этим двоемужница не удовлетворилась. В конце концов дело Забелы-Войнаровской было рассмотрено даже на совещании министров. После доклада те пришли к выводу, что от вредной бабы нужно как-то откупиться. Ибо, как заявил граф Кронгиельм: «Я очень боюсь, что, если она не получит удовлетворения, то это дело еще не однажды принесет нам хлопоты. Я думаю, если с ней договориться, то Войнаровская отречется от значительной части своей претензии и согласится, чтобы с ней расплачивались по частям на протяжении пяти, шести, а, может, даже десяти лет. Если же она уедет, ничего не получив, и выставит свои требования через посредничество какого-нибудь из правящих домов, то, наверняка, мы не сды-хаемся так просто этого дела».

В конце-концов Войнаровская получила некоторую сумму наличными, дом в Стокгольме и замок Тиннельсе над Малерским озером. На содержание замка денег не хватало, и аферистка, догадавшись, что от нее отделались слишком дешево, тут же стала распродавать здание по частям. Первым делом она загнала на вывоз медную крышу замка. А все остальное, оставшись без кровли, под холодным шведским небом просто развалилось, хотя и было построено из камня.

Точная сумма, заплаченная жлесупруге Войнаровского шведами, неизвестна. По-видимому, она была невелика, так как вскоре Анна устроилась подрабатывать еще и на русскую разведку. Выдающаяся деятельница эмиграции следила за гетманом Орликом, обещала заманить его к себе в гости и выдать царским агентам — тоже на вывдз, как крышу замка. В обмен дама желала получить из Сибири своего обожаемого супруга. Один план в ее живом мозгу сменялся другим. В 1722 году она даже предлагала Петру I бартер: вы мне мужа, я вам — половину того, что мне должны шведы. Наглость ее, как и предприимчивость, не знала предела. Конец ей положила только смерть.

Однако документ, который бы свидетельствовал, что шведское правительство получило от Войнаровской отказ от претензий, историками не обнаружен.

Как видим, «золото Мазепы» было признано Швецией его личным имуществом, а не казной украинского государства, на основании жлесвидательства. Войнаровский не имел на эти деньги никаких прав. Еще меньше прав на них было у его «жены». Никто не разводил ее с первым супругом Забелой. Значит, считаться законной половиной Войнаровского она не могла. И по церковным и по гражданским законам, Анна Забела-Войнаров-ская — преступница, виновная в двоемужестве. Шведское правительство не знало об этом факте,

иначе бы даже не откупалось от нее по мелочам.

Выходит, до сих пор Швеция должна Украине огромную сумму. А вот сколько, давайте прикинем. В 1709 году это было 611 тысяч 66 талеров. Если учесть набежавшие за три столетия J процентов годовых, то на сегодня долг Швеции нам составляет 11 610 254 талера (пишу прописью, как в финансовой ведомости: «одиннадцать миллионов шестьсот десять тысяч двести пятьдесят четыре талера»).

Каждый шведский талер (в местном произношении «далер») насчитывал 28 грамм чистого серебра. То есть, в серебре Швеция должна 325 087 кг и 112 гр. Стоимость одного грамма серебра сегодня примерно 50 центов, по курсу Нацбанка. При переводе в доллары США — универсальное платежное средство наших дней — набегают кругленькая сумма: 169 млн 633 тыс. 783 доллара.

Но еще интереснее, если пересчитать ее по курсу нумизматического рынка, где выставляются старинные монеты. Вот там счет может пойти и на миллиарды — естественно, за всю казну, присвоенную Мазепой и «одолженную» Карлом.

Карл XII принадлежал к Пфальц-Цвейбрюкенской династии. Сейчас в Швеции правит Бернадотты. Но это не имеет значения. Карл одалживал деньги не как частное лицо, а как глава государства. Кровное родство не имеет в этом споре никакого значения. Зато важно право наследования. Нынешняя Швеция — прямая преемница Швеции Карла. А нынешние короли — наследники его имущества и его долгов.

Конечно, получится международный скандал. Но Румыния совсем недавно не побоялась такой шумихи, потребовав кусочек шельфа возле острова Змеиный. И выиграла спор. Если Украина проявит настойчивость, можно точно так же потащить в международный суд Швецию.

Этот иск имеет под собой огромную документальную базу. В значительной степени эти документы еще и опубликованы. Ведь шведские историки не подозревали, что Украина получит независимость и сможет потребовать то, что у нее забрали в начале XVIII века захватчики из Скандинавии и их марионетки — Мазепа и Войнаровский.

Недавно к 300-летию Полтавской битвы шведская «Ассоциация друзей военного музея Стокгольма» пыталась подарить знаменитому украинскому городу бюст своего битого Карла XII. Мэрия Полтавы гордо отказалась, в очередной раз отразив нашествие беспардонного Запада и его приспешников. Не надо нам ваших бронзовых чушек! Вы деньги верните, которые за триста лет должны! Ведь дальше процентов набежит больше. А возвращать все равно придется. Отдавай-ка, Стокгольм, миллиончики!

Глава 12.

Конец эпохи полуботков

Кого бы еще почтить?», — наверное, подумал Виктор Ющенко, решив все другие проблемы Украины, и подписал 20 января 2010 указ о праздновании 350-летия «звезды» местной бюрократии былых времен — наказного гетмана Полуботка, славного банковскими аферами.

Очень символично, что, прощаясь с булавой, Ющенко приказал отпраздновать юбилей именно Полуботка. Третий президент поставил жирную точку в целой эпохе беспочвенной национальной романтики, смешанной с безудержным бюрократическим воровством.

Финал великого коррупционера. Картина художника XIX века В. Волкова «Петр I посещает Полуботка в Петропавловской крепости»

Она началась примерно в 1990 году с мифа об украинской колбасе, которую «з’їли» злые москали, и 16 миллиардах фунтов стерлингов, якобы ждущих нас в лондонском Бэнк оф Инглэнд сразу после обретения независимости. Это золото, по уверениям «осведомленных», разместил там скромный украинский герой — наказной гетман Полуботок перед тем, как отправиться в Петербург на профилактическую беседу к царю Петру.

Я помню, как энтузиасты, спорившие на Майдане в самом начале 90-х, это «золото» делили, вычитая, сколько достанется на каждого из 52 миллионов тогдашних украинцев. Выходила фантастическая сумма — что-то около 300 тысяч долларов на каждую очумелую национально-свидомую голову, с учетом набежавших процентов! Сегодня, наверняка, еще больше «наросло», в связи с физическим исчезновением части «наследников» — тех 6 миллионов наших граждан, что переселились в мир иной после провозглашения суверенитета.

Эту эпоху поисков мифического украинского золота Ющенко и закрыл, распорядившись «увековечить» память Полуботка и в двухмесячный срок утвердить план мероприятий, включающих установление монумента гетману в Чернигове, памятных знаков в тех местах, где он бывал, и проведение раскопок на территории бывшей гетманской усадьбы.

Особенно интересно с раскопками! Может, опять будут там золото искать, разуверившись получить его из гордой Британии. Или же — рыть туннель в Евросоюз, по которому каждый желающий сможет пройти в ту Европу, с которой Виктор Андреевич обещал так недавно нас сблизить. Кто их знает? Главное, согласно указу президента, к этому мероприятию велено было подключить Национальную академию наук, что логично — в связи с исчезновением фундаментальных научных исследований в эпоху развитого национализма нашим академикам только и осталось, что лопаты раздать, дабы они копались на задворках полуботковского поместья, не мечтая о всяких «коллайдерах».

Полуботок на глазах превратился в знаковую фигуру. Он завершил длинный ряд попыток создать национальный миф из пустоты — алхимических опытов по превращению слуги пяти господ Мазепы в борца за независимость, гитлеровского офицера Шухевича — в Героя Ук-раины, а безударного историка Грушевского — в «першого президента», каким он никогда не был.

Я понимаю, чем так близки были все эти люди нашим властителям переходной «оранжевой эпохи». Они тоже мнимые величины — пустота, окруженная пиаром. Но

одновременно — это ключ к пониманию нашей сегодняшней жизни, которая тоже станет историей.

Что гласит о Павле Полуботке официальный миф? Жил в Чернигове в начале XVIII века такой полковник. Накопил гигантские богатства. После смерти гетмана Скоропадского пролез в наказные гетманы — по-нынешнему вр. и. о. гетмана — временно исполняющий обязанности. Но очень хотел стать не вр. и. о., а настоящим гетманом. Настаивая на своем избрании, которое официальный Петербург постоянно откладывал. Полуботок якобы боролся за права Малороссии и заваливал инстанции требованием своих выборов. Эта бюрократическая «борьба» окончательно достала царя Петра. В 1723 году Полуботок был вызван в Петербург, арестован, посажен в Петропавловскую крепость и вскоре умер — то ли в конце того же года, то ли в начале следующего. Но перед поездкой успел все свои неисчислимы сокровища отправить в Лондон — в один из тамошних банков, завещав их народу Украины, который может получить эти деньги сразу же после обретения независимости.

А ведь эта фантастическая история и есть украинская национальная идея, которую ищут и не могут найти! Жизнь Полуботка — не как реального политического деятеля, а как героя анекдота о банковском вкладе — одновременно мечта наших люмпенов, и нашей олигархии. Первые хотят ничего не делать и, в конце концов получить 300 тысяч долларов из какого-нибудь банка. А вторые, разбогатев не известно на чем (хотя все знают, что при этом пропало), «завещают» свои богатства не своим современникам — весьма реальному и неприглядному народу — а будущей идеальной нации, которая станет этого достойна.

Давайте отнесемся критически к этому мифу. Полуботок — должностное лицо. Сначала полковник, потом — наказной гетман. Откуда у него такие богатства? Разве он придумал какую-то инновацию, открыл промышленное производство? Можно его сравнить с Генри Фордом — отцом американского автомобилестроения, или русским купцом Демидовым, создавшим уральскую металлургию? Или с тем же Билом Гейтсом — богачом номер один нашей эпохи, благодаря компьютерным программам которого я пишу эту главу?

Нет! Полуботок ничего не производил и не изобретал! Как же он разбогател? Остается только один ответ — этот «герой» Виктора Ющенко, используя служебное положение, превратил в источник дохода свою должность. Попросту говоря, делал то же, что и наши нынешние политики, живущие по формуле «власть — деньги — власть». Полуботок — обычный коррупционер. Он контролировал, то есть «крышевал» торговлю водкой, зерном и табаком в пределах подвластного ему Черниговского полка, являвшегося не только военным подразделением, но и административной единицей. А заодно проталкивал по служебной лестнице местную «золотую молодежь».

Как писал его дореволюционный биограф Александр Коваленко, «У бывшего полковника черниговского Павла Полуботка многие малороссийских и польских шляхтичей дети придворно служивали, с которых он, Павел Полуботок, иных сотниками, а иных значковыми полка Черниговского товарищами производил».

Эту информацию можно прочесть в обычном путеводителе по Чернигову! Кто же виноват, что у нас даже путеводителей уже не читают?

Слепить из Полуботка очередного национального героя также сложно, как из Петлюры великого полководца, а из Грушевского — мыслителя. Церквей не строил, трудов не оставил. Учебных заведений не открывал. Зато в 1708 году Полуботок оказался одним из тех четырех полковников, которые не убежали вместе с Мазепой к шведам. Шесть других — смылись хоть и без своих полков, сохранивших верность царю. А черниговский — остался, чем, с точки зрения таких «историков», как Виктор Ющенко, конечно же, предал Украину. Правда, его «предательство» искупается его же мученической кончиной в Петропавловской крепости через пятнадцать лет после этого.

*Петропавловская крепость. Отличное место
для думающего человека*

Однако за что попал Полуботок в Петропавловку? Увы, его арест — закономерный итог деятельности любого коррупционера. Павло Леонтьевич зарвались — одними из первых в Украине начали махлевать с выборными технологиями. Причем, сразу по крупному.

Наказной гетман бомбардировал Петербург мешками писем. Их авторы требовали срочного проведения в Украине новых «свободных» выборов и безальтернативного избрания на них Полуботка. В Петербурге письма проверили. И изумились наглости своего верноподданного. Полуботок массово сфальсифицировал письма в поддержку себя. Из 9 тысяч этих посланий подлинных оказалось... чуть больше ста.

Вскрылись и другие нарушения по службе — прежде всего многолетнее мздоимство в Черниговском полку. Пожилой 63-летний казнокрад был арестован. Против него открыли дело. Но изношенный коррупцией и подорванный долголетним злоупотреблением горячительными напитками организм претендента на булаву не выдержал. В разгар следственных экспериментов Полуботок переселился в мир иной.

Полуботок. По портрету видно, что он любил выпить и закусить

О духовных запросах покойного свидетельствовала собранная им коллекция элитного спиртного. Ее описывает в «Книге пожиткам бывшего черниговского полковника Павла Полуботка» Григорий Милорадович:

«Водок в бутылках с разными водками 77 бутылей полных; стеклянный бочонок водки померанцевой;... 2 бочонка больших вишневого вина; сливового вина 2 ставка, ведер по 5; винограду покладывано 5 бочек, ведер по 7; больших бочек с вином вишневым и сливным 8; налиты вином с яблоками и сливами 7 больших, простое вино 2 бочки больших, третья початая; бочка неполная водки; 5 бочек с вишнями и дулями, в них вина не по многу; 3 бочонка водки, ведер по 7 ...9 бочек с яблочной водою».

Водка «померанцевая» — это настойка на апельсиновых корках. Казачья старшина не интересовалась, в отличие от Петра I, новинками западного кораблестроения, механикой Ньютона или философией Лейбница, но знала, что водку лучше всего настаивать на апельсинах! Чувствуете, насколько она превосходила по широте мировоззрения «диких москвитов»? и как на нее похожа нынешняя старшина, гноющая крейсер «Украина» на стапелях Николаевского завода, но знающая, что премьер-министр такой передовой страны, как наша, должна носить именно Луи Виттон и транспортировать свое тело только в Мерседесе?

Кстати, Полуботок с его подвалами и амбарами, набитыми пойлом, — не исключение из правил, а самый яркий пример. Откройте для любопытства дневники его младших современников подскарбия Марковича или генерального хорунжего Ханенко — они чуть не целиком состоят из описаний, с кем их авторы пили, играли в карты и кому давали взятки!

Один из показателей качества правящего класса — уровень архитектурного строительства. Что останется после Ющенко? «Мистецкий Арсенал»? Так его при курносом Павле I построили, правившем меньше, чем Виктор Андреевич! Ющенко в этом Арсенале только «поковырялся»...

Нынешние «корманичі» украсили мир лишь уродливым скоплением особняков в Конча-Заспе, где они пили и ели. Полуботок оставил после себя в Чернигове такой же архитектурный памятник — корявую домину в стиле украинского «баракко» — берлогу «нового зкраинца» XVIII столетия. Смотришь на нее и сразу понимаешь: не Версаль.

Впервые дело о наследстве Полуботка всплыло больше века назад. Московская газета «Русское слово», чей тираж доходил до полумиллиона экземпляров, писала 19 января 1908 года: «В прошлом году в газетах промелькнуло известие, что бывший украинский гетман

Полуботко оставил в английском банке наследство в 15 милл. рублей, которое теперь достигло колоссальной суммы в 800 миллионов рублей.

Весть эта всполошила многочисленное потомство бывшего гетмана. В местные киевские газеты чуть ли не ежедневно приходили разные дица, русские, поляки, так или иначе считающие себя наследниками колоссального богатства. «Наследники» всюду рыскали, спрашивали, но их усилия пока остаются безуспешными».

Гиляровский. «Король репортеров» опроверг легенду о золоте Полуботка

Хотя род Полуботка пресекся еще в XVIII столетии, «наследников» набралось полтысячи человек! В городе Стародубе в том же 1908 году они провели съезд, учредили комитет по поиску своего «богатства» и направили делегатов в Лондон. Выяснилось, что банк Ост-Индской компании, где гетман-коррупционер якобы разместил свои украденные у народа миллионы, давно не существует, а его правонаследник — Бэнк оф Инглэнд — такими средствами даже не располагает. Кроме того, у посланцев не оказалось никаких документов, доказывавших их права и существование подобного вклада.

Знаменитый журналист — корреспондент «Русского слова» Владимир Гиляровский тогда же расследовал это дело и в своей статье привел письмо своего друга — авторитетного историка казачества Яворницкого, которого осаждали полуботковцы-кладоискатели. Это письмо он процитировал в своей статье от 21 января 1908 года «Лжемиллионы гетмана Полуботка»:

«О миллионах наказного гетмана Полуботка скажу тебе, что это чистейший вздор, которым можно тешить только слишком доверчивых людей... 20 лет тому назад известный Андрей К-о из Новомосковска выдумал миллионы Полуботка и объявил себя ходатаем за всех родичей гетманских перед лондонским банком. Нашлись люди, которые давали ему 2000 и 3000 рублей на хлопоты. Он все это подобрал, да и был таков. Теперь об этом же заголосил отставной профессор петербургской консерватории Ал. Ив. Рубец, и повторилась прежняя история. Как из мешка раки, так ко мне полезли разные паны нашей губернии за справками, не родичи ли они Полуботку. Идут старики, идут старухи, идут девицы, идут в музей, идут в дом, идут днем, идут ночью».

Итак, в основе легенды лежит обычная афера, выдуманная, чтобы слупить денег за мнимых наследников. Но уже в наши дни сюжет с украинскими миллионами, вывезенными за границу, многократно повторился. Причем, в реальности! Чем не «полуботок» нашего времени — бывший премьер-министр Лазаренко, отбывающий срок за океаном? И зовут его тоже Павло, и миллионы вывез, и сам сел в заграничную темницу за экономические фокусы!

И сколько у нас еще таких «полуботков» развелось?!

Глава 13. Голая правда о двуязычии в Украине

Ужасный факт! Но... русский язык в Украине на шесть столетий старше украинского!

Мы привыкли за последние двадцать лет слышать с высоких трибун одни и те же заклинания о бесправии украинского языка в Российской империи и русификаторской политике царской власти. Пресловутым Эмским указом после 1991 года Украину пугали все кому не лень, как чучелом крокодила. А с приходом к власти бывшего члена КПСС Виктора Ющенко к этому прибавилась новая страшилка — «высочайше утвержденная» хоружевским самодуром формула «геноцида украинского народа», в которую придворные ющенколизы из всевозможных институтов национального склероза загнали едва ли не всю советскую национальную политику. Просто, удивительно, как при таком тотальном «геноциде» уцелели такие шустрые субъекты, как тот же Виктор Андреевич с его безудержными аппетитами к власти, женщинам, роскоши, деньгам и загородным дворцово-парковым комплексам, вроде пресловутого Безрадичей?

Одна страна — два языка. Языковая толерантность должна стать нормой в Украине — просто потому, что этого хочет большинство

Вот, скажем, любимые Виктором Андреевичем и его супругой американцы проводили геноцид индейцев — так ни один могикинин не уцелел! Только роман Купера «Последний из могикинов» остался печальной памятью государственного людоедства в США.

Самое лее смешное, что, критикуя царизм и советский тоталитаризм за ущемление украинского языка, современные националисты (кстати, среди них было множество неукраинцев, как тот лее Турчинов или его покровительница Телегина-Григян, прославившаяся под политической фамилией Тимошенко) не стеснялись точно такими же методами истреблять в Украине русское слово. Эмский указ Александра II запрещал издание украиноязычной прессы и научных книг, оставляя, как глоток воздуха, только художественную литературу. А разве не в том же духе действовали господа, придумавшие пресловутый лимит на русскоязычные передачи на нашем ТВ и совсем недавно, в ющенковские времена, перекрывать далее русскую речь украинских граждан синхронным переводом в выпусках новостей на Первом Национальном. Чем они лучше? Ведь сегодня телевидение играет ту же роль, что в позапрошлом столетии газеты и книги.

Плохо, что царь в далеком XIX столетии не допускал украинские школы. Никто не

собирается называть это образцом просветительства и либерализма. Но разве распоряжение тимошенковского Кабмина, запрещавшее учителям разговаривать на переменах на русском языке, было «просвещеннее»? Разве нормально, что в русскоязычном Киеве почти не осталось русских школ и что в украинских школах ни часа не выделяется на русский язык и литературу, для развития которых так много сделали выходцы из Украины? Разве может называться современной и демократической страна, где полностью запрещена реклама на русском языке? Неужели Киев снова, как в 1918 году, взят бандами бывшего австрийского прапорщика Коновальца, запомнившегося горожанам только лютой ненавистью к русским вывескам на булочных и парикмахерских?

Пришло время разобраться, действительно ли русский язык — чужой на Украине, принесенный сюда «московскими оккупантами»? Тут я должен прямо сказать: у нас в стране ложь о языке и истории с политических трибун давно проникла на университетские кафедры и в учебники. Фактически в Украине сфальсифицирована вся история украинского языка. Почему, если он такой «древний», на нем никто не писал и не разговаривал во времена Киевской Руси? От того времени сохранились десятки летописей, сотни художественных произведений, огромное количество настенных надписей — но ни одна из них не молсет быть названа «украиноязычной».

Откройте, пожалуйста, «Слово о полку Игореве». Вот ее начало: «Нелепо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы трудных повестей о полку Игореве Игоря Святославлича? Начати же ся той песни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню»... Скажите, это украинский язык? Где тут такие словечки, как излюбленное нашими телевизионщиками и употребляемое, к месту и не к месту «наразі»? Кстати, не украинское, а позаимствованное из польского, где «paгаз» означает «одновременно».

Еще пример. Знаменитый зачин первого исторического произведения Киевской Руси: «Се повести времяньных дет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть». Это было написано в Киеве на рубеже XI-XII веков. И написано по-русски. На точно таком же языке разговаривали тогда в Новгороде и Пскове, Смоленске и Полоцке, Суздале и Ростове. Сегодня этот язык называют древнерусским. Но, естественно, что современники Нестора Летописца и Владимира Мономаха не сказали бы, что говорят на «древнерусском». Для них это был просто русский язык или «словенский». Но никогда ни один современный Киевской Руси документ не именует этот язык «украинским».

С распадом Киевской Руси народ, населявший ее, и язык, на котором он говорил, не исчез. Несмотря на то, что западные русские земли захватили литовцы и поляки, единая русская культура продолжала существовать как на территории, подвластной московским князьям, так и в княжествах, подпавших под власть Польши и Великого Княжества Литовского.

Характерный пример: памятники русскому первопечатнику Ивану Федорову, носившему прозвище Москвин, стоят как в Москве, так и во Львове. И по заслугам! В 1564 году этот великий типограф, уже успевший к тому времени напечатать «Апостол», бежал из столицы Ивана Грозного в Польшу. Он не выдержал ненависти московских книжных переписчиков, поджигавших его типографию. Эмигрант поселился во Львове, где была сильная православная община. Тут, используя вывезенный из Москвы набор, он напечатал такой же «Апостол» на ТОМ ЖЕ языке — по мнению специалистов, полное повторение московского издания, только в более богатом оформлении.

Первопечатник Иван Федоров

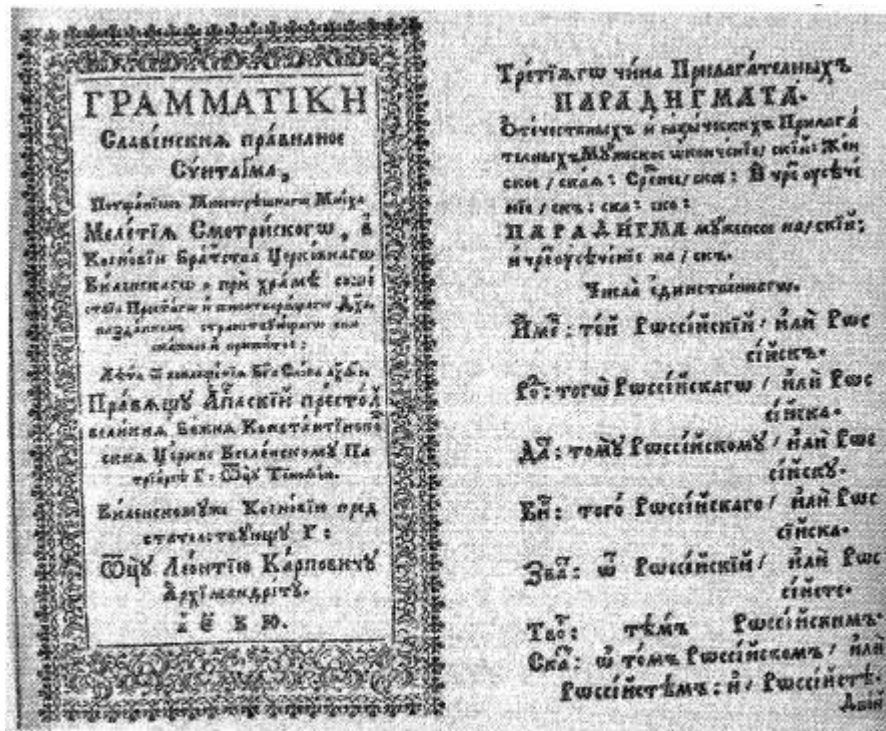
Книга его разошлась по Западной Руси — ее читали в Киеве, Витебске, Луцке. Так могло случиться только потому, что во всех этих землях продолжал нормально функционировать и развиваться язык древней Руси. На нем говорила церковь и все образованные люди. Все литературные произведения XVI—XVII веков написаны именно на этом языке. Иногда его еще называют «книжным». Но книжный язык, перед тем как попасть в книги, должен существовать в головах его носителей, что и было в реальности.

Тут, кстати, впору вспомнить о соратнике Федорова — Петре Мстиславце, о котором обычно забывают. Он был родом из белорусского Мстиславля. Вместе с Федоровым работал в Москве. Вместе с ним бежал. Но поехал не во Львов, а в Вильно (нынешний Вильнюс, а тогда русскоязычный город — столица Великого Княжества Литовского). Там Петр Мстиславец издал «Евангелие» и «Псалтырь». Естественно, на русском языке, одинаково понятном тогда как в Великой, так и в Малой и Белой Руси. Основными потребителями продукции Мстиславца были белорусские православные священники и грамотные горожане.

Наши историки националистического уклона любят хвастаться, как подняли образованность Москвы в XVII веке киевские ученые из Могилевской академии. А теперь задайтесь вопросом: можно ли «поднимать ученость», если вы говорите на языке, не понятном вашим ученикам? Представьте, что сегодня в Москву приехал из Канады какой-нибудь профессор Шворк — носитель канадийского диалекта украинского языка и пытается там кого-то просвещать, оперируя такими «славянскими» словами, как «інвазія» и «атентат», непонятными даже полтавчанам и одесситам. Шворк уедет домой в Канаду разговаривать с себе подобными «шворками». А выходцы из Киева во времена Алексея Михайловича и Петра Первого не только прижились в «варварской Московии», но и основали там Славяно-Греко-Латинскую академию и заняли высшие посты в церковной иерархии. Это произошло только потому, что литературные языки Киева и Москвы в XVII столетии практически НЕ ОТЛИЧАЛИСЬ друг от друга.

Приведу яркий пример фальсификации истории украинского и русского языков, которым мутят сознание студентов на филологических и исторических факультетах. Общеизвестно, что в 1619 году вышла в свет «Грамматика» Мелетия Смотрицкого — ученого-филолога родом из местечка Смотрич в Подолии.

В курсе украинского языка ее проходят как одну из первых «українських» грамматик. И при этом сообщают студентам, что она оказалась настолько «удачной», что по ней преподавали в Москве даже в XVIII веке. Понятное дело, что украинскую мову в Москве тогда не изучали.

«Грамматика» Мелетия Смотрицкого —
якобы «древнеукраинская», но все слова в ней русские

Так какой же язык описывает книга Смотрицкого и на каком языке она написана? Открываем подлинник и читаем на титульной , странице: «Грамматики славенския правильное синтагма, потщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого». Очень по-украински звучит? А знаете, какими терминами оперировал Смотрицкий в своем учебнике? Время у него «будущее» и «настоящее», а не «майбутнє» и «теперішнє», число, естественно, «множественное» и «единственное». Он употребляет термин «глагол — есть часть слова скланяемая», а не «дієслово», как в современных украинских учебниках. Падежи у него — «именительный», «родительный», «дательный», «винительный», «звательный», «творительный». Особенно же забавно читать страницу, где он склоняет страшное для любого националиста слово «российский»! И хоть бы раз на всю «Грамматику» Смотрицкий употребил существительное «Украина» или прилагательное «украинский»! «Грамматика» Смотрицкого описывает правила РУССКОГО ЯЗЫКА, на котором и говорил этот образованный монах из Подолии.

Очищенные от политических измышлений факты неопровержимо доказывают: на территории нынешней Украины русский язык древнее украинского примерно на 600 лет! Украинский начал формироваться только во второй половине XVI столетия — после Люблинской унии, когда эта часть Руси перешла от Великого Княжества Литовского к Польше. Тогда распался общий и для Белой, и для Малой Руси западно-русский диалект. Белоруссия осталась под Литвой, и местные народные говоры превратились в конце концов в то, что сегодня мы называем белорусским языком. А малороссийские говоры испытали серьезнейшее воздействие языка польских оккупантов.

Польско-русский суржик дал начало украинскому языку. Из польского языка заимствованы такие слова, как «рахунок» («счет»), «протяг» («сквозняк»), «уряд» («правительство»), «уживаний» («употребляемый»), «вигнанець» («изгнанник»), «зникать» («исчезать»), «знов» («опять»), «балія» («лохань»), «бруд» («грязь»), «хвороба» («болезнь»), «цимбали» (надеюсь, переводить не надо), «гвинт» («винт»), «гарт» («закалка»), даже «людожерство» («людоедство») и «мавпувати» («обезьянничать»)! Многие русские слова под воздействием польского произношения в XVI — XVII веках приобрели полонизированный окрас. Одним словом, от русского ушли, а к польскому так и не пришли.

Язык так называемых «староукраинских» письменных памятников того периода — это такая причудливая смесь львовского с краковским, что понять его без затруднений может только специалист-филолог. Да и то не всякий, прочитайте, к примеру, запись из «Львовской летописи» 1630 года: «Жолнире до Києва прыхали с тым интендом, аби впрод козаков, а за тыщ во вшисткой України русь выстынати аж до Москвы». Некоторые полонизмы, как слово «вшисткий» («весь») со временем отсохли. Другие живут до сих пор. Даже слово «мова» — заимствование из польского.

В XVI столетии, когда нашему крестьянину пришлось разговаривать с польским паном и его управителем, и появилась на свет украинская мова. Это правда. Против этого, как говорится, не попрешь. Но литературный русский язык продолжал существовать на Украине. Его сохраняла, прежде всего, церковь. И сохранила — до самой Переяславской Рады. А потом русская речь получила новый толчок, результатом которого стало появление Пушкина и Гоголя — москвича и полтавчанина, с которых и началась наша классическая проза.

До второй половины XIX века украинское правописание ничем не отличалось от общерусского. Первое произведение украинского национализма — «История русов» — написано на русском языке. Три четверти произведений Шевченко — тоже по-русски! А его украиноязычные произведения частично сфальсифицированы «горе-украинизаторами» XX столетия. К примеру, у Шевченко нет книги «Кобзарь». Все прижизненные издания назывались «Кобзарь» — с мягким знаком в конце. Точь-в-точь как в русском языке. По-русски написана половина публицистики Петлюры. Даже свой журнал «Украинская жизнь» (какой ужас!) он издавал на русском языке в Москве. Журнал «Киевская старина» — библия для любого, кто возьмется изучать украинскую историю, двадцать пять лет выходил на русском. Герои комедий Квитки-Основьяненко говорят и по-русски, и по-украински, прекрасно иллюстрируя то, что мы называем двуязычием. Так было в жизни. Естественно, наиболее талантливые и смелые писатели не боялись этого и в литературе.

Невозможно забыть родной язык. Или убить его в себе — стереть из мозга, вычеркнуть из памяти, специально научиться писать с ошибками, еще вчера зная его на «пясть». Только склероз, маразм, тотальная потеря памяти, затмение сознания, сопровождающееся обильным слюновыделением, как у взбесившейся собаки, помогут тебе в этом никак иначе не выполнимом деле.

Ответ: А ты разучился дышать?

Забывать родной язык можно только забыв себя, потеряв самоидентичность, разрушив

свою личность и заболел психически. Может, тогда и забудешь (хотя это еще вопрос!), но кусаться точно начнешь! Уж поверьте моему «врачебному» филологическому опыту, немало вместившему таких «пациентов», подцепивших инфекцию «дерусификации»! Выть будешь на каждую вывеску, написанную по-русски, на каждое русское слово, даже на треньканье балалайки! Нацепи на себя хоть «луи виттон», хоть «бриони», а на четвереньки станешь и залаешь, как собака Жучка или пес Бровко. Причем, не с мягким фрикативным, а с взрывным московско-русским «г»! «Гаф»! «Гаф»! «Гаф!»

Хоть кнутом изгоняй из себя русский язык, хоть химикатами вытравливай, а он все равно останется в твоей голове. Ткнет в гнилую грудь железной ломоносовской указкой, прорубится шолоховской шашкой Гришки Мелехова, прорвется топотом копыт пушкинского «Медного всадника» и даст тебе подковой по чугунному лбу в самый неожиданный исторический момент! В самый неподходящий... Когда ты, может быть, как раз деньги за предательство самого себя собрался пересчитывать и трескать в одиночку, не делаясь даже с подельниками, ящик печенья с бочкой варенья, как гайдаровский Мальчиш-плохиш.

Можно прикидываться, что ты русский язык не знаешь. Можно орать в истерике, как Тимошенко-Григян-Телегина на суде, что разучился понимать по-русски. Но знать все равно будешь! От себя-то этот факт не скроешь — будь ты хоть трижды бесноватым или бесноватой! Русский язык был и останется РОДНЫМ для подавляющего большинства народа Украины. Как родной для него была и останется Русь.

И напоследок шутка, которую мне прислали друзья на мобильник в самый разгар ющенковского лихолетья. Это перевод на украинский знаменитого стихотворения в прозе Тургенева, которое в детстве мы учили в школе наизусть по-русски: «У дні сумнівів, у дні тяжких міркувань про долю моєї Батьківщини ти єдина в мені надія та підстава, о велика, могутня, правдива та вільна російська мова!»

Глава 14. Мюнхгаузен в степях Украины

Кто такой барон Мюнхгаузен, знают все. Но вряд ли задумываются, что его приключения — и выдуманные, и реальные — происходили, в том числе, и в наших Краях! Барон ходил по киевским улицам, ел украинскую колбасу, пил пиво и, наверняка, норовил ущипнуть за зад пышнотелую украинскую девку, чьи достоинства лучше любых нынешних миниюбок подчеркивала тогдашняя плахта. Знаменитый враль и фантазер

*Подлинный портрет: когда барон попал в Россию,
ему было всего 17 лет*

был абсолютно реальным человеком, оставившим в архивах множество документальных свидетельств своего существования. Если задуматься, то Мюнхгаузен — самый знаменитый иностранец, когда-либо посетивший Украину. Тем не менее, ни памятника ему в Киеве, ни мемориальной доски нет, хотя он ее вполне заслужил, да и подавляющее большинство наших соотечественников ни слухом, ни духом не подозревают о его многолетней службе в Российской империи и участии в походах по украинским степям.

Знакомая с детства книга о Мюнхгаузене начиналась так: «Я выехал в Россию верхом на коне. Дело было зимой. Шел снег. Конь устал и начал спотыкаться. Мне сильно хотелось спать... Но напрасно искал я ночлега: на пути не попадалось ни одной деревушки. Что было делать? Пришлось ночевать в открытом поле. Кругом ни куста ни дерева. Только маленький столбик торчал из-под снега. К этому столбику я кое-как привязал своего озябшего коня, а сам улегся тут же на снегу и заснул».

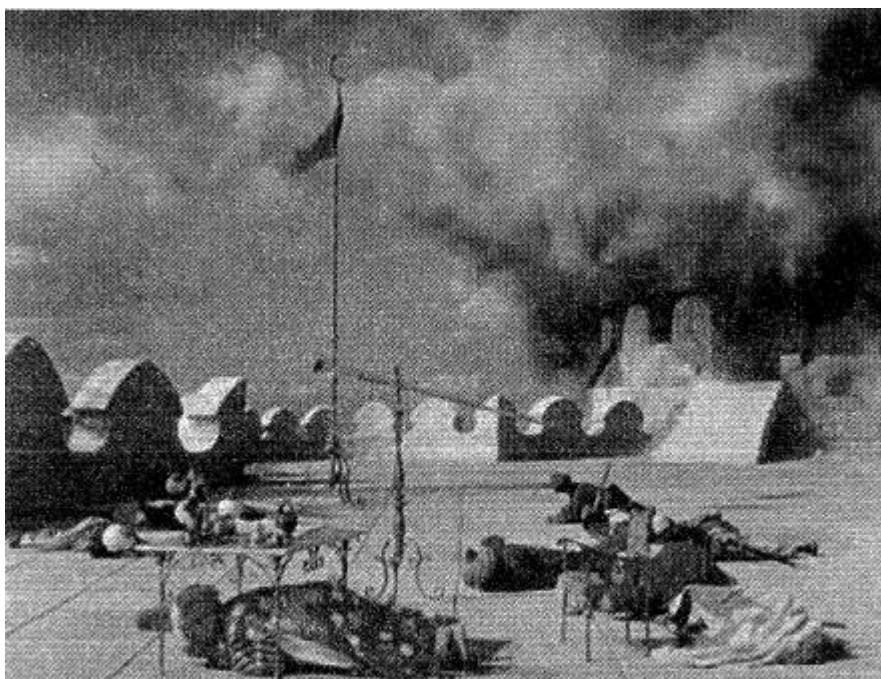
Дальше следовали рассказы, как барон проснулся и обнаружил, что снег за ночь растаял, а конь висит не на столбике, а на кресте православной церкви, как он въехал в Петербург на санях, запряженных волком, как участвовал в какой-то войне с турками и летал на ядре. Вроде бы, абсолютное вранье, способное вызвать только смех.

Однако эти рассказы, развлекавшие нас когда-то, — не оригинал немецкого писателя Эриха Распе, а пересказ Корнея Чуковского, который убрал из первоначального и не совсем детского текста Мюнхгаузенской одиссеи все «лишние» подробности.

Вот как начинался поход барона в Россию в книге его современника Распе, где повествование тоже ведется от имени главного героя Иеронима Карла фон Мюнхгаузена: «Я еду в Россию, желая вступить в ряды армии и принять участие в предстоящем походе на турок под командой генерала-фельдмаршала графа Миниха... Скромность не позволяет мне хвастаться своими заслугами, однако я могу прямо и по совести утверждать, что все мы, солдаты, честно исполнили свой долг, каждый на своем посту, и весь успех этого славного похода был естественным результатом наших совместных усилий, хотя официальная слава, само собой разумеется, выпала на долю главнокомандующего»... Имеется даже описание маршрута, каким барон следовал из Германии в русские края: «Я предпринял путешествие в Россию и прожил в Варшаве так долго, что уже наступила необыкновенно снежная зима, когда я пустился в дальнейший путь через северную часть польской Провинции»...

Итак, дело, оказывается, происходило во времена фельдмаршала Миниха — вполне реального русского военачальника немецкого происхождения, воевавшего с турками в 1736-1739 годах, а сам рассказ куда больше напоминает не сказку, а солдатские мемуары. Остается только уточнить, в каком же году присоединился к армии прославленного фельдмаршала наш герой.

Мы почему-то представляем Мюнхгаузена тощим пожилым человеком с лихо закрученными усами и бородой-эспаньолкой. Но таким его изобразил только французский художник Гюстав Доре в XIX веке, когда барона уже давно не было в живых.

А завтра была война. Мюнхгаузен штурмует турецкую крепость. Кадр из немецкого художественного фильма «Мюнхгаузен» 1943 г.

Доре Мюнхгаузена никогда не видел. Он рисовал его из головы, представляя типичный образ своих современников — немецких баронов совсем другого поколения, да еще и пририсовывая им бородки на лице а-ля Наполеон III. Этого императора Доре не любил, считал патологическим лжецом и пытался вызвать у читателей подсознательную ассоциацию с вралем из книги Эриха Распе, заказ на иллюстрирование которой однажды получил.

Зато сохранился куда менее растиражированный прижизненный портрет нашего барона в русском кирасирском мундире. На нем Мюнхгаузен без усов. Да и слишком тощим его не назовешь. А в год, когда он пересек русскую границу, не только стариком, но и даже по-настоящему взрослым его назвать сложно. Тем более, что точная дата приезда Мюнхгаузена в Россию, как и причины его появления там, хорошо известны из других источников.

Барон Иероним Карл фон Мюнхгаузен родился в Германии в 1720 году. Германия в те времена была такой же чистенькой и аккуратной, как сегодня. Фахверковые дома под остроконечными крышами. Сосиски, пиво и пышногрудые Гретхен в туго затянутых корсетах.

Фамильный замок Мюнхгаузена в городке Боденвер-дер представлял собой один из таких фахверковых домов. Кстати, он сохранился до наших дней. Такое впечатление, что немцы кладут консерванты буквально во все — даже в дома.

Но главным отличием той Германии от нынешней было количество детей. Сегодня в немецкой семье в среднем 1,6 ребенка. А в XVIII столетии немцы любили делать не автомобили, а детей. Три-четыре малыша в добропорядочном семействе было нормой. Пять — никого не удивляло. А Иероним Карл фон Мюнхгаузен родился в семье, где было ВОСЕМЬ киндеров! У него было три братика и четыре сестрички.

Высокая рождаемость побуждала немцев в XVIII веке искать счастья за пределами родины. Дома для них про-сто не хватало работы. Даже для таких талантливых, как Иероним фон Мюнхгаузен.

Мюнхгаузен принадлежал к очень древнему дворянскому роду. В дословном переводе его фамилия означает «дом монаха». «Мюнх» — монах. «Гауз» — дом. Основателем фамилии был в XII веке некий рыцарь Хейно — участник крестового похода Фридриха Барбароссы. Потомки Хейно погибли в бесчисленных войнах. Кроме одного, который

постригся в монахи. Ему разрешили уйти из монастыря и вступить в брак, чтобы не угас славный рыцарский род. В память этого события предки легендарного барона получили фамилию Мюнхгаузен. А их герб украсило изображение монаха с книгой и девиз «Мой долг — это Бог».

Иметь предком участника крестового похода считалось невероятно почетным в среде европейского дворянства. Как сказали бы мы сегодня, Иероним Карл фон Мюнхгаузен был крут. Крут прямо с рождения. Не удивительно, что уже в пятнадцать лет молодой дворянин стал пажом герцога Брауншвейгского. Паж — это нечто среднее между адъютантом, вестовым и денщиком. Но вестовым и денщиком у очень знатной особы! А герцог Брауншвейгский, пажом которого стал юный барон Мюнхгаузен, был не просто очень знатной особой, но еще и родственником Российского императорского дома. Сын герцога Брауншвейгского Антон Ульрих был женихом наследницы русского престола — принцессы Анны Леопольдовны, приходившейся племянницей самой императрице Анне Иоанновне. Бездетная тетя Аня завещала трон Ане-племяннице. Так что ничего странного нет в том, что вскоре наш герой оказался в России.

Но была еще одна причина путешествия барона в загадочную северную страну. Сегодня Брауншвейг славится брауншвейгской колбасой. А тогда он славился брауншвейгскими кавалеристами, которые лихо рубили все, что видели. Как можно прочесть у того же Распе, передавшего одну из армейских баек барона: «В результате чрезмерного напряжения во время боя моя правая рука так разгулялась, что сама собой продолжала рубить направо и налево, даже после битвы, и мне пришлось целую неделю держать ее в повязке».

Как раз в это время Российская империя решила обзавестись тяжелой кавалерией — кирасирскими полками. Но породистых коней, как и офицеров-инструкторов в стране не было. Пришлось выписывать из Германии — в том числе и из Брауншвейга.

Фельдмаршал Миних. Именно с его армией попал на Украину юный Иероним фон Мюнхгаузен

Один из первых кирасирских полков в России так и назывался — Брауншвейгский.

Летом 1736 года Анна Иоанновна объявила войну Турции. Ее причиной стали постоянные набеги крымских татар на Украину. Русской армией как раз и командовал тот самый фельдмаршал Миних. Он проявил себя чрезвычайно талантливым полководцем. Уже в первый год войны русские регулярные войска и малороссийские казаки под его

командованием ворвались в Крым и захватили ханскую столицу Бахчисарай. Впервые в истории!

В следующем году армия Миниха взяла турецкую крепость Очаков на берегу Черного моря. В штурме Очакова участвовал в звании русского генерала и будущий патрон Мюнхгаузена сын герцога Брауншвейгского — принц Антон Ульрих. Сражение выдалось жарким. Под принцем была убита лошадь. Один из его пажей погиб на месте, а другой — был тяжело ранен. Принц Брауншвейгский тут же написал в родной Брауншвейг, чтобы ему выслали парочку новых пажей — взамен «испорченных» на войне. Юный Мюнхгаузен, не раздумывая, добровольно вызвался отправиться на войну в Россию. Ему было только 17 лет!

Но что еще, кроме служебного пажеского долга и страсти к приключениям, влекло Мюнхгаузена в страну медведей, водки и черной икры, как представляли в Европе Россию? Именно такой — ВОДОЧНО-ИКОРНОЙ — показывали Россию в немецком фильме «Мюн-хаузен», кстати, снятом в 1943 году — в разгар Второй мировой войны. Не поверите — шла битва под Сталин-градом, немцы отступали с Кавказа, впереди маячила Курская дуга, а государственная киностудия «УФА» снимала цветную, с кучей спецэффектов и голых женщин картину, где о ненависти к «стране северных варваров» не было ни слова! Только сплошной зимний карнавал, императрица в ниглиже и хлещущие фонтаны с вином, словно это «Сибирский цирюльник». Просто ода умению русских «отдохнуть» и «погулять» на морозе — немецкая мечта о славянском рае без «орднунга» — то есть того самого до смерти надоевшего самим немцам порядка! Да еще и снятая в самые что ни на есть гитлеровские времена, по заказу ведомства Геббельса — Министерства пропаганды Третьего Рейха! Воистину, еще одна мюнхгаузеновская история, тем более удивительная, что она абсолютно реальна!

Но настоящий Мюнхгаузен ехал в Россию не за икрой и водкой, а потому что у него не было выбора. Он был пятым ребенком в семье и сиротой с четырех лет! Ему нужно было как-то устроиться в жизни! Хочешь, не хочешь, а поедешь. Хоть на волке... Лишь бы не быть обузой для своих близких.

В книге Распе, пересказанной Чуковским, этот период в жизни Мюнхгаузена выглядит так: «В Петербурге мне жилось хорошо. Я часто ходил на охоту и теперь с удовольствием вспоминаю то веселое время, когда со мной чуть не каждый день случалось столько чудесных историй».

Однако в реальности Мюнхгаузену чертовски не повезло! Может, он и ходил вместе со своим патроном принцем Брауншвейгским на охоту, но летом 1738 года юный паж поучаствовал в единственном неудачном походе той русско-турецкой войны! Если бы барон отправился на поля сражений годом ранее, то попал бы как раз на молниеносный штурм Очакова.

Осада этой неприступной каменной твердыни продолжалась всего... три дня! Потом русская бомба — так называли начиненные порохом ядра — попала в пороховой погреб. Половина Очакова взлетела на воздух. Вторая половина (чудом уцелевшая!) тут же сдалась.

Попади Мюнхгаузен на войну годом позже — в 1739-м, ему светила бы слава взятия Хотина — мощнейшей крепости, на Днестре. Русская армия захватила ее после победоносного сражения под Ставучанами, разгромив 100 тысяч турок.

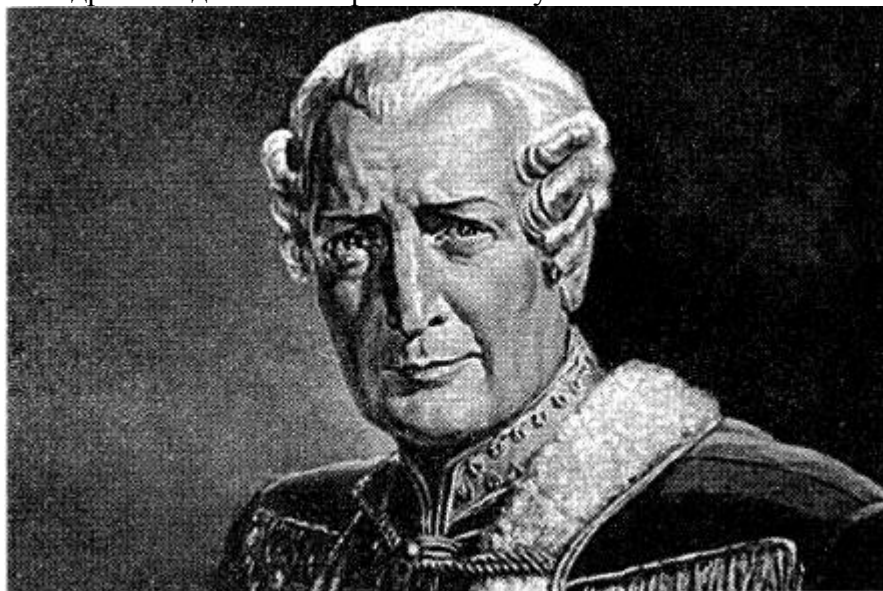
А летняя кампания 1738 года, в которой отметился наш барон, оказалась сплошным недоразумением. Три месяца маршировали по степям от Киева к Днестру. Подошли к стенам крепости Бендеры. Постояли. Постреляли из пушек. Посмотрели на басурмана через реку Днестр и вернулись назад в Киев. Вернулись, потеряв половину 60-тысячной армии не от турецких сабель, а от хронического поноса и чумы. Ну, что рассказывать о такой войне?!

На зимних квартирах армия Миниха стояла в Киеве. В этой же крепости зимовал и патрон барона принц Брауншвейгский. Мюнхгаузен, как и другие солдаты, в свободную минуту болтался по улицам, заходил в корчму, пробовал местный шнапс — «горилку», и, может быть, даже говорил: «Матка, млеко, яйка!» Совсем, как немцы в советских фильмах о другой войне, которая случится через двести лет. А потом вспоминал многодневные

переходы по безводным степям Украины, где он потел в суконном мундире и начинал выдумывать свои фантастические истории, чтобы скрасить омерзительную реальность.

Ведь разве обыватель, никогда не служивший в армии, знает, что настоящая война и состоит-то в основном из маршей, дизентерии и скуки? Обыватель хочет подвигов, которые совершают ради него ГЕРОИ! И тогда Мюнхгаузен придумал ПОДВИГИ. ТАКИЕ подвиги, каких никто и представить не мог: «Во время войны мне довелось ездить не только на конях, но и на пушечных ядрах. Мы осаждали какой-то турецкий город, и понадобилось нашему командиру узнать, много ли в том городе пушек. Храбрее всех, конечно, оказался я. Я стал рядом с огромнейшей пушкой, которая палила по турецкому городу, и когда из пушки вылетело ядро, вскочил на него верхом и лихо понесся вперед. Все в один голос воскликнули: «Браво, барон Мюнхгаузен!»

Этот эпизод блистательному фантазеру навеяла осада Бендер, когда ядра летали туда-сюда через Днестр. Как ни странно, но фантазия Мюнхгаузена о полете на ядре — это зарождение идеи воздушной разведки. Мюнхгаузен вскочил на русское ядро и полетел в сторону турецкой крепости, считая с воздуха вражеские пушки. А потом перескочил на турецкое ядро, летевшее в сторону русских, и вернулся с ценной информацией. Уже в конце XVIII века, когда появились воздушные шары, разведка с воздуха стала реальностью. А появление в XX веке самолетов сделало воздушную разведку массовым явлением. Но у истоков этой вполне здоровой идеи стоял Враль Мюнхгаузен.

Мюнхгаузен. Кинообраз из немецкого художественного фильма 1943 г.

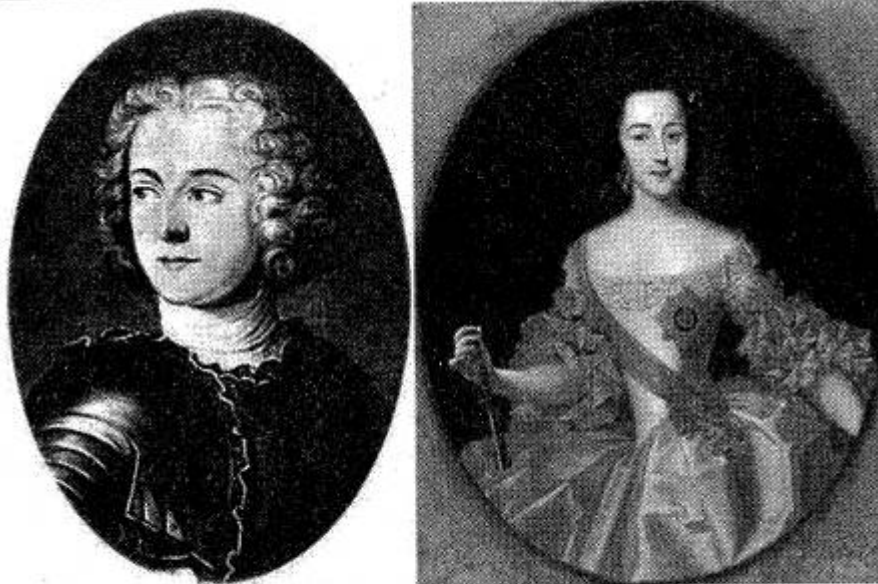
Примерно так же родился и эпизод о коне барона, которому турки ВО время боя отрубили заднюю половину тела, после чего бедное животное никак не могла напиться: «Искусный лекарь моего отряда сшил вместе обе половины лошади, взяв для этого лавровые побеги, так как ничего иного ПОД рукой не нашлось. Это, впрочем, оказалось очень кстати, потому что лавровые побеги пустили корни в теле лошади, выросли и образовали лавровую беседку, так что во время этого и следующего походов я, в буквальном смысле, пребывал в тени своих лавров».

Эта фантастическая лавровая беседка имеет вполне реальные «корни». Чтобы спастись во время долгих переходов по степи от солнца, русская кавалерия переняла татарский обычай срубать молодое деревцо и привязывать его к седлу, устроив что-то вроде зонтика. Так у Мюнхгаузена появилась концовка рассказа про разрубленного пополам коня.

Естественно, Мюнхгаузен привирал. Как человек, служивший в армии, могу сказать, что нет ничего скучнее правды об армии. Особенно в мирное время. Служба барона в России

оставила множество документов. Командуя эскадронам в том самом Брауншвейгском кирасирском полку уже после войны с Турцией, Мюнхгаузен подписал сотни рапортов и докладов. Шестьдесят два из них уцелели в архиве, и их можно прочитать. Прочитать подлинную летопись трудов и дней барона Мюнхгаузена.

Первые же документы, относящиеся к военной службе барона в России, раскрывают точную дату его производства из пажей в офицеры. 5 декабря 1739 года Мюнхгаузен ползгает чин корнета. А буквально через три дня Военная Коллегия постановила: «Пожалованного из пажей Гиранимуса Карла Фридриха фон Минихаузина в кирасирской Брауншвейгской полк в корнеты определить в том полку на порозжую ваканцию и жалованье давать, а при первой даче за повышение вычесть на гошпиталь. И верности присягу учинить ему при команде как указы повелевают. И для того велеть ему при команде явитца на срок по регламенту, в чем взяв от него реверс, для проезду дать пашпорт и на чин патент».

Хозяева Мюнхгаузена — принц Антон Ульрих и принцесса Анна Леопольдовна — жили как кошка с собакой

За этот патент Мюнхгаузен расписался 19 декабря. Причем, по-немецки: «Ich habe das obegemalte empfangen» («Я вышепереписанное принял»). Писать по-русски барон не умел и до конца жизни так и не научился. Все служебные документы, составленные для него русскими писарями, он подмахивал на родном немецком языке. Даже через десять лет, уже к концу службы, познания Карла Иеронима в грамотности аттестовались так: «Умеет по немецки, а по руски только говорит».

Впрочем, русские тоже не особенно церемонились с иностранным «военспецом» и писали его длинную фамилию в бумагах, как Бог на душу положит: «Минихаузина», «Минихгаузин» и даже «Менехгоузен». Представляю, как матерились при этом Ваньки и Павлушки! Небось, еще и добавляли: «У, собака немецкая! Как же тебя писать-то?!»

В русских кирасирских полках среди офицеров был полный интернационал. Тут служили пруссаки, брауншвейгцы, ганноверцы, австрийцы, итальянцы, англичане, французы, все виды прибалтийских немцев, а также, без сомнения, и различные темные личности, выдавшие себя за «благородных иностранцев».

Кирасиры были родом войск новым, заведенным только в 1731 году фельдмаршалом Минихом. Даже породистых лошадей и некоторые элементы снаряжения, вплоть до кирас, поначалу выписывали из-за границы. Не говоря уже об офицерах — специалистах по обучению кирасирскому делу. Для этой разновидности кавалерии кони требовались крупные, сильные, способные носить рослого всадника вместе с кирасой. В России таких не было. Поэтому их завозили из Германии вместе с инструкторами! Недаром и полк, в котором служил Мюнхгаузен, назывался Брауншвейгским — в честь его бывшего патрона

принца Антона Ульриха Брауншвейгского, у которого наш герой начинал службу в пажах.

А то, что Карл Иероним попал из пажей в кирасиры, а не остался при дворе, можно считать нечаянной удачей. В том самом 1739 году, когда закончилась война с турками, в которой удалось поучаствовать и нашему барону его патрон принц Антон Ульрих Брауншвейгский наконец-то женился на принцессе Анне Леопольдовне — племяннице императрицы и наследнице российского престола. Наследница была лакомым кусочком: «ростом выше обыкновенного и очень статна; отличалась чрезвычайно белизною лица, которому темно-русые волосы придавали еще более блеска, свободно говорила на многих иностранных языках». Однако принцесса не любила своего мужа, предпочитая ему посла Саксонии в Петербурге графа Линара, который, как писали историки, «овладел ее сердцем» — и, наверное, всем остальным. Линар был писанный красавец, и принц Брауншвейгский — маленький, женоподобный, с мягким характером и тихим нравом — никак не мог быть соперником любовника собственной супруги. В молодой семье все постоянно ссорились.

Служить пажом, когда по дворцу летали тарелки и стаканы, было не самым приятным делом. Но главное даже не это. После смерти императрицы Анны Иоанновны ее статная племянница недолго оставалась у власти. Она успела только родить своему мужу ребенка — так называемого «императора-младенца» Иоанна Антоновича и вернуть в Россию саксонского посла, высланного за амурные шалости ее тетушкой. Буквально через несколько месяцев постоянно ссорящееся семейство — и Антона Ульриха, и Анну Леопольдовну, и пускающего пузыри в люльке Иоанна Антоновича — свергла дочь Петра Великого Елизавета Петровна вместе с бравыми гвардейцами и бодрым хохлом Алексеем Разумовским (этот, в отличие от заморского принца, свое не упустил!). На троне снова оказались русские, а немцев загнали в ссылку аж в Холмогоры — на родину Ломоносова! Ехать бы вместе с ними и Мюнхгаузену, но он, слава Богу, уже два года служил в кирасирском полку и не имел к придворным интригам никакого отношения.

Деятнадцатилетний Карл Иероним имел самый младший офицерский чин в кавалерии — корнета. «Корнет» по-французски — «флаг». Первоначально его главной обязанностью было возить на поле боя штандарт — маленькое квадратное знамя. На русский язык это звание можно было дословно перевести как «прапорщик». Что еще можно доверить молодому неопытному офицеру в бою, кроме «священной хоругви»? А если убьют, не жалко, другого знаменосца найдем! Молодые — обычно глупые и хотят совершать Подвиги, например, умереть со знаменем в руках.

Но в XVIII веке кирасирский корнет собственноручно штандарт уже не таскал. Для этого был знаменщик из предназначенных на убой простых солдат. А корнет был просто самым младшим офицером в кавалерийской роте, которой командовал ротмистр — в буквальном переводе «мастер роты». Между ним и ротмистром было еще два офицера — подпоручик и поручик. Две роты составляли эскадрон. А пять эскадронов — полк, в котором служили 35 офицеров, 70 унтер-офицеров, 690 рядовых, 20 трубачей и один литаврщик. Всего полк насчитывал по штату 977 человек и 781 строевую лошадь. Причем кирасирская лошадь стоила в три раза дороже, чем драгунская — целых 60 рублей серебром.

Все это хозяйство требовало постоянного присмотра и попечения. Лошади имели привычкудохнуть, кирасиры — напиться и продавать казенное имущество, а седла — исчезать в неизвестном направлении, словно у них ночью отрастали копыта и хвосты, уносившие на ближайший базар эти изделия из бездушной кожи.

Пока у власти находился принц Антон Ульрих, одновременно командовавший Брауншвейгским кирасирским полком, где служил его бывший паж, барон быстро рос в чинах. Всего за год из корнетов он стал подпоручиком и поручиком, прыгнув на две ступени вверх. Впереди маячила хлебная должность ротмистра. Но радости жизни это не добавило. Вся служебная переписка Мюнхгаузена в основном заполнена повседневными хозяйственными и военно-уголовными вопросами.

К примеру, 5 января 1741 года поручик Мюнхгаузен доносил в полковую канцелярию: «Сим же репортую: кирасир Федор Лебедев украл бывши на конюшне на карауле овса

четыре четверика». И подпись по-немецки: «Lieutenant von Munchhausen».

А 17 февраля того же года уже полковая канцелярия строго приказывала поручику Мюнхгаузену: «Старые кирасирские седла изволите, собрав в одно место, содержать в бережении впредь до ордера».

А еще 4 января 1741 года «лейтенант фон Мюнхгаузен» напоминал начальству, что из покойного ротмистра князя Сибирского вычтено «два рубли сорок копеек» за проступок кирасира Ивана Кудрявцева, потерявшего «на Украинской линии кирас» (то есть, кирасу — металлический нагрудник), «которые и по сие число деньги с него в роту не получены. Того ради полковую канцелярию покорно прошу о вычете с него Сибирского помянутых де-нех зчинить свое благорасмотрительное определение».

Последнее донесение было, так сказать, эхом прошедшей русско-турецкой войны. Полк Мюнхгаузена Зоке стоял в Риге, кираса была утрачена под Богодуховым на Украине, а деньги за нее до сих пор (два года уже прошло!) так и не были компенсированы в ротное хозяйство, за которое отвечал теперь барон, временно исполнявший обязанности командира роты. Даже с покойным русским разгильдяем князем Сибирским, недосмотревшим за кирасиром Кудрявцевым, приходилось воевать!

Некоторые же документы веселят нас даже сами по себе — одними только фамилиями. Вроде бы обычная служебная переписка, а читаешь и буквально за живот хватаешься. Да и как не схватиться, если 25 января 1741 года все та же неугомонная полковая канцелярия приказывает поручику Мюнхгаузену отправить в Ригу получившего отставку рядового Василия... Пердунова! Не медля отправить! Как будто не было в Российской империи дела важнее, чем срочно дать героическому Пердунову долгожданный дембель! Замечу, что отставку Пердунов мог получить, только окончательно «просрав» свое здоровье на царской службе — в те годы служили даже не 25 лет, а пожизненно — пока хватит сил. До полного изнеможения. Крепкие были люди! Железные! Не то, что нынче, когда, простите, пукнуть солдат не успеет, а уже служба кончилась — год отдал Родине, строя кому-то «секретный объект» — то есть, командирскую дачу, и домой! Не тот теперь Пердунов пошел... Куда ему до прежнего!

Мюнхгаузен командовал элитной первой ротой полка — лейб-компанией. Именно это подразделение встречало в Риге будущую императрицу Екатерину II, когда ее еще девочкой везли выдавать замуж в Россию. Но приятные церемониальные обязанности были исключением. В остальном же Карл Иероним должен был беспокоиться о ветеринаре Фаншмите, который уехал из полка и лошадям «лекарства никакого не оставил» («Того ради покорно прошу для пользования вышеозначенных лошадей прислать Фаншмита, и чтоб оному повелено быть при лейб-компании до излечения оных лошадей»), и отчитываться, сколько лошадей сдохло за три года и куда делись их породистые шкуры? («Коликое число с начала 738 сего 741 году мая по 17-е число пало государевых кирасирских, нестроевых и подъемных, також драгунских и в упряжку лошадей, и что со оных шкур снято и где по какой цене проданы, и за негодностию что не снято, о том при сем ведомость сообщаетца. А за проданныя шкуры имеющиеся деньги впредь для отдачи в козначество чрез нарочного неумедля присланы будут»).

Такую, с позволения сказать, жизнь, вынуждавшую его вникать в дела коней и рядовых Пердуновых, Мюнхгаузен терпел одиннадцать лет! Бывший его принц гнил в своих Холмогорах. Замолвить за экс-пажа словечко было некому. Поэтому Карл Иероним дослужился только до ротмистра и ни разу больше не поучаствовал в войне. Только успел в 1744 году жениться в Риге, чтобы уж совсем не скучать, на местной дворянке Якобине фон Дунтен. А потом в Германии поумирали его старшие братья, не оставив других наследников, и наш brave герой вернулся в родной Боденвердер, чтобы отныне и до конца дней вести жизнь помещика.

«Русский опыт» Мюнхгаузена оказался весьма востребованным на немецкой почве, и он сразу же стал «пересаживать» его прямо в уши соседей. Бывший кирасир вдохновенно врал о шубе, которая сошла с ума в Петербурге, так что ее пришлось пристрелить; о глупых

русских утках, пробитых одним шомполом, вылетевшим из ружья, и зажаренных прямо на нем, как на вертеле; о волке, которого барон вывернул наизнанку, засунув ему руку в пасть; о том, как пришлось вытаскивать себя за волосы из болота вместе с конем во время войны с турками (причем, в Крыму, где ни Мюнхгаузен не был, ни болот, кроме побережья Сиваша, нет!), в общем — обо всем, кроме своей реальной службы, отнюдь не заполненной подвигами.

Все это было так называемыми «ветеранскими байками». В медицине даже существует термин «синдром Мюнхгаузена» — явление, когда суженное от пережитого шока сознание заполняется фантастико-героическими историями. Видимо, во время своего единственного похода в Бендеры еще восемнадцатилетним пажом барон крепко перетрухнул! Или был контужен. А, может, просто от природы он имел склонность к бескорыстному неудержимому вранью и мощной фантазии. Но, как бы то ни было, а слава о «бароне-историке» разнеслась по всем немецкоязычным странам, на которые делилась тогда еще не объединенная Германия.

Правда, сам Мюнхгаузен меньше всего мечтал о такой скандальной славе. Барон просто развлекал под пиво приятелей байками о похождениях на сказочном Востоке, где даже лошадь можно сшить из двух половинок. И-в результате стал жертвой скандала, который превратил его — **ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА** — в самого известного персонажа немецкой литературы.

У прославленного барона был дядюшка — основатель Геттингенского университета и премьер-министр Ганновера Герлах Адольф фон Мюнхгаузен. Дядя Мюнхгаузена имел конфликт с литератором и финансовым мошенником Эрихом Распе. Распе продал часть старинных монет из университетской коллекции, а потом убежал в Англию (страну всех любителей «свободы слова»), спасаясь от ареста в Ганновере.

Николай II. Последний царь в форме «желтого кирасира» — того полка, где когда-то служил Мюнхгаузен

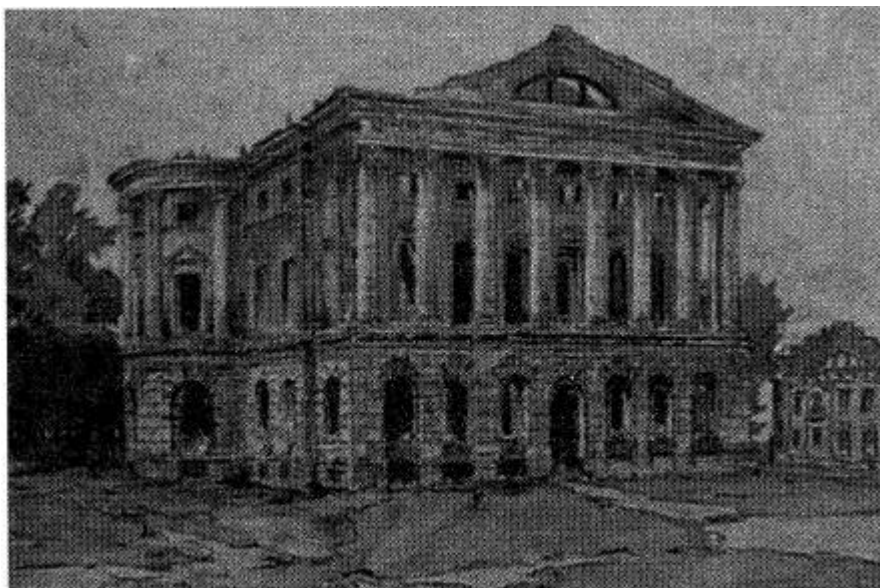
В Лондоне он решил отомстить дяде Мюнхгаузена и анонимно издал в 1785 году книгу-пасквиль про его племянника. Книга называлась «Рассказы барона Мюнхгаузена о его необычайных путешествиях и походах в России». Мол, смотрите, какой ИДИОТ имеет честь быть «ближайшим родственником премьер-министра Ганновера и как плохо идут дела в нашей-деспотической Германии! К тому же, сочинение Распе замечательно вписалось еще и

в британский политический контекст. Англией в то время правила Ганноверская династия и ее представитель король Георг III сошел с ума, отчего его приходилось время от времени закрывать прямо во дворце, чтобы он не бросался на окружающих. А принц Уэльский, правивший вместо короля, прогуливался от веселой жизни без папы-придурка так, что его дом даже опечатывали по суду за долги. «В Ганновере все такие!» — решили читающие и думающие англичане. Пасквиль на племянника главы ганноверского правительства сразу же стал бестселлером и за год выдержал аж четыре издания! Анонимка Распе и явилась тем ядром, верхом на котором Мюнхгаузен полетел к мировой славе, чтобы вернуться к нам уже через литературу.

Мюнхгаузена (и это уже без всяких преувеличений!) можно назвать самым знаменитым иностранцем, когда-либо посетившим Киев. Замечательно и то, что тот полк русской армии, в котором он служил, тоже некоторым образом связан с Киевом! Родной полк Мюнхгаузена назывался Брауншвейгским кирасирским. В XIX веке после переименования он стал Лейб-Гвардии Кирасирским Его Величества (так называемые «желтые кирасиры», дислоцировавшиеся в Царском Селе). В 1917 году, во время Первой мировой войны этот полк находился в Киеве и был расформирован под новый 1918 год в Свя-тошине, за отказ от... украинизации. Духовные потомки Мюнхгаузена, до последней минуты храня кирасирские традиции, отказались одеть шаровары. Такому издевательству над своей природой они предпочли уход в вечность.

Глава 15. Застой по-гетмански

Всматриваешься в нынешнюю украинскую державу и понимаешь: так уже было. И было весьма непрочно. Ибо украинцы — народ, склонный к повышенному, почти инфантильному комфорту. В массе своей мы действительно ленивые и добродушные прожигатели жизни. Исключения только подтверждают правило. Кармелюки и Гонты рождаются раз в столетие. А большинство все-таки норовит попасть в Мазепы — послужить и турецкому султану, и польскому королю, пожить и с крестной дочерью, и с ее матерью, и только на смертном одре, покаявшись в грехах на бочке с золотом, которым уже не можешь воспользоваться, прикинуться патриотом и произнести пару дежурных фраз о «неньке Украине».

Дворец гетмана в Батурыне. Строил его Разумовский с трудом. «Руины» привел в порядок только Ющенко

Только у нас можно успешно набирать рейтинг на выборах, обещая отменить "призыв в армию или вступить в НАТО, где не мы, а нас (вдумайтесь только!) будут защищать какие-то бескорыстные меценаты. И обыватели верят. Хотя, спрашивается, с какой стати их защищать, если они сами в жизни никого не защитили и не собираются защищать?

Но такова уж особенность украинской национальной психологии. Истинные обладатели ее всегда верят, что представляют собой венец творения, в совершенствовании не нуждающийся — чудо уникальное и бесценное, с которого все окрестные народы обязаны пылинки сдувать. А, если не сдувают, значит, они «ворогы» и «падлюки».

Наиболее проницательные украиноведы установили это достаточно давно — почти за два века до открытия «Института украиноведства». Еще 180 лет назад историк Дмитрий Бантыш-Каменский написал:

Бантыш-Каменский об Украине: «Природа, расточая дары свои в сем краю, производит вялость в жителях»...

«Малороссиянин, вялый, беспечный — изворотлив, неутомим, когда надеется достичь чрез сие преднамереваемой цели. Добродушие и простота, по-видимому, отличительные черты его характера; но они часто бывают следствием хитрости, отпечатка ума. Гордость, прикрываемая сначала ласковым, услужливым обращением, является во всей силе по получении желаемого.

Она, особливо, разительна, когда малороссиянин обращается с младшими, возвысьсь из низкого звания игрою случая, сгибчивостью, без особенных достоинств».

А кто у нас возвышался иначе, кроме как «игрою случая» и «сгибчивостью»? Ну, Хмельницкий. Ну, может, еще Петлюра. Да и то без сгибчивости не обошлось. Тот же Богдан тридцать лет верой и правдой служил Польше, не требуя особенных наград, и восстал только, когда отобрали наследственное, кровное — хутор с пасеками и косовицами. На шестом десятке восстал, когда в общем-то не до революционной деятельности.

А Петлюра гнулсь и перед Антантой, и перед Польшей, а единственно, кого победил — своих же — воинство гетмана Скоропадского. Да и то потому, что оно, проявив «сгибчивость», перебежало от этого пародийного «диктатора» в папаху к не менее пародийным «демократам» из петлюровской Директории.

К этим печальным особенностям национального характера страны, где каждый стремится друг другу проиграть, чтобы никого не обидеть (отсюда такой дефицит настоящих лидеров!), с незапамятных времен прибавилась еще и склонность пребывать ПОСТОЯННО в «расслабленном» состоянии. Тот же Бан-тыш-Каменский описал эту наркотическую

зависимость малороссиян так: «Древнее хлебосольство и излишнее употребление горячих напитков между простым народом доселе продолжается, особливо в южных странах Малороссии. Сама природа, расточая с обилием дары свои в плодоносном сем краю, производит беспечность, вялость в жителях».

*Гетман Разумовский.
Булаву носил тоже с трудом*

А зачем быть активным, если и сегодня Украина — страна самых жирных и откормленных бомжей? Крупные «бомжи» — просят у Международного валютного фонда, проживая «без определенного места жительства» то в Киеве, то в Лондоне. А мелкие — просто выходят утром к мусорнику и обнаруживают там полный ассортимент закусок вплоть до выставленной кем-то банки прошлогодних консервированных огурцов и недоеденного варенья.

Естественно, ленивый, беспечный и постоянно навеселе человек, заселивший благодатные земли Украины, мог породить только уникальную политическую систему, естественным состоянием которой является не развитие, а... застой и разложение.

Когда во второй половине XVI века Украина попала в состав Речи Посполитой, поляки, уже тогда являвшиеся нацией «купи-продай», мигом вписали ее в мировую экономику как сырьевой придаток. Магнаты и шляхта, кто лично, кто руками арендаторов-евреев, выкачивали из своих латифундий на «кресах всходних» хлеб и рогатую скотийу и вывозили в порт Гданьск на Балтике, где это добро ждали голландские корабли. Полученная прибыль уходила на предметы роскоши, а за остаток (буквально за гроши!) Польша содержала еще и шесть казачьих реестровых полков — самое дешевое войско в Европе, охранявшее пограничье от татар.

Естественно, казакам такое положение не нравилось. Они хотели зарабатывать больше и в 1648 году подняли восстание, которое сегодня называют «национально-освободительной войной». Несколько битв повстанцы выиграли, не меньше проиграли и уже через шесть лет запросились «на тихій води і ясній зорі» — в подданство московскому царю. Все было, как в народной песне: «Виведи нас в край хрещений!».

Богдан Хмельницкий вывел. Но всеобщее благоденствие так и не наступило, ибо не все «вороженьки» сгнули, «як роса на сонці». И, главное, не сгнули внутренние враги — зависть, лень и мелочность. Почти четверть века так называемой, Великой Руины, последовавшей за Переяславской Радой, были всего лишь затянувшейся разборкой внутри казачьей верхушки за дележ освобожденных от поляков земель. Выговские и Брюховецкие ездили друг к другу на «стрелки», выясняя, кто из них станет новым магнатом вместо

польского и унаследует запущенный шляхтой механизм примитивной эксплуатации. Самые буйные на этих «стрелках», как водится, сложили головы. Выиграли хитрые и «уступчивые» — Мазепы и Разумовские.

Ничего нового эта «элита» тогдашней Малороссии не придумала. В два счета вчерашние бандиты превратились в торговцев. Сто лет существования полунезависимой гетманской Украины в составе России наши героические «полуботки» только то и делали, что гоняли хлеб и волов в тот же Гданьск, а на барыши развлекались, как умели, — в основном, естественно, пили и закусывали, бесспорным доказательством чего остались пузатые фамильные портреты в музеях.

*Карта гетманской Украины.
Все окружено «воріженьками», не жалящими гинуть,
«як роса на сонці»*

Судилась Малороссия по Литовскому статуту, унаследованному от Речи Посполитой. Училась (кто мог себе позволить) в Киевской академии, представлявшей провинциальную копию польских коллегіумов. А воевать и развивать искусство вовсе не желала. Как-то незаметно прекратились морские походы в Турцию, а любой потенциальный дезертир получил право нанять вместо себя бедняка, чтобы не идти в поход — аналог современной военной кафедры, где прячут детей от службы нынешние гордые потомки запорожцев.

Крепости разваливались. Оружие не совершенствовалось. Военные учения, как и сегодня, почти не проводились. Флот куда-то исчез — наверное, тогдашние украинские «адмиралы» просто продали свои «чайки» на дрова. Почитайте, в каком состоянии находилась Батуринская крепость в 1708 году — не удивительно, что Меньшиков взял ее одной только кавалерией. Можно было и вообще не брать — сама бы развалилась.

У нас любят рассказывать, какой замечательной культурой обладала Гетманщина. Просто до звезд достигала! Но покажите шедевры, произведенные этим «высокоразвитым» обществом? В ту же эпоху в Европе творят Мольер, Дефо и Свифт, и мы до сих пор наслаждаемся «Мещанином во дворянстве», «Робинзоном Крузо» и «Гулливером». А где же украинские романы и пьесы эпохи Гетманщины, которые можно было бы снять с полки и почитать? А их нет! Вообще нет! Москали их не сожгли и татары из библиотеки не украли, так как «высококультурные» современники Разумовских и Скоропадских попросту не удосужились их написать. Это лучше любых сказок демонстрирует подлинное состояние

тогдашней «культуры» в Украине. «Вороженькам» просто не было чего уничтожать.

Если бы Шевченко, так мечтавший, чтобы «ожили гетьмани», мог перенестись в то время, то он увидел бы только поля, хутора скопидомов да кое-где торчащие церквушки в стиле «казацкого барокко», являющегося просто неудачным подражанием барокко подлинному, европейскому, и тогда ему больше всего захотелось бы домой — в XIX век с благоустроенными панскими поместьями, книгами, театрами и университетом в Киеве, открытым не гетманами, а «реакционным» императором Николаем I.

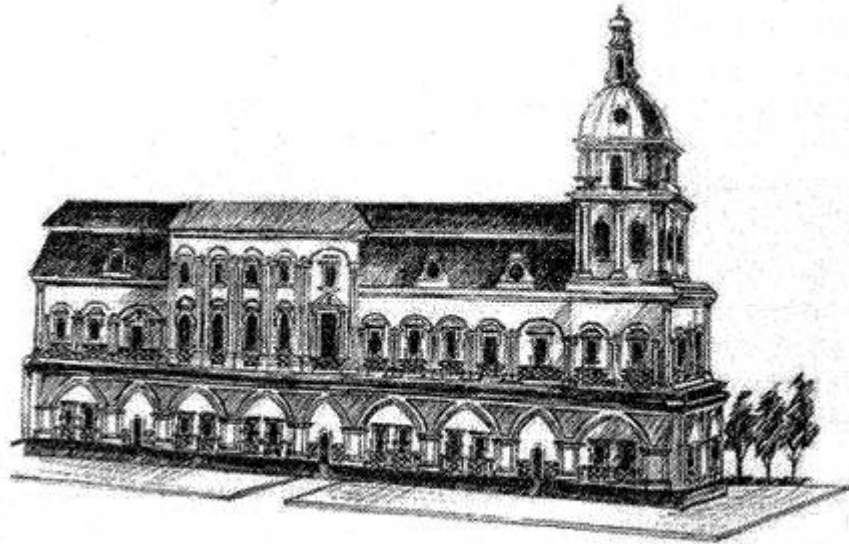

Люди, хаты и гуси. Типичный пейзаж времен расцвета украинского барокко и Киево-Могилянской академии

Пытаюсь рассмотреть высокую культуру под мудрым правлением Мазепы и не вижу ее. Как и наук не наблюдаю. Не было в Украине в те времена своих Декартов, Галилеев и Ньютонов. Зато в современном учебнике истории для 8-го класса читаю хвастливые слова его авторов: «Особливістю науки в Україні було те, що на відміну від Європи, де вона долала сильний опір церкви, тут її представниками були церковні діячі, іноді вищі ієрархи. Так Феофан Прокопович навіть виголосив перед студентами й викладачами Києво-Могилянської академії спеціальну промову «Про заслуги і користь фізики».

Что это доказывает, кроме того, что студенты и даже преподаватели тогдашней Могилянки («вищого учебного закладу»!) были, извините, настолько дикими, что им приходилось читать специальную лекцию о пользе физики? Но физиков в Киево-Могилянской академии после пропагандистской речи Прокоповича так и не прибавилось — ни одного «ньютона» из стен ее не вышло. Впрочем, как и лирика мирового уровня.

Как величайшее достижение тогдашней украинской науки авторы того же учебника А. Гисем и А. Мартынюк прославляют то, что некий «С. Славинецький здійснив переклад слов'янською посібника Везалія «Космографія», яку вивчали в медичних колегіумах». Давайте разберемся, что это означает на самом деле.

Однажды Прокопович прочитал профессорам Могилянки целую лекцию о пользе физики — те не признавали такой науки

Лейб-медик германского императора Карла V Андреас Везалий умер в 1564 году. От киевского монаха Епифания Славинецкого его отделяет больше столетия — тот преставился в 1675 году. Целых сто лет европейские медики штудировали труды Везалия! И только тогда на Украине, наконец-то, перевели один из них! Но аптека в Киеве после этого так и не появилась, что доказывает: перевод этот мало кто читал, и никто даже не пытался применить на практике.

Подлинный уровень науки и культуры Гетманщины демонстрирует ее высшее достижение — рукописная кулинарная книга некоего Кулябки. В ней на многих страницах расписано, как делать «бишкockты з мигдалами» (бисквиты миндальные), «марципаны иным манером», и приведено около ста способов изготовления водки в домашних условиях, вплоть до «апельсиновки», которую этот ученый муж называет «Алексир цытры»: «цитроновой шкурки фунт стовкты и намочить гв горилци, пока будет жовтая, и перегнавши цукру три фунты в вини, варити. Тоей же цитроновой верхней шкурки обризати, а мочиты добре»...).

*Феофан Прокопович.
Устав просвещать Украину,
сбежал в Петербург*

В том же трактате выдающийся «естествоиспытатель» Кулябка описал, как делать

водку «Виттерейс» («Студёная» — в переводе с немецкого) и самогон «особливых скутков» — то есть высшего сорта со всеми «ингредиенциями на крепительную водку надлежащими».

Сия «научная» книга, переходившая в образованных семействах из рук в руки, прекрасно показывает, какими в действительности духовными запросами жила элита гетманского государства. Вся душа ее воистину ушла в желудок к цитронам и марципанам!

Рано или поздно это райское существование должно было закончиться. Гетманская держава не выполняла основные функции государства. Она не защищала его от внешней опасности, не судила по справедливости и не давала никаких перспектив на будущее. Самые умные и энергичные из малороссиян направились в Петербург не от плохой жизни, а от скучной.

Когда живешь пьяно и сытно, то или сопьешься, или выберешь более рискованную, но интересную экзистенцию. В столице империи успешно развивался модернизаторский петровский проект. Туда, бросив самую читающую кулинарные книги страну, и кинулись будущие Гоголи, Паскевичи и Безбородьки. Как ни странно, им было тесно в широких шароварах.

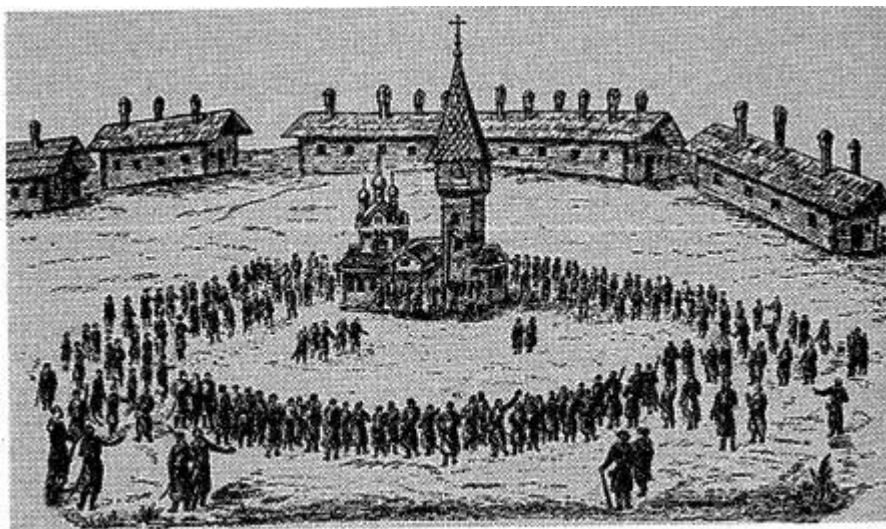
Декоративная Гетманщина потеряла главное — поддержку народа. Она скончалась тихо и мирно в 1764 году 10 ноября, когда вышел указ императрицы Екатерины Второй об отмене должности гетмана. Указу предшествовал забавный момент. Вконец одуревший от безделья гетман Разумовский подал петицию с просьбой превратить его пост в наследственный. Он собирался управлять Украиной из своего дворца в Петербурге, чтобы не отрываться от столичных развлечений, отсутствовавших в Малороссии, — итальянской оперы, французской комедии и придворных балов. Изучив ситуацию, Екатерина решила, что Разумовский все-таки полезнее в своем основном качестве — зрителя, а не деятеля. И решила использовать его по прямому назначению.

Узнав о ликвидации должности гетмана, в Малороссии очень радовались. Был момент всеобщего ликования. Причем, величайшего в украинской истории. У соседа Кирюшки Разумовского сдохла не просто корова. Сдохла целая Гетманщина, которую тот тайком хотел «прихватизировать» на веки вечные в обход таких же свинопасов-прихватизаторов.

Глава 16. Запорожцы — первые жертвы феминизма

Рождение Запорожской Сечи до сих пор окутано покровом тайны. Ни один историк не скажет точно, когда и как она возникла. В конце XVI века западные путешественники описывали казачье логово за Порогами как уже вполне сложившийся общественный организм.

В 1594 году на Сечь приехал с «подарками» посол германского императора Эрих Ляссота. Цель его состояла в том, чтобы нанять казаков на службу и убедить их выступить в поход против турок, с которыми немцы вели войну. Ляссота оставил очень колоритные записки о своем путешествии. Их у нас цитируют крайне выборочно, стыдливо опуская самые вкусные места.

Запорожская Сечь

По происхождению посол был из моравского дворянского рода — то есть из онемечившихся славян. По-видимому, он все-таки знал язык своих предков, почему Рудольф II и избрал его для миссии на Запорожье, как до этого отправлял с неким тайным поручением, суть коего осталась неизвестной, в Московию. Выходит, что Ляссота понимал нравы и обычаи запорожских казаков без переводчика.

На Сечи, располагавшейся тогда на острове Базавлук, представителя Рейха принял предводитель местной вольницы. Этого человека Ляссота именует то «вождем», то гетманом. Он только что вернулся из похода в Молдавию. Собственно, «вождя» даже пришлось дожидаться И дней, пока под его началом казаки везли на Сечь награбленное имущество. «Так как вождь был в отсутствии, — пишет Ляссота, — и не все войско находилось в сборе, то мы не пожелали на этот раз изложить свое поручение, оставляя это до благополучного возвращения гетмана и всех остальных. Они охотно согласились на это, затем мы отправились в свои шалаши (которые они называют «кошами»), плетенные из хвороста и покрытые сверху лошадиными кожами для защиты от дождя».

Кстати, обилие лошадиных кож, которыми казаки покрывали в конце XVI века свои курени, показывает, как богата была тогда природа степного пограничья — «Украины». Запорожцы охотились на диких лошадей — тарпанов, ныне истребленных. Конину они съедали, по примеру татар, а шкуры использовали вместо соломы для крыш. Но это так — для вставки. Чтобы читатель лучше понимал, в каких «прериях» все это происходило.

19 июня 1594 года, на следующий день после возвращения, «вождь» пригласил посла на обед и тут же заявил, что «императорское величество стоит выше всех других европейских монархов», а потому его послов следует выслушать раньше, чем московского посла, тоже гостившего в то время на Сечи. Переночевав, «вождь» вынес предложение Ляссоты на всеобщее обсуждение.

Запорожцы собрали два «кола»: одно для старшины, а другое — для черни, и начали советоваться. «После долгих совещаний, — продолжает Ляссота, — чернь, наконец, обычными возгласами выразила свое согласие вступить на службу его императорского величества, в знак чего бросали вверх шапки. После этого толпа бросилась к другому колу — старшине, угрожая бросить в воду и утопить каждого, кто будет против этого мнения. Поэтому старшины тотчас же согласились на все, не смея противоречить черни, столь сильной и могущественной, когда она приходит в ярость, и только требовали переговорить с нами об условиях. Избраны были 20 депутатов и нас снова пригласили в коло».

Император Рудольф II

Начались переговоры избранных от запорожского войска с Ляссотой. Казаки требовали платы за свои услуги на протяжении трех месяцев, а посол объяснял, что решать финансовые вопросы не уполномочен, — казаки должны удовлетвориться высокой честью, что такой великий государь, как германский император берет их на службу и разрешает власть пограбить турок на «законном» основании.

По словам посла, «исполнивши это, они могут быть уверены в том, что его императорское величество как верховный монарх не станет поступать вопреки своему достоинству и величию, а напротив, убедившись в их доброй воле и преданности и усмотревши начало этого в их службе, наградит их с такою щедростью, которая может значительно превзойти требуемое ими жалованье, на славу себе и к их вящей выгоде».

В конце концов тщеславные запорожцы, обрадовавшись, что их не забыли в Европе, согласились и на этом, заверив посла, что готовы служить за так: «На это они снова отвечали мне и призывали Бога в свидетели, что всё они охотно готовы служить его императорскому величеству» и обязались «употребить все усилия к тому, чтобы напасть на Килию и Бабадаг, два знаменитых турецких города, лежащие на Дунае выше его устья в Черное море, ИЛИ же попытаются разрушить Перекоп, главный город крымских татар, отстоящий всего в 26 милях от Сечи по прямому пути, но если ехать морем, то расстояние несколько больше».

Выбор направления главного удара не устроил посла. Он согласен был считать «службой» императору только немедленное вторжение в Валахию, чтобы преградить татарам путь в Венгрию. Иными словами, его императорское величество согласно было использовать казаков «за так» только на интересующем его «фронте», прорвав который татары вторглись бы во входившее в состав империи Венгерское королевство. Только тогда, по уверениям Ляссоты, «можно будет от границ Валахии снарядить посольство к императору для переговоров относительно их продовольствия».

И запорожцы согласились, отбросив всю свою аргументацию! Как продолжает повествование высокий гость, «асаулы (начальники, которых можно приравнять к поручикам) обошли вокруг большое коло и все сказанное изложили прочим казакам, чернь снова отделилась, образовала особое коло и после новых совещаний опять выразила согласие громкими восклицаниями, сопровождавшимися бросанием шапок вверх. Когда мы вслед за тем вышли из кола, тотчас загремели войсковые барабаны и трубы, сделано было десять пушечных выстрелов, а ночью пущено еще несколько ракет».

Однако ночью (о, это темное украинское баламутство, когда хитрый «хохол» ¹,

¹ Я сам хохол, а потому хорошо знаю нашу породу. Прошу не упрекать меня в предвзятости, пишу это с

продавшись задарма, начинает думать, подняв усатое рыло к звездам, а не продешевил ли он?!) некоторые «беспокойные головы» из числа «владельцев челнов», заинтересованные именно в морском походе на Крым, стали ходить из хаты в хату и смущать простой народ, указывая на дальность пути в Валахию и «незначительность присланной казакам суммы».

Наутро снова начались дебаты. Чуть не дошло до перевыборов гетмана и импичмента ему посредством утопления. Потом интерес к проблеме угас (казачья демократия, утомившись от бесконечных прений, вступила в политический кризис) и пришло время обеда. А после него некоторых «саботажников», плюнувших на общественный долг и собравшихся вздремнуть после приёма пищи, которую отказывался оплатить германский кайзер, есаулам, отвечавшим за поддержание порядка, даже пришлось, собрав новое коло, «загонять туда киями».

Я избавлю читателя от дальнейшего описания этих бесконечных демократических процедур, которые мы и сегодня можем наблюдать в современной украинской жизни, ибо целью нашего повествования является не описание всех без исключения перипетий «имперской службы» запорожцев Германскому Рейху, а всего лишь скромная, но аргументированная констатация, что к концу XVI века «казачья христианская республика», как называл это образование один из ее пламенных почитателей, уже существовала во всей красе.

И даже, добавлю, не только «республика», но и массовая украинская психология существовала! Ведь запорожцы и являлись ядром еще не родившейся тогда украинской нации с ее, так сказать, сильными и слабыми сторонами. Пусть эта вольница еще не называла себя украинцами, но она уже была ими в миниатюре — в зародыше. Та же жадность к деньгам, та же запальчивость, та же нехватка уважения к «своему» начальству и отсутствие умения отстоять себя перед «чужим» — перед Европой, которой эти «заризяки»² готовые побросать в воду старшин, соглашались служить без предварительных условий, надеясь на одну только императорскую милость!

И поскольку уже в то время существовал обычай решать все вопросы на Раде и полностью сложилась казачья иерархия от гетмана («вождя») до есаула, то должен был пройти долгий путь развития этой удивительной политической системы. Год ее рождения не могли назвать даже сами запорожцы. Писаной истории и даже архива в привычном смысле этого слова они не имели. Даже суд вершили устно. Правами собственности не интересовались, тут же пропивая награбленное. В бюрократии не нуждались. А о том, откуда произошли, могли только рассказать старинные предания о первом казаке — некоем Семене, явившемся из Польши «для битья диких коз, кабанов и прочей дичины» и построившем кош у слияния Буга с Днепром. Примерно так поведали эту байку запорожские деды русскому князю Семену Мышецкому, побывавшему на Сечи в 1736 году и оставившему одно из первых русских, а не немецких или польских описаний ее — «Историю о казаках запорожских».

Современные ученые считают все это легендой.

Но и уничтожение казачьей республики вызывает одни вопросы!

Взять хотя бы тот факт, что русские войска разогнали Запорожскую Сечь в середине июня 1775 года. А императорский указ о ее ликвидации последовал только 14 августа — почти через два месяца! Главным же обвинением, выдвинутым царицей запорожцам, было их злостное нежелание... жениться. Ну кто рассказывает нашим детям это на уроках истории?

Указ Екатерины II, которым законодательно оформлялось уничтожение запорожского казачества, мало кто читал. Наши историки обычно отделяются общими фразами о лютой ненависти царицы к украинскому народу. Но об этой ненависти в документе ни слова! Более

болью, всем сердцем страдаю за за «бесталанную» Украину.

² «заризяки» – в переводе с украинского – головорезы.

того, казаки «малороссийские» — то есть живущие на территории Левобережной Украины, даже называются в нем «полезными гражданами», ибо пребывают в «естественном общежительстве». А вот запорожцев Екатерина рисует, не жалея черной краски, исчадиями ада!

По ее словам, они «в нравах и в образе правления ощетинились», «одичали в своих ущелиях и порогах» и стали «принимать без разбора в свое худое общество людей всякого сброда, всякого языка и всякой веры».

Документ, вышедший из-под пера матушки-императрицы, ничуть не напоминает те скучные бюрократические бумаги, коими осчастливливают нас современные политики. Он написан с чувством, с экспрессией и несет на себе явный отпечаток авторского стиля и возмущенной дамской психологии.

Если Екатерина II и не составила указ целиком, то вне всякого сомнения лично отредактировала некоторые особо ударные места. Явно по-женски царица недовольна, что казаки пребывают «в совершенной праздности, гнуснейшем пьянстве и презрительном невежестве», имеют «политически разнообразный и юродивый состав членов» и живут «от грабежа посреди окрестных народов», помышляя «оставить из себя посреди отечества область совершенно независимую под собственным своим неистовым управлением».

Последний совет на Сечи

Но главное, чем была недовольно баба на троне, это то, что казаки не хотели жениться! Они «приобвыкли к сей праздной-холостой и беспечной жизни» и сделали из нее «неподвижный закон», решив «остаться навсегда в Сече на собственной воле», то есть без женского присмотра.

Как всякую деспотичную даму Екатерину возмущало, что запорожцы не обращают ни малейшего внимания на слабый пол. Ее изумляло, как при таких обычаях они не перевелись? Ведь должны же были, по причине отсутствия на Сечи баб! Вывод, к которому пришла царица, ломая голову над вопросом неистребимости запорожского поголовья, состоял в том, что сечевой образ жизни невероятно соблазнителен для мужчин, убегающих на Запорожье. А значит, его нужно срочно запретить, дабы отрицателям семейных ценностей не было постоянного соблазна коптить небо, противясь намерению самого Бога размножить человеческий род. Такая вот женская логика!

И ничего нам в ней не понять, если не вспомнить, что сочиняла все это дама, едва оправившаяся от беременности— пережившая так называемый «послеродовой синдром» и неспособная адекватно воспринимать окружающую действительность.

Весь год, предшествовавшей падению Запорожской Сечи, Екатерина Переживала самый бурный роман в своей жизни — ее любовником стал Григорий Потемкин. Возраст у шалуньи был критический. Ей исполнилось сорок пять. Впереди маячил климакс. Слова

такого ученого в XVIII столетии доктора еще не придумали. Тем не менее, явление уже существовало и на судьбах подданных, несомненно, отобразилось.

Разменявшая пятый десяток царица была особенно игрива. Сексуальным забавам с одноглазым Потемкиным она предавалась в бане Зимнего дворца. Сохранились сотни записочек, которыми обменивались влюбленные. «Гришеночек бесценный, беспримерный и милейший на свете, — пишет императрица, — я тебя чрезвычайно и без памяти люблю, друг милый, целую и обнимаю душою и телом». Другие свидетельства состояния влюбленной не менее красноречивы: «Приди ко мне, чтоб я могла успокоить тебя бесконечной лаской моей». Екатерина называет Потемкина по-французски «топ faisan d'or» («мой золотой фазан»), а по-русски — «дорогие сладкие губки, жизнь, радость, веселье».

В воскресенье 8 июля 1774 голубки тайно обвенчались в петербургской церкви Святого Сампсония Странноприимца, а вскоре Екатерина II забеременела. Только этим фактом можно объяснить тот пыл, с которым императрица накинулась в своем скандальном указе на холостяков-запорожцев. Официально она пребывала как бы незамужней, но чувствовала себя уже вступившей на путь истинный и покончившей с прежней беспутной жизнью.

И как раз в промежутке между разгромом Сечи и появлением публичного известия о ее уничтожении на свет появилась дочь Потемкина и Екатерины — Елизавета Григорьевна. Это случилось 13 июля 1775 года. По сути, весь подготовительный период предательского удара по казачьим вольностям совпал с беременностью императрицы. Вот в таких условиях был «выношен» этот роковой указ, которым Екатерина Вторая поистине была беременна!

Как пелось в старинной казачьей песне: «Катерино, врага матери, що ж ти наробила? Степ веселий, край хрещений та й занастила!»

Но почему сечевики сдались без боя? За долгую историю запорожцы поучаствовали в десятках войн. Их охотно нанимали на службу поляки, австрийцы, турки, молдаване, крымские татары, русские и даже французы. Одной из причин этого являлось то, что среди наемников своей эпохи запорожцы наиболее последовательно демпинговали.

В Европе не было более дешевого войска, согласного продать жизнь почти за дарма. Тем не менее, с армией Екатерины-Д, обложившей Сечь летом 1775 года, казаки драться отказались.

На первый взгляд, это необъяснимо. Свидетельств взятия казачьей столицы почти не осталось. С русской стороны имеется только указ императрицы, в котором сказано, что «нашим генерал-поручиком Текеллием со вверенными от нас ему войсками занята Сечь Запорожская в совершенном порядке и полной тишине, без всякого от козаков сопротивления».

Со стороны сечевиков версия имеется всего одна. Да и та принадлежит впадшему в старческий маразм «бывшему запорожцу Коржу». Корж, доживший чуть ли не до ста лет, крепко подзабыл обстоятельства дела как всякий «ветеран». У деда случались провалы памяти, которые он заполнял фантастическими вставками. Как рассказывал этот «последний запорожец», трагедия случилась «за блаженной памяти Екатерины II, в котором именно году за давностью не помню, но по счету моему уже более пятидесяти лет тому».

Корж был неграмотный. Расспросить его ученым удалось только в XIX веке при внуке Екатерины Николае I. «Интервью» с Коржем опубликовали в Одессе в 1842 году. Дедуган в подробностях рассказал, какая сладкая была на Сечи жизнь, какие широченные и дорогушие штаны во времена его молодости носили запорожцы, но, что касается сдачи в плен царской армии, то вспомнить он смог только то, что уговорил всех сложить оружие сечевой поп. Он заявил в церкви: «Убойтесь Бога! Вы христиане и подымаете руки против христиан! Вот вам крест и если вы его не послушаете, то все погибнете внезапно!»

Так как подняться в своем вольномыслии до уровня атеизма казаки не смели, то священника все послушались без обычных на Сечи многодневных дискуссий с выстраиванием в «коло» и ультиматум царского генерала приняли яко повеление высшей силы. В голосе попа запорожцам послышался глас самого Бога. По свидетельству Коржа, «вся старшина и войско» заплакали прямо возле церкви. Мол, супротив воли Господней не

попрешь. Ибо она, как и сам Бог, вездесуща, какие бы у тебя не были широкие шаровары, в складках которых удобно прятаться бесам.

Одним словом, послушались старого попа. А жаль! Могли бы хоть раз повоевать забесплатно. Просто ради удовольствия. Сколько бы «москалей» уже никогда не увидели бы родимые березки средней полосы! Не говоря уже о генерале Текеллии — сербе по происхождению.

Зато все сказанное подтверждает, насколько важное значение имеет для успеха боевых действий агитация. Один бородатый безоружный поп разложил целое войско! Объявил ему психологическую войну и победил.

Как только климакс у Екатерины II прошел, к ней вернулась способность размышлять здраво. Императрица поняла, что с запорожцами погорячилась. Надвигалась новая война с Турцией. Южную границу империи кому-то надо было защищать. В январе 1788 года Потемкин написал царице, что бывшие сечевики перевоспитались, в большинстве своем пережились и хотят отказаться от развратной жизни. Государыня ответила, что ей приятно это слышать. Так было образовано Черноморское казачье войско, прославившееся при взятии Очакова и Измаила. По окончании войны в письме из молдавских Ясс Потемкин даже обмолвился, что черноморские казаки — «бесценны».

Чтобы эти переименованные запорожцы не тосковали без дела и не теряли боевых качеств, их решили переселить на Кубань. Но Кубань населяла одна из татарских орд, застрявшая там после ликвидации Крымского ханства. Русскими войсками в этих местах командовал Суворов. Он решил дело просто. На татар натравили калмыков.

Те на радостях, что правительство разрешило «погулять», вырезали всех — даже малых детишек, и после этого вернулись в свою Калмыкию. А на освободившееся «жизненное пространство» Екатерина II переселила Черноморское войско вместе с женами. Там черноморцы семьдесят лет успешно уничтожали на Кавказе черкесов, способствуя распространению цивилизации. В 1860 году их объединили с «москальскими» по происхождению казаками с Кавказской линии и новое войско назвали Кубанским. Там настоящие потомки запорожцев живут до сих пор. А в Украине их почти не осталось.

P.S. Очередная загадка, косвенно связанная с гибелью Запорожской Сечи, всплыла совсем недавно — в «оранжевое» пятилетие. Не известно точно, кому захотелось доказать, что последний кошевой («вождь», по терминологии Ляссоты) Запорожской Сечи Петро Калнышевский якобы мог приходиться отдаленным пращуром третьему президенту Украины Виктору Ющенко. Тем не менее, на выборах 2004 года версия эта использовалась пропагандистами Виктора Андреевича, а один из пронырливых украинских режиссеров даже пытался выбить деньги на фильм о «предке» майданного «мессии».

Но если бы Виктор Андреевич больше узнал о Калнышевском, ему, возможно, и не захотелось бы иметь такого родственничка. Несмотря на обет безбрачия, обязательный для запорожцев и не дававший права оставить наследство детям, за неимением оных, руки Калнышевского постоянно что-то крали. Кому он собирался все это передать, не известно. Наверное, просто страдал манией накопительства. Как утверждал известный украинский советский историк Владимир Голобуцкий, на момент сдачи в плен Калнышевский владел панским домом со стеклянной верандой в пятидесяти километрах от Сечи и мог за раз продать четырнадцать тысяч овец по два рубля за голову. По меркам XVIII века это гигантская сумма! Можно только вообразить, как эксплуатировал этот «бессеребренник» рядовых холостых запорожцев, чтобы плодились и размножались его бараны!

На Сечи последнего кошевого ненавидели за привычку выдавать своих политических противников на расправу царскому правительству и махление с нормами казачьей демократии. Псевдороскошник Виктора Ющенко постоянно прибегал к подтасовкам и админресурсу. Однажды ему даже пришлось бежать во время выборов, переодевшись в монашескую одежду, чтобы остаться целым. Пожелав вернуть должность, Калнышевский даже обстреливал Сечь в 1768 году с помощью русской артиллерии! Но в конце концов, этот прохиндей надоел не только казакам, но и императрице с Потемкиным.

Калнышевский в тюрьме

Другой украинский историк (дореволюционный) Адриан Кашенко даже заметил как-то, что во времена расцвета Сечи такого кошевого «вкинули б у річку». Вообще же всем энтузиастам в нашей стране, ждущим больших перемен от политиков, напомню в легкоусвояемой стихотворной форме:

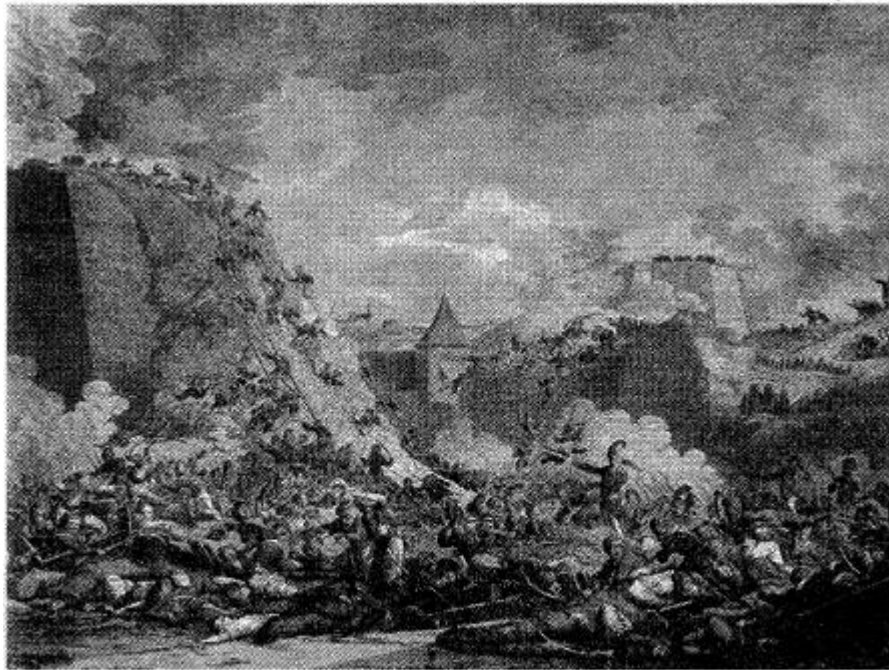
*Вже скоро вибори Нам обіцяють все—
Що навіть півень Яйця золоті знесе.
Так на Січі міняли кошового
І думали, що новий буде кращий.
А він все тив та крав,
Бо не бува інакше...*

Это о Калнышевском и его духовных потомках.

Что же касается прямого родства с Ющенко, то его Нет и быть не может, так как сечевой казнокрад просто не был женат. Разве что байстрюки какие-то у него были... Но где же вы найдете байстрюка с документами, что он байстрюк, а не рожденный в законном браке?

Глава 17. И все же Екатерина была права!

И все же... Сечь не могла не погибнуть! В конце XVIII века «пиратскую республику» казаков было необходимо переформатировать. Она уже не вписывалась в исторический процесс. Исчез ее главный враг — Крымское ханство. Причем, благодаря все той же Екатерине Великой.

Взятие Измаила. Таких побед над турками, какие одержала русская армия при этой царице, Европа не знала ни до, ни после

Странно, почему опереточные казачки, съехавшиеся в Одессу в 2007 году, так протестовали против восстановления памятника Екатерине II? Не будь этой Екатерины, ездили бы они не в Одессу, а в турецкий Хаджибей, находившийся точь-в-точь на том же месте. Да и то, если бы их турки пустили за деньги! Как сегодня пускают украинских туристов в Анталию.

Хороших людей у нас обычно не помнят. Любят прославлять предателей и негодяев. Что хорошего сделал для Украины тот же последний кошевой атаман Запорожской Сечи Калнышевский? Может, он завоевал для нас Дикое Поле? Нет, это сделали «екатерининские орлы» Румянцев и Суворов. Может, Днепрпетровск основал? Тоже нет! Сей подвиг градостроительный совершил фаворит Екатерины II князь Потемкин. Давно бы, кстати, пора Днепрпетровску исконное название Екатеринослав вернуть! Или в Потемкинск-Таврический переименовать!

Тогда, возможно, благодаря Калнышевскому оказалась в наших руках Правобережная Украина? Так об этом гипотетический «родственник» Виктора Ющенко даже не помышлял. Это сделала все та же «вража ма:ти» Екатерина, откусив от Польши по третьему ее разделу исконные земли Киевской Руси.

Ей Богу, я б эту императрицу за все ее добрые дела на украинские деньги поместил. Прямо на двухсотенную купюру! Вместо Леси Украинки, чьей «Лесной песней» с чертяками и мавками детей в школе пугают. Ибо широко мыслила царь-баба! И так же широко свои замыслы в жизнь воплощала.

Ко времени вступления Екатерины II на российский престол автономная Малороссия пребывала в блаженном ничегонеделании. Гетман Кирилл Разумовский в основном жил в Петербурге, предаваясь отвлеченным мечтаниям. Почему-то особенно ему хотелось открыть в Батурине университет и превратить свое гетманское достоинство в наследственный титул.

Екатерина Вторая

Простые же малороссияне в основном посвящали себя самогоноварению. Все леса на винокурный промысел перевели. Да так лихо, что даже гетманское правительство обеспокоилось. В 1761 году Разумовский издал первый в Украине универсал против алкоголизма. «Малороссияне, — гласил он, — не только пренебрегают земледелием и скотоводством, от которых проистекает богатство народное, но еще, вдаваясь в непомерное винокурение, часто покупают хлеб по торгам дорогою ценою не для приобретения каких-либо себе выгод, а для одного пьянства, истребляя лесные свои уголья и нуждаясь оттого в дровах, необходимых к отапливанию их хижин».

Славные запорожцы тоже, как говорится, разложились. Время смелых походов для них закончилось. «Чаек» больше не строили, о дальних пиратских набегах на Кафу и Стамбул даже не мечтали. В основном казаки занимались теперь рыбной ловлей и разведением скота, а самыми великими подвигами считали угон табуна у пограничных ногайских татар или гайдамацкий набег на соседнюю польскую Правобережную Украину.

Даже «столица» их производила весьма жалкое впечатление. В 1766 году ее описал русский чиновник Василий Чернявский, заметивший, что «Запорожская Сечь есть небольшой палисадником огороженный город, заключающий в себе одну церковь, тридцать восемь так называемых куреней и до пятисот казачьих, торговых и мастерских домов». Находилась она всего в пятнадцати верстах от крымской границы. Но ни татары наших «православных рыцарей» особенно не задирали, ни «рыцари» татарам кочевую жизнь не портили. Две породы полудикарей, уставшие от многовековой вражды, мирно паслись по обе стороны трудноопределяемой степной границы, где ни столба, ни контрольно-следовой полосы, ни колючей проволоки.

Турок такое сонное царство устраивало. Дипломатическая переписка середины XVIII века показывает, что местные турецкие паши занимались в основном тем, что подыхали от провинциальной скуки. Об этом свидетельствуют, например, документы Киевской археографической комиссии. Скажем, в 1749 году бендерский паша просил киевского генерал-губернатора Леонтьева прислать к нему в Бендеры купца с соболиными мехами. А в 1766 году еще один паша из тех же Бендер — Хаджи Ибрагим — обратился к польскому князю Любомирскому с просьбой подарить ему две своры гончих псов.

Естественно, любой нормальный человек разогнал бы эту банду турецких рэкетиров, выпрашивающих меха и собак. Но удалось это только Екатерине II. Помог случай. В 1768 году в разгар знаменитой Колиивщины банда гайдамаков во главе с атаманом Шило с польской Украины налетела на пограничный городок Балта (сейчас это в Одесской области)

и ограбила его. За речушкой Кодыма находилась турецкая слобода Галта. Оттуда, прослышав о легкой добыче, турки набежали на соседнюю Балту и тоже немножко почистили местных обывателей. Гайдамаки от души (если, конечно, у них была душа?) обиделись. Они считали Балту своей подконтрольной территорией и в ответ, перейдя через речку, грабанули Галту.

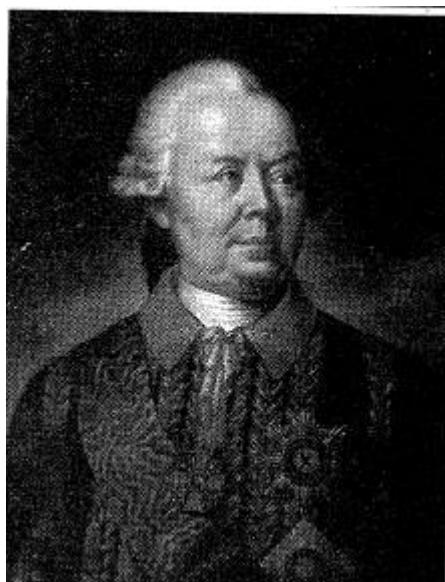
Из-за двух населенных пунктов, названия которых отличались друг от друга всего одной буквой, разгорелся международный конфликт. Правительство султана в Стамбуле во всем обвинило Петербург, якобы подстрекавший гайдамаков. Посол Екатерины II Обрезков резонно возражал, что гайдамаки — вообще не русские подданные, а польские. Но султану почему-то захотелось махать саблями, и в результате вспыхнула русско-турецкая война, в которую перерос «галто-балтский» конфликт.

Однако некоторые историки утверждают, что виною открытия боевых действий было турецкое женоненавистничество. Якобы падишаху очень не нравилось, что соседней империей управляет какая-то баба, место которой, по его логике, было в гареме. К тому же он узнал, что Екатерина II пропихнула своего любовника Станислава Понятовского на польский трон. Из этого факта диванные «аналитики» в Стамбуле (правительство султана называлось по-турецки «Диван») сделали вывод, что русская царица собирается выйти за Понятовского замуж и объединить оба христианских государства на основе персональной унии. Предположение — бредовое. И тем не менее именно этот страх турок, плохо разбиравшихся во внутренних христианских противоречиях, породил открытие военных действий.

Но оказалось, что у бабы-царицы имеются отличные полководцы и бодрые кровожадные солдаты, способные воевать только на хлебе и водке. К баталиям в Причерноморских степях Россия была настолько готова, что расколотила турецкую армию в пух и прах буквально в первых сражениях. Только чалмы с бусурманских голов летели.

Летом 1770 года 27 тысяч русских во главе с генералом Румянцевым при 255 орудиях столкнулись в Молдавии на речке Кагул со 150 тысячами турок и 80 тысячами татар. Несмотря на почти десятикратное превосходство в живой силе, янычары бросились наутек. Все решила превосходная русская артиллерия и боевой порыв пехоты. Как говорили пленные турки: «Русские поражают нас огнем, как молнией». Среди них даже распространился слух, что в армии царицы есть пушки, которые стреляют «без участия прислуги». Передовая Европа разгромила отсталую Азию.

Результатом этой победы был мирный договор, по которому Крымское ханство объявлялось независимым, а граница между Россией и Турцией устанавливалась по Южному Бугу. Впервые Дикое Поле из вотчины кочевников становилось потенциальной житницей для земледельческого славянского населения. Туда, где столетиями ездил только татарин с табупнами лошадей, наконец, пришла цивилизация. Толпы мужиков-малороссиян двинулись в целинные Таврические степи...

Фельдмаршал Румянцев

Так кто оказался более Украине ценен — бездельники-запорожцы или все-таки Екатерина II? Уверен, конечно же, матушка Екатерина! Именно для великих дел нужны такие великие люди, встречающиеся иногда даже среди особ слабого и вздорного женского пола.

Любвеобильность Екатерины известна всем. Но соратники ее не только не отставали от императрицы, но даже превосходили ее в буйном проявлении сексуального инстинкта. Победитель турок при Кагуле фельдмаршал граф Румянцев-Задунайский отличался, кроме полководческого таланта, еще и необыкновенным плотским аппетитом. Как писал еще в XIX веке его биограф Дмитрий Бантыш-Каменский в книге «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов», Румянцев «удальством превосходил товарищей, пламенно любил прекрасный пол и был любим женщинами, не знал препятствий и часто, окруженный солдатами, в виду их, торжествовал над непреклонными».

В переводе с высокопарного старинного штиля на простецкий нынешний это означало следующее: молодым офицером (капитаном он стал в 18 лет) Румянцев выстраивал свой батальон в каре (то есть, квадратом), а в середине на пушечном лафете «в костюме нашего природителя» — голым, значит, — овладевал приглянувшейся девкой.

Скандалное поведение будущего героя шокировало предшественницу Екатерины II на русском престоле Елизавету Петровну. «Проказы Румянцева, доведенные до высочайшего сведения», по словам того же Бантыш-Каменского, даже заставили императрицу Елизавету отправить капитана-проказника к отцу-генералу, чтобы тот «как отец наказад его». Обычные дисциплинарные меры на шалуна не действовали!

Закалив боевой дух публичными совокуплениями с «непреклонными» бабами, Румянцев не боялся уже ничего — ни немцев, ни турок. Член его стоял, как шпага. А шпага, как член. Уже в Семилетнюю войну с Пруссией молодой секс-гигант считался самым перспективным русским генералом.

Значительную часть жизни фельдмаршал провел на Украине, заменив гетмана Разумовского в качестве ее правителя — президента Малороссийской коллегии. Правил мудро. Особенно допекал взяточников. Любил жить в своем поместье под Киевом, где удил карасей, приговаривая: «Наше дело города пленить да рыбку ловить». Остепенившись в зрелые годы, женился на княжне Голицыной и имел трех сыновей. Но род его по мужской линии пресекся в 1838 году.

Похоронили Румянцева в Киево-Печерской Лавре в Успенском соборе. Но после взрыва 1941 года его гробница, как и захоронения митрополита Петра Могилы и знаменитого защитника православия князя Константина Острожского, были разрушены.

В 1783 году Екатерина II, воспользовавшись плодами румянцевских побед, издала манифест «О принятии полуострова Крымского под Российскую державу». Хан лишился власти. Севастополь становился базой русского флота. Все завоеванные у татар земли стали называть Новороссией.

Обычно считается, что Екатерина II была убежденной сторонницей крепостничества. Но это не совсем так. Она ЗАПРЕТИЛА обращать в крепостное состояние завоеванных крымских татар и искать в Новороссии беглых помещичьих крестьян. Делалось это, чтобы заселить - новые земли. Фактически возникла свободная зона, куда бросились переселенцы со всей империи и расположенных по соседству стран. В 1780 году эмигрировавшие из Крыма греки основали город Мариуполь. В низовьях Днепра как судостроительная верфь возник Николаев, где уже в XX веке будут построены и броненосец «Потемкин», и дредноут «Императрица Мария», и ВСЕ советские авианосцы, среди которых и тот «Варяг», который стал в результате китайским.

Но главным городом Новороссии планировалось сделать Екатеринослав, который фаворит императрицы Потемкин задумал как южный соперник Петербурга.

За десять лет в Новороссию переселилось из Украины, Польши и исконных великорусских губерний почти сто тысяч человек.

Безбородко — потомок казаков, канцлер Российской империи

Местным властям было запрещено интересоваться их происхождением. Указ Екатерины просто приказывал «без всякой огласки приписывать бродяг к городским и сельским обществам, смотря по их состоянию». Сюда же разрешили переселяться евреям из Польши, которые составили значительную часть населения возникшей в 1794 году Одессы.

Так на древнегреческий манер переименовали завоеванную турецкую крепость Хаджибей.

Благодаря Екатерине появился и такой феномен, как малороссийское дворянство. При Богдане Хмельницком в 1654 году царю присягнуло всего три сотни шляхтичей. По сути, до Екатерины II Украина так и жила, не имея своего «благородного сословия». Но ликвидировав Гетманщину, царица щедро наградила верхушку казачества дворянскими титулами.

Но уцелело и само казачье сословие, о чем мало, кто помнит! До самого 1917 года на Украине существовали казачьи села, жители которых никогда не знали крепостного права. Дворянином же можно было Стать двумя способами: либо оформив законодательно права на свои поместья, что сделали самые богатые из старшины, либо поступив в русскую армию и дослужившись до первого офицерского чина.

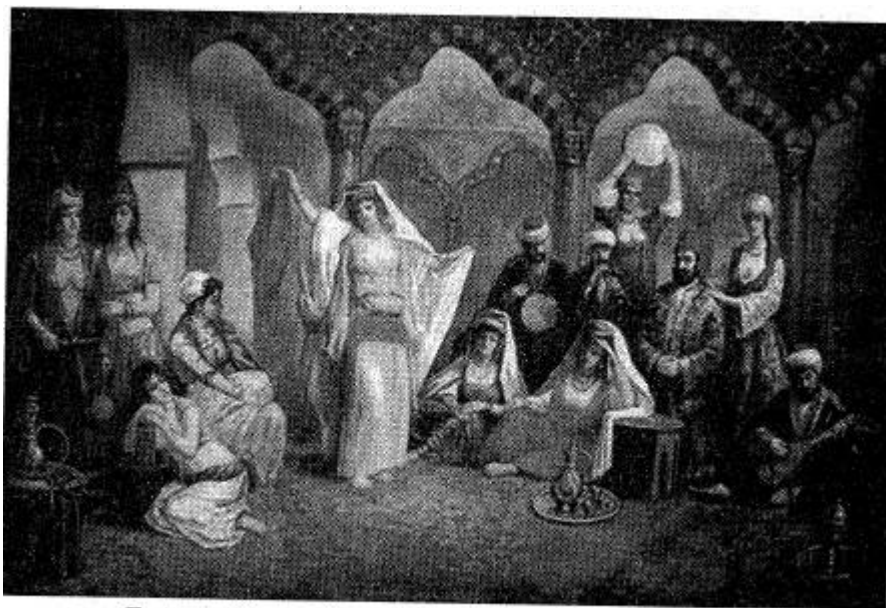
При Екатерине II дворянство можно было получить, став всего лишь прапорщиком или корнетом. Так как войны шли почти непрерывно, а малороссийских казаков охотно брали в кавалерию, то этот путь был широко открыт. Например, именно так получил дворянство основоположник украинской литературы Котляревский, поступивший на службу в Северский карабинерный полк.

Вскоре новое малороссийское дворянство — Галаганы, Тарновские, Закревские, Кочубеи, Безбородки, Скоропадские — уже ничем не уступало по богатству правобережной польской шляхте. Вместо бандитских куреней, где буянили чубатые «рыцари» в грязных шароварах, Малороссия украсилась «дворянскими гнездами» — усадьбами и дворцами, породившими то, что сегодня мы называем классической украинской культурой, а во времена Шевченко именовалось культурой малороссийской.

Глава 18. Неизвестное Крымское ханство

Но как получилось, что крошечная татарская орда в XIII веке захватила Крым, а потом 500 лет держала в страхе половину Восточной Европы, занимаясь только рэкетом и работоторговлей?

Когда при Екатерине II после нескольких столетий почти непрерывных войн русские войска наконец-то завоевали Крым, население полуострова насчитывало всего полмиллиона (!) человек.

*Гарем. У хана он был скромнее султанского,
но тоже можно было отдохнуть*

В «великой» ханской столице Бахчисарае проживало людей меньше, чем в захудалом нынешнем райцентре, — каких-то 6 тысяч! Никакой индустрии, за исключением мастерских по изготовлению седел и ножей, ханство не имело. И даже не собиралось ее заводить, так как его экономика строилась не на производстве, а на перераспределении. Ибо с момента возникновения и почти до самого конца «панство Крымское», как называли эту державу в канцелярии малороссийских гетманов, занималось тем, что на современном языке именуется рэкетом. Вся политика хана сводилась к тому, что он терроризировал окрестные государства однообразным надоедливym приемом: мы — люди дикие, голодные, но воинственные, потомки самого Чингисхана, — дайте на пропитание, а то зарежем!

Но слова «рэкет» тогда ни в Москве, ни в Варшаве еще не знали употребляя вместо него чудной термин «поминки».

Дворец в Бахчисарае. Отстроен в XVIII в. Его предшественник был сожжен во время русско-турецкой войны

Нынче он ассоциируется только с похоронами. А в XVI—XVII веках так называли еще и отступное, которое платили хану соседние государства за хорошее поведение, чтобы он не безобразничал — не воровал скот, людей и те материальные ценности, которые можно было утащить на косматой татарской лошадке. Буфет на ней, конечно, не утащишь. Да и немного было на Украине, если честно, буфетов в те темные времена. Разве что те, которые сами казаки утащили у поляков.

Но, если бы вы знали, сколько денег и народа наши предки «похоронили» в Крыму, пока не сообразили, что разумнее похоронить самого хана с его паразитарным, как пишут теперь историки, государственным организмом!

Татары не были в Крыму коренным народом. Их предки появились там только во времена монгольского нашествия — в XIII веке. До этого полуостров населяли потомки античных греков, создавших свои города на побережье, хазар и готов — германского племени, которое пришло сюда из Скандинавии еще в эпоху Великого переселения народов — в III ст. н. э. Ныне в это трудно верить, но готская речь звучала в Крыму даже в начале ханской эпохи. Путешественники отмечали, что она очень похожа на другие германские диалекты. Заехавший в Крым в XV веке итальянец Иосафат Барбаро записал в дневнике: «За Кафой, по изгибу берега находится Готия... Готы говорят по-немецки. Я знаю это потому, что со мной был мой слуга немец. Они с ним говорили и вполне понимали друг друга». И даже в конце XIX столетия известный киевский историк Юлиан Кулаковский, написавший интереснейшую книгу о древностях Тавриды, отмечал, что среди татарских построек в горной местности попадаются срубы, напоминающие те, что возводили в Скандинавии. Эти строительные навыки крымские татары, несомненно, позаимствовали от предшествующего нетатарского населения.

Монгол. Прародина крымских татар — в далекой Монголии

До сих пор в Крыму живут два малоизвестных народа, которые оказались тут намного раньше татар — крымчаки и караимы. В Киеве есть Дом актера на улице Ярослав Вал — изящное здание в восточном стиле. Это бывший караимский храм — кенасса. Ее построил, как и многие самые красивые здания нашего города, архитектор Городецкий. А деньги дал Соломон Коген — караим по происхождению и табачный король, владевший в Киеве двумя папиросными фабриками.

Караимы исповедуют разновидность иудаизма, но евреями себя не считают, а Талмуд не признают. Разговаривают они на одном из тюркских диалектов, близком к древнему половецкому языку. Этнологи видят в них потомков хазар, принявших когда-то иудаизм и владевших не только Крымом, но до варягов и Киевом. Сейчас в Крыму живет не больше 6 тысяч караимов. И еще несколько тысяч разбросаны по разным странам — от Турции до Аитвы.

Крымчаки проживали компактными общинами в районе Бахчисарая, Феодосии, Евпатории и Старого Крыма, а сейчас их можно, если повезет, встретить в разных местах полуострова. Они тоже разговаривают по-тюркски и исповедуют иудаизм. Но другую его разновидность — более ортодоксальную. Молельни свои называют синагогами, а духовных наставников — раввинами. Их тоже относят к потомкам хазар.

И караимы, и крымчаки служат памятником древней религиозной войны, разорвавшей некогда Хазарский каганат. Они — наследники разных хазарских «партий». С татарами, да и друг с другом, и те, и другие не смешиваются.

А готы были в основном истреблены в конце XV столетия, когда турецкая армия взяла их крепость Феодоро (ее еще называют Мангуп). Те готы, что уцелели, слились с татарами. Тот же Юлиан Кулаковский поражался «нордическому» виду некоторых горных татар — по-видимому, сохранивших в себе северные гены.

А куда из Крыма делись потомки античных греков? В Мариуполь! Екатерина II переселила их туда в разгар русско-турецких войн, чтобы обезопасить этот христианский народ от истребления. Еще не было ясно, за кем останется Крым. Добрая императрица не хотела, чтобы люди, сохранившие православную религию предков, погибли зря. Кроме того, ей хотелось ослабить крымского хана. Ведь, если кто и умел работать в его стране, так это греки — хорошие ремесленники, садоводы и рыболовы.

Все знают о набегах татар на Украину, но забывают, что им предшествовали набеги татар... на сам Крым. Впервые их вторжение на полуостров зафиксировано в 1223 году — том самом, когда русские князья были разбиты на Калке. Разгромив русских, орда завернула на юг и прошла по степному Крыму. За первым набегом последовали другие, пока в 1299 году войско татарского вождя Ногай не захватило Херсонес. Помните античные руины на первой одногривневой купюре? Это наглядная иллюстрация того, как Ногай погулял. С новых гривен руины убрали. Но вы можете съездить в Севастополь и полюбоваться на остатки старинного греческого города на берегу Карантинной бухты — только колонна

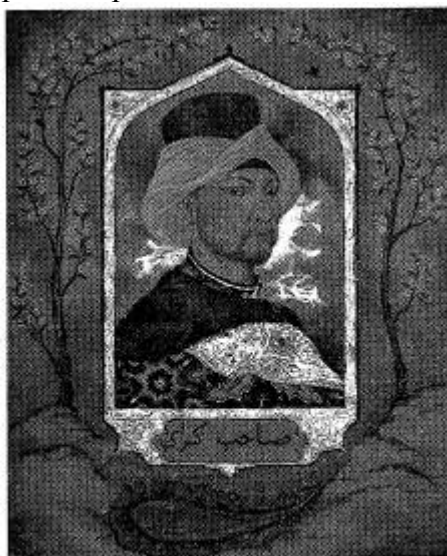
сиротливо торчит! Как напоминание о том, как эффективно Ногай истреблял предшествующее население — действительно коренное, по сравнению с татарами.

Первым же крымским ханом стал некий Хаджи-Гирей — один из золотоордынских сепаратистов. Десять лет он пробыл в эмиграции у польского короля, а потом с его помощью захватил Крым и основал местную династию. Король еще не подозревал, какую глупость он совершил, обрекая своих наследников на многовековые «поминки».

Вот как описывает типичный татарский набег Гийом де Боплан: «Они в разных направлениях устремляются на деревни, окружают их четырьмя караулами, разводят сильные огни, чтобы ни один из жителей не мог спастись ночью бегством; потом грабят, истребляют селения, убивают всех противящихся им, берут в плен сдающихся не только мужчин, женщин, но даже грудных младенцев, уводят скот, лошадей, быков, коров, овец, коз».

Существует ошибочное мнение, что пристрастие нынешних украинцев к свинине связано с тем, что татары, которым религия запрещает есть это мясо, не трогали поросят. Но и это неправда! Они подвергали геноциду даже симпатяг с пяточками. По словам того же Боплана, захватив деревню, татары «запирают свиней в овин или в иные строения и вечером зажигают оные по омерзению к сим животным», в общем, татарские погромщики поступали хуже, чем в известной поговорке: «Що зможу, з'ім, решту — понадкушую».

Возникает вопрос: как могла маленькая орда держать в страхе половину Восточной Европы? Но ведь на помощь людоловам пришла география! В военном смысле они захватили ключевую точку, контролировавшую степную и лесостепную зоны от Дуная до Кавказа. Все крупные реки этой равнины текут с севера на юг. Выходя из Крыма в набег, татары не встречали ни одного естественного препятствия до самых лесов под Киевом. А их самих надежно закрывало от расплаты узенькое горлышко Перекопа. К тому же в мобильности никто не мог с этими кочевниками сравниться. Татары могли даже спать в седле. А в набег каждый из них брал по три лошади.

*Так художник изобразил
Девлет-Гирея — хана,
который сжег Москву*

И так продолжалось веками. В 1482 году войска хана Менли-Гирея сожгли Киев, а жителей угнали в плен вместе с киевским воеводой Иваном Ходкевичем, его женой и сыном. Описи Киевщины показывают, что с конца XV до середины XVI века население тут резко сократилось. Кто мог, бежал на север — в Белую и Великую Русь. Вершиной же успехов татар был поход хана Девлет-Гирея на Москву в 1571 году. Тогда хан сжег столицу Ивана Грозного дотла — устоял только кремль, оказавшийся кочевым налетчиком не по зубам.

Было бы упрощением изображать Крымское ханство как полностью отсталое

сообщество. Просто оно специализировалось на работорговле и производило только то, что необходимо для этого промысла. Крымские ножи-пичаки славились качеством. В мирное время их экспортировали в Москву и даже в Западную Европу. В Стамбуле их подделывали, ставя крымские клейма на обычные клинки.

Табуны татарских лошадей достигали огромных размеров. Все население Крыма вместе с греками, караимами, евреями и христианскими пленниками не превышало полмиллиона. А лошадей там было не менее 300 тысяч!

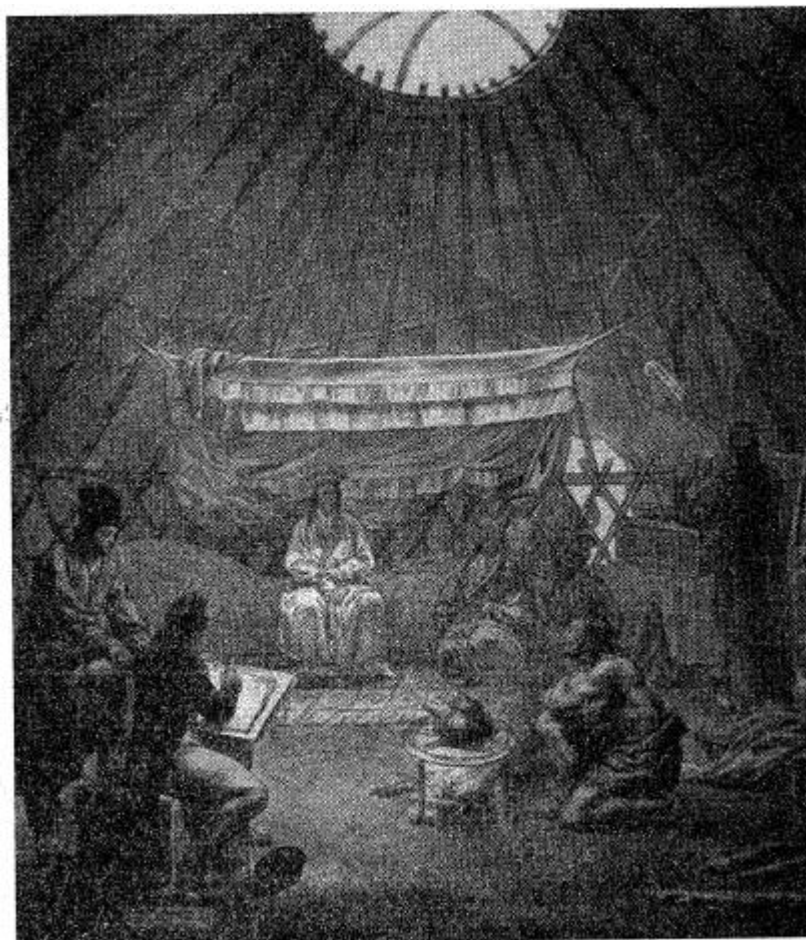
Кроме кавалерии хан располагал еще и пехотой. Ружья для НИХ — длинные карабины, обладавшие сверх-

Крымские татары. Русский рисунок времен покорения Крыма

точным боем, производили в мастерских Бахчисарая. Запорожские казаки называли эти карабины «турками», как и все ружья восточного происхождения, которыми они пользовались. Но большинство из этих «стволов» произведено не в Турции, а в Крыму.

Если хороший конь стоил 30 пиастров, то крымский карабин мог достигать в цене двухсот. Ежегодно только на экспорт уходило до двух тысяч ружей. А порох татары тоже делали сами. Еще славилась крымская кожа — знаменитые сафьян и шагрень. Одним словом, Крым производил все нужное для войны и ублажения своей знати. Остальное его не интересовало.

*В юрте. Европейский художник и себя нарисовал
среди кочевников*

Скоро границы окрепшего Крымского ханства выплеснулись за пределы полуострова. На старинных картах видно, что его владения занимали еще и территорию нынешних Одесской, Херсонской, Николаевской, Запорожской, Донецкой и половины Харьковской областей.

Хан был верховным правителем. Его первый наследник назывался калга-султан. Второй наследник — нуреддин-султан. Государственный совет, как и у турок, — Диван (там действительно стояли диваны, лежа на которых приближенные хана решали политические вопросы). А верхушку общества составляли беи — главы важнейших родов.

Старейшими родами считали Ширин, Барын, Аргын и Кипчак. Первыми среди беев были Ширинские. А наличие рода Кипчак свидетельствует, что часть половцев тоже вошла в состав нового народа. Ведь сами себя половцы называли именно кипчаками.

Весь же государственный аппарат Крыма, получавший жалованье, насчитывал только 152 человека. Остальные должны были добывать пропитание, как умели, но не забывать делиться с верхушкой.

Главная ударная сила ханства — Ногайская орда — кочевала в степях севернее Перекопа. При этом она оставалась самой бедной прослойкой крымского народа. Те татары-людоловы, которые фигурируют в украинских романах, — это как раз ногай. Даже антропологически они сохранили древний монголоидный тип. А татары, поселившиеся непосредственно в Крыму, в результате смешения влили в себя кровь древнего дотатарского населения полуострова и славянских пленников.

Работоторговля — не изобретение крымского хана. Задолго до него этим же ремеслом занимались итальянцы, жившие в Судаке и Кафе. Хан только отобрал у них этот промысел. А рядовых кочевников и просвещенные европейцы, переживавшие эпоху Возрождения, и

сменивший их дикий потомок Чингиса использовали как орудие — наподобие гончих псов.

Это было настолько сильное государство, что даже Запорожская Сечь временами оказывалась в его власти! О том, что запорожцы жили под властью хана после того, как сдуру поддержали Карла XII, многие знают.

Но ведь была в истории Сечи страница еще позорнее. Причем в самое время ее расцвета — то самое, когда жил Иван Сирко — «Урус-шайтан», наводивший страх на мусульман. Кстати, его татарское прозвище, в переводе означающее «русский черт», доказывает, что в XVII веке население Украины называло себя именно русскими, а не украинцами. Иначе писался бы он «Украин-шайтаном»!

Сирко был последовательным врагом Крыма, за исключением тех моментов, когда договаривался с ним по политическим соображениям и из-за вражды к полякам, продолжая, таким образом, внешнеполитический курс Богдана Хмельницкого в начале его правления. Но была на Сечи еще одна партия — протатарская. В августе 1668 года она победила и протолкнула на должность кошевого некоего Петра Суховея. А тот ПРИЗНАЛ протекторат крымского хана над Сечью — перефразируя советскую формулу о Переяславской Раде, «осуществил вековечную мечту о подчинении татарскому народу». Увы, глава об этом позоре в украинских учебниках отсутствует!

*Атаман Сирко.
Он же Урус-шайтан*

Я же в очередной раз благодарно вспомню имена славных «екатерининских орлов» — Румянцева, Суворова и Потемкина, навсегда покончивших с тем, что еще недавно гордо именовало себя «Великим ханом великой орды и престола Крыма и степей Кыпчака», что в оригинале звучало: «Улуг Йортнинг, ве Техти Кырынинг, ве Дешти Кышчак, улуг хани». Не понимаете? А ведь не будь Российской Империи, это вполне могло быть вашим государственным языком. Точнее, «державною мовою».

Глава 19. За кулисами уманской резни

Юбилей разграбления Умани в 2008 году в Украине не праздновали. Оно и понятно — вырезав в этом городке две тысячи поляков, евреев, униатов, а заодно и подвернувшихся под руку православных (гулять, так гулять!), гайдамаки не подозревали, что поступили «неполиткорректно».

Правда, один остроумец заметил, что тогда еще не существовало понятия «права человека».

*Гайдамацкий набег. Некоторые отряды повстанцев
формировались прямо на киевском Подоле*

Это, дескать, несколько извиняет жестокость и гайдамаков, и прочих борцов за народ радикальными методами, живших в далеком прошлом.

По моему же мнению, дело не в наличии или отсутствии юридических терминов, и в 1768 году, и значительно раньше хорошо понимали, что такое милосердие и чем оно отличается от зверства. Кровавые подвиги Зализняка и Гонты и не менее лютая расправа над ними показывают, до какого остервенения могут прийти люди в том месте, где столетиями накапливается национальная, религиозная и социальная несправедливость, которую власть имущие и их прислужники упорно не хотят замечать.

*Иллюстрация художника XIX века Сластииона
к поэме «Гайдамаки»*

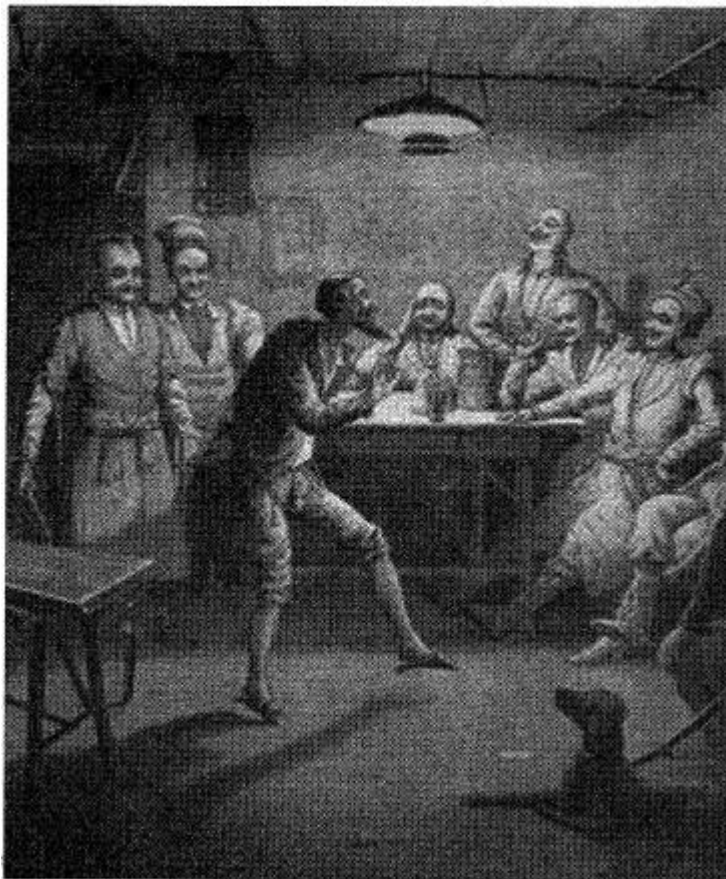
Примерно так же, как в Речи Посполитой при ее последнем короле, когда произошла Уманская трагедия, пухнет эта несправедливость и в современной Украине. А потому память о гайдамачине по-прежнему актуальна. Пусть помнят! И пусть боятся новых гайдамаков!

Уже после подавления восстания его главного предводителя, называвшего себя «полковником Зализняком», но при этом не умевшего даже подписаться, допросили в канцелярии Каргопольского карабинерного полка. «Из местечка Умны, — поинтересовались у него следователи, — ты и сотник Гонта с командами почему на здешнее место, на котором вы с казаками взяты под караул, выступили? » И получили ответ, замечательный в своей откровенности: «Из местечка Умны я и сотник Гонта вышли потому, что от великого побитого народу жить было не можно»...

Иными словами, от разлагающихся трупов стоял такой смрад, что гайдамаки не смогли даже толком отпраздновать «победу». Да и назвать ее победой, если честно, не поворачивается язык. Писатели эпохи романтизма, в том числе и наш Шевченко в поэме «Гайдамаки», любили изображать те события яркими живописными красками, придавая им накал и эффектную картинность. А вот что свидетельствуют показания непосредственных участников.

Ответ Зализняка следствию опубликован в изданном крошечным тиражом еще в 1970 году сборнике документов «Гайдамацкий рух на Україні в XVIII ст.». Его никто не читает. А напрасно. Никаких описаний настоящих штурмов и битв не смог привести даже Зализняк. Он рассказал, что родился в «Полской области Чегиринской губернии в местечке Медведевке», а потом после смерти отца «пошел в Запорожскую Сечь тому уже назад пятнатцат лет», откуда направился в Матреновский монастырь. Перезимовав там и собрав партию в 70 человек запорожских и прочих беглых казаков, Зализняк в апреле 1768 года (точного дня допрашиваемый не смог вспомнить) выбрался на промысел и первым делом перехватил под Жаботином отряд из пятидесяти шляхтичей-конфедератов, «ис коих

заколото человек до сороку».-

*Иллюстрация художника XIX века Сластиона
к поэме «Гайдамаки»*

Получается, что на этом этапе «народный герой» ситуативно воевал на стороне польского короля Станислава Понятовского, против которого выступили эти конфедераты. Впрочем, он вряд ли об этом задумывался. Что король, что шляхетские оппозиционеры — для него был один хрен. Но так как после первого успеха к Зализняку из разных мест сбежалось около тысячи человек с оружием («а откуда они пребивали, о том знать не могл»), то он решил попытать счастья под Уманью.

Весь этот бардак мог происходить только в таком глубоко «демократическом» государстве, как польское. Сами поляки говорили, что «Польша стоит раздорами». По Вечному миру 1686 года, после проигранной многолетней войны, Варшава отдала России Левобережную Украину и Киев. Но правобережье Днепра, где находилась Умань, осталось за Речью Посполитой.

- Местность эта после Руины была страшно разорена. Очевидцы вспоминали скелеты и черепа, валявшиеся под открытым небом на местах бывших сражений. Но шляхта потихоньку возвращалась в свои владения и налаживала тот же экономический механизм, который существовал до восстания Богдана Хмельницкого. Управлять обширными земельными владениями лично магнаты не желали — слишком хлопотно. Они предпочитали сдавать их в аренду предприимчивым еврейским бизнесменам, официально не имевшим права владеть землей.

*Иллюстрация художника XIX века Сластииона
к поэме «Гайдамаки»*

В результате, православные крестьяне, на эксплуатации которых процветала эта система, ненавидели и тех, и других. Ко всему прочему у Польши не было ни толковой армии, ни эффективной полиции. Внешних войн не предвидели, а поддерживать порядок в колониальной Правобережной Украине предпочитали, набирая отряды из самих же «туземцев». Так предводителем надворной казачьей сотни на службе у Салезия Потоцкого, которому принадлежала Умань, оказался крестьянин села Росошки Иван Гонта.

Гайдаматчина 1768 года назревала постепенно. Потихоньку бурлило тут на протяжении всей первой половины XVIII столетия. Одной из тайных баз повстанцев стал Киев — крохотный русский плацдарм на правом берегу Днепра. Сюда через государственную границу между Польшей и Россией, пролежавшую по речке Ирпень, собирались со всего Правобережья православные священники, которых поляки изгоняли из приходов, отдавая их униатам. Обиженные Польшей православные попы стали настоящими «комиссарами» у гайдамаков.

Это придавало гайдамацким набегам характер религиозной войны. Как писал в статье «Исследование о гайдамачестве» киевский историк XIX века Владимир Антонович, сам потомок польской шляхты, «В актах мы встречаем гайдамацкие отряды, организующиеся одновременно на землях всех киевских монастырей... В 1750 году, в подробном описании походов гайдамацкого ватажка Ивана Подоляки, мы встречаем сведения о том, что монахи Киево-Софийского и Михайловского монастырей оказывали ему постоянно покровительство; один из них, отец Дамиян, управлявший пасекой Михайловского монастыря за Лыбедью, не только приютил Подоляку, но позволил ему набрать целый отряд, на свой счет снабдил на дорогу хлебом, оружием, порохом и свинцом и при выходе благословил гайдамаков образом». В благодарность гайдамаки пожертвовали часть добычи на пользу сельских православных церквей.

В 1747 году один из гайдамацких отрядов был сформирован прямо на Подоле.

Сборным местом для него стал дом мещанина Афанасия Цирульника. Этот виртуоз парикмахерского мастерства снабдил налетчиков за свой счет хлебом, деньгами и оружием, после чего те отправились в поход на местечко Чернобыль на польской тогда территории, который успешно и разграбили.

Но и сами поляки частенько выдавали себя за «народних месників»! «В 1751 году, — пишет Антонович, — помещики Юхновские, переодевшись гайдаками и выкрасив лица сажей, напали с толпой слуг на имение соседа своего Рудницкого, изувечили его крестьян и ограбили двор». А годом раньше за разбой взялся даже католический священник — приор (то есть настоятель) Бышевского монастыря Ключковский! С отрядом своих надворных казаков он ограбил имение и шинок шляхтичей Ленкевичей, «выдавая свой отряд за гайдамаков и подражая их приемам».

Украинский советский историк Владимир Голобуцкий описывал захват Зализняком Умани так, словно речь шла, как минимум, о взятии Суворовым Измаила:

Максим Зализняк

«Повстанці пішли на штурм. О сьомій годині вечора, коли їхні лави наблизилися до кріпосних валів, на стінах почалася шалена стрілянина з гармат і рушниць. Повстанці мусили відступити, залишивши на місці декілька вбитих.

Проте перша невдача не похитнула їх. Знову і знову протягом цілої ночі штурмували фортецю. Вранці наступного дня гайдамаки вступили до міста».

Ночной штурм, пылающий город — красиво! Но документы не подтверждают этого масштабного батального полотна, намалеванного официозным советским мифотворцем, как принято по научному именовать брехунов: Ликаких «гармат» в Умани не было! Была только ОДНА ЕДИНСТВЕННАЯ «гармата». Да и та почти без ядер. Как писал Владимир Антонович, польский губернатор Умани Младанович даже был вынужден «отправить доверенных лиц в Бендеры для закупки у турецкого паши пороха и ядер, в которых чувствовался недостаток».

Да и сам Зализняк на допросе скромно вспоминал: «Как скоро в местечко Умны вошли, то хотя по нас и было из ОДНОЙ прежде пушки, а потом из мелкого ружья выстрел, однако нам никакого урону, кроме одного человека, не вчинено». Не известно даже, был ли убит этот единственный подстреленный гайдамака! Возможно, только ранен. О героическом же «многочасовом» ночном штурме, который он якобы совершил, реальный Зализняк, в отличие от Голобуцкого, писавшего после него через двести лет, дабы разукрасить до невозможных пределов размах «классовой» борьбы на Украине, тоже ничего не знает.

В Умань сбежалась шляхта и евреи со всей округи. Защищаться это воинство почти не умело. А единственный боеспособный отряд — надворная казачья милиция, навербованная из православных крестьян, в полном составе под командой сотника Ивана Гонты перешел на

сторону Зализняка

К тому же в городе не хватало питьевой воды. Владимир Антонович, описавший Уманскую трагедию, по воспоминаниям уцелевших очевидцев с польско-еврейской стороны, приводит очень прозаические, но правдоподобные факты: «Запасы пороху и картечи истощились; при том в городе не было воды, колодезь, начатый за несколько дней назад, на глубине 30 сажень, наткнулся на скалу; осажденные должны были утолять жажду медом, вивневкою и вином, от которых хмелели и увеличивали беспорядок; сверх того, ночью из города сбежали все солдаты, гарнизона, экономические слуги ³ и арестанты»...

Потеряв надежду удержать Умань, губернатор Младанович решил с гайдамаками договориться.

Иван Гонта. Сотник-страдалец отличался импозантной внешностью

Младанович подговорил купцов-евреев отправить Гонте и Зализняку в подарок несколько возов с дорогими тканями, чтобы задобрить их. Гайдамацкие батьки приняли эту «взятку», но переговоры отложили до утра. «На следующий день Гонта, — пишет Антонович, — привязав белый платок к копы, подъехал к воротам и предложил возобновить переговоры об условиях сдачи; он требовал, чтобы Младанович вышел к нему лично».

Губернатор в сопровождении мещан с хлебом и солью выбрался из городских ворот и отправился в поле. Но тут среди обожавших плюрализм поляков началась неуместная дискуссия. Одни шляхтичи утверждали, что Младанович не имеет права сдавать город. Другие — им возражали. Наступил такой бардак, что губернатор плюнул на всех и со словами: «Помышляйте же сами о себе, а я предаю себя Господу!» пошел в Костел молиться.

Через не закрытые вовремя ворота в Умань хлынула толпа гайдамаков, не слушая даже своих предводителей, и устроила резню. Как вспоминал на допросе Зализняк: «Поляков, жидов, а при том и тех, кои и во услужении конфедератов были веры греческой, поколото немалое число, а сколко, заподленно знать не могу, однако думаю не менее, как всех мужеска и женска, даже до сущих младенцев, тысячи две человек ... и при том пограблено денег тысячи сто Рублев... Между показанным побитым нами народом, губернатор с женою убит, а о прочих: как ксензах, попах и протчих полскаго шляхетства ведать не могу, потому что я не здешняго места жител».

Кого мог, спасал лично Гонта. В поэме Шевченко «Гайдамаки», напичканной

³ Экономические слуги — дворовые люди, служившие в панских экономиях.

выдумками, этот сотник убивает двух своих сыновей, отданных матерью на воспитание католикам. В реальности ничего подобного произойти не могло. У Гонты было четверо дочерей и только один сын. в дни осады Умани все они находились в его родном селе Росошки. к тому же женат сотник был на православной женщине. Это была обычная семья усердная в родной вере. На православном храме в Ро-сошках долго сохранялась надпись: «Церковь сия збудована коштом сотника Ивана Гонты и всей громады». А в Воздвиженской церкви местечка Володарки в числе ктиторов был записан Гонта вместе с женой.

В Дни бунта Ивану Гонте пришлось совершить сложный выбор. Потоцкий всегда относился к нему с симпатией и даже подарил в полное владение его родное село — те самые Росошки. Сотник отличался импозантной внешностью и превосходно говорил и писал по-польски. Как вспоминал сын убитого губернатора Павел Младанович, «воспитание его было такого, что и теперь его можно было бы счесть за шляхтича». (Между прочим, в допросных листах за неграмотного Зализняка по-польски расписался именно Гонта!) Но голос крови и веры пересилил. «Своими» для Ивана были все-таки православные гайдамаки, а не католики-шляхтичи и еврейские купцы.

Жестокая ирония заключалась в том, что и Гонту, и Зализняка поймали именно русские войска, которые пришли на помощь своему польскому союзнику — королю Станиславу Понятовскому. Но во время казни Гонта вел себя достойнее любого дворянина и даже завещал вырезанную из его спины полосу кожи одному шляхтичу, попросившему «в наследство» дорогой пояс сотника.

Казнь Гонты должна была продолжаться две недели. В течении первых десяти дней, по решению польского правосудия, ему предписывалось вырезать по «пасу» кожи, на одиннадцатый день — отрубить ноги. На двенадцатый — руки. На тринадцатый — вырвать сердце. И только на четырнадцатый — обезглавить. Выдержать эту процедуру так и не смогли. Польский гетман Бра-ницкий приказал отрубить Гонте голову на третий день, а все остальное проделать на трупе. Череп сотника многие годы красовался на воротах городка Могилев-По-дольский. Кожа с него облезла, вороны выклевали глаза, а потом он попросту куда-то исчез. Как многое исчезает в этом подлунном мире. И только в допросных листах двух гайдамаков-побратимов сохранился каллиграфический автограф по-польски: «K sim owiktom wmijsto nazywajemoho poikownyka Maksyma Iwelowaho syna Zalizniaka za neumiknym gramoty po ikmo prozenyiu w miksteczko Umac sotnik Iwan sotnyko Honta podpisaisa» «Под этими ответами вместо назвавшегося полковником Максима Ивеловаго сына Зализняка по его просьбе как незнающего грамоты в местечке Умань сотник Гонта подписался».

Глава 20.

Преступление и наказание по-староукраински

Много пишут ныне о судебном беспределе. Но уверяю вас: при Мазепах и Полуботках в казачьей державе со справедливостью было не лучше!

Гуси спасли Рим, а Запорожскую Сечь — картежник. Недаром колода карт красуется на переднем плане картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». На Рождество 1675 года войско турецких янычар проникло по льду на Сечь и вырезало часовых. Казаки мирно спали. И только в одном курене компания картежников продолжала игру. Именно они засекли врагов и открыли бешеную стрельбу, разбудившую другие курени. Через окошки-бойницы запорожцы косили турок сотнями — ни одна пуля не пропала даром на узких улочках, где не было спасения. Утром трупы захватчиков опустили в проруби на Днепре, скормив рыбам.

Но не всегда карты приводили к хепши-энду. Чаще всего страсть к азартной игре оборачивалась внезапной утратой имущества и утомительными судебными процессами. В историческом романе Зинаиды Тулуб «Людоловы» так теряет свой хутор полковник Горленко. Множество подобных трагедий сохранили и старинные акты. Карточные шулера подпаивали незадачливых гуляк и вовлекали их в опасную игру, оставляя в прямом смысле

без штанов.

Один такой случай произошел в сотенном местечке Насташка возле Белой Церкви в 1672 году. В город пришел на постой отряд сердюков (наемных пехотинцев) гетмана Дорошенко. Один из них по прозвищу Ильяш предложил в корчме сыграть в карты или кости местному шляхтичу Василию Троцкому. Тот был в дымину пьян и сразу согласился. Игра продолжалась, пока кто-то не сбежал за женой Троцкого. Та утащила мужа домой. Но утром к НИМ явился Ильяш и заявил, что Троцкий должен ему ровно тысячу злотых, проигранных ночью.

Шляхтич отказался признать долг. Тогда Ильяш обратился в суд. От разорения Троцкого спасли только свидетели — местные жители, пившие в той же корчме. Все они в один голос утверждали на суде, что бедняга был пьян, сердюки заставляли его играть силой и даже поколотили слегка его супругу, когда та прибежала на выручку. Городовой атаман отказал нахальному сердюку в удовлетворении претензий. Но тот долго не унимался и подал апелляцию в Белоцерковский полковой суд. Там отнеслись сочувственно к Троцкому как местному жителю. Дело долго лежало без движения, что бывает и в наши дни. И только через шесть лет по взаимному соглашению полковников белоцерковского и сердюцкого решение первой инстанции одобрили, оставив Троцкому его тысячу злотых. Представляете, сколько нервов съел всего один пьяный кутеж.

Зато в городе Остер местный зажиточный обыватель Иван Друцкий в 1715 году проиграл в карты соседу по фамилии Лапика все свое состояние. Сначала — наличные деньги (105 злотых), а потом котлы, комору вместе с запасами хлеба, одежду жены и детей и, наконец, городской дом. Удрученный потерей имущества горе-игрок кинулся в Межигорский монастырь, упал к ногам архимандрита и попросил постричь его в монахи, а проигранный дом принять в качестве добровольного вклада в Божью обитель.

Архимандрит тут же почувствовал, что на азартном дельце можно нагреть руки, включил связи и с помощью киевского полковника Антона Танского добился рассмотрения дела о карточной игре в суде Остра. Это было несложно, так как Остер являлся сотенным местечком подконтрольного Танскому Киевского полка. Решение суда и сегодня поражает полным отсутствием логики, явно демонстрируя, кто в нем был заинтересован. Хлеб и 105 злотых наличными, которые проиграл Друцкий, признали собственностью удачливого соседа, а дом обязали передать Межигорскому монастырю. Единственным справедливым пунктом этого судилища было то, что проигранную одежду жены и детей постановили вернуть ее владельцам. Видимо, мужской монастырь не интересовался детскими и бабьими шмотками. Это воистину «соломоново» решение не понравилось обогатившемуся на карточной игре Лапике, у которого сильные мира сего отобрали весь выигрыш, кроме «утешительных» 105 злотых. Однако Остерский сотенный суд обязал его никогда не предъявлять претензий на дом под угрозой штрафа в 50 талеров в пользу того же суда.

Выходит, что и в те времена было накладно связываться с властью, хотя наши историки очень ее хвалят, утверждая, что это была «наша», глубоко «украинская» власть. Вот как она вела себя — воистину глубоко по-украински! В 1719 году зять Иваницкого сотника Волошина за съеденный коровой крестьянина Верескуненко гарбуз отобрал у последнего по суду корову, а за якобы присвоенную тем же Верескуненко «грудку сыра» изъял в пользу истца огород с хатой и садом и поле в три с половиной десятины. Теперь догадываетесь, почему никто не воевал, когда отменяли гетманство? А кто за таких шкуродеров будет кровь проливать?

А вот еще одно решение подобного рода: в 1722 году некий Аркеменко был обвинен в супружеской измене. Не известно почему, но, разобрав дело, Пирятинский суд постановил отобрать у любителя внебрачных связей коня, вола и корову в пользу суда. Неужели без коня и вола он стал верным мужем? И зачем вообще суду вола и коровы? Пахать, что ли, он собирался «выездной коллегией» прямо на поле и доить, хватаясь за дойки загребушими руками?

Увы, не было на Земле правды, нет и не будет! Отсутствие прецедентного права в

Малороссии иногда превращало правосудие в сплошную комедию. В 1707 году некий Мыкытченко изнасиловал в Прилуках местную жительницу по прозвищу Гребенчиха. Его казнили, отрубив голову мечом. А другие за такую же провину просто откупались! В 1684 году богатый и похотливый казак Божко из Новых Санжар изнасиловал собственную най-мычку. Та подала на него иск. Согласно приговору, она получила за обиду корову из стада насильника (причем, суд постановил, что пострадавшая может выбрать, «якую сама сподобает»), пять овец, куртку на овчине, подушку, плахту, три женских сорочки, «чоботы чирвоныи» и пояс «штучковый» кроме того, ей присудили право нажать на нивах Божка хлеба, сколько сможет. И еще он должен был расплатиться с ней за годовую службу! Разбогатевшая на изнасиловании девка осталась довольна. Как и незадачливый насильник Божко, которому удалось сохранить голову, договорившись о компенсации с жертвой его разнузданных инстинктов.

Куда меньше повезло всего через девять лет жителю города Стародуб Тарасову. Он изнасиловал собственную дочь и был присужден к отсечению головы: «Жебы при собраню народа под час ярмарковий на пострах иным бил... мечем стягий». Педофилов-кровосмесителей не жаловали и в те времена.

Впрочем, доставалось и преступникам женского пола. Чаще всего злодейки попадались на убийстве собственных младенцев. За это закапывали в землю и пробивали колом. Стандартный приговор гласил: «Колом живую пробити, иж бы прочии имели страх».

Представителям нетрадиционной сексуальной ориентации в старой Украине тоже жилось нелегко. Они не танцевали полуголыми на пятнадцатисантиметровых шпильках и не пели голосами кастратов в телевизионных шоу, озадачивая публику, баба это или мужик? Пойманных на месте преступления сексменьшевиков (их тогда называли «содомитами») после веселой судебной процедуры, заменявшей для народа театр и телевизор, публично казнили — обычно сжигали на костре. Подобные эпизоды расправы над староукраинской «гомосеятиной» любил коллекционировать современник Тараса Шевченко известный собиратель малороссийских пикантных историй — Платон Лукашевич. В его фонде, хранящемся донныне в отделе рукописей Российской Государственной библиотеки в Москве (бывшая «Ленинка»), имеется множество таких выписок из судебных актов.

*Гей, гей! Запорожцы разожгли костер
и ждут гая*

Однако, как и нынешнее украинское, малороссийское уголовное право, в отличие от британского, не было прецедентным. в Англии за одно и то же преступление всегда назначают одинаковое наказание. У нас же многое зависит от личности судьи и его отношения к преступлению и подсудимому. Поэтому одних педерастов жарили живьем, а другие отделялись легким испугом, даже не понюхав запаха дыма. К примеру, в 1708 году местный содомит, осужденный Прилуцким судом, «респектующи налюдскоеврошение» (это значит, что земляки просили его пощадить) был освобожден от смертной казни и просто «до полумертвия» побит киями — палками.

А в актах Пирятинского городского управления, сохранившихся в фамильном архиве известного малороссийского старшинского рода Стороженко, есть упоминание о двух молодых казаках, пойманных на занятиях противоестественной любовью. Так как это были «молодыки» (то есть юнцы), местный атаман ограничился небольшой поркой и словесным внушением этим пионерам сексуальной революции, что, по-моему, вряд ли их исправило.

Но обычно щадили только начинающих педерастов, пойманных впервые. Закоренелых мужеложцев палили без пощады, признавая, что иначе «излечить» этих извращенцев от вредной привычки уже невозможно.

Большинство убийств, совершавшихся в гетманской Малороссии, приходилось, как и сегодня, на обычную бытовуху. Почитайте современную криминальную хронику: двое друзей сели пить на кухне, заспорили о политике (вариант — о культуре, например, о том, у какой певицы ноги длиннее?) и в разгар дискуссии один пырнул другого кухонным ножом. Или ударил по черепу топориком для разделки мяса. Подобный сюжет в различных вариантах из года в год перекочевывает из милицейских сводок в прессу. Разве что друга может заменить подруга. А спор о политике — ревность. Но всегда в подобных

происшествиях со смертельным исходом будет фигурировать бутылка, разогревающая страсти.

Люди XVII-XVIII веков в этом смысле ничем не отличались от современных. Они точно так же любили пить и в пьяном виде выяснять друг с другом отношения. Только последствия этих выяснений были другими. Сегодня к душегубу приходит милиция, задерживает его и уводит в КПЗ, где он сидит, пока идет процедура следствия.

В старой Малороссии все было куда веселее. Все жили в деревнях или маленьких городках, все подглядывали друг за другом. Ничего скрыть было невозможно. Тем более, что вся страна находилась фактически на военном положении, административно поделенная на полки и сотни. Как только кто-то кого-то убивал, являлись соседи и тащили преступника к сотенному или полковому судье. Это, кстати, не мешало добровольным «полицейским» буквально через несколько дней и самим напиться и пырнуть кого-нибудь ножом в брюхо, после чего в суд тащили уже их.

*Екатерина II. Запретила
в Украине хоронить убийцу
с жертвой*

Но перед тем, как тащить, соседи практиковали над злодеем красивый народный обычай — плотненько привязывали его веревками к убитому и наслаждались этой поучительной картиной. Некоторые не выдерживали (я имею в виду не зрителей, а убийц) и, полежав в обнимку с покойником, тут же выпускали дух от страха, что избавляло государство от трат на их содержание, судебные издержки, а также веревку, мыло и палача.

Всякий раз, когда в веселой компании я начинал рассказывать эту историю, меня тут же засыпали вопросами: а как привязывали — лицом к лицу? Или спиной? По-разному — как кому больше нравилось. Судебная практика никак не ограничивала буйную фантазию местных жителей, набравших материал для страшных гоголевских повестей. Иногда даже клали убийцу в одну могилу с покойником и засыпали! Правительство Екатерины II, отменив гетманство и введя прямое имперское правление, потребовало искоренения этого варварского, по его мнению, обычая. В 1782 году генерал-губернатор Малороссии фельдмаршал Петр Румянцев-Задунайский обратился к императрице с сообщением, что в селе Мосонец казачья дочь Христина Водяникова убила своего жениха «казачьего сына Иосифа Беденко», после чего ее не только ПРИКОВАЛИ к мертвому телу убитого (видите, не только привязать, еще и приковать могли, если были технические возможности!), но еще и закопали после суда вместе с загубленным женихом. Генерал-губернатора особенно возмутило, что местный священник Гловинский «не только к тому допустил, но и приказывал бывшим при погребении людям вязать ее канатом и самую положить под гроб».

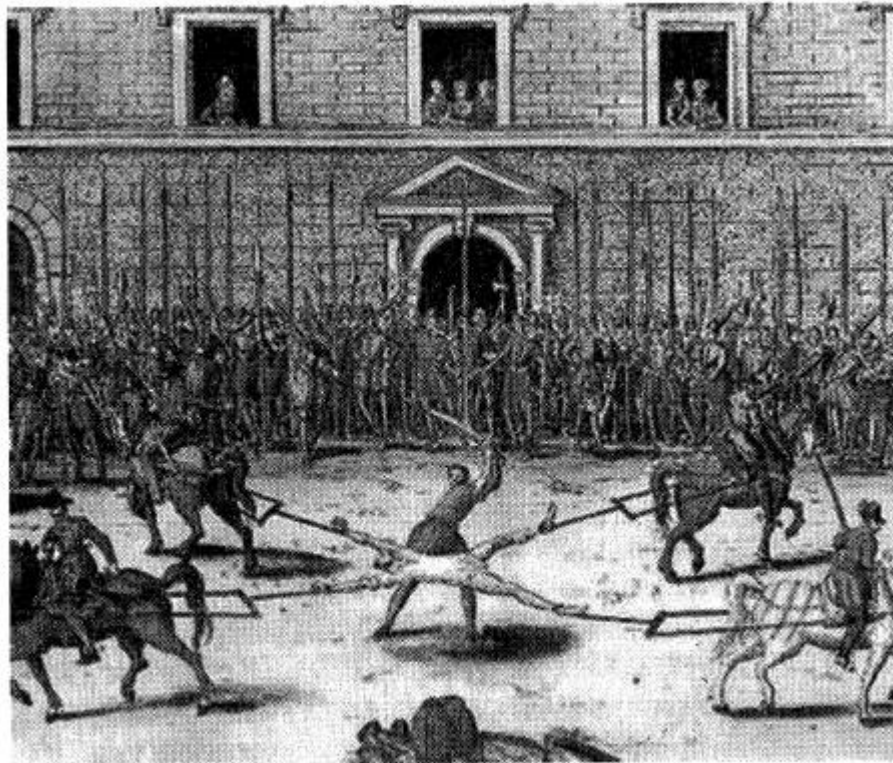
Видать, здорово вырывалась девка, если ее еще и связать пришлось перед тем, как

приковывать! Представляете: ты ее приковываешь, а она извивается, змеюка, да еще и копытом норовит дать, наподобие кобылы! Тут уж, конечно, разумнее всего связать ее предварительно и только потом приковывать!

В следующем 1783 году последовал императорский указ, дабы священники не только не совершали подобных действий, но и «своих прихожан, яко духовных детей, отеческим увещанием не допущали» до этого. Старинный обычай казачьего правосудия удалось вывести только к началу XIX столетия, что позволило описавшему этот случай в журнале «Киевская старина» в 1888 году историку М. Владимирскому-Буданову заметить: «Гуманные идеи Екатерининского века, как видно, не оставались в виде одних либеральных фраз».

Мне не хотелось бы, чтобы у читателя сложилось впечатление, будто предки нынешних схи́дников-украинцев — благородные малороссияне — отличались какой-то особенной жестокостью, В конце концов они судили своих преступников по европейским законам! На протяжении всей эпохи Гетманщины основным кодексом для Малороссии оставался унаследованный от Речи Посполитой Литовский статут.

Некоторые его положения использовали на Украине даже в XIX столетии. А имелись в Литовском статуте весьма-изошренные виды казней, которые обычному человеку даже сложно вообразить. Но не будем голословными. Согласно 6 артикулу 11 раздела Литовского статута, жена, убившая мужа, должна была не только лишиться всего имущества, но и быть казненной следующим образом: ее волочили по рыночной площади, отрывая от тела куски мяса клещами, а потом сажали в кожаный мешок вместе с собакой, курицей, змеей и кошкой, зашивали и топили в том месте, «где найглубей». Этим же способом отправляли на тот свет и ее помощников, если злоумышленница нанимала киллеров.

«Гуманные» методы казни в Западной Европе

В 1700 году суд Полтавы сослался на эту статью и полностью ее процитировал, вынося приговор некой Де-нисихе, виновной в убийении супруга. Но так как подобная жестокая казнь была не в обычае на Украине, то судья постановил мужеубийцу просто четвертовать, то есть отрубить ей сначала ноги, потом руки и, наконец, голову. _ - -

- Не стоит воображать, что все жители казачьего государства были похожими на описанных мной персонажей. Раз они с ними боролись, значит, были уже другими. И не нам, живущим не в самом идеальном обществе, судить их.

Глава 21. Людоед Мацапура — «Чикатило» XVIII столетия

До недавнего времени об этом человеке можно было узнать только из краткого примечания к «Энеиде» Котляревского, В конце любого ее издания, после основного текста, прочтешь: «Це прізвисько пішло від злочинця і ката Павла Мацапури, що, як свідчить указ Ніжинської полкової канцелярії 1740 р., відзначався страшними злочинами, серед яких — «ядение человеческого мяса и прочие богопротивные злодеяния». и это все.

Казакки гуляють. Українська народна картина XVIII ст. документально передає епоху, в якій розцвів кримінальний талант Мацапури

Кого ел Мацапура, какие конкретно злодеяния совершил, мне не удалось узнать ни в школе от преподавателей украинской литературы, ни в университете — от их куда более ученых коллег, один из которых любил нам рассказывать на лекциях, что он — кум Черновола, а Махно — непобедимый полководец.

Между тем, если Махно — полководец все-таки весьма «победимый» — битый неоднократно и белыми, и красными, то Павло Шульженко по прозвищу Мацапура оставил далеко позади себя и британского Джека Потрошителя, и американскую парочку Бони и Клайда, Он опередил их как по времени, так и по размаху преступлений. Особенно, если учесть, какими примитивными орудиями ему пришлось действовать. Тут уж приоритет на нашей стороне! Просто удивительно, что мы его не помним. Ведь это гений злодейства в чистом, так сказать, виде. Ничего человеческого — только демоническое, и выдуманное Парфюмер Зюскинда, и реальный Чикатило по сравнению с Мацапурой просто отдыхают.

В поле зрения правосудия Мацапура попал в 1738 году. Российской империей правила императрица Анна Иоанновна. Украиной — Малороссийская коллегия, учрежденная после смерти гетмана Даниила Апостола. Административно Малороссия была поделена на десять казачьих полков, являвшихся одновременно и военными, и административными единицами. Как повелось со времен Богдана Хмельницкого, так и продолжалось. И в каждом полку был судья, рассматривавший и уголовные, и гражданские дела.

А дел хватало! Украинцы XVIII века обожали судиться. За межу, за потравленное поле, за супружескую измену, за сказанное в сердцах бранное слово... Кроме того, уже третий год шла война с турками. Русские и украинские войска воевали на широком степном просторе от Дона до Молдавии. Фельдмаршал Миних то и дело «открывал» и «закрывал» фронты, ходил походами в Крым, осаждал крепости, а в это время в его тылу болтались шайки лихого

народа, обрадованные, что властям до них временно нет дела.

Одна из таких банд орудовала между Прилуками и Золотоношей. (Прилуки сегодня — в Черниговской области, а Золотоноша — в Черкасской.) То и дело у хозяев пропадал скот, бесследно исчезали пастухи, словно растворялись на дорогах купеческие обозы, и, главное, женщины. Выходила какая-нибудь молодница поутру из беленькой хатки, чтобы отправиться в гости в соседнее село, но ни там, куда она шла, ни откуда вышла, ее уже больше никто никогда не видел — словно завелась на Левобережье нечистая сила.

А примерно в это же время на хуторе Кантакзинском в Золотоношской сотне Переяславского полка проживал «без найма» (то есть просто так, у знакомых) некий Павло Мацапура. Он разъезжал с товарищами из местных по округе и воровал коней. Коней сбывали на ярмарках. А разную мелочь, попадавшуюся во время налета, покупала шинкарка Дудниха, сидевшая в корчме на речке Золотоноша — прямо на «гребле» (плотине). Золотоноша в те времена была куда полноводнее, чем ныне, из-за водяных мельниц с запрудами.

Все бы хорошо, да только однажды Мацапура весьма опрометчиво украл четверку лошадей у бунчукового товарища Андрея Горленко — не последнего в Гетманщине человека. Случилось это на хуторе Стасовщина под Прилуками, Слуги Горленко поймали конокрада, и он почти год просидел в тюрьме, пока лошади не отыскились.

Выйдя на волю, Павло почти сразу же снова попался на краже. Зимой 1739-го он уже сидел в полковой тюрьме в Прилуках. Согласился даже быть палачом, так как никто не хотел занимать эту позорную должность, И снова сбежал, как только начался Великий пост. В общем, никто ничего хорошего, кроме скупщиц награбленного, сказать о нем не мог, а те, по совершенно понятным причинам, молчали. Правда, была у Мацапуры еще и жена. Но ее он бросил вскоре после женитьбы, подавшись из родных мест «на хутора».

Почти год гулял Павло по Украине, пока снова не попался на хуторе Шелеховщина. А неподалеку есаул Пи-рятинской сотни Божко, вызванный по жалобе жителей села Смотрики, выловил ещё троих из его банды — селяне жаловались, что в степях блуждают какие-то «непотребные людаж Мацапуру с подельщиками доставили в Лубенскую полковую канцелярию, и там под пыткой он заговорил. От рассказанного им дыбом встали оселедцы и у таких выдавших виды людей, какими были лубенские старшины.

Мы плохо знаем биографии даже самых примечательных людей Украины той эпохи — лучших из лучших малороссиян. От полковников в основном уцелели только подписи под документами да упоминания, в каких сражениях они участвовали. От писателей — причем, таких известных, как Самойло Величко, — только имена и произведения. А от некоторых, как от автора «Аетописи Самовидца», лишь произведение и осталось, подписанное условным именем. Стерлись подробности жизни профессоров Киевской Академии, художников, расписывавших церкви, и простых казаков, сражавшихся в многочисленных войнах. А маньяк Мацапура оставил в суде подробнейший отчет о своих трудах и днях.

Сбежав из тюрьмы, он отправился на хутор Романихи, уже хорошо известный ему по прошлой «деятельности», и там дождался прибытия еще шести злодеев. Посовещавшись, друзья отправились на Нежинский шлях и там, у криницы Побеванка, напали на десятерых купцов, ехавших с грузом водки. Те как раз остановились напоить лошадей. Семерых убили, остальные убежали. Трупы зарыли в снег, а деньги, лошадей и водку поделили и залегли на хуторах до Пасхи, которая в 1740 году выпала на 6 апреля. Только время от времени развлекались мелкими налетами, чтобы не сдохнуть со скуки.

По словам Мацапуры, выясняя у жертв, где спрятаны деньги, бандиты пытали их, поджаривая ноги зажженной щепкой — люди, помнящие бандитские 90-е, когда жертвам ставили утюги на живот, согласятся, что у рэкетиров XVIII и XX веков весьма схожие технические методы.

Вскоре к банде Мацапуры присоединились еще и четыре запорожца — Иван Таран, Михайло Макаренко, Денис Гриценко, Мартин Ревецкий и приставший к ним образованный родич последнего Василий, умеющий читать и писать. (То, что суд отметил такую деталь,

показывает, что слухи о поголовной грамотности на Старой Украине явно преувеличены.) Ватага прибыла на пяти возах, чтобы, как написано в материалах следствия, «идти грабить людей». Почему на возах? А как же вывозить награбленное? В руках много не унесешь!

Грабить решили возле села Мокиевка. А наблюдательным пунктом выбрали высокую могилу Телепень, торчащую в поле то ли со скифских, то ли с половецких времен. Первыми жертвами банды стали пять купцов, заночевавших под селом. Трех из них забили палками, двое — откупились. Люди это были не слишком богатые — в качестве приза мацапуровцам достались пять возов и пять бочек водки. Такое количество алкоголя окончательно превратило разбойников в неуправляемых скотов — «отморозков» на современном жаргоне. И пошел беспредел!

В степи попался какой-то хлопец, пасший коров. Он узнал Мацапуру, и его убили. Возле села Гуровка (нынешний поселок городского типа Згуровка в Киевской области) встретили двух погонщиков и тоже порешили, чтобы не донесли. А однажды, как гласит дело Мацапуры «поутру встретилась им какая-то женщина, с которой они, остановив, сначала чинили богомерзкий блудный грех. А затем ее кийками до смерти убили. Первым начал бить Мацапура. Сняли с нее свитку и там же, между пашнями, закопали в яму. И на другой день, увидев другую женщину, которая шла из Гуровки, перехватили ее и к возам привели. И с этой сначала чинили богомерзкий грех, а после забили насмерть кийками... Уже поздно поехали к Быковщине, под село Рудку. А на другой день, увидев двух женщин, которые шли из этого села в поле, поймали их на дороге и привели к возам, где и держали до вечера. И с ними все чинили блуд, а вечером до смерти кийками забили. Ночью, сняв свитки, там же в землю закопали»...

Через пару дней поймали еще одну женщину. Уже на Носовском шляху. Как обычно, изнасиловали. А потом Мацапура убил ее. Но этого уже показалось мало. Обычное душегубство приелось. Решили, что женское мясо должно быть вкусным. Ревницкий отрезал у мертвой икры и «взял их в воз», чтобы, приехав на могилу Телепень, сварить.

Где-то в, это же время бандитской ватаге попалась еще одна крестьянка. На сей раз беременная. Запорожец Таран заявил «побратимам», что может узнать, будет ли им счастье или лее их всех поймают и казнят? Для этого, мол, нужно вспороть бабе живот и вытащить плод для гадания. Так и сделали: подняв ребенку голову, как утверждают документы следственного дела, Таран «сказал, что все они погибнут». Но, чтобы поворожить с большей точностью, бросил плод в мешок и прихватил с собой. Причем, все бандиты запомнили, что неродившийся ребенок был женского пола. Видимо, они тщательно осмотрели его, не упуская никаких деталей.

*Память о серийном убийце
спас историк 20-х гг.
Николай Горбань*

На могиле Телепень началось настоящее гадание. Развели костер. Иван Таран разрезал девочку ножом и вытащил сердце. Сначала запорожец бросил его в костер и «когда оно из огня выскочило», снова повторил, что «всех поймают». А потом предложил бросать сердце вверх — «кто его в руки схватит, того не поймают, а кто не схватит, — того поймают». Поймали — сам Таран, Василий Ревецкий (тот, что грамотный). Рудый, Макаренко и Гриценко. А остальные — промахнулись. «Я еще поживу на свете, — подытожил Таран, — а вас, братья, конечно, поймают».

*Анна Иоанновна.
«Подвиги» людоеда-насиль-
ника выпали на ее правление*

Потом ребенка выпотрошили и испекли «на шашлыках». Как признались впоследствии бандиты, «посолив и зажарив, все вместе съели с хлебом». Трудно сказать, что творилось в головах у людей, совершивших это преступление. Возможно, оно было отзвуком какого-то древнего языческого ритуала. Мы знаем, что в дохристианские времена жрецы совершали на Руси человеческие жертвоприношения. Но насколько быстро христианизировалась Русь? Какие атавизмы старинных верований сохранялись в дебрях Полесья, где Куприн позже нашел сюжет своей повести «Олеся», или на степном пограничье, населенном гулящим народом, не знавшим ни закона, ни морали?

Ритуальный каннибализм был свойственен всем народам. В том числе и европейским. Мало кто задумывается, что знакомая с детства сказка о Красной Шапочке, бытовавшая у французов, немцев и итальянцев, — тоже далекий отзвук этой первобытной дикости, в ранних ее вариантах, известных еще с XIV века, волк не только съедал бабушку, но и угощал ее мясом внучку. А тот облагороженный вариант, который мы знаем с детства, — всего лишь «диетическая» версия, лишенная кровавых подробностей благодаря Шарлю Перро и братьям Гримм, добавившим счастливый конец. Ведь в настоящей народной сказке, бытовавшей во Франции, Германии и Швейцарии, вслед за бабушкой волк съедал еще и Красную Шапочку. А хэппи-энда в виде охотников, проходивших мимо, еще и в проекте не было!

Запорожец Таран — явно тот самый «казак-характерник», о магических способностях которых и сегодня так много рассказывают непосвященным. В реальности магия выливалась в обычный демонизм и чертопоклонничество. При вожаке Мацапуре характерник Таран играл роль своеобразного «идеолога», «волхва», явно Превосходя извращенной фантазией остальных недоумков.

Видимо, банде так понравилось то, что они делают (да и пророчество о неотвратимости наказания добавило остроты ощущений), что через несколько дней гуляки поймали и

сварили в казанке еще одну жертву — совсем молодую девушку. Ее, как и многих других, выследили с вершины холма Телепень. К этому времени банда разрослась до 16 человек. Перед тем как убить и съесть, несчастную, как обычно, изнасиловали.

Но наступил момент, когда нужно было давать деру. Бандитское логово на Телепне стало слишком приметным. По округе поползли слухи о многочисленных исчезновениях людей. После еще нескольких нападений на купцов, везших водку, компания рассеялась, а сам Мацапура отправился на хутор Шелеховщину, где и был пойман после очередной мелкой кражи.

Лубенская полковая канцелярия допросила его, а потом, ввиду особой важности дела, направила в тогдашнюю столицу Гетманщины — город Глухов. Там 30 сентября 1740 года Суд Войсковой Генеральный, рассмотрев дело, постановил: «За ядение человеческого мяса, чего и нечестивые варвары не чинят, в силу указанных прав малороссийских, учинить жестокою смертную казнь на той же могиле Телепне, около которой чинили разбой. А именно — Мацапуре, который был предводителем тем разбоям... отрубив ему пальцы на руках и ногах и обрезав ему уши и нос, посадить живого на кол. Товарищам его — Мищенко, Пивненко и Пащенко, которые последовали тем его злым делам, четвертовав, отсечь головы и около него их положить на колесах, и части их на колья насадить на страх другим таковым»...

Генеральная Войсковая канцелярия несколько изменила этот приговор. Из-за отдаленности Телепня от крупных населенных пунктов казнить там разбойников сочли непедагогичным. Для педагогической наглядности главного людоеда в украинской истории решили посадить на кол прямо в Глухове. На радость честному мало-российскому люду. Там 22 декабря 1740 года он, строго по судебному сценарию, был казнен. Произошло это на выезде из города в сторону Киева. А на дороге из Глухова на Путивль четвертовали Мищенко. Пивненко казнили еще 26 октября в Прилуках на ярмарке «при народном: собрании». И только Андрей Пащенко был четвертован на следующий день на могиле Телепень, находившейся за 40 верст от Прилук.

Запорожец Таран и еще одиннадцать соратников Мацапуры скрылись в неизвестном направлении. Когда сегодня задаются вопросом, откуда берутся маньяки, не стоит забывать, что большинство товарищей Мацапуры избежали наказания и, не исключено, дали потомство.

Дело Мацапуры показывает, что в тогдашней Украине можно было совершать самые чудовищные преступления и годами избегать правосудия. Полиции не было. Полковые и сотенные «уряды» не имели средств за всем уследить. К примеру, в Лубенской тюрьме возникла проблема, кому охранять Мацапуру? Полковая канцелярия просила Генеральную поскорее забрать душегуба в Глухов, так как в Лубнах «не имеется достаточного количества стражи для охраны этих колодников, жители из близлежащих сел Лубенской сотни для охраны в большом количестве забираются. И чтобы из-за этого в нынешнее летнее время эти жители настоящих своих работ лишиться напрасно не могли». Казачья демократия находилась в явном кризисе — каждый интересовался только своим хутором и не хотел видеть ничего вокруг.

*Спасо-Преображенская церковь в Глухове.
Сюда Мацапура не заходил*

Даже Мацапуру, охрана которого отвлекала лубенских казаков от полевых работ.

Нужно было делать выводы. Генеральный Суд потребовал приказать всем собственникам имений и хуторов, чтобы те сразу же арестовывали и забивали в колодки всех подозрительных, болтающихся «без пашпорта». Это была единственная действенная мера против потенциальных мацапур.

Подробности дела Мацапуры уцелели благодаря украинскому исследователю 20-х годов Николаю Горбаню, опубликовавшему в 1927 году очерк «Разбойник Мацапура» на основе его следственного дела, хранившегося в Харьковском центральном историческом архиве. Горбань писал: «З Мацапуриної ватаги 9 їли людське м'ясо, і їли його «чтоб смелыми быть к разбою», отже маємо людожерство з магічною метою... в ворожінні над серцем дитини маємо теж пережиток з життя первісного суспільства, пережиток, що зберігся тільки серед одних кіл населення — серед злочинців... Віра в силу ворожіння була така, що й сидячи в тюрмі. Мацапура з товаришами вірив у те, що вони «потому пойманы, что не схватили сердца».

*Ворота в Глухове. На этом месте посадили
на кол Павла Мацапуру*

История Мацапуры плохо вписывается в романтическое представление о нашей истории. Ее предпочли забыть вытеснить в подсознание. Мол, такого не было, и быть не могло. Но мы обязаны помнить о нем, чтобы знать, какие «мацапуры» могут всплыть во время социальных переворотов, когда людоеды лезут в герои.

Глава 22. Философ Сковорода — квартирант в бочке Диогена

Но не одними Мацапурами славна была Малороссия. Именно ей удалось родить первого русского философа — Григория Сковороду, которого уже в XX столетии задним числом «украинизировали». А до революции Григорий Саввич считался именно русским философом. Попал он в этот пантеон «любомудров» в самом начале XIX века — по бедности. Культура Российской империи того периода еще необыкновенно скромна. В поэзии — Пушкин. В прозе — Гоголь. В музыке — Глинка. Дорог был любой мало-мальски приметный «оригинал».

И так как философов от польской границы до самой Российской Америки, то есть Аляски, в те времена не водилось вообще, то в это ученое сословие записали Сковороду. Долго думали, как его определить. В конце концов, причислили к последователям Платона. По этой логике выходит, что Григорий Саввич в развитии мировой философской мысли опоздал примерно на две тысячи лет!

За это время в Европе успели зажечься такие «звезды», как Аристотель, Эпикур, Роджер Бекон, Спиноза, Декарт, Лейбниц, Вольтер и еще десятки философских светил. А на нашей философской кухне из всего имевшегося на тот момент ученого инвентаря склепали только Сковороду!

Но, как по мне, он больше напоминал не Платона, а Диогена. Тот жил в бочке. Наш вообще мог обходиться без жилья, ночуя, где придется. Иногда — у знакомых помещиков. Порой — просто в стогу. Как Диоген прославился ответом Александру Македонскому: «Не закрывай мне солнце!», так и Григорий Саввич, по слухам, отказал Екатерине II. Та знала о Сковороде, вроде бы интересовалась его образом жизни и через Потемкина послала

приглашение переселиться в Петербург. Гонец застал Сквороду у дороги играющим на флейте. Рядом паслась овца. На приглашение чужак ответил: «Мне моя свирель и овца дороже царского венца!» Может быть, все это просто исторический анекдот. Но характерный для личности нашего героя.

Современный психолог о таком человеке сказал бы, что у него проблемы с адаптацией. «Что жизнь? — спрашивал себя в тоске философ. — То сон турка, упоенного опиумом, — сон страшный: и голова болит от него, сердце стынет. Что жизнь? То странствие. Прокладываю и себе дорогу, не зная, куда идти, зачем идти»...

Вся суть философского учения Григория Саввича сводилась к тому, что главное — это душевный покой. Чтобы не нарушать его, мыслитель никогда не напрягался — старался не брать дурного в голову, а тяжелого — в руки. Не заводил хозяйство, детей, не делал карьеры, ни о ком не заботился. Ни за что не отвечал. Еще и говорил: «Все необходимое Господь сделал легким, а все трудное — не необходимым».

Стоило возникнуть какой-либо конфликтной ситуации по службе, он тут же сваливал с работы. Так Скворода уволился сначала из Переяславской семинарии, где читал лекции по поэтике, а потом из Харьковского коллегіума. Студентам-неудачникам несомненно понравится, что Киево-Могилянскую академию Скворода окончил только со второго раза, взяв продолжительный тайм-аут в учебе и укатив на несколько лет за границу — в Германию, Венгрию и Италию. Путешествовал он пешком, побираясь по дороге и не смущаясь своим состоянием профессионального нищего. Особенно понравилось ему в Германии — немцев до самой смерти хвалил. За воздержанность и трезвый взгляд на вещи.

Из этой страны Скворода вынес и основы своей философской системы. В XX веке это уже хорошо понимали. Профессор Петербургского университета Николай Лосский, издавший в 1951 году в эмиграции «Историю русской философии», относил Григория Саввича уже не к философам, а просто к «любителям философии» и называл «моралистом, опиравшимся главным образом на Библию», а также использовавшим «некоторые излюбленные сравнения немецких мистиков».

Все, что наговорил Скворода о «внешнем» и «внутреннем» человеке и «искре» в его сердце — как раз оттуда, из Германии. То есть, вторичное и просто приспособленное к местным условиям полтавских и черниговских черноземов.

Но так как за сто лет после Сквороды русская философия сумела обогатиться десятками имен, то при СССР в связи с политикой развития «национальных культур» Москва решила вернуть Григория Саввича «малой родине». И официально переименовала в

украинские философы. Хотя сам он себя так никогда не называл и даже писал незадолго до смерти: «Мать моя, Малороссия, и тетка моя, Украина».

Современному читателю эта фраза покажется странной. Но дело в том, что родился Сковорода действительно в Малороссии — в селе Чернухи на Полтавщине. Случилось это в 1722 году. В те времена Малороссией называли территорию десяти левобережных казачьих полков — так называемую Гетманщину. А Украиной именовалось только пограничье с Диким Полем, где кочевали татарские орды.

По словам дореволюционных биографов, Григорий Саввич был- «вовсе не склонный к женскому полу». Тем не менее, однажды он вроде бы влюбился и даже согласился жениться. Первая версия гласит, что философ сбежал прямо из-под венца, испугавшись перспектив семейной жизни. Вторая — что все-таки вступил в брак, но через несколько дней постоянного общения с супругой дал деру, сверкнув на прощанье босыми пятками. Современный украинский историк Кость Бондаренко утверждает, что девичья фамилия жены философа, по странному стечению обстоятельств, была... Ковбаса. Под этой гастрономической «вывеской» она якобы фигурировала в воспоминаниях односельчан знаменитого жениха. Но, как бы там ни было. Сковорода с Ковбасой не ужился, и не зашкварчала она на горячей сковородке его сердца. Ибо не так уж и горячо оно было!

*Киево-Могилянская академия и ее воспитанники.
Гравюра нач. XVIII века*

Странное сексуальное поведение Сковороды попытались объяснить уже XX веке с позиций фрейдизма. Первым это сделал еще до Великой Отечественной войны литературовед Виктор Домонтович — большой специалист по эротическому закулисью украинской культуры. Он обратил внимание на слишком нежное отношение философа к своему ученику Михаилу Ковалинскому. Чувство это, если судить по их переписке, действительно странное. Посудите сами. Вот что изливает на бумагу 40-летний Григорий Саввич: «Когда я в обычное время выходил из школы, и стал думать о том, что мне нужно делать, вдруг перед моими глазами появился человек, которого, я думаю, ты знаешь. Как его зовут? Зовут его Михаилом. Ты, говорю, стал неожиданно появляться в моей душе. Когда я встречаюсь со своими музами, то всегда вижу тебя в своих мыслях».

Сковорода называет Ковалинского «самым дорогим существом», «единственной радостью» и «моим сокровищем». Как пишет Домонтович, «Сковорода глибоко й щиро кохав Ковалінського... Музика, співи, писання поезій, читання книжок, гра на флейті, всі ці дрібниці кохання наповнили дні спільного життя філософа й хлопчика. Вони весь час проводили вкупі, і Сковорода залиціав юнака тільки для того, щоб писати йому листи».

*Печать Киево-Могилянской
академии. XVIII век*

Насколько глубоко зашла эта «дружба» — другой вопрос. Может быть, все осталось на уровне платонических вздыханий. Но случай, согласитесь, странный. Образованный, здоровый, непьющий мужик совершенно не интересуется слабым полом. Зато у него есть «муз», при виде которого он сразу заливается соловьем страниц эдак на пять! И не по-русски или малорусски, а на изысканнейшей латыни: «Ты спрашиваешь, почему я был весел вчера? Слушай же: потому что я увидел твои радостные глаза»...

Ковалинский, между прочим, стал и первым биографом Сковороды, тщательно собрав его наполненные любовным лепетом послания. Настоящий был «друг»!

В 1770 году любитель философии и Ковалинского поселился в Китаевском монастыре под Киевом. И вдруг почувствовал непреодолимое желание поскорее уехать оттуда. Его уговаривали остаться, «Между тем, — пишет один из биографов философа Григорий Данилевский, — пошел он на Подол,., Сходя туда по горе, он, по словам его, вдруг остановился, почувствовав сильный запах трупов. На другой же день он уехал из Киева. Приехавши через две недели в Ахтырку, он остановился в монастыре у своего приятеля архимандрита Венедикта и успокоился. Неожиданно получается известие, что в Киеве чума».

Как сказали бы мы сейчас. Сковорода обладал хорошим инстинктом самосохранения и развитой интуицией, помогающей избегать опасности. Но с другими своими «прозрениями» он предпочитал не делиться. Сам сбежал от чумы, и хорошо. А другие — пускай гибнут.

Образ Григория Сковороды как великого аскета нуждается в некотором уточнении. Официальная точка зрения гласит: он ел один раз в день, не пил спиртного и не употреблял мяса. Однако эта картина не совсем точна. Философ-нестяжатель любил трескать деликатесы! «Пришли, друже, лимончиков пару», — писал он во время болезни своему другу Иакову Правицкому.

Лимончики в те времена в наших краях — более чем редкость. Попросить парочку их — то же самое, что сейчас две баночки черной икры.

Еще любитель премудрости очень уважал сырок. «Сыр нашего Михаила где-то застрял по дороге», — жалуется он тому же Правицкому, намекая, что его философический организм нуждается в подкреплении именно этим тонким продуктом.

Уважал и наливочку, которой, по словам Квитки-Основьяненко, «в дружеских и приятельских собраниях поддерживал и одушевлял беседы». И правда, какой же украинский философ без чарки? У нас как выпьют, так все философы — такое несут, что и Диоген в своей бочке на том свете переворачивается.

Общеизвестно, что Сковорода умер в селе Ивановка в 1794 году, где гостил у знакомого помещика. На его могиле написали: «Мир ловил меня, но не поймал». Но вокруг захоронения «доброего человека» стало твориться нехорошее. Писатель Григорий Данилевский в конце XIX века даже утверждал: «Имя Сковороды в Ивановке было почти

совсем забыто, и к могиле его не имели никакого уважения. От этого, по мнению тамошних жителей, происходили нередко странные события с семействами тех, к кому переходил садик с могилою «философа»: или умирали неожиданно сами владельцы этого места, или лишались своих жен. Чаще же этого кончалось тем, что или владельцы, или их жены спивались... Предпоследний владелец сада обратил особое внимание на место покая Сковороды и дожил дни спокойно».

Получается, что после смерти Григорий Саввич сам стал «ловить» мир вокруг себя... Причем, не очень гуманными способами.

Идея поместить Григория Саввича на самую крупную украинскую банкноту (500 гривень), воплощенная в 2006 году, — оказалась в высшей степени опасной, что и показал валютный кризис через два года, обесценивший национальную валюту вдвое. Сковорода был мистик. И все происходившее с ним тоже окутано мистицизмом, А ведь известно — как вы яхту назовете, так она и поплывет. Малороссийско-украинский философ XVIII столетия прославился как принципиальный приверженец бедности. Накопление материальных благ он считал пустым занятием, отвлекающим человека от истинного счастья — блуждания босиком с торбой за плечами.

Если отбросить все, что нагородили вокруг личности Сковороды мифотворцы, получается, что по социальному статусу он был бомжем. То есть лицом без определенного места жительства и занятий. А ведь известно, что Украина — страна с говорящими фамилиями. Избрали гетманом Богдана Хмельницкого и получили свободу — но с большим хмелем и пьяным разгулом, обернувшись в конце концов похмельем Великой Руины. Схватил булаву Павло Скоропадский — и почти сразу же свалился с престола, просидев только семь с половиной месяцев. Стал президентом Ющенко — и заварилась в стране юшка, которую хлебать — не расхлебать его политическим наследникам. Одному Богу известно, чем все закончится.

А философ-бомж на 500 гривнах — как пить дать, к гиперинфляции! Уже тот факт, что в оборот пущена такая крупная банкнота, без которой прекрасно обходились, говорит, что Национальный банк дал добро на обесценивание отечественной валюты. Придется относиться к этому философски — точь-в-точь так, как рассматривал Сковорода свои босые ноги.

Портрет Григория Саввича на самой крупной украинской банкноте. К инфляции!

Думаю, что 500-гривенной банкнотой Нацбанк не ограничится. На повестке дня купюра в 1000 гривен. Лучше всего для изображения на ней подойдет кандидатура изображение Леонида Кравчука — «першого президента», при котором инфляция в начале 90-х достигла апогея. Если помните, зарплату тогда выплачивали миллионами, а от одного купона — даже прикуривали. На этом номинале светлый лик Леонида Макаровича как символа развала украинской экономики наиболее уместен. На обороте можно изобразить

покойную бабу Параску в тот момент, когда с мегафоном в руке возле Секретариата Президента она наконец-то смогла высказать Кравчуку личное мнение по поводу растаявших банковских вкладов. Или просто — абстрактную политкорректную пенсионерку, тоскующую при виде своей сберкнижки у окошечка кассы.

Глава 23.

Как в старину малороссияне на ведьм охотились

Почему-то так получилось, что разные земли бывшей Российской империи поставляли литературе региональные разновидности нечистой силы. Петербург штамповал чертей-аристократов, доказательством чему лермонтовский «Демон» и «Бесы» Достоевского. Русская деревня дала народную сказку с лешаками, избушкой на курьих ножках и бабой Ягой. А Украина традиционно производила лучших в мире кареглазых и чернобровых ведьмочек.

О гоголевской Панночке из «Вия» знают все. Но она только самый знаменитый пример. А ведь есть еще и «Конотопская ведьма» Квитки-Основьяненко, и «Киевские ведьмы» его современника Ореста Сомова, и Волынская «Олеся» Александра Куприна. Не говоря уже о придуманной киевлянином Булгаковым Маргарите, которая только живет в Москве, а на самом деле завезена автором из Киева, где, по выражению любимого им Гоголя, «все бабы, которые сидят на базаре, — все ведьмы».

Интересно, отчего так, земля тут, что ли, у нас такая? Ясно одно — в отличие от соседней Румынии, рождающей Дракул и вампиров мужского пола, у нас особенно хорошо получаются именно бесовки. И в литературу они попали не сразу, а первоначально фигурировали в основном в старинных судебных актах о наведении порчи на людей и животных.

Самый ранний зафиксированный историей пример древнерусской охоты на ведьм приводит архимандрит Киево-Печерской лавры Серапион. Он относится ко второй половине XIII века. Тогда несколько женщин было обвинено в том, что из-за них испортилась погода и случился неурожай. Так как случай этот пришелся на эпоху-после монгольского нашествия, когда княжеское правосудие отсутствовало, то крестьяне решили расправиться с подозреваемыми собственными силами. Женщин бросали в воду, наблюдая, выплывет или нет? Тех, которые тонули, признавали невиновными, а тех, что плавали, как пробки от шампанского, поверх воды — отправили на костер.

Тут следует сделать маленькое примечание. Способ, использованный крестьянами для распознавания ведьм, кажется несколько странным. Но ведьмой признавалась только та, которая не просто плавала, а буквально скользила по водной глади, словно невесомая, не погружаясь в причину. С точки зрения законов физики, такое облегчение тела кажется невероятным. Просто жалко, что в XIII столетии не было фотоаппарата, и мы не можем сказать, что в рассказе архимандрита Серапиона соответствует действительности, а что просто плод воображения разгоряченного неурожаем и голодом крестьянского умишки,

В малороссийских судебных актах XVIII века находят прямые указания на плавание ведьм. В 1709 году шляхта и селяне подвергли купанию некую пани Яворскую по подозрению в чародействе. Ее раздели догола, связали особым манером, установленным для подобного рода испытаний — то есть большой палец правой руки привязали к большому пальцу левой ноги, и таким же образом другую руку и ногу, а затем продели между связанными конечностями веревку и принялись окунать подозреваемую на блоках в реку и подымать ее вверх. Так как она при этом тонула, то признана была невиновной.

Профессор Харьковского университета Николай Сумцов (1854-1922 гг.), особенно интересовавшийся подобными статьями, собрал их целый каталог в работе «Культурные переживания», опубликованной журналом «Киевская старина». По его утверждению, гуцулы топили ведьм еще в 1827 году. А в Закарпатье во время засухи женщин заставляли купаться, в случае же сопротивления насильно бросали в воду, чтобы выявить среди них колдунью.

Считалось, что вода как чистая стихия не принимает ведьму.

Иногда купание подозреваемых заменяли более легким способом испытания: заставляли их носить воду из пруда или речки через поля, страдавшие от засухи, и поливать ею придорожный крест на окраине села. Женщина, выдерживавшая это испытание, избавлялась от подозрений в чародействе.

Верхом на шабаш! Козлами и баранами разозленные женщины считали мужчин, мечтая на них «ездить»

Водой обливали или бросали в воду даже труп женщины, которую считали ведьмой. Когда в Брацлавском уезде Подольской губернии повесилась женщина, слывшая в селе за ведьму, то, чтобы сделать ее уже после смерти безвредной для людей, труп за волосы выволокли за село и бросили в яму, специально для этого наполненную водой. Этим, как полагали, ведьму лишили возможности насылать на село засуху.

Все эти случаи можно объяснить только пережитками языческой эпохи. До князя Владимира, дабы задобрить богов, им приносили человеческие жертвы — например, в Купальскую ночь топили девушку. Вытесненные в подсознание дохристианские верования упорно прорывались в виде народного суда Линча.

Но следует заметить, что женщины сами часто давали повод для подозрений в нечистых помыслах. «Я з-під тебе землю брала, до серця клала, тебе чарувала», — поется в народной песне. Это еще об одном виде магических манипуляций. Желая приворожить парубка, засидевшаяся в девках «эрудитка», аккуратно вынимала из земли отпечаток его босой лапы и прижимала к любвеобильной пазухе. Если не получалось, был еще один вариант этой ворожбы — более жестокий. Выбранный след клали в печку и сжигали, веря, что от этого иссохнет тот, из-под кого был взят отпечаток. Теперь с этим способом, конечно, сложнее. Особенно в городе. На асфальте след молено оставить разве что танковой гусеницей. А попробуй еще и печку найти, чтобы след в ней асфальтный сжечь! Так что современные мужчины ворожбы по следу могут не бояться.

Зато с волосами и ногтями суеверным представителям мужского пола по-прежнему нужно обходиться осторожно. «В Малороссии повсеместно распространено поверье, —

пишет Сумцов, — что остриженных ногтей или волос не следует бросать, чтобы не подвергнуться болезни. Советуют остриженные волосы бережно со брать и сжечь их или бросить в реку. В некоторых местах советуют прятать срезанные ногти за пазуху, чтобы не нашел их черт; сохранять их следует еще для того, чтобы предъявить их ангелу при переходе на том свете через мост. Из брошенных обрезков ногтей черти шьют шапки-невидимки».

Технология ведьможога. Осужденную привязывали к лестнице, а потом медленно опускали лицом в костер

Вот такая народная чушь! Но чушь чушью, а в украинских судебных процессах XVIII века находят многочисленные обвинения в том, что именно волосами и ногтями насылали порчу. Кстати, до сих пор многие женщины верят, что подброшенные соперницей в дом волосы могут увести мужа. Дескать, вместе с частями шевелюры в квартиру попадает и дух чужой женщины. Слышать это мне приходилось от вполне интеллигентных с виду дам — иногда даже с высшим образованием. Тем не менее до сих пор они страдают первобытными страхами своих туземных прабабок.

Отличным средством для приобретения незаконного счастья считалась также веревка, на которой повесили преступника. В отличие от других магических способов, применяемых в основном женщинами, им широко пользовались и мужчины. К примеру, ремесленники забивали куски этой веревки в щели своих станков, чтобы... получить побольше заказов. А в Харьковской губернии карточные шулера приобретали у палачей такую петлю, надеясь обрести счастье в азартной игре. Один из знаменитых местных картежников постоянно возил с собой такой талисман, причем концы его были скреплены серебряной застежкой!

Но женщины, конечно, не могли остаться в стороне, видя, как сильный пол всюду пользуется этим замечательным магическим рецептом. В 1717 году в городе Каменце рассматривалась тяжба между двумя шинкарями-соперниками — Маньковским и Колецким. Последний распустил слух, что жена Маньковского заманивает посетителей в свое заведение с помощью недобросовестной конкуренции — то есть держит в шинке добытый ею у палача отрезок веревки, на котором ^был повешен убийца. Суд, однако, признал этот слух клеветой и приговорил истца к штрафу и тюремному заключению.

В связи с нехваткой обычных средств лечения украинские знахарши использовали еще один необычный препарат — землю со свежей могилы. Горсть ее советовали съесть при сильной лихорадке, а иногда завязывали больному в рубаху могильную землю на девять дней. Что интересно — зафиксированы даже случаи выздоровления!

И просто суперсредством считалась свечка... из жира покойника! Пишу об этом и,

признаюсь, самому мерзко. Но что поделать, если это было. Еще в 80-е годы XIX века газеты Российской империи обошло сообщение о возмутительном преступлении: воры разрыли могилу и отрезали часть трупа для изготовления такой свечи. Они верили, что с помощью этого осветительного «прибора» можно беспрепятственно грабить по ночам в домах, так как все будут спать «мертвым сном».

Это жуткое суеверие было очень распространено по всей Малороссии. В Екатеринославской губернии верили, что свечу из человеческого жира можно потушить только конскими кизьяками. Впрочем, рецепт со свечкой из мертвого сала не был принадлежностью только украинской магической кухни. Его зафиксировали также среди латышей и великороссов. Последние считали, что свеча должна быть сделана непременно из некрещеного младенца!

Не в этом ли разгадка взрыва невиданной жестокости, выплеснувшейся в XX веке в гражданскую войну? Все, что дремало в человеческой природе под маской интеллигентской сказочки о «добром народе», с демонической силой вырвалось наружу?

Старинная украинская поговорка гласит: «Жінка двічі буває мила — коли в хату входить і коли з хати виносять». Появиться такая народная мудрость могла только в стране, где развод получить было практически невозможно. Поэтому и говорили: «Господи-татку, дай жінку гладку — з великим посагом, з коротким життям». Добрый у нас был народ, правда? По что ему оставалось делать, если в супруги попадалась особа со злобным нравом, которая и без черной магии могла сжить со свету?

Летать охота. Ведьму, как и всякого человека, тянуло в небеса

Вот и родился среди простонародья перекочевавший в литературу сюжет о женитьбе на красавице, которая на поверку оказывается ведьмой. Использовали его все, кому не лень. Но особенно удачно получилось у писателя Ореста Сомова в рассказе «Киевские ведьмы». В

нем казак Федор Блискавка женится на дочке местной ведьмы Катрусе, которая летает на Лысую гору и выпивает из мужа всю кровь до капли: «Ни Катруси, ни Ланцюжихи не стало в Киеве. О последней говорили, что она оборотилась в волчицу и бегала за Днепром по бору. Теперь Лысая гора есть только песчаный холм, от подошвы поросший кустарником. Видно, ведьмы ее покинули, и от того она просветлела».

Только вот покинули ли Лысую гору ведьмы?

Глава 24.

Малоросс Котляревский: страшная тайна украинской литературы

При любых поворотах истории Иван Котляревский оставался личностью неудобной для красных и желто-синих властей, захватывавших Малороссию после 1917 года. Он не вписывался ни в клише рабоче-крестьянского поэта, ни в образ «національно свідомого митця, просякнутого тваринною ненавистю до всього москальського».

Портрет Котляревского и его дом-музей в Полтаве

«Основоположник» украинской литературы не носил кудлатую шапку, не пил сивуху, не отпускал моржовых усов хвостами вниз, не рыдал над народной долей и не обзывал царя «кровопийцей», а императрицу — «сукой», как это однажды сделал Шевченко. Кроме того, ему не посчастливилось родиться в крепостной крестьянской-семье, провалиться в прорубь, подобно Ларисе Косач («партийный» псевдоним — Леся Украинка), а также насильно украинизировать самого себя, как это делал маленький русский мальчик-мутант Коля Фити-лев, постепенно превращаясь в литературного маньяка-самоубийцу Мыколу Хвильевого.

Более того, Иван Котляревский даже не подозревал, основоположником чего является! Будучи человеком веселым, энергичным и самоироничным, он прожил долгую, полную приключений жизнь малороссийского дворянина, театрала и любителя красивых женщин. Что же касается «Энеиды», с которой новая украинская литература якобы началась, то она была написана как бы между прочим, исключительно для развлечения, молодым кавалерийским офицером русской императорской армии И пощачалу вообще не предназначалась к печати. Даже первое издание ее было... пиратское. Как, кстати, и второе. И только убедившись, что на его таланте успешно наживаются другие, Котляревский и сам решил себя издать.

Выдающийся поэт и идеолог малороссийства родился 9 сентября 1769 года в Полтаве. Он появился на свет в том же году, что и Наполеон Бонапарт. Да и вообще время для

Украины было поистине переломным. За пять лет до рождения Котляревского Екатерина II ликвидировала гетманство, учредив вместо него Малороссийскую коллегию. За год до его рождения началась эпохальная русско-турецкая война 1768-1774 гг., которая покончит с турецким влиянием в Причерноморье и превратит Дикое Поле, где кочевали только татары, в Новороссию — житницу империи.

Как раз в год рождения Котляревского крымский хан сходил в последний набег на Украину, а вскоре от самого Крымского ханства останется только воспоминание, что позволит автору «Энеиды» иронично заметить: «Як вернуться пан хан до Криму»,.. Естественно, капитан русской армии Котляревский, которому в зрелом возрасте пришлось участвовать в очередной войне с турками и лично покорять татарские племена, был уверен, что хан уже никогда не вернется.

Обычно украинские историки рисуют вторую половину XVIII столетия в мрачных тонах, акцентируя внимание на отмене Гетманщины и ликвидации Запорожской Сечи. А ведь та эпоха этими событиями не ограничивалась. Наоборот, это было перспективное оптимистичное время. Когда маленький Котляревский впервые увидел свет в Полтаве, граница с турками проходила через городок Балту, а с поляками — по Днепру. Очаков и Хад-жибей (будущая Одесса) фигурировали на карте как турецкие крепости, а Черкассы и Канев — как пограничные пункты Речи Посполитой,

Благодаря победоносным войнам Екатерины II вся эта чересполосица буквально на глазах маленького Ивана уйдет в прошлое, оставшись в его поэме кратким упоминанием о поражениях польских конфедератов: «До лясу, як ляхи, метнулись». Впервые украинцы оказались в составе одного единого имперского государства, казачья верхушка ползнула к правам российского дворянства, а ее дети — возможность на равных войти в элиту Российской империи.

Как все-таки здорово, что под Полтавой победил именно Петр Первый и Семен Палей, а не Мазепа и Карл XII! Дом, в котором родился Котляревский, и сегодня стоит в Полтаве, там теперь музей. На его сволоке (балке, поддерживающей потолок) сохранилась надпись: «Создася дом сей во имя отца и сына и святого духа. Аминь. Року 1705, месяца августа 1», Взглянув на нее, я подумал: вот оно — доказательство двуязычия в Украине! Предки Котляревского — полтавчане. Знаменитую осаду, когда город взяла в кольцо шведская армия, они провели внутри стен. Что было бы, возьми Полтаву шведы и гетман-перебежчик? Резня, пожар, экзекуция над полтавскими казаками и членами их семей — то же самое, что сделал Мазепа, взяв городок Веприк и истребив до последнего всех его жителей. Значит, погибли бы дед и бабка Котляревского — и не было бы ни «новой украинской литературы», ни ее основателя.

Появившись на свет благодаря Империи, Иван Петрович реализовался как литератор на почве тех новых идей и культурных связей, которые она несла. Котляревский учился в Полтавской семинарии, хотя и не закончил ее. Учили там почти так же, как при Гетманщине — пичкали латынью и римскими классиками. Детская травма, полученная из-за обязательной зубрежки «Энеиды» Вергилия, впоследствии обернется пародийной «Малороссийской Энеидой».

Но она так и осталась бы просто травмой, не вылившейся в творчество, если бы в проградшу семинарии не ввели новинку — французский язык, очень популярный тогда в высших кругах русского общества. Знание его и позволил Котляревскому познакомиться с европейскими литературами и... черпать из них. Еще одним посредником служила переводная и оригинальная русскоязычная литература, выходившая в Петербурге. За несколько лет до Котляревского пародию на «Энеиду» Вергилия написал поэт Осипов. Котляревский позаимствовал у него идею и размер для стихов. Но и Осипов не был первым. Задолго до него то же самое сделали в Италии поэт Лалли, а во Франции — Скаррон, написавшие свои «Травестийные Энеиды», Их имена ничего не говорят украинскому читателю. Но точно так же французу или итальянцу ничего не говорит имя Котляревского. Однако в своих литературах каждый из них занимает свое почетное место. Нужно только

учесть, что Лалли и Скаррон написали свои произведения почти за полтора века до Котляревского. Именно на столько украинская культура отставала от европейской. Это не упрек и не издевка — просто констатация факта.

Первый биограф и один из наследников Котляревского Стеблин-Каминский оставил описание его домашней библиотеки: «Несколько латинских и французских авторов классической эпохи, а русские книги были большею частью переводные романы бывших тогда в ходу писателей». Котляревский любил читать готические «страшилки» английской писательницы Анн Редклиф с привидениями и таинственными замками. Были у него «Дон Кихот» Сервантеса и популярный тогда плутовской роман «Жильбляз» французского писателя Леса-жа. На задней полке в потайном месте поэт держал те произведения, которые считались особенно неприличными — например «Похождения кавалера Фоблаза» Луве де Кувре. Это чуть ли не первое в европейской литературе произведение о приключениях... трансвестита. Его главный герой внешне очень похож на девушку. Переодевшись в женское платье, он «динамит» мужчин, но настоящую любовь крутит с женщинами. Если кто-то подумал о Котляревском плохо — пусть устыдится. Таким чтивом увлекалась вся Европа, а наш классик старался не отставать от мировой моды. Когда на прилавках появились переводы Вальтера Скотта и Купера, они тоже попали в библиотеку Ивана Петровича.

Все эти книги Котляревский охотно давал приятелям. А некоторые использовал как источник для вдохновения. В Украине широко известна его пьеса «Москаль-чаривный». В начале 90-х по ней даже сняли фильм с самой «широкомасштабной» украинской актрисой — Русланой Писанкой. Менее известно, что сюжет этой комедии Котляревский «одолжил» у французской оперетки «Солдат-маг», написанной в 1760 году.

Полтавская публика знала его как остроумного собеседника, мастерски рассказывающего неприличные истории. «Жил Котляревский очень скромно, любил бывать часто в обществах и у себя принимал маленький кружок гостей, — писал Стеблин-Каминский. — Когда же общество состояло больше из дам, он предпочитал, как поклонник прекрасного пола (до смерти остававшийся холостяком), занимать дам остроумными рассказами, прибаутками, анекдотами, которые у него лились рекою, и обыкновенно к концу сберегался такой анекдотец, от которого разбежались все слушательницы».

Котляревский потерял отца в двадцать лет. Учебу пришлось оставить. Некоторое время он служил в Полтавском магистрате, потом работал домашним зрителем в семьях богатых помещиков. На воспитаннице одного из них захотел жениться. Но тот не отдал девушку за бедного дворянина, у которого была только левада да несколько крепостных.

*1812 г. Капитан Котляревский сформировал
целый полк таких молодцов*

С горя будущий писатель подался в армию. Причем в довольно зрелом возрасте — в 27 лет он поступил рядовым в Северский карабинерский полк, потом перевелся в Псковский драгунский. Очень быстро сделал карьеру. Стал офицером. Героически поучаствовал в войне с турками в 1806 году. Брал Измаил. За опасную экспедицию в племя буджакских татар, которых убедил перейти в русское подданство, получил Орден Святой Анны III степени. В отставку вышел капитаном. Но военных привычек не бросил. Худощавый подтянутый Котляревский по праздникам, как и раньше, носил драгунский мундир и пользовался большим успехом у дам.

Во времена автора «Энеиды» Полтава была маленьким городком. Но настоящий ловелас найдет поживу везде. Со скуки Котляревский организовал в родном городе театр. Его актриса Преженковская стала любовницей писателя. Чтобы обратить ее внимание, были написаны пьески «Наталка Полтавка» и «Москаль-чаривныйк». Об отношениях Котляревского с местной примадонной знала вся Полтава. Так что первый скандальный роман в истории украинской литературы закрутил тоже Иван Петрович. Но в Полтаве не было желтой прессы. Да и вообще никакой прессы не было, кроме... рукописного сатирического журнала. Поэтому подробности романа поглотила история.

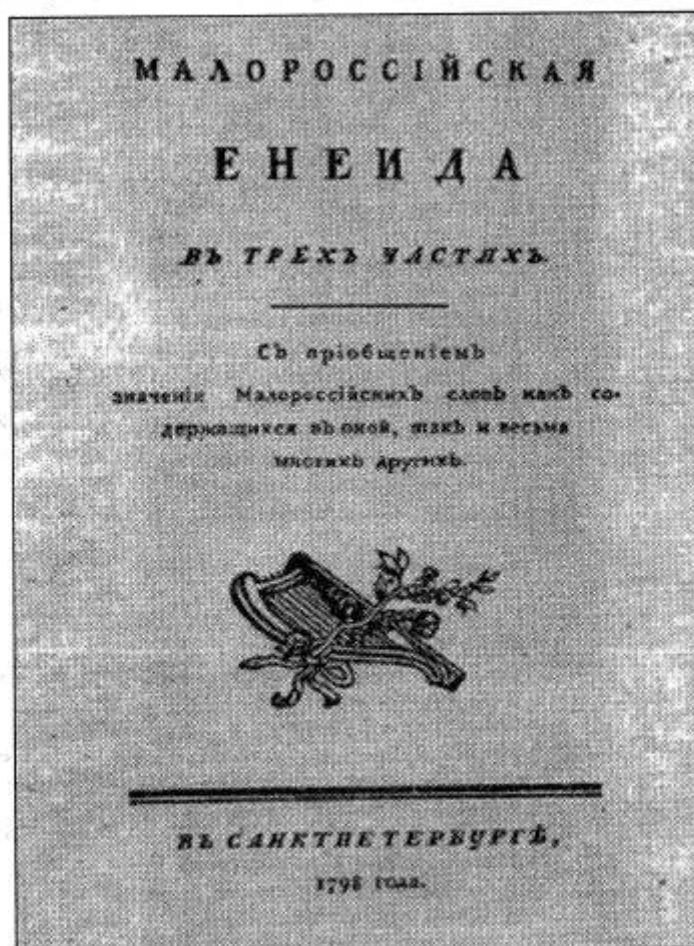
Актрисой Котляревский не ограничился. В его доме была специальная комната для экономки. А свое имущество — дом стоимостью 6000 рублей — он завещал вдове унтер-офицера Матрене Веклечевой. Понятное дело, что просто так подобные подарки не делаются.

Политическое кредо Котляревского выражено фразой героини одной из его пьес: «Тепер чи москаль, чи наш — все одно: всі одного батька, царя білого діти». Ни в чем революционном он замечен не был. А вот пираты вызывали его искреннее раздражение. В отличие от остальных «украинских» писателей, произведения которых были никому не нужны, кроме полиции, Котляревский воевал не с самодержавием, а, говоря современным

юридическим языком, с «несанкционированным использованием интеллектуальной собственности».

Первое издание его «Малороссийской Энеиды» тиснул в Петербурге в 1798 году земляк Ивана Петровича богатый помещик Максим Парпура, использовав рукопись, которая ходила по рукам. Котляревский не мог этому помешать, так как служил в армии и находился, вдалеке от столицы.

Пиратское издание Парпуры быстро разошлось. Он напечатал его повторение, способствуя популярности Котляревского и обворовывая его кошелек. Только в 1809 году, выйдя в отставку, поэт опубликовал собственное издание своего произведения, в котором помянул недобрым словом тех, кто «чужее отдають в печать».

Обложка первого издания. Все, естественно, сделано «пиратами»

Такая же судьба выпала и драматическим произведениям Котляревского. Их ждала популярность и жадные до чужого добра пираты. В конце 1828 года писатель был даже вынужден обратиться к полтавскому полицмейстеру с требованием привлечь к ответственности содержателя театральной труппы Ивана Штейна, который, как писал Котляревский, «непозволительным образом получивши мою оперу и играя ее на театрах без моего позволения, лишает меня тех выгод, кои собственность моя могла бы мне доставлять». Обиженный автор настаивал, чтобы подлец Штейн ни «Наталку Полтавку», ни любое другое произведение Котляревского не играл, требуя «не выпускать его, Штейна, из Полтавы, покуда не разочтется со мною за представления в разных городах моей оперы около десяти лет».

Чтобы иметь средства к существованию самый популярный украинский писатель вынужден был служить попечителем богоугодного заведения, где содержались местные сумасшедшие и инвалиды. Российская казна спасла выдающегося малоросса от голодной смерти. И только после смерти Котляревского силой записали в украинцы, подделав даже

название его самого известного произведения, которое в оригинале звучало так: «Малороссийская Энеида».

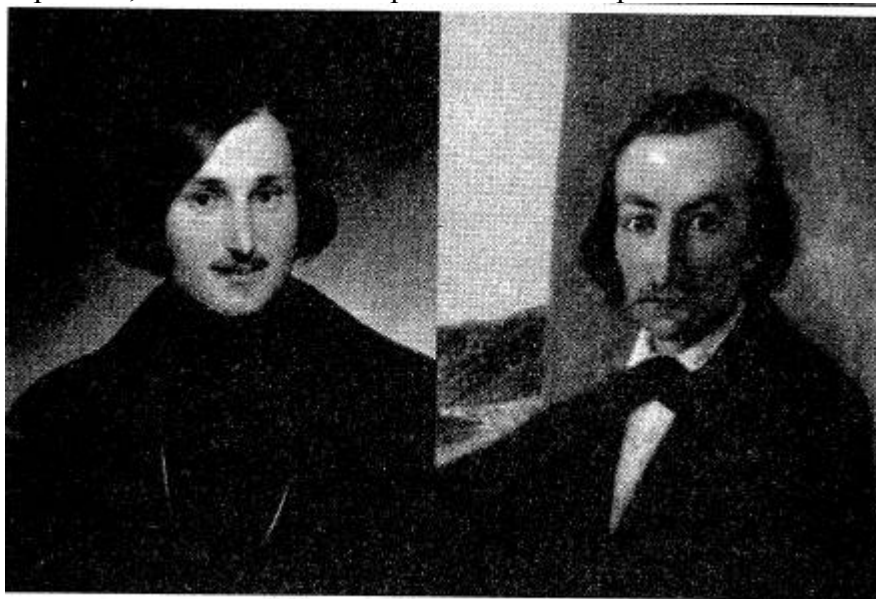
Глава 25. Николай Гоголь «Нужно любить Россию»

Не так давно одно из киевских издательств выпустило фальшивый перевод «Тараса Бульбы» на «державну мову», заменив во всех местах, где у Гоголя было «Русь» и «русский» на «Украина» и «украинский».

Задним числом продажные «літературознавці» лепят из Николая Васильевича чуть ли не скрытого бандеровца с фигой в кармане, утверждая, что он писал по-русски только потому, что боялся или не устоял перед искушением большой литературной карьеры. Они меряют все по себе. Еще вчера приспособиваясь к советской власти и защищая лживые диссертации, пересоленные цитатами из классиков марксизма-ленинизма, эти персонажи никак не могут поверить, что есть на свете такое качество, как искренность.

В отличие от них Гоголь этой способностью обладал. И что бы о нем сегодня ни ввали, он был ИСКРЕННИМ монархистом и патриотом Российской империи. При этом живым, осторожным, умным и никогда не отрицавшим свои малороссийские или, как он говорил, «хохлацкие» корни.

Ни один писатель в русской литературе не добивался успеха так рано, как этот уроженец села Сорочинцы на Полтавщине. «Вечера на хуторе близ Диканьки» изданы, когда их автору всего двадцать два. А писал он их двадцатилетним! Сборник «Миргород», куда вошли четыре повести, среди которых «Тарас Бульба» и «Вий», вышел в свет в 1835 году. Гоголю едва исполнилось двадцать шесть. Через год не только написан, но и уже поставлен на сцене в Петербурге и Москве знаменитый «Ревизор». Как же у него это получилось? Да еще и в «тюрьме народов», какой пытаются представить империю Николая I?

Два лика Николая Гоголя

Начнем с того, что Николай Васильевич с детства был двуязычным, как и подавляющее большинство потомков казачьей старшины, ставшей во времена Екатерины II российскими дворянами. О роли русского языка в этом кругу говорит тот факт, что даже произведение, которое считается предтечей украинского национализма, — «История русов» — написано на рубеже XVIII-XIX веков не по-украински, как было бы логично предположить, а по-русски!

Так на каком же языке, спрашивается, было творить Николаю Васильевичу? Любому

писателю необходимы читатели. И чем их больше, тем лучше. Если бы Гоголь хотел остаться понятным только соседям-помещикам с Полтавщины или Черниговщины, он бы, подобно Котляревскому или своему отцу, сочинявшему маленькие комедии для домашнего театра, выбрал бы малороссийский диалект. Но ему не терпелось быть услышанным всей Русью — той самой, что птицей-тройкой неслась тогда от Аляски на Американском континенте до польской Варшавы.

«Тараса Бульбу» с Жераром Депардьё мечтал снять в Киеве Виктор Ющенко, а в Москве фильм с таким же названием завершил украинец по происхождению Бортко, а мои знакомые польские журналисты сразу же обращают внимание на то, что каждый сезон в Киевской опере традиционно открывается все тем же «Бульбой», значит, Гоголя слышали. Что интересно, замечательный фильм «Огнем и мечем» снял в 90-е годы на казачью тему Ежи Гофман. Но запорожцы в нем для поляков — все равно враги. А Бульба для России — такой же русский герой, как Суворов или Иван Сусанин. Он для нее — «свой». И это говорит, что ментальные связи внутри Русского Мира не разорвали никакие границы после 1991 года.

Афиша премьеры «Ревизора»

В советские времена не афишировали, что мгновенным взлетом к вершинам славы Гоголь был обязан покровительству лично императора Николая I. В 1830 году начинающий писатель познакомился с известным издателем Плетневым, а через него со всей литературной аристократией Петербурга — вплоть до Пушкина и Жуковского. Через Жуковского, служившего воспитателем царских детей, модно было решать любые проблемы — главное было шепнуть строгому, но отзывчивому Николаю I просьбу в нужный момент.

Появление «Ревизора» на сцене объясняют едва ли не чудом. Между тем чудо имело вполне реалистическое объяснение — царское повеление. В изданной в 1877 году «Хронике петербургских театров» хорошо информированный А. И. Вольф приоткрыл закулисную тайну: «Гоголю большого труда стоило добиться до представления своей пьесы. При чтении цензура перепугалась и строжайше запретила ее. Оставалось автору апеллировать на такое решение в высшую инстанцию. Он так и сделал. Жуковский, князь Вяземский, граф Виельгорский решились ходатайствовать за Гоголя, и усилия их увенчались успехом. «Ревизор» был вытребован в Зимний дворец, и графу Виельгорскому поручено его

прочитать. Граф, говорят, читал прекрасно; рассказы Добчинского и Бобчинского и сцена представления чиновников Хлестакову очень понравилась, и затем по окончании чтения последовало высочайше разрешение играть комедию».

«Государь читал пьесу в рукописи», — свидетельствует Вяземский. После этого события развивались молниеносно. В марте 1836 года цензура разрешает «Ревизора» к постановке, а 19 апреля следует премьера. Умный царь, понимая, что народу требуются зрелища, присутствует на первом представлении Лично. «Государь был в эполетах, — вспоминает фрейлина Смирнова, — партер был ослепителен, весь в звездах и других орденах. Министры сидели в первом ряду. Они должны были аплодировать при аплодисментах государя, который держал обе руки на барьере ложи».

Такого Российская империя еще не видела — сам царь на премьере! Лучшей рекламы пьесе невозможно было придумать. Цензор Никитенко (еще один малоросс в Петербурге) записывает в дневнике: «Государь даже велел министрам ехать смотреть «Ревизора»,

Пьеса идеально вписалась в русло правительственного курса борьбы с коррупцией — взяточники непременно будут наказаны, настоящий ревизор обязательно явится, как в финале комедии. Все отличившиеся актеры получили от царя подарки, некоторые — прибавку к жалованью. А Гоголь — возможность проветрить гениальные мозги в путешествии за границу.

Любимый Рим автора «Миргород»

Особенно Николаю Васильевичу понравилось в Риме. «Вся Европа для того, чтобы смотреть, — утверждал он, — а Италия, для того, чтобы жить». Но чтобы годами жить в Италии, необходимы деньги. Автор «Ревизора» нашел их все у того же безотказного доброго царя. А замолвить за себя словечко попросил все того же Жуковского. «Найдите случай и средства указать как-нибудь государю на мои повести, — писал ему Гоголь в 1837 году из Рима, — если бы их прочел государь! Он же так расположен ко всему, где есть теплота чувств и что пишется прямо от души».

Письмо Гоголя к самому императору, о котором он сообщает Жуковскому, долго считалось неизвестным.

Его опубликовали только в 2000 году в сборник («Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары».

Николай Первый

«Всемиловитейший Государь! — взывал Гоголь. — Простите великодушно смелость Вашему бедному подданному, дерзающему возносить к Вам незнаемый голос. Находясь в чужой земле, среди людей, лишенных участия ко мне, к кому прибегну я, как не к своему Государю?»

Участь поэтов печальна не земле: им нет пристанища, им не прощают бедную крупицу таланта, их гонят, — но венценосные властители становились их великодушными заступниками. Вы склонили Ваше царское внимание к слабому труду моему, тогда, как против него неправо восставало мнение многих. Глубокое чувство благодарности кипело тогда в сердце Вашего подданного и слезы, каких человеку редко дается вкушать на земле, струились по челу его... Я болен, я в чужой земле, я не имею ничего — и молю Вашей милости Государь: ниспошлите мне возможность продлить бедный остаток моего существования до тех пор, пока совершу начатые мною труды и таким образом заплачу свой долг отечеству, чтобы оно не произнесло мне тяжелого и невыносимого упрека за бесполезность мою существования. Клянусь, это одна только причина, понудившая меня прибегнуть к стопам Вашим...

Проникнутый глубоким чувством благоговения к особе Вашего императорского величества Ваш верноподданный, исполненный русской любви к своему Государю Николай Гоголь.

Рим 1837, Апреля 18/6».

Гоголь и русские художники в Риме

Результатом этого прошения стало императорское пособие писателю в размере 5 тысяч рублей — сумма по тем временам огромная, равнявшаяся десяти (!) годовым окладам полковника. Через некоторое время подруга Николая Васильевича фрейлина Смирнова ходатайствует перед императором еще об одном «вспоможении», необходимом для завершения «Мертвых душ». И его снова выдают — сроком на три года. По тысяче рублей ежегодно, чтобы не прогулял одним махом.

*В Ноздреве Федор Толстой
узрел «руссофобию» Гоголя*

Споры о том, какая была у Гоголя душа, русская или украинская, бессмысленны. Он сам не мог сказать точно. В письме той же Смирновой 12 декабря 1844 года писатель отвечал: «Сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитывались различные силы их характера, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве».

Иными словами, противопоставление русского и украинского писатель считал бессмысленным. В самом деле, где заканчивается украинское и начинается русское? Одно мягко и незаметно перетекает в другое!

Но желающие искать эту разницу всегда находились и в России, и в Украине. Видать, не дал Бог им иного таланта! Говоря о недоброжелателях, пытавшихся препятствовать ему, Гоголь не преувеличивал.

Среди них особенно выделялся комичной колоритностью граф Федор Толстой по кличке Американец. Друг писателя Аксаков даже вспоминал, что Толстой однажды заявил, будто Гоголь — «враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь». Еще один пример недоброжелательности Толстого приводит в письме к Николаю Васильевичу Смирнова: «Разговорились о духе, в котором написаны ваши «Мертвые души», и Толстой сделал замечание, что вы всех русских представили в отвратительном виде, тогда как всем малороссиянам дали вы что-то вселяющее участие, несмотря на смешные стороны их; что даже и смешные стороны имеют что-то наивно-приятное; что у вас нет ни одного хохла такого подлого, как Ноздрев; что Коробочка не гадка именно потому, что она хохлячка».

Враг Гоголя Федор Толстой

Характерно, что Толстой обиделся именно на образ Ноздрева. Наверное, именно из-за сходства с самим собой. Графа Федора любили выводить комедиографы. Он был карточный шулер, дуэлянт и врун, пустивший сплетню, что Пушкина выпороли в полицейском участке. В «Горе от ума» Грибоедов описал его под именем того персонажа, который «крепко на руку не чист». Обидевшись, Толстой пенял Грибоедову, что нужно было написать: «в картишках на руку не чист», чтобы не думали, будто он в гостях ворует серебряные ложки.

Естественно, драчун Ноздрев,двигающий сразу по три шашки во время игры с Чичиковым, очень напоминал Толстому самого себя. Вот он и обиделся, заговорив об оскорбленном национальном чувстве. Хотя трудно понять, чем тупая, как пень помещица Коробочка (по выражению Гоголя, «дубинноголовая») симпатичнее лихого ухаря Ноздрева?

Свои излюбленные мысли о том, на каком языке следует писать, автор «Тараса Бульбы» высказывал неоднократно. В том числе, своим землякам. Писатель Григорий Данилевский оставил воспоминания «Знакомство с Гоголем», не переиздававшиеся с дореволюционных времен. Он приводит такие слова Николая Васильевича: «Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня — язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан,.. Нам, малороссам и русским, нужна одна поэзия, спокойная и сильная — нетленная поэзия правды, добра и красоты... Русский и малоросс это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение одной, в ущерб другой, невозможно. Всякий, пишущий теперь, должен думать не о розни».

Мир Гоголя невозможно понять без учета его глубокой религиозности. Он родился в

богобоязненной семье. Его первыми точно установленными предками были православные священники Яновские. Полная фамилия писателя — Гоголь-Яновский. Дворянство получил только дед писателя — Афанасий Демьянович (или Дамианович, как он любил себя высокопарно называть). Он дослужился при Екатерине II до майора и вместе с офицерским чином прибавил к своей поповской фамилии прозвище Гоголь.

В это время верхушка малороссийского общества была озабочена поиском благородных корней. Тщеславный Афанасий Дамианович претендовал на происхождение не от кого-нибудь, а от знаменитого полковника Гоголя, жившего во времена самого Хмельницкого! Правда, он не помнил, как точно звали предка, якобы получившего еще при короле Яне Казимире шляхетство: Остап или Андрей? И в претензиях на дворянство склонялся ко второй версии.

Специалисты по генеалогии еще в XIX веке разоблачили его наивную ложь. Пантелеймон Кулиш, написавший первую биографию знаменитого писателя, справедливо подметил, что никакой Андрей Гоголь в 1674 году не мог получить от Яна Казимира шляхетство, как утверждал Афанасий Дамианович, так как этот король... отрекся от престола еще за шесть лет до этого.

Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский, отец писателя

Да и вообще «полковника Андрея Гоголя» не существовало в природе!

Как выяснил тот же дотошный Кулиш, «ни в одном известном документе не встретилось не только полковника Андрея Гоголя, но и никакого другого полковника, кроме Остапа >>. Вот тот действительно существовал. Но отношения к предкам Николая Васильевича не имел.

Окончательно точку в вопросе поставила в 1902 году газета «Полтавские губернские ведомости». Разобрав церковные архивы, она выяснила, что первым точно установленным пращуром писателя был некий Иван Яковлевич. Он бежал с Правобережной Украины, все еще принадлежавшей Польше, на русский берег Днепра — в Малороссию — и был назначен священником в Троицкой церкви города Лубны. От его имени Иван (на польский манер Ян) предки Николая Васильевича и прозвались Яновскими. Все они по наследству служили священниками, вплоть до гордого Афанасия Дамиановича, тоже окончившего семинарию, но выбравшего светскую карьеру.

Этот Афанасий, по-видимому, был настоящим хватом. Он преподавал иностранные языки детям соседних помещиков и похитил прямо из родительского дома свою ученицу Татьяну — дочь местного «олигарха» Семена Лизогуба, внука самого гетмана Скоропадского. А потом тайно обвенчался с ней, вытребовав приданое и сделав неплохую по

местным меркам карьеру. Результатом ее и стало дворянство, фальшивая родословная и звучная двойная фамилия Гоголь-Яновский.

Историю этой женитьбы Николай Гоголь использовал в повести «Старосветские помещики», герой которой Афанасий Иванович (даже имя-отчество его только слегка изменено) служил некогда секунд-майором, «был Молодцом» и «даже увез довольно ловко Пульхерию Ивановну, которую родственники не хотели отдать за него». Между прочим, Васильевка — имение родителей Гоголя, в котором он вырос, это бабушкино приданое. Предприимчивый женишок получил его от Лизогубов в довесок к украденной Тане.

Две унаследованные от предков струи переплетались в душе Николая Васильевича. Струя авантюрная, мирская, проявившаяся в деде — угонщике. И духовная, идущая от поколений православных священников.

На протяжении всей жизни Гоголь боролся с чертями вокруг себя и бесами в себе. Он усмирлял плоть, совершал паломничество к Гробу Господню, не обзаводился материальной собственностью, а тратил деньги на путешествия или помощь ближним.

*Мария Ивановна Гоголь —
мать знаменитого сына*

Ужасные чудовища являлись ему, становясь образами «Вия» и «Страшной мести». Мертвецы вставали из гробов в его голове. Пролитая веками на Украине кровь стекала страницами «Тараса Бульбы», предостерегая о грядущих кровопролитиях. Он мерил себя слишком строгими критериями, которые пока не доступны большинству из нас, и приходил в отчаяние, что не может соответствовать своему идеалу. Главным вопросом для него было спасение души.

В молодости Гоголь верил, что черта можно оседлать, как это сделал кузнец Вакула в «Ночи перед Рождеством», чтобы сгонять на нем в Петербург и раздобыть черевички для Оксаны. Он и сам отправился в город на Неве, бросив своей знакомой: «Прощайте, Софья Васильевна! Вы, конечно, или ничего обо мне не услышите, или услышите что-нибудь весьма хорошее».

Им двигало тщеславие. Он жаждал мирского признания, еще не подозревая, каким тягостным оно будет. В то время он даже внешне больше всего походил на своего Хлестакова. Очевидцы описывают еще нехрестоматийного безусого Гоголя в 27 лет, когда он появлялся на первых репетициях «Ревизора»: «Зеленый фрак с длинными фалдами и мелкими перламутровыми пуговицами, коричневые брюки и высокая шляпа-цилиндр, которую Гоголь-то порывисто снимал, запуская пальцы в свой тупей, то вертел в руках, все это придавало его фигуре нечто карикатурное».

Тупей — это клок взбитых волос. Очень модная тогда прическа. Гоголь был франт, как

и его герой. Незадолго до этого он изведal свою первую петербургскую любовь— загадочное романтическое увлечение. От переживаний юный писатель сбежал на пароходе в Германию, растратив на вояж все деньги, которые мать выслала ему для уплаты процентов в банк по заложенному поместью. Вернувшись, Николай так расстроился, что отказался от своей доли наследства в родовой Васильевке. Предмет обожания в письме матери он описывал как божество, «облаченное слегка в человеческие страсти», и упомянул между прочим, что заболел от любви какой-то страшной болезнью.

Перепуганная родительница вообразила, что Никоша подцепил нечто венерическое, что привело Гоголя в ужас. «Как вы могли, маменька, — отвечал в письме он, подумать даже, что я — добыча разврата, что нахожусь на последней ступени унижения человечества! Наконец решились приписать мне болезнь, при мысли о которой всегда трепетали от ужаса даже самые мысли мои!»

Привыкнув к бесчисленным романам Пушкина, гусарскому разгулу Лермонтова, фразе Толстого о женщинах («В молодости я был неумолим») и уже привыкая потихоньку к тому, что Шевченко захаживал в публичный дом, мы почему-то не хотим представить, что Гоголь на всю жизнь мог остаться девственником. А ведь так, скорее всего, и было.

Нервная натура автора «Ревизора» в реальности не шла дальше эротических фантазий. Он панически боялся борделя — единственного легального места, в которое в те пуританские времена, когда невесты выходили замуж нетронутыми, можно было сливать излишки сексуальной энергии. Отсутствие презерватива, еще не изобретенного, сулило большие неприятности от встречи с соблазнительными демоницами, населявшими этот антипод рая. Черт тут присутствовал убедительно и зримо. У молодого Гоголя хватало благоразумия избегать этого его воплощения.

Гоголю пытались приписать некрофилию — эротическое влечение к мертвецам (и это на основании того, что в «Вие» он изобразил, как живую, панночку-ведьму в гробу!) и даже мазохизм — потому что, видите ли, та же ведьма, только в личине старухи, оседлала философа Хому Брута, а он при этом испытывает «бесовски сладкое чувство»! Даже — трансвестизм шили! Для этой догадки хватило всего одной сцены из «Бульбы» — той, где прекрасная полячка надела на голову Андрия «свою блистательную диадему, повесила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку».

По этой логике каждый писатель, талантливо изобразивший преступление, сам преступник. Но такая логика — хромая! Во всех подобных сценах есть только боязнь оказаться под женской властью. Как писал Гоголь об Андрии в серьгах, «он представлял смешную фигуру». И как говорил гоголевский Хома Брут той же ведьме: «Нет, голубушка! Устарела».

В женщине писателя страшила именно способность превращаться из ангела в ведьму, из молодой красавицы — в уродливую старуху. От нее шла жизнь. И от нее же — смерть. Гоголь был не согласен с этим законом нашего демонического мира. Его герои-мужчины гибнут, теряют достоинство и честь, подчиняясь женщинам, и торжествуют, когда их превосходство отрицают. Торжествуют, начиная от комического проходимца Хлестакова, который соблазняет сразу и жену, и дочь городничего, и заканчивая запорожским титаном Бульбой, живущим по принципу: «Не слушай, сынку, матери: она — баба, она ничего не знает».

В реальной же жизни у Гоголя не было романов. По крайней мере, явных. А если и были, то он очень хорошо умел их скрывать. Возможно, нам еще откроются тайны, не доступные сегодня.

Талант Гоголя так велик, что его постоянно хотят растащить по национальным квартиркам. В современной украинской школе его преподают как иностранного писателя. При этом сотни приспособленцев распускают наукообразные бредни, будто Гоголь только то и делал, что ненавидел Петербург и мечтал жить в Украине. Между тем первое напечатанное произведение Гоголя называется «Италия». Оно вышло в Петербурге в журнале с патриотическим названием «Сын Отечества», когда его автору было только двадцать:

Италия — роскошная страна!
По ней душам стонет, и тоскует;
Она вся рай, вся радости полна.
И в ней любовь роскошная веснует.

Гоголь написал эти строки, еще не побывав в стране своей мечты. Но когда побывал, понял, что не ошибся.

«Кто был в Италии, — писал он в 1837 году, — тот скажи «прости» другим землям. Кто был на небе, тот не захочет на Землю». Славословиями Италии переполнены гоголевские письма друзьям: «Мне казалось, что будто я увидел свою родину, в которой несколько лет не бывал я, а в которой жили только мои мысли. Но нет, это все не то: не свою родину, а родину души своей я увидел». Особенно ему нравился Рим. «Кто сильно вжился в жизнь римскую, — признавался Гоголь, — тому после Рима только Москва и может нравиться». Он даже называл итальянский язык вторым родным.

Зинаида Волконская

Тут же, в папской столице, его поджидало еще одно самое страшное искушение.: два беса, принявших вид хитрых католических попиков. В Риме жила княгиня Зинаида Волконская, принявшая католичество и поселившаяся за границей. Гоголь часто бывал у нее, как и многие другие русские путешественники. Она держала литературный салон. Среди постоянных посетителей его обнаружили два ксендза — Петр Семенов и Иероним Кайсевич. Оба в прошлом польские офицеры, участвовавшие в 1831 году в войне с Россией и разбитые победоносной армией гоголевского земляка фельдмаршала Паскевича. Теперь в эмиграции они надели вместо мундиров сутаны и занялись вербовкой неокрепших православных душ, склоняя их к переходу в католицизм и проповедуя презрение к России.

В Риме. Николай Васильевич часто читал «Ревизора» землякам за границей

Николай Васильевич сразу попал в круг интересов этих предприимчивых прелатов. «Познакомились с Гоголем, малороссом, даровитым великорусским писателем, который сразу выказал большую склонность к католицизму и к Польше», — отметил ксендз Кайсевич в дневнике. «Он молод, — вторил собрату о Гоголе Семененко, — если со временем глубже на него повлияет, то, может быть, он не окажется глух к истине и всею душою обратится к ней». На то же надеялась и княгиня Волконская. Тем более что автор «Вечеров» будто бы даже признался, что «польский язык ему кажется гораздо звучнее, чем русский». Так, по крайней мере, утверждали в один голос оба ксендза-офицера в письме своему собрату Богдану Яньскому.

Дурачил ли их Гоголь? Или, в самом деле, ступил одной ногой на ту дорожку, что погубила его Андрия? Возможно, и то, и другое. Но развязка последовала совершенно неожиданная!

Гоголь и Пушкин. Оба писателя встали рядом на Памятнике тысячелетию Руси в Новгороде

На той же вилле Волконской в Риме умирал от туберкулеза друг Гоголя — молодой

поэт граф Иосиф Виельгорский. За минуту до смерти княгиня попыталась притащить к нему католического священника, чтобы уговорить сменить веру. Гоголь самым решительным образом восстал против этого и привел для исповеди православного попа. Виельгорский умер в вере отцов, хотя истеричка-княгиня и вопила: «Я видела, что душа выпла из него католическая». После этого Волконская возненавидела писателя и даже не хотела принимать его. Но Гоголь не унывал. Вместо одной души он спас две — свою и друга.

Черт и на сей раз был посрамлен. Пройдет время, и московский издатель Погодин запишет в дневнике о визите Гоголя: «Православие и самодержавие у меня в доме».

Настоящий Гоголь очень неудобен для украинского официоза. Более того! Он его пугает, как Божье слово в устах Хомя Брута бесов из «Вия». Если бы могли, запретили. Но не могут и потому просто подделывают.

В начале 90-х я недолго работал в обществе книголюбов. Там трудилось много интересных персонажей. Один из них — некий пан Олег врезался в мою память навсегда. Он числился в отделе пропаганды, ходил в кожаной куртке и бараньей шапке, проповедовал уринотерапию как универсальное средство от всех болезней и мечтал о переводе Гоголя на украинский язык. Глаза его при этом безумно блестели. Приставая ко всем со своей излюбленной идеей, пан Олег поднимал сухой крючковатый палец и повторял: «Треба повернути Гоголя Україні!»

Не уверен, что смысл «возвращения» Гоголя в родные пенаты в таком переводе. Но некоторым образом мечта пропагандиста-уринотерапевта сбылась. Я уже упоминал выше, что одно из киевских издательств напечатало поддельный перевод «Тараса Бульбы», заменив везде слово «русский» на «український» и выбросив из финала проникновенные гоголевские слова: «Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чувствуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!»

Владелец этого издательства, не постеснявшийся поставить свою фамилию на титульный лист «переводного» Гоголя, конечно, имеет право быть несогласным с мнением выдающегося писателя. Но заниматься откровенной фальсификацией может только потому, что еще никто не взял его за руку и не отвел в суд за нарушение прав потребителя. Фальсификат — всегда фальсификат. Покойный Николай Васильевич должен быть защищен от подобных пиратов не меньше, чем какая-нибудь бутылка водки известной марки. Ведь он выдержал проверку временем, которая ни водкам, ни прокладкам даже не снилась.

Если о других классиках часто говорят, что их «нужно» читать, то Гоголя читать просто хочется. Невозможно оторваться от его «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Ревизора» или «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Некоторые известные в прошлом писатели после смерти интересны разве что богатой интимной жизнью. Любопытство к ним можно оживить только описанием их любовниц, скандалов и венерических болезней.

О Гоголе подобного не скажешь. Свою личную жизнь он тщательно скрывал, стремясь к женщинам и одновременно воспринимая их как страшное, почти сатанинское искушение. Из-за прекрасной полячки изменяет вере и товарищам Андрий в «Тарасе Бульбе». Боится связать себя брачными узами герой «Женитьбы». А Ивану Федоровичу Шпоньке из одноименной повести будущая жена даже приходит ночным кошмаром, двоясь и троясь: «Снял шляпу, видит: и в шляпе сидит жена... Полез в карман за платком — и в кармане жена».

Таинственный душевный мир Гоголя разгадывали сотни исследователей, находя в нем садомазохистские фантазии, фобии и ипохондрию. Он стал героем легенд и бульварных статей, в которых сложно отличить бред авторов от реальности. Писали, что его похоронили живым в летаргическом сне. Рассказывали, будто перевернулся в гробу. Трезвонили, что при перезахоронении в 20-е годы череп Гоголя якобы забрал на память пролетарский поэт Демьян Бедный, а в могиле остался только скелет. Покою писателю, видимо, не дадут никогда. Слишком уж он велик.

«Возвращать» его Украине бессмысленно. Он единственный до нынешнего дня украинец, который прославился своим литературным талантом на весь мир. В отличие от Шевченко ему не нужно «впаривать» памятники за границей по инициативе правительства, чтобы их потом воровали на металлолом, как это случилось несколько лет назад в Канаде. Гоголя и так знают. Он не нуждается в посмертной государственной подпитке. Дай Бог, чтобы Украина вернулась в него!

Сон между Европой и Азией

Тот Гоголь, которого сегодня замалчивают, скрывается в последних томах его собраний сочинений — в публицистических статьях и книге «Выбранные места из переписки с друзьями».

Сколько сейчас спорят об украинской истории! А достаточно взять всего лишь короткое, написанное 23-летним Николаем Васильевичем эссе «Взгляд на составление Малороссии», чтобы получить представление, откуда пошли украинцы.

Молодой писатель проявил себя в этой работе замечательным историком. «Южная Россия более всего пострадала от татар, — писал он, — Выжженные города и степи, обгорелые леса, древний разрушенный Киев, безлюдье и пустыня — вот что представляла эта несчастная страна! Испуганные жители разбежались или в Польшу, или в Литву; множество бояр и князей выехало в северную Россию... Когда первый страх прошел, тогда мало-помалу выходцы из Польши, Литвы, России начали селиться в ЭТОЙ земле,..»

Гоголь одним из первых отметил роль географического фактора в незащитности Украины: «Будь хотя с одной стороны естественная граница из гор или моря — и народ, поселившийся здесь, удержал бы политическое бытие свое, составил бы отдельное государство. Но незащитная, открытая земля эта была землей опустошений и набегов, местом, где сшибались три враждующие нации».

И он же раньше других начал писать о татарском влиянии на характер формирующегося нового этноса: «Они поворотили против татар их же образ войны — те же азиатские набеги... разгульные холостяки вместе с червонцами, цехинами и лошадьми стали похищать татарских жен и дочерей и жениться на них. От этого смешения черты лица их, вначале разнохарактерные, получили одну общую физиогномию, более азиатскую. И вот составилась нация, по вере и месту жительства принадлежавшая Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, — народ, в котором так странно столкнулись две противоположные части света».

Отсюда только один шаг до понимания того, почему нынешняя Украина одновременно хочет на восток и на запад. Такая уж у нее душа, разорванная между двумя мирами — Азией и Европой.

До последнего вздоха Николай Гоголь оставался убежденным монархистом. Но не нужно воображать, что Российская империя, которой он искренне служил своим Пером, была просто аппаратом насилия — земным монстром для выкачивания славы и

материальных благ. В идеале она мыслилась своими создателями как ковчег для сохранения истинной православной веры. Мы живем в несовершенном мире, где для сбережения искры духовности нужна здоровая государственная плоть. Будущее показало, что разрушение этой империи в 1917 году не принесло счастья ее вчерашним подданным. Это смятение духа мы чувствуем до сих пор. А ведь Гоголь предупреждал! Он был не банальным лизоблюдом, а человеком, имевшим смелость советовать даже царям.

«Любовь вошла в нашу кровь, — писал он в «Выбранных местах из переписки с друзьями», — и завязалось у нас всех кровное родство с царем. И так слился и стал одно-едино с подвластным повелителем, что нам всем теперь видится всеобщая беда — государь ли позабудет своего подданного и отрешится от него или подданный позабудет государя и от него отрешится».

Сейчас эти слова звучат пророчески. Так и случилось в феврале 1917 года, когда Николай II отрекся от престола под давлением настойчивых советников. Тогда царь отрешился от своего народа, а народ от него, и из всех углов полезли легионы сатанинской нечисти, залившие страну кровью.

Предчувствовал ли это Гоголь, когда писал свою книгу? Мы не знаем. Но известно точно, что республика казалась ему бездушным политическим механизмом: «Государство без полномочного монарха — автомат: многого-много, если оно достигнет того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина: человек с них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит». Когда писал! А как в будущее глядел! «Государь есть образ Божий, — утверждал Николай Васильевич, требуя от монарха быть достойным высокого предназначения. — Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значение свое — быть образом того на земле, который сам есть любовь».

Иными словами, нравится это кому-то или нет, Гоголь требовал от императора ни много ни мало как по мере сил уподобиться Христу. И при этом не забывать о чисто государственных обязанностях, как сказали бы теперь, главного менеджера страны.

Царь казался ему тем же, что и дирижер: «Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но, если нет среди них одного такого, который бы движеньем палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт. А кажется, он сам ничего не делает, не играет ни на каком инструменте, только слегка помахивает палочкой да поглядывает на всех».

Разве не наблюдали мы в Украине концерт без дирижера, где претенденты на эту должность силой друг у друга вырывали волшебную палочку в форме булавы? То и дело слышишь, строго по Гоголю, этот колхозный оркестр без председателя, где вместо стройной гармонии душ рвут уши только «шершавые звуки», которые испускает «иной дурак-барабан или неуклюжий тулумбас». Зато сколько заведующих клубом роится вокруг «оркестра»!

Читая поддельного киевского «Тараса Бульбу» на украинском языке, я смеялся вдвойне. А что бы стал делать его издатель, взявшись переводить «Выбранные места из переписки с друзьями»?

Например, есть у Гоголя такая глава: «Нужно любить Россию». А на «соловьиной мове» это как будет? «Треба любити Україну»? Или на эфиопской, по той же «ба-ба-га-ла-ма-гов-ской» логике «Нужно любить Эфиопию»?

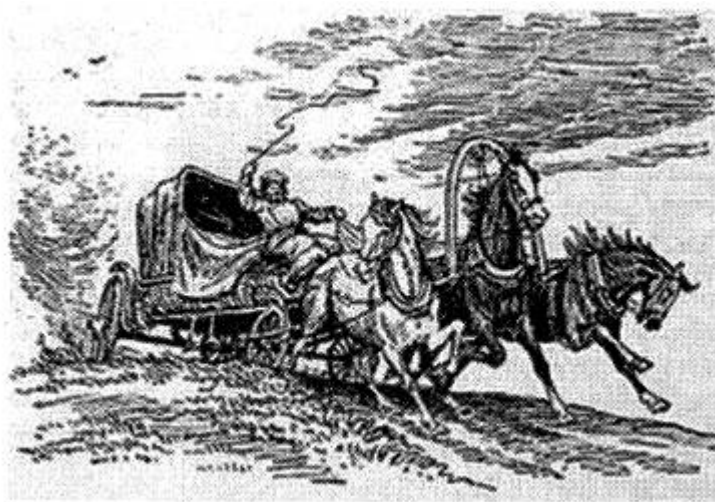
А как перевести гоголевскую фразу: «Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский»? Или длинный, все объясняющий в идеологии Николая Васильевича пассаж: «Если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, — последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни»?

Как много еще предстоит работы «фальшивокнижникам» по приспособлению автора «Тараса Бульбы» к текущему политическому моменту! А ведь Он не одного «Бульбу» написал! Словно чувствовал: будут, будут подделывать! Снял шляпу: видит, и там

подделыватель сидит. Полез в карман, и оттуда оно лезет... Значит, надо побольше сочинений оставить — перестраховаться от вредителей. Чтобы ни сил, ни жизни подделывать все у них не хватило! А там и ситуация изменится. Ведь не бывает неизменных ситуаций!

Гоголь, как и Шевченко, — это ключ к украинским тайнам. Только Тарас Григорьевич — ключик маленький. Ржавенький. От того сарая, где вилы и косы лежат. А Гоголь — ключ золотой. От всего украинского, сиречь малороссийского, поместья. Да и ко всей русской усадьбе подойдет. Любую дверь откроет.

Что бы ни происходило в наших разделенных ныне странах, листаешь том Николая Васильевича и находишь объяснение. Почему так злобствуют ненавистники на каноническую православную церковь? Почему так хотят заменить ее некой «поместной» во главе с попом-расстригой, женатым на блуднице? Да потому, что, как писал Гоголь, в день беды для нашей Отчизны «из монастырей выходили монахи и становились в ряды с другими спасать ее». Как же тут не злобствовать? Дорогу, ведущую в Лавру, в улицу Мазепы переименовали, а анафему с Мазепы так и не сняли. Вот и выходит, что идет по той улице Мазепа да никак не дойдет за отпущением грехов.

Птица-тройка. Россия — Украина — Белоруссия

Иногда хочется продолжить гоголевскую мысль. В «Петербургских записках 1836 года» он пошутил: «В самом деле, куда забросило русскую столицу — на край света! Станный народ русский: была столица в Киеве — здесь слишком тепло, мало холода: подавай. Бог, Петербург! Выкинет штуку русская столица, если подсоединится к ледяному полюсу». Только начала столица снова спускаться к югу. Уже опять на станции Москва оказалась. Видать, в Киев, в «мать городов русских» возвращается. Ведь Русь, как и гоголевскую птицу-тройку, в которой она несется, никто не отменял. А то, что сейчас, в смутное время, один конь из этой упряжки норовит ускакать в сторону, минует, и полетит она снова. И станут, строго по Гоголю, «давать ей дорогу другие народы и государства».

Глава 26.

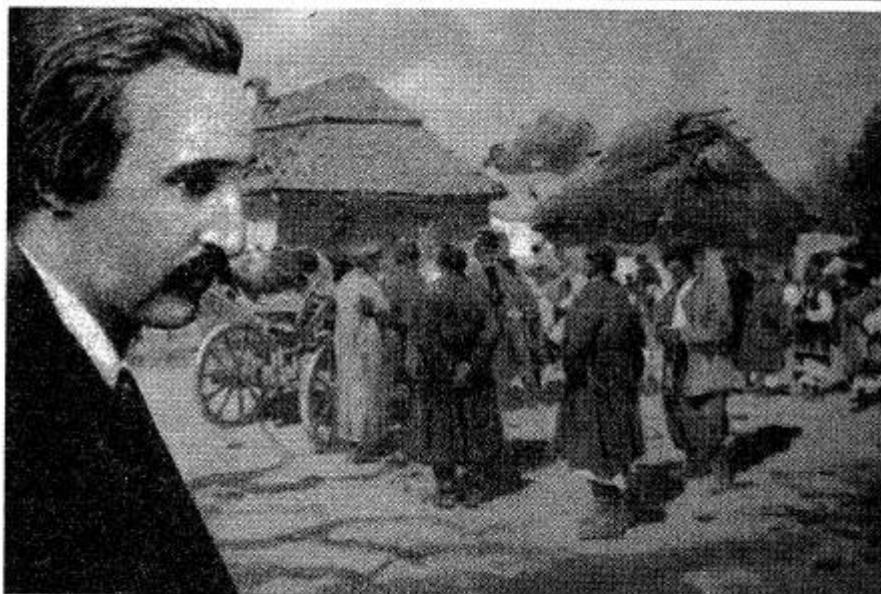
Пантелеймон Кулиш: прозрение хуторского философа

До сих пор его боятся переиздавать в полном объеме. Несмотря даже на то, что именно он придумал современное украинское правописание и сочинил первый украинский исторический роман. Чем же так не устраивает Кулиш наших нынешних инквизиторов от культуры? Независимостью!

К этому желчному и острому на язык писателю лучше всего подходит определение: свой Среди чужих, чужой среди своих — украинофил и антиукраинец одновременно. Яркое воплощение возможности невозможного, так свойственного Украине. С одной стороны — ярый казакофил и собиратель народного фольклора. С другой — его же беспощаднейший

критик, назвавший всех кобзарей скопом «п'яними і темними», а их творчество — «п'яницькою бреходурнопесею про людожерів-козаків».

Таким же двойным было и происхождение Кулиша. самого себя он считал аристократом. Но какое-то подозрительное дворянство имел только его дед. А уже отец Пантелеймона потерял право быть причисленным к благородному сословию и записался в обычные казаки несмотря на то, что владел родовым хутором в Черниговской губернии и даже крепостными мужиками. Из-за отсутствия свидетельств о дворянском происхождении юного Панька даже исключили из Киевского университета св. Владимира — во времена Николая I там имели право учиться только дворянские дети.

*Уроки фольклора. Повидав немало европейских стран,
Кулиш все равно выбрал малороссийский хутор*

Впрочем, история с исключением Кулиша со второго курса — достаточно темная. По-видимому, поступая на учебу, он назвал себя дворянином и пообещал предоставить соответствующие документы в надежде, что администрация об этом забудет. Но в ректорате не забыли, и молодой полуказак-полушляхтич отправился на вольные хлеба, вынырнув уже в столице Российской империи в должности старшего учителя гимназии и одновременно преподавателя русского языка в Петербургском университете. Как его туда приняли, остается загадкой. Ведь сам Кулиш не имел не только высшего образования, но и среднего! Он успел закончить только пять классов гимназии в провинциальном Нежине, оставив ее то ли из-за нехватки средств, то ли из-за отсутствия воли бороться со скукой, которую навевали общеобязательные предметы.

Недоученности героя этой статьи Украина обязана упрощенным правописанием, которое он придумал. До великой орфографической реформы Панька Кулиша (так чаще всего его называли приятели) малороссы пользовались общерусским правописанием, оставшимся, со времен Киевской Руси. Они тоже употребляли «яти», «еры», не знали апострофа. Кулишу все это казалось очень сложным, и он предложил так называемое «фонетическое» правописание. По принципу «пишем, як чуємо, читаємо, як бачимо». Как, пользуясь им, можно делать ошибки — уму непостижимо! Тем не менее, многим нынешним школьникам не по зубам даже примитивная «кулишовка», созданная специально для просвещения отсталых «анальфабетов» — по-польски, «неграмотных».

До весны 1847 года Кулишу явно везло. В Киевском университете он познакомился с профессором русскому словесности Михаилом Максимовичем. Сблизило их помешательство на украинском фольклоре. Кулиш показал профессору самодельный сборник песен, которые он записал от своей матери. Мать нашего «дворянина», кстати, абсолютно не умела читать! Поэтому сборник получился самый, что ни на есть «подлинный», истинно «народный»,

свободный от любых книжных влияний.

Пантелеймон Кулиш

Профессор Максимович свел фольклориста-недоучку с инспектором училищ Киевского учебного округа Юзефовичем. Вспоминая впоследствии об этом полезнейшем знакомстве, Пантелеймон писал, что Юзефович опекал его просто на удивление: поставлял книжки и рукописи, помог напечатать в университетской типографии исторический роман «Михайло Чарнышенко или Малороссия восемьдесят лет назад» и даже предоставил за казенный счет командировку в Киевскую губернию. Кулиш путешествовал по ней с перерывами целых два года. Результатом научной экспедиции стал сборник народных песен и легенд «Записки о Южной Руси». Молодой автор приобрел литературное имя.

Но на склоне лет Кулиш отозвался о тех благословенных временах с сарказмом:

З того ж то ми часу
Україну Вибріхувати почали,
І на Петра й на Катерину
Хулу та клевету верзли.

Написано это было явно в пику Шевченко и его поэме «Сон» со знаменитыми строчками про Петра Первого, который «розпинав нашу Україну» и Екатерину II — ту, что, по Тарасовой версии, «доконала вдову-сиротину».

Полоса везения закончилась, когда Третье отделение — политическая полиция Николая I — накрыло в Киеве Кирилло-Мефодиевское братство, замышлявшее преобразование Российской империи в федерацию славянских республик. Следствие показало, что Кулиш находился в переписке с большинством «братчиков». И не только находился, но еще и подписывал свои послания титулом «Гетман».

Жена Кулиша Ганна Барвинок

Во все времена жандармам не хватало чувства юмора. Сборище интеллигентных болтунов они приняли за глубоко законспирированный подпольный центр. Кулиш был арестован в Варшаве в тот самый момент, когда вместе с молодой женой направлялся за границу хлебнуть европейского воздуха и набраться туристических впечатлений. Вместо Берлина и Праги пришлось оказаться в Петербурге на допросе у начальника штаба корпуса жандармов генерала Дубельта. Вопрос генерала: «Правда ли, что вы намеревались быть гетманом украинским?» Кулиш запомнил на всю жизнь.

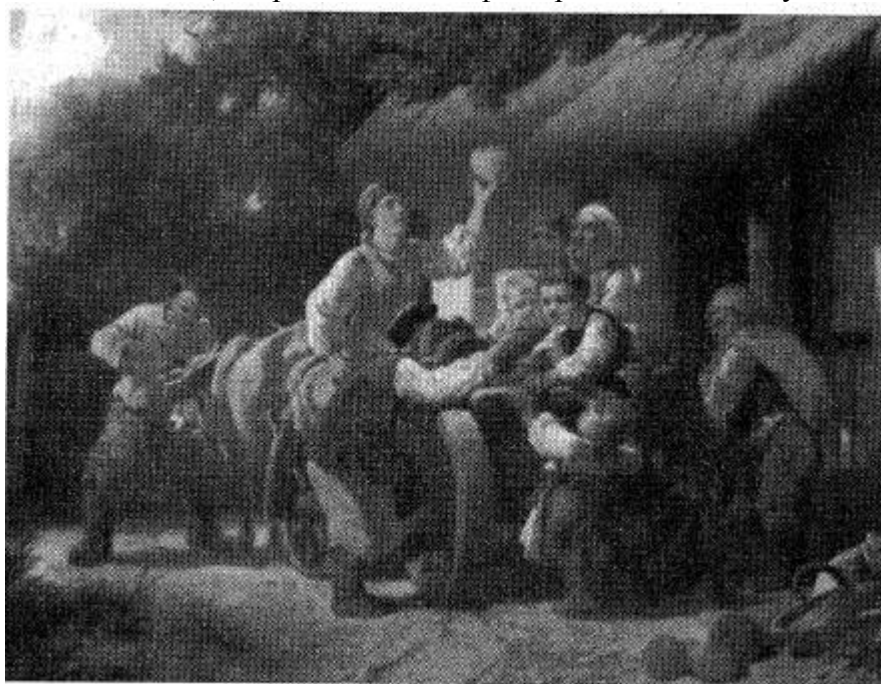
Глупая шутка стоила ему двух месяцев в крепости во время следствия и ссылки в Тулу. Это было чисто символическое наказание. В подмосковном городе малороссийский литератор редактировал «Тульские губернские ведомости» и жил за панибрата с губернатором Козодоевым, о котором в автобиографии отозвался: «Человек, как человек». Там же он сдружился с местным жандармским капитаном Гусевым и даже переселился вместе с женой в его особняк, где полицейский и ссыльный вместе гоняли чай. Вот так в старые времена переплетались в России политические преступники и те, кому по долгу службы надлежало за ними присматривать!

Тульская ссылка продолжалась три года. А потом Николай I простил Кулиша. Доброжелатели показали царю рисунки неудавшегося «гетмана». Император расчувствовался и тут же разрешил ссыльному редактору вернуться в Петербург. Правда, запрет на публикации Кулиша не был снят. Но он легко нашел выход, засыпав петербургские журналы своими переводами иностранных авторов под различными псевдонимами.

Смерть Николая I и приход либеральных Александровских времен вернули Кулишу свободу действий. Начало 60-х годов застало его маститым литератором. Он уже успел опубликовать два варианта романа «Черная рада» (по-русски и по-малороссийски), отредактировал и издал собрание сочинений Гоголя, получив за это три тысячи рублей (10 процентов от прибыли), совместно с Николаем Костомаровым издавал первый украиноязычный журнал в Петербурге «Основа», довел до ума рукописи сбежавшей от мужа Марии Маркович, сочинявшей под псевдонимом Марко Вовчок...

Кулиша считали главой «украинской» партии, ярким националистом! И вдруг он сжигает все, чему поклонялся, и поклоняется всему, что сжигал. Одно за другим из-под пера писателя выходят уже не романы, а исторические исследования на документальном материале — трехтомная «История воссоединения Руси», «Мальована гайдамачина» и «Отпадение Малороссии от Польши». Отныне Кулиш не видит ничего прогрессивного в запорожском казачестве, которое воспевал в молодости. Теперь казаки для него — просто

бандиты и убийцы. Ни о каком государстве они не мечтали. Их идеалом было выпить и пограбить. Единственной же прогрессивной силой на Украине, покончившей и с татарскими набегами, и с ляшским засильем, вчерашний казакофил признал Российскую империю.

В конце жизни Кулиш побил горшки с примитивным украинофильством

Как же с такими мыслями не стать Кулишу в Украине полузапретным автором? «Черная рада» включена в школьную программу. Но уже предисловие к ней, где автор говорит о политическом ничтожестве гетманов, ученикам не показывают. Что же касается исторических сочинений Кулиша, то их попросту боятся издавать на любом языке.

Ни один из украинских классиков не говорил своим землякам таких жестких и нелюбезных истин, как Кулиш. В трактате «Хуторская философия» он писал: «Ми залишалися татарськими недобитками навіть і тоді, коли татари, в свою чергу, були нами побиті і придушені».

Кулиш первым начал разоблачать пропитанные дешевым нарциссизмом украинские исторические мифы. Сколько перевели у нас бумаги и чернил на восхваление Киево-Могилянской академии! Каким «святилищем» наук ее только не провозглашали? А требовательный автор «Хуторской философии» вынес уничижительный приговор этому захолустному учебному заведению на задворках Европы: «Могилянська академія не дала нам жодного чудового таланту». И попробуйте с ним поспорить! Ведь и Сковорода, и Феофан Прокопович — самые известные выпускники Могилянки — в перечень всемирно известных ученых не входят. Оба они — всего лишь начитанные подмастерья западных философов, так и не создавшие оригинальных мировоззренческих систем — «зірки» небесной околицы.

Кулиш не идеалізував казаків

Даже Богдана Хмельницкого Кулиш называет «украино-польским Батыем», вспоминая «жахливе винищення народу, подібне до того, що над нами вчинили татари на чолі з Батиєм та його наступниками, а згодом на чолі з Богданом і Юрієм Хмельницькими». Он хорошо знал по мемуарам XVII столетия оборотную сторону «националь-но-освободительной войны» — то, как Богдан расплачивался своими же земляками с крымскими союзниками, разрешая им собирать ясырь по селам.

Кулиш словно предчувствовал, к чему приведут бредни его коллег-романтиков уже в XX веке. Отдав долг юношеской идеализации казачества, в зрелые годы он сумел развенчать те фантомы, которые в эпоху Кирилло-Мефодиевского братства сам порождал вместе с Шевченко и Костомаровым.

На протяжении всех лет после 1991-го в Украине только то и делают, что ищут «национальную идею». А ведь она давно есть! Ее сформулировал еще Кулиш в своем позднем стихотворении «Национальный идеал». Сначала он описывает распад единой Руси после нашествия Батыя:

Як налягло на Русь татарське лихолітє,
Зісталось в Києві немовби тільки сміття.
На Клязьму й на Москву позабігали люде
І визирали, хто з киян туди прибуде.
І всі, що руської єдиності жадали,
На Клязьму й на Москву помалу прибували.

Московской Руси, по мнению Кулиша, удалось сохранить духовное наследие погибшей Руси Киевской. Туда произошла миграция славянского населения с Киевщины. И он прав — носители древнерусской культуры переселились под защиту московских князей. А дальше наступил период петербургской империи Петра Первого. Для автора стихотворения — это глубоко прогрессивный государственный механизм, в отличие от гетманских междоусобиц периода Руины:

Імперія — се власть була над ворогами,

Над ханом, турчином, Литвою і ляхами...
І що б там ні було гіркого на Вкраїні,
А густо забуяв наш нарід на руїні.
Де нас десятками за Паліїв лічили,
Там міліонами край рідний ми осіли.

Кулиш понимает, что только Империя обеспечила процветание и самоуважение украинского народа. Только благодаря ей и ее победам он смог расселиться на территории разгромленного Крымского ханства! А в будущем автор «Национального идеала» прозревает обновленную триединую славянскую империю:

Уставши з попелів козацької руїни,
Кликнімо до синів слов'янської родини:
Топімо ж у Дніпрі ненависть братню дику.
Спорудьмо втрьох одну Імперію велику,
І духом трьох братів освячений диктатор.
Нехай дає нам лад свободи Імператор.

В отличие от Шевченко, который ничего не знал о будущем, кроме банальной уверенности, что «буде син і буде мати», Кулиш имел совершенно определенный общественно-политический идеал, который и проповедовал в своей поэзии. Стыдно забывать о нем. И, добавлю, опасно.

Глава 27.

Чайковский-паша — троеженец и троеверец

Пограничье всегда порождает уникальных мутантов. Украина как земля окраинная, лежащая на стыке трех цивилизаций — православной, католической и мусульманской — славилась подобной человеческой «продукцией» с незапамятных времен. У нас возможно все! Российские фельдмаршалы из черниговских пастухов, как Разумовские, не участвовавшие ни в одном сражении.

Михал Чайковський

Президенты-националисты, начинавшие верными сыновьями КПСС. Советские поэты из петлюровских «подстаршин» — тот же Сосюра, например. Наконец, хрестоматийные янычары, разговаривавшие в своих казармах на украинском языке и резавшие братьев-славян во имя веры Пророка.

Но даже среди этих перерожденцев личность Михала Чайковского заслуживает отдельной главы в анналах истории. По самой распространенной версии, он родился в 1804 году на Волыни в семье польского помещика. До сих пор там есть его родовое село Гальчинцы на Житомирщине. После третьего раздела Польши в конце XVIII века эти земли отошли к Российской империи, но по этническому составу напоминали слоеный пирог. «Доброе» царское правительство сохранило там, как и на всей Правобережной Украине, польскую шляхту. Поэтому местные помещики разговаривали по-польски и мечтали о восстановлении Речи Посполитой, по крайней мере, по Днепр. О чем мечтали волынские мужики, разговаривавшие по-малороссийски и посещавшие по воскресеньям православную церковь, сложнее сказать. Наверное, о новой Колиивщине, чтобы перерезать всю эту шляхту и больше не ходить на панщину.

Оградить себя от этого народа польские помещики, естественно, не могли. Вырастая в окружении украинских крестьян, они волей-неволей усваивали простонародную речь и проникались местным фольклорным духом. Таким чудачком был дедушка Михала. Он вообразил себя современником гетмана Сагайдачного и польских королей периода величия Речи Посполитой, передел всю свою дворню на казацкий лад и с утра до вечера проводил время в попойках, охотах и танцах.

К тому же в роду Чайковских прослеживалась сильная склонность к безудержному вранью в духе барона Мюнхгаузена. Матерью Михала была Петронелла Глембоцкая — типичная польская шляхтянка, происходившая из рода, который прибыл в поисках поживы на Волынь из исконной Польши еще в XVIII веке. Никакими особенными историческими заслугами это семейство не отличалось. По сей причине они любили врать, что имеют отдаленное родство... с гетманом Иваном Брюховецким — знаменитым участником Черной Рады и джурой Богдана Хмельницкого.

Еще одной семейной легендой была басня, что один из предков Чайковских — некий Чайка — погиб при ликвидации Запорожской Сечи русскими войсками. Это была совсем уж

наглая выдумка эксцентричного дедули Михала, допившегося в своей волынской глуши до чертиков. Как известно. Сечь пала без единого выстрела. Запорожцы добровольно сдались генералу Текелию, после чего разбрелись, кто куда. Если мифический «прародитель» Чайковских запорожец Чайка и существовал, то -погибнуть он мог, только спяну утонув в днепровских плавнях вокруг Сечи.

В 1830 году поляки восстали против России. Михал Чайковский был к этому времени уже довольно большим 26-летним оболтусом, успевшим жениться, поучиться в Варшавском университете и послужить в одном из польских кавалерийских полков, входивших в русскую армию. Немногие ныне помнят, что после наполеоновских войн, в которых поляки воевали на стороне французов,

*Польская усадьба. Так выглядели родовые гнезда
мелких шляхтичей*

Польша вошла в состав Российской империи под именем Царства Польского со столицей в Варшаве. Российский император Александр I принял присягу как польский король. Польша имела отдельные законы, парламент и, самое главное, целую армию, в которой служили ветераны все тех же наполеоновских войн, в свое время участвовавшие в походе на Москву 1812 года. Видите, каким «ужасным» был российский великодержавный «деспотизм»!

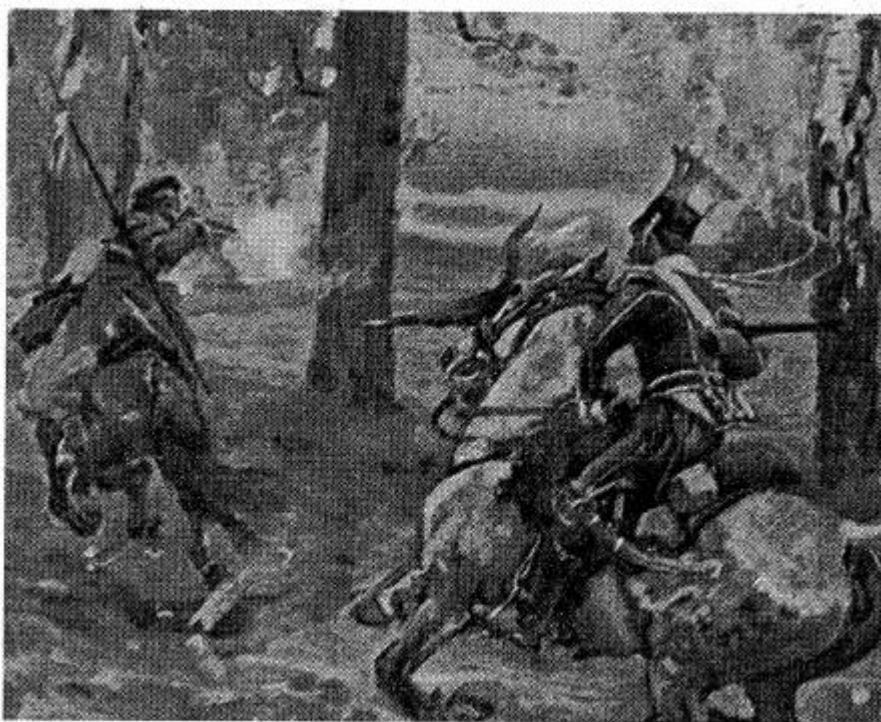
Возможно, кто-то спросит: чего же не хватало полякам, если они решили снова взяться за оружие? Свободы? Но их у нее было больше, чем у кого-либо в Российской империи! причина восстания лежала в польском империализме. Как и русские, поляки тоже имперская нация. Они тоже претендуют на особую роль среди славянских народов и до сих пор болезненно переживают то, что это первенство у них перехватила Россия.

Целью польского выступления 1830 года была полная независимость и захват Правобережной Украины. Но в военном отношении русская армия оказалась намного профессиональнее польской. Сам Михал Чайковский впоследствии в мемуарах вспоминал: «Польские офицеры утверждали, что нужно знать лишь то, что есть в воинском уставе. Хотя они не жгли других книг, но и не читали их». Русское офицерство, по его словам, «более предавалось кутежам» и «имело более светского лоска», но зато у многих русских можно было найти «сочинения по военному искусству, географические карты, планы битв, —

одним словом, все, что может содействовать умственному развитию офицера». В результате, более «начитанная» армия разбила ограниченных вояк, державшихся только своей уставной премудрости.

К тому же русскими командовал выдающийся полководец фельдмаршал Паскевич — малороссийский дворянин родом из Полтавы. В отличие от Чайковского, он был не мифическим, а самым настоящим потомком казаков, что и доказал, взяв в 1831 году штурмом Варшаву. А Чайковский сбежал в Австрию, откуда перебрался в Париж.

Там собралась огромная колония польских шляхетских эмигрантов, которых Франция, по меткому выражению Чайковского, встретила, «как остатки великой армии Наполеона». Самым известным из этой бродячей компании был поэт Адам-Мицкевич. Волынский помещик-казакофил: сдружился с ним и, возможно, не без воздействия этого более знаменитого собрата, одну за другой стал строчить исторические повести на польском языке. Сейчас эта продукция Чайковского прочно забыта. А во второй четверти XIX века он был очень популярным беллетристом. В его прозе словно ожила безудержная брехня его полупомешанного деда. Казаки, девчата, гайдамаки многочисленными бандами запрыгали в невообразимом гопаке по страницам прозаических творений эмигранта.

История навыворот. Проиграв войну, поляки любили на картинках гоняться за «трусливыми москалями»

Об исторической достоверности он не заботился. Зато брал бойкостью пера и, как сказали бы мы сейчас, страстью к фальсификациям. Именно Чайковский придумал в романе «Вернигора» убийство Иваном Гонтой своих сыновей во время Уманьской резни 1768 года. Исторический Гонта ничего подобного не совершал. Но выдумка Чайковского стала самым известным мифом, порожденным его возбужденной фантазией. Хотя сейчас никто и не помнит авторства этой литературной выдумки. Как раз из романа Чайковского позаимствовал сюжет о Гонте-сыноубийце и Тарас Шевченко, используя его в поэме «Гайдамаки».

‘ Но литературная деятельность скоро наскучила Чайковскому. Хотелось живого дела — постричь русских голов, полить русской кровушки!

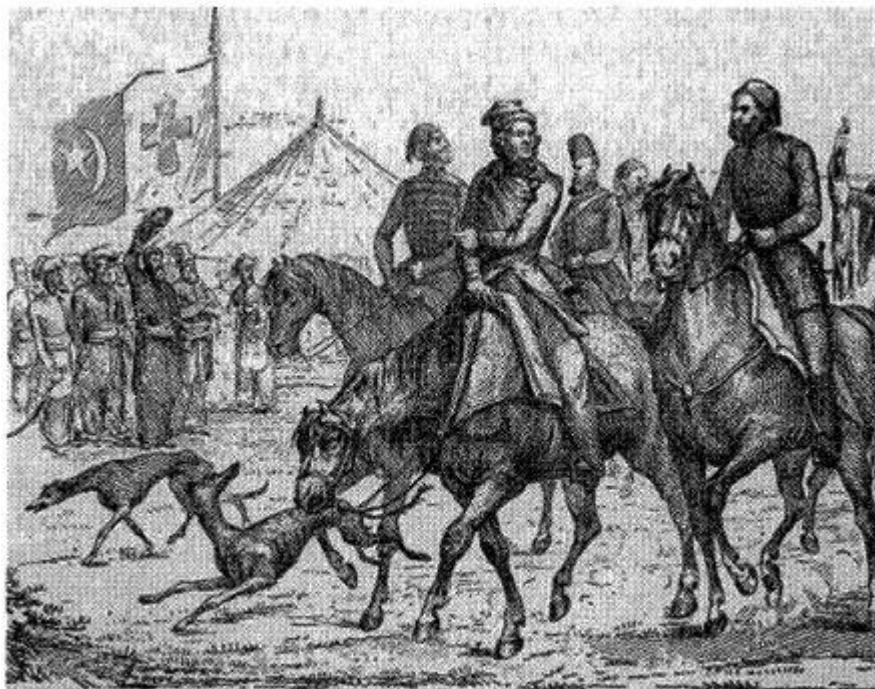
Такая возможность скоро представилась. В начале 40-х годов писатель-кавалерист по поручению своих друзей отправился в Турцию. Поляки-эмигранты, оказавшиеся без страны, которую можно было бы эксплуатировать, мечтали захватить престол Черногории. Когда эта

попытка не удалась, Михал Чайковский выдвинул новый прожект — федерация славянских народов под протекторатом Турции! Для обоснования этой завиральной идеи он даже раскопал, что по женской линии султан является отдаленным потомком королей Сербии, так как когда-то одну из сербских принцесс этим османским разбойникам удалось затащить в гарем своего предводителя.

Додуматься до такого политического прожекта могла только польская свободная мысль. Казалось бы, имели автономию в составе России. Затеяли войну. Все потеряли. А теперь были готовы выпрашивать ту же автономию у турок! Правда, для этого нужно было еще победить Россию. Ну, не идиоты ли? Конечно, идиоты — из той породы, что кинется в 1939 году с голыми саблями на немецкие танки!

Чайковский вспомнил, что где-то на Дунае еще доживают потомки запорожцев, сбежавшие в 1775 году от Екатерины II и создавшие Задунайскую Сечь под рукой высокого султанского величества. Правда, в 1828 году во время очередной войны России с Турцией большая часть этих «задунайских запорожцев» дернула назад в Россию в объятия царя-батюшки Николая I. И даже помогла ему форсировать Дунай. Тогда атаман Осип Гладкий лично правил царской лодкой, переправляющейся на турецкую сторону, за что и получил монаршескую благодарность.

Но какие-то дезертиры, как предполагал Чайковский, еще должны были прятаться в дунайских камышах, промышляя браконьерством. Из этих бродяг предприимчивый шляхтич предложил султану сформировать «православный казачий полк». Проблема была только в том, что сама Российская империя давно уже требовала выдачи беглого Чайковского как своего подданного. Чтобы избежать принудительной высылки в Россию пан Михал стал турецкоподданным, а заодно сделал обрезание, приняв ислам. Султан Абдул-Меджид, видя такую жертву, не мог не поверить в чистоту помыслов нового слуги престола. Полк он разрешил формировать.

*Поэт в поиске. Мицкевич с Чайковским едут
за холерой для классика*

Вот как описывает Чайковский в мемуарах личный состав своих «запорожцев»: «Первую и третью сотню я набирал в Стамбуле; командиром первой сотни я назначил Людовика Пиотровского, из венгерских улан, а командирам третьей сотни. — Каэтана Ходыльского-Остоя, бывшего инженера. В казачий полк поступило человек около двадцати поляков; мне дали также четырех дезертиров из русского войска, остальных надобно было

набрать из болгар, сербов, босняков и прочих славян. Ко мне приехал, с целью поступить в казаки, молодцеватый офицер русского войска, отставной гвардии поручик князь Бзеделах, родом кабардинец, и румынский дворянин Дмитрий Кречулеско. Более двадцати болгар-раз-бойников, сидевших в тюрьме, подали прошение о принятии их в мой полк, заявляя о своем желании искупить свою вину, сражаясь за султана и за Турцию».

В полку были даже конные цыгане — все, кто угодно, только не запорожцы! Зато из хранилища в Стамбуле вытащили старый флаг Задунайской Сечи: «Я устроил церемонию торжественной передачи... На двуцветном знамени, на красном поле был изображен серебряный мусульманский полумесяц, а на белом поле — золотой православный крест». Сводный цыганско-польско-сербско-болгарский полк двинулся через границу покорять Россию — в это время очень кстати разгорелась Крымская война.

Несмотря на пестрый состав своей «интербригады», Чайковский писал, что его полк «был возродившимся славным запорожским войском или войском польского короля и республики, состоявшим на службе султана, союзника Польши. Эта церемония, после которой наш полк стал пользоваться историческими правами и привилегиями бывшего запорожского войска, должна была, по моему мнению, произвести сильное впечатление на поляков и повлиять на их политические взгляды, к сожалению, этого не случилось».

И не могло случиться! Даже польские эмигранты, услышав про полк «казаков» Чайковского, крутили пальцем у виска. Давно не было на свете ни польского короля, ни польской республики. А предприятие шляхтича-атамана напоминало игру его деда в запорожцев. Только Адам Мицкевич (чего взять с поэта?) явился на зов нового «гетмана» в Турцию и тут же помер от холеры в потоках экскрементов как истинный шляхетский герой-засранец.

В Стамбуле Михал во второй раз женился. Церемония прошла по магометанскому обряду. Избранницей же авантюриста оказалась дочь ректора Виленского университета Людовика Снядецкая — польская дама, влюбившаяся в русского морского офицера Корсакова и занесенная волею судьбы в столицу Турции.

Через несколько лет после окончания Крымской войны «цыганская» армия Чайковского была распущена, успев, правда, поучаствовать в подавлении очередного болгарского восстания. Сам же полководец, имевший звание «мирь-мирь-паши», данный, как он пишет, «кошевому атаману запорожского войска при переходе его в Турцию», оказался без должности. Только с пенсией в 60 тыс. пиастров. Султан, покровительствовавший ему, умер. Надвигалась старость, половое бессилие и тоска.

Но неожиданно Для всех в 1872 году Чайковский воспрял духом, перешел в православие, вернулся в Россию и поселился в Киеве. Царское правительство даровало ему прощение и поместье Борки в Черниговской губернии. Нужно же было быть таким добряком (или дураком?), как Александр II, чтобы подарить все это человеку, целую жизнь посвятившему пакостничеству против его империи! Поговаривали, что в возвращении Чайковского основную роль сыграл посол в Константинополе граф Николай Игнатьев, который таким образом ликвидировал эмигрантские антирусские очаги за границей. Однако ч<покупка» Чайковского вряд ли относилась к выгодным сделкам — на тот момент он явно относился к категории «просроченный товар». Что-то вроде Мицкевича, только еще живое.

В России Садык-паша опубликовал огромные болтливые мемуары, которые вышли с продолжением сразу в двух журналах — «Киевской старине» и «Русской старине», и в очередной раз женился на молоденькой барышне. Но неравный брак не принес ему счастья. Жена изменяла мужу с управителем, и старый 80-летний похотливец Михал Чайковский, не вынеся пренебрежения своему обрезаемому в Турции достоинству, застрелился в ночь с 5 на 6 января 1884 года. Он точь-в-точь повторил судьбу своего соплеменника графа Яна Потоцкого — еще одного «украинофила» и автора всемирно известного и, кстати, действительно талантливого романа «Рукопись, найденная в Сарагосе». Тот покончил с собой серебряной пулей, коей убивают оборотней, чтобы они больше не возвращались на эту

землю. Воистину, «любовь» к Украине никогда не приносила полякам ожидаемых выгод! Только — все виды «обрезаний». И политические. И духовные.

Глава 28

Устим Кармалюк — последний из гайдамаков

Устим Кармалюк — украинский Робин Гуд. Но, в отличие от английского Робин Гуда, о его бурной деятельности сохранились не предания, а тысячи страниц уголовных дел с сотнями показаний свидетелей и потерпевших. Тем не менее этот человек, давно ставший мифом, так мифом и остается. Реального Кармалюка никто не знает.

Камера в Каменце. Чучелами Кармалюка и его товарищей до сих пор заманивают туристов

Хотя в советские времена его имя наряду с Зализняком и Гонтой входило в пантеон бесчисленных борцов за «волю народа», о том, как он «боролся», предпочитали не упоминать. Романы о Кармалюке выходили стотысячными тиражами. Его портрет обязательно фигурировал во всех школьных учебниках. Но о подробностях подвигов «народного месника» особенно не распространялись, ограничиваясь банальной патетикой. «Його ім'я ще за життя стало легендарним і викликало жах у панів і надію у кріпаків, — вешали авторы академической «Истории Украинской ССР» под редакцией К. К. Дубины, вышедшей в 1967 году. — У кожній селянській хаті Кармалюк знаходив притулок і друзів, готових сховати його від переслідувань. Із своїми однодумцями — селянами, до яких приєднувались солдати-втікачі, Кармалюк нападав на поміщицькі маєтки, захоплював там майно і худобу та роздавав біднякам».

Этим конкретные факты о деятельности лидера «партизанського руху», как трактовала его официальная наука, и ограничивались. Они перекочевывали из книги в книгу, дополнялись словами Тараса Шевченко, высоко оценившего покойного и назвавшего его «славным лицарем», но никакого прогресса в «кармалюковедении» ни тогда, ни сейчас не наблюдается.

*Единственный достоверный
портрет Кармалюка написал
при его жизни русский худож-
ник Тропинин*

Не станет же почтенный академик, свинарник съевший на защите диссертаций, рассказывать студентам, что лидер «партизанского руху» крал коней и волов в радиусе трехсот километров от эпицентра своего «политического движения», сбывал этот скот местным перекупщикам, державшим кабаки у проезжих дорог, и что каждый крестьянин, якобы всей душой поддерживавший Кармалюка и разделявший его взгляды, знал, что выкупать украденную у него (а не у пана!) скотину нужно у жены шинкаря Василия Добровольского в селе Ходак, которая по совместительству являлась любовницей славного атамана?-

На ярмарке. Еврей и крестьянин

Легенды легендами, а действительность куда интереснее! Уголовные дела Кармалюка насчитывают 9000 листов, написанных убористым почерком! Этот судебный роман в два раза толще, чем знаменитый «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма.

Устим Кармалюк родился в 1788 году (иногда называют еще 1787, но первая дата — правильнее) в селе Головчинцы Литинского уезда Подольской губернии — ныне Кармалюково Жмеринского района Винницкой области. Правда, в год его рождения это была еще не территория Российской империи, а захолустье Речи Посполитой.

Сельский музыкант. Рисунок 1843 г.

Однако по третьему разделу Польши Литинский уезд вместе с Головчинцами и малолетним Кармалюком достался Российской империи.

Но повседневную жизнь малой родины Кармалюка смена подданства почти не изменила. Правящим классом в Подолии остались польские помещики, торговым — местечковые евреи, а крепостными — будущие украинские крестьяне, тогда именовавшиеся просто «русинами». Российская империя не очень понимала, что делать с новоприобретенными землями, и старалась лишний раз не вмешиваться в их традиционный уклад.

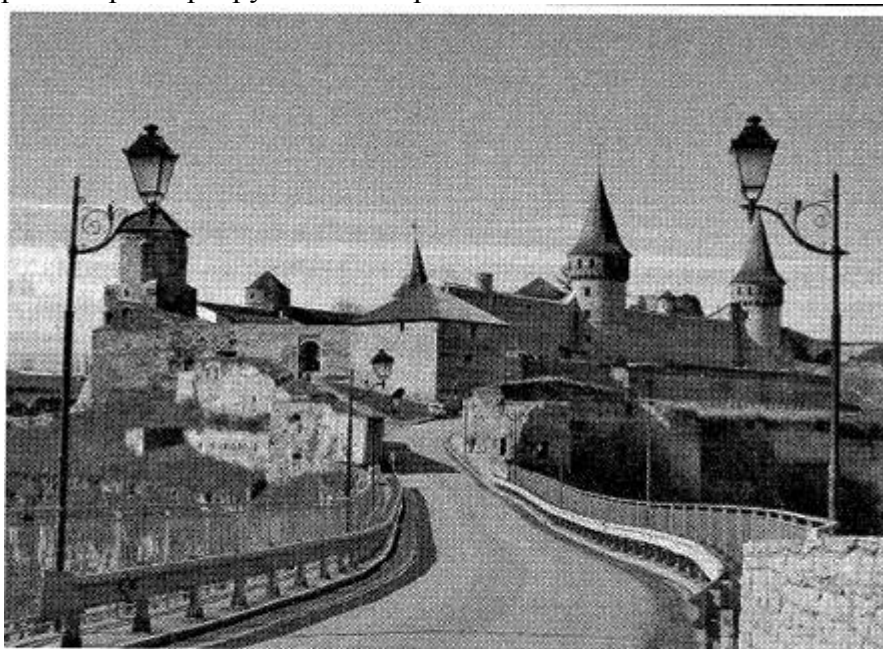
Впрочем, в переходе Подолии из «европейской» Польши в «азиатскую» Россию для будущего героя нашего рассказа был один несомненный плюс, о котором маленький Кармалюк еще не подозревал. Именно он позволит Устиму Яковлевичу в будущем терроризировать всю округу на протяжении почти четверти века. По польским законам за убийства и поджоги Кармалюка непременно бы казнили. Причем, с особым цинизмом. Европейцы-поляки любили вырезать из спин гайдамаков ремни, сажать их на кол и четвертовать, развешивая части преступных тел на перекрестках дорог. А «варварская» Россия, почему-то вопреки европейским традициям отменившая смертную казнь, могла грозить Кармалюку разве что поркой кнутом и сибирской каторгой. Конечно, кнут — тоже не самое приятное поощрение за «общественную активность», но, согласитесь, по сравнению с вырезанием ремней из спины — это что-то вроде массажа.

Явившись на свет в убогой семье, будущий ночной кошмар Подольской губернии

начал трудовую деятельность как слуга пана Пигловского. По словам наиболее информированного дореволюционного биографа Кармалюка польского историка Иосифа Ролле, именно на панской службе «будущий бандит несколько отесался, научился говорить по-польски, приобрел привычку к щегольству, сбросил с себя крестьянскую свитку и заменил ее «венгеркой», которая во всех судебных актах значится «польской чемеркой».

Иными словами, Кармалюк увидел, что кроме крестьянской бывает и другая, куда более интересная панская жизнь, ведя которую не нужно гнуть спину. Впоследствии Устим будет одеваться как мелкий польский шляхтич, а иногда даже станет выдавать себя за него.

Примерно в это же время наш герой женился на крестьянке из своей деревни, прижил с нею трех сыновей и насмерть поссорился с управляющим своего пана. Это и предопределило его дальнейшую судьбу. Устим был человеком трезвым, работающим, но очень непокорным и упрямым. По-видимому, он обладал тем редким качеством, которое мы называем «чувством собственного достоинства». Управляющий отдал его в солдаты. Случилось это в 1812 году, когда Наполеон двинулся на Россию, и империя, стремясь пополнить свою армию, провела в Подольской губернии первый рекрутский набор.

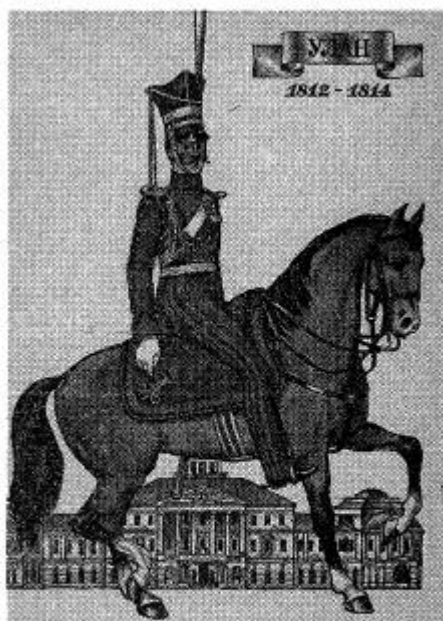

Каменец-Подольский. В начале XIX века крепость потеряла военное значение и стала местом заключения

Служба в армии была неслыханным делом для земляков Кармалюка. При Польше никто никого не брал в солдаты, так как свою армию Речь Посполитая, образно говоря, пропила и проиграла в карты. А тут вдруг приходит кто-то и заявляет, что ты обязан служить царю, если жребий пал на тебя, да еще и целых 25 лет! Правда, женатых, имевших детей крестьян обычно в рекруты не записывали — отдавали молодых и холостых. Но помещики старались сбыть в войско всех потенциальных смутьянов: если у них такой геройский нрав, пусть геройствуют за Веру, Царя и Отечество. Кармалюк и был таким потенциальным смутьяном. Чтобы «откосить» от службы, он даже выбил себе два передних зуба в нижней челюсти, чтобы не было чем патрон скусывать (бумажный патрон тогдашнего кремневого ружья перед заряданием откусывался каждым солдатом, после чего порох засыпался в ствол). Кстати, любопытно, как зубы-то выбил? Об пенек мордой лица ударился? Или попросил супругу треснуть молотком по челюсти? История эту подробность добровольного членовредительства будущего атамана не сохранила. Ясно только, что Кармалюк, стремясь избежать службы, свою почти шляхетскую физиономию несколько изуродовал. Но и это самопожертвование не помогло! Даже без двух зубов его признали годным потерять голову за Царя и Отечество. Ведь не зубами же русская армия собиралась Наполеона побеждать?

Потенциального дезертира определили в кавалерию, решив, что махать саблей может и щербатый герой. Лишь бы было чем казенную пищу жевать.

Попав в уланский полк, стоявший в Каменце-Подольском, Кармалюк встретил там опытного земляка, уже несколько раз дезертировавшего, и вместе с ним сбежал в родные края к жене и любимым деткам. Два года друзья занимались мелким воровством, сбывая краденое евреям-корчмарям. Обычно это выглядело так: ночью Кармалюк подкапывался под чей-то хлев или комору, брал все, что плохо лежало, и давал деру. Добычей его были чаще всего — поросята, гуси и прочая мелкая живность. Не брезговал бабьей юбкой, развешенным сушиться бельем, плотничьим инструментом — пилой, долотом или буравом. Мог потянуть лопату, косу, грабли — все железное стоило недешево и пользовалось спросом.

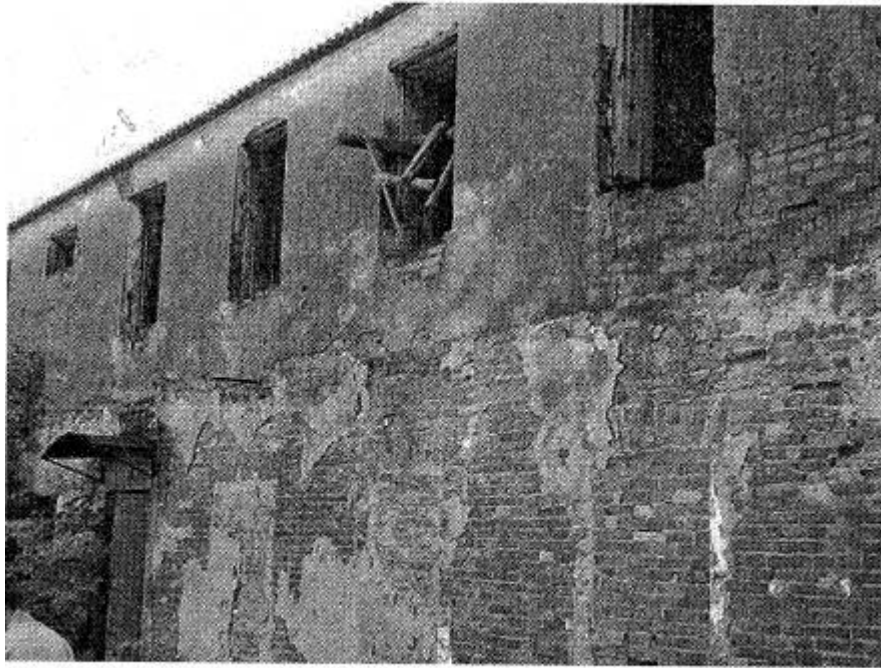

Улан. Эту красивую форму отказался носить дезертир Кармалюк

Жизненный уровень Кармалюка рос, жена в муже души не чаяла, партнеры «по бизнесу» относились к нему с уважением.

Но в 1814 году героев-воришек поймали, отвезли в Каменец, дали им по 500 ударов палкой и отправили дослуживать в батальон, стоявший в Крыму. С первого же ночлега Кармалюк сбежал. Он переделся в польскую чемерку, завел трех соратников, имена которых сохранили документы следствия, — Хроня, Ткачука и Удавова (тоже беглого солдата из Московщины, встреченного на дороге), — и первым делом поджог винокурню в родных Го-ловчинцах, принадлежавшую пану Пигловскому, чтобы отомстить ему за такую жизнь.

Если эта акция и вписывалась в схему «народного мстительства», то жертвой следующего налета «мстителей» стал уже представитель народа. Правда, зажиточный. Кармалюк и его побратимы, вооруженные копьями и ножами, напали ночью на одиноко стоявший хутор. Хозяина зверски пытали, добываясь, где тот прячет деньги, сыпали ему в сапоги раскаленные угли, а потом облили водкой и сожгли вместе с домом. Добыча — сто золотых. Но в соседней деревне увидели зарево, прибежали на огонь, и Устим снова оказался в Литинской уездной тюрьме. Там на протяжении двух с половиной лет, пока шло следствие, простой мужик прошел суровую жизненную школу, ознакомился с законами преступного мира («понятия» и воровской жаргон, происходивший от идиша — разговорного языка местных евреев — существовали уже тогда), завел полезные связи среди воров и бандитов и снова сбежал по дороге в Сибирь, где должен был отбыть 10 лет каторги.

*Литва. Первая тюрьма, противившая Кармалюка.
Его «университет»*

Вот его приметы того времени из следственного дела: «Лет 30, росту 2 аршина и 6 вершков (1 метр 68 сантиметров), лицо овальное, бритое, нос умеренный, глаза светло-голубые, волосы рыжие, недостает двух передних зубов, хорошо говорит по-русски».

Найти человека по такому описанию так же трудно, как зайца в степи. Сколько их было в Российской империи — голубоглазых, рыжих, без двух зубов, хорошо говорящих по-русски? Фотографию-то еще не изобрели! Ловили по словесному описанию. Иногда — десятилетиями. А бывало, что продолжали ловить, когда разбойник, уже мирно скончавшись где-нибудь на печи, давно оставил грешный мир, забыв уведомить об этом полицию.

Но поиск Кармалюка облегчался тем, что всякий раз из Сибири он держал путь только на родину — к семье. «Если бы не эта глупая любовь, ~ говорил он, — может быть, где-нибудь в других местах, никому не известный, я бы исправился, остановился и другую бы жизнь повел».

«Следующие два года в жизни Кармалюка были настоящей идиллией, — писал Иосиф Ролле. — Скрывается он в домах бедной «загоновой» шляхты, но всегда в окрестностях Головчинец, с женой видится по нескольку раз в неделю, помогает ей в полевых работах, нянчит детей, носит им гостинцы. Родится у него четвертый сын, отец справляет шумные крестины, соседи знатно упиваются на них. Добывает он средства мелкими кражами, к которым окрестный народ так привык, что даже не протестует...»

«Загоновая шляхта» — круг обычного общения Кармалюка — это самая низшая категория польского дворянства. Кроме двора, сабли и наследственного гонора, у таких голодранцев ничего не было. Чтобы вспахать землю, эти «аристократы» обычно нанимали крепостных у более богатых панов. Частенько и сами ходили за плугом. А иногда — даже подворовывали ночами овощи на крестьянских огородах, за что их, случалось, крепко били хозяева.

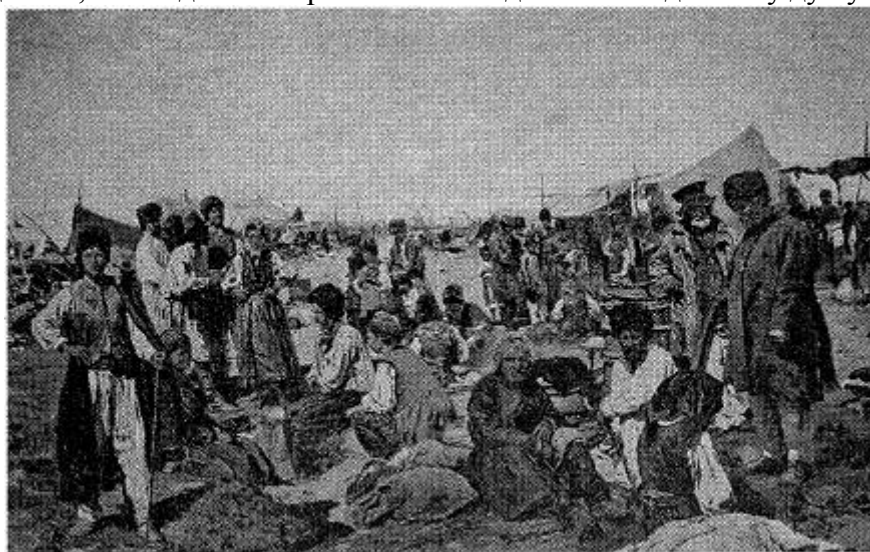
В общем, это было довольно странное общество для «руководителя партизанского движения» против польского панства. Как раз «загоновая шляхта» и составляла самый горячий элемент польских аристократических восстаний против русского правительства в 1830, и 1863 годах — помните, это те самые, что выкрикивали: «За нашу и вашу свободу!»

Идеалом этой шляхетской вольности было восстановление великой Польши по самый Днепр, а если повезет, то и от «можа до можа» — то есть от Балтики до Черного моря.

Именно эта вожделенная Речь Посполитая должна была, по мнению «загоновых» горлопанов, наделить их всех землями и «быдлом» — четвероногим (волами и лошадьми, которых так любил уводить Кармалюк) и двуногим — то есть крепостными.

Самого же Устима «загоновая шляхта» принимала как своего — происхождение его забылось, он хорошо говорил не только по-русски, но и по-польски, и многое мог рассказать, побывав в тюрьме и на каторге. Одним словом, очень интересный, милый, приятный в общении человек. А то, что ворует — так это очень по-шляхетски. Многие «загоновые Шляхтичи» сами были не прочь что-нибудь украсть. Как покажут материалы следствия после очередной поимки «партизанского вождя», как раз среди этой категории многонационального населения Подолии Кармалюк нашел множество друзей и сообщников.

В феврале 1822 года лзгчий друг «загоновой шляхты» опять пошел на «мокрое» дело. И снова его жертвой стал простой, нешляхетского происхождения, зато зажиточный хуторянин — Павел Опаловский. Его, правда, не хотели убивать, но так искололи пиками, пытаясь, где деньги, что бедолага через несколько дней сам отдал Богу душу.

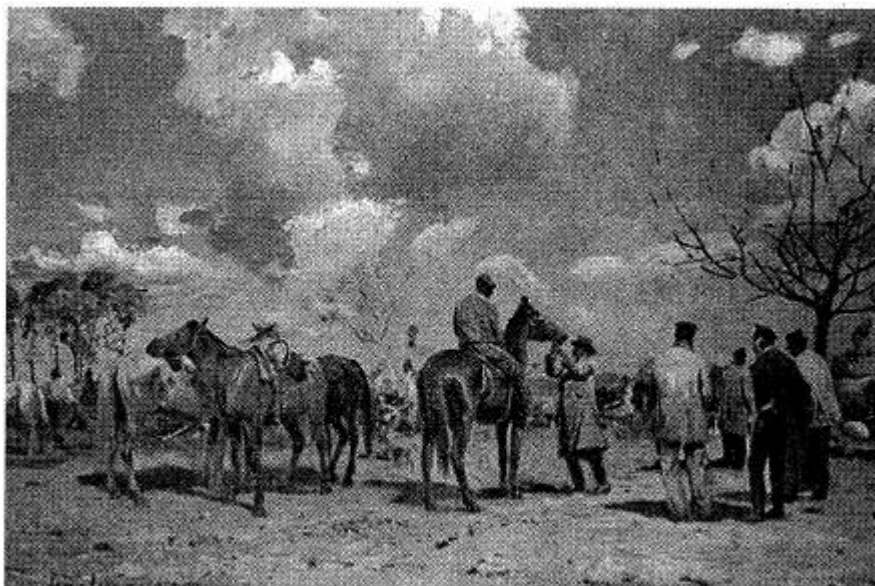
*Базар на Правобережной Украине.
Рисунок Пржезлавского. XIX век*

У Опаловского банда Кармалюка (надеюсь, никто не станет называть ее «повстанческой армией») взяла в качестве добычи 2000 золотых и четверку лошадей.

Обрадованные успехом, «кармалюковцы» накинулись после этого на хату какого-то хозяйственного мужика в селе Овсяники. Но тут их ждал жестокий облом — судьба-индейка повернулась задом. Как только разбойники по-своему обыкновению начали допрос с пристрастием, пытаясь узнать, где «касса», из дома вырвался малолетний сынишка хозяина и на всю улицу стал звать на помощь. «Рятуйте!» — раздалось в ночной тишине.

После этого «народные герои», воспетые украинской Академией наук, с такой скоростью кинулись наутек от народных же масс села Овсяники, поспешивших на помощь соседу с топорами и вилами, что впопыхах оставили даже тех четырех лошадей, которых добыли у замученного Опаловского.

По округе поползли страшные слухи. Силу банды многократно преувеличили. Хуторяне дрожали.

Конный торг на Волыни. Эта картина была написана в 1910 году, но во времена Кармалюка продажа лошадей выглядела примерно так же

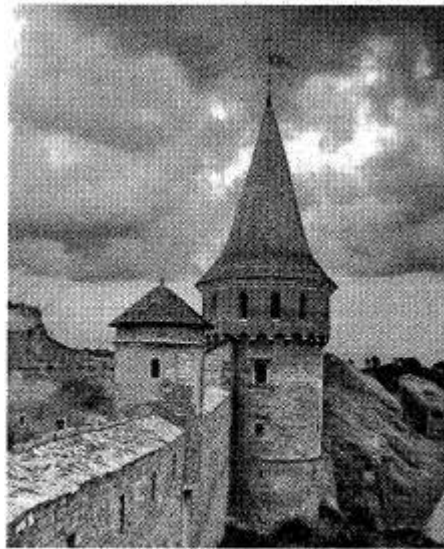
Селяне запирали на ночь двери. Каждому казалось, что в следующую ночь упыри из леса постучатся именно к нему. Все тряслось от ужаса. Кроме одного храброго польского шляхтича Островского — эконома (то есть управляющего) села Комаровцы, не принадлежавшего к «загоновым» героям.

Пан Комаровский взялся за дело очень практично. Под видом охотника с ружьем за плечами и трубкой в зубах он отправился в лес и там пробродил двое суток. Скромному подольскому «Шерлоку Холмсу» удалось не только выведать, где находится логово кармалюдовской братвы, но даже повстречаться с тремя разбойниками. Он покалякал с ними об охоте на зайца, угостил огнем из трубочки, и спокойно вернулся в свои Комаровцы. Бандиты ничего не заподозрили.

Облава на Кармалюка началась на следующий день. Шли как на охоту — 20 пеших и 15 конных. С пятью ружьями и дреколем. Причем, и паны, и крестьяне. Погоня тоже совсем не напоминала аналогичные сцены из художественных фильмов. Каждый из преследователей боялся получить в брюхо копьем от разбойника, а сами, разбойники, боясь получить пулю, поспешно удирали. Преследование продолжалось целый день, пока не пришло подкрепление в виде 40 человек с несколькими ружьями. Успех дела решил один-залип «сторонников порядка» — израненные пулями кармелюковцы попали в плен.

Предводителя торжественно приковали к возу (веревки он рвал, как медведь) и под конвоем шестидесяти человек повезли сдавать властям. Злодей весело раскланивался с попадавшимися навстречу девушками, шутил и обещал, что скоро вернется и со всеми «с лихвой» расплатится. Народ, по словам очевидцев, «отходил печальный, с крепкой верой, что разбойник сдержит слово».

В Каменец-Подольскую тюрьму Кармалюк вернулся как в родной дом. Он уже сидел тут по предыдущему делу и был, как сказали бы мы сегодня, «авторитетом». Буквально через несколько дней знаменитый разбойник подговорил нескольких сокамерников бежать. Но караул заметил беглецов и открыл стрельбу. Одна из пуль попала в помощника Кармалюка и сразила того насмерть. Сам атаман был ранен в ногу и вновь заключен в крепость.

*Крепость-тюрьма в Каменце.
Второй «дом» Устима
Кармалюка*

Через несколько месяцев (следствие на этот раз шло быстро) в феврале 1824 года душегубу дали 100 ударов кнутом на рыночной площади в Каменце, заклеямили и сослали в сибирские рудники пожизненно. По приговору суда он должен был просто сгнить на каторге.

Но не таков был Устим Кармалюк, чтобы покориться судьбе. В Тобольск по этапу он добирался около года. По дороге часто «болел». Тогда его оставляли в этапных острогах до выздоровления. Однако сбежать не удалось, и в начале следующего 1825 года, памятного историкам восстанием декабристов, Сибирь раскрыла Кармалюку гостеприимные объятия.

Но каторга каторге рознь. В Тобольске с бывшего предводителя шайки сняли кандалы и направили в Ялуторовск на винокурный завод. Это было место, о котором может только мечтать любой закоренелый уголовник — не заслуженная кара, а сивушный рай. Администрация полюбила Кармалюка. Он работал добросовестно, всем видом показывая желание исправиться. Повторяю, это был человек с замечательными артистическими способностями! Если бы вы не знали, кто перед вами, то никогда бы даже не подумали, что этот стройный светловолосый молодчага благообразной наружности мог кого-то убивать, жечь и пытать, насыпая ему в сапоги раскаленные угли из печки.

Через три месяца, залечив ноги, натертые на этапе кандалами, Кармалюк снова сбежал, обманув администрацию в ее лучших чувствах. Снова был пойман и водворен на медеплавильный завод. Это была уже настоящая каторга. И, скорее, даже не каторга, а предбанник у входа в вечность. От медных паров на таком производстве каторжане рвали кровью и долго не заживались. При виде этой вдохновляющей картины полного перевоспитания преступного элемента Кармалюк снова воспрял духом — бежать нужно было немедленно, пока позволяло здоровье. Через неделю он так и сделал.

На сей раз побег полностью удался. Ноги сами несли на Украину — в край веселых девчат и зажиточных «куркулей», которых так приятно грабить. В мае 1826 года Кармалюк был уже в Киеве, украл тут пару крестьянских лошадей на базаре у какого-то чумака, по обыкновению купил тот наряд, который носила любимая им «загоновая шляхта» и под видом мирного чумака из Одессы вернулся в родные края.

Тут Устима ждала еще одна приятная новость. В России сменился царь. Вместо умершего Александра I на пост самодержца заступил его младший брат Николай. По случаю восшествия на престол и на радостях от подавления дворянской «революции» декабристов Николай объявил амнистию обычным «неполитическим» преступникам. Толпы уголовничков потянулись к местам былых криминальных подвигов. Так Кармалюк встретил в Подолии многих своих знакомцев по тюрьме и каторге.

Как раз в это благословенное время главным «бизнес-партнером» народного героя стал «бывший еврей», а теперь «честный христианин» Василий Добровольский. В своем обширном очерке о Кармалюке и его соратниках Иосиф Ролле называет Добровольского «выкрестом, сидевшим когда-то в тюрьме, неисправимым вором, теперь же арендатором трактовой корчмы под лесом на полях села Ходак».

Молодая и аппетитная жена Добровольского очень понравилась Кармалюку, соскучившемуся на каторжных винокурнях по женской ласке, и ответила ему взаимностью. Муж отнесся к этому с глубоким пониманием. Высокие экономические интересы были для него важнее низких сексуальных чувств. Сложился идеальный амур-де-труа с разумным разделением труда: Кармалюк грабил, жена корчмаря принимала награбленное, а ее официальный супруг сбывал.

Толкучий рынок на Подолии. Литография 1840-х годов

Об этих высоких отношениях хорошо информированный местный народ даже сложил песню:

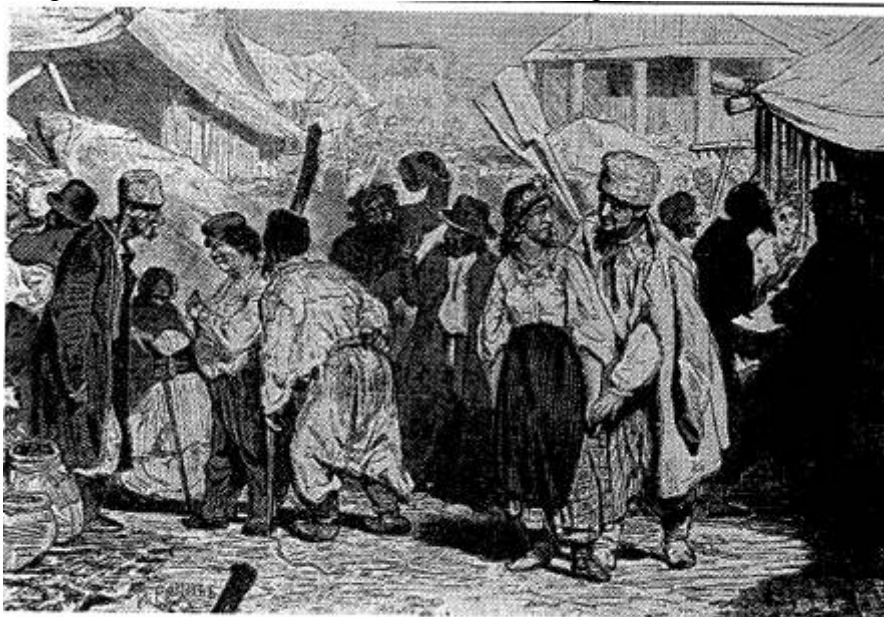
- Ходив Кармалюк до молодиці,
Носив червінців повні саквиці...

Саквицы — это «саквы», то есть мешки.

Не могу не удержаться, чтобы снова не процитировать Иосифа Ролле, описавшего этот этап карьеры Кармалюка следующими словами: «Сельская полиция, видя, что против течения плыть трудно, решила довольствоваться скромными данями, жертвуемыми ей великодушным разбойником, сидела скромно, сама даже предупреждала его об опасности. А Добровольская, простая шинкарочка шляховая, жена выкреста, служит предметом оваций! Крестьянин везде ее встречает с почтением, водку у нее пьет и хорошо за нее платит; а когда у него украдут скот, спешит к возлюбленной разбойника, преподносит ей подарки вещами и деньгами и при посредничестве всемогущей женщины старается возратить пропавшее. Покорностью многие достигали цели, поэтому сборища в ходакской корчме были большие; напротив, каждый, кто миновал эту инстанцию и обращался к полиции, должен был потом дрожать за свою будущность, потому что мог быть снова ограблен, побит, а иногда и живьем сожжен!»

Как это похоже на бандитские 90-е, когда криминальные авторитеты стали самыми уважаемыми в обществе людьми! Напрасно моралисты возмущаются популярностью сериала «Бригада». Он — о жизни! Кармалюк создал точно такую же систему — местная

полиция куплена, народ обложен данью, а кто не согласен — тому поджарим пятки! Не исключая, что он их утюгом и поджаривал — только не электрическим, а на углях. Жил бы в наше время — на «Мерседесе» бы разъезжал и (кто знает?) даже стал бы членом парламента и основателем благотворительного фонда — скажем, «Украина — сиротам!». Сначала наделает сирот, а потом... «помогает» им. Благотворитель!

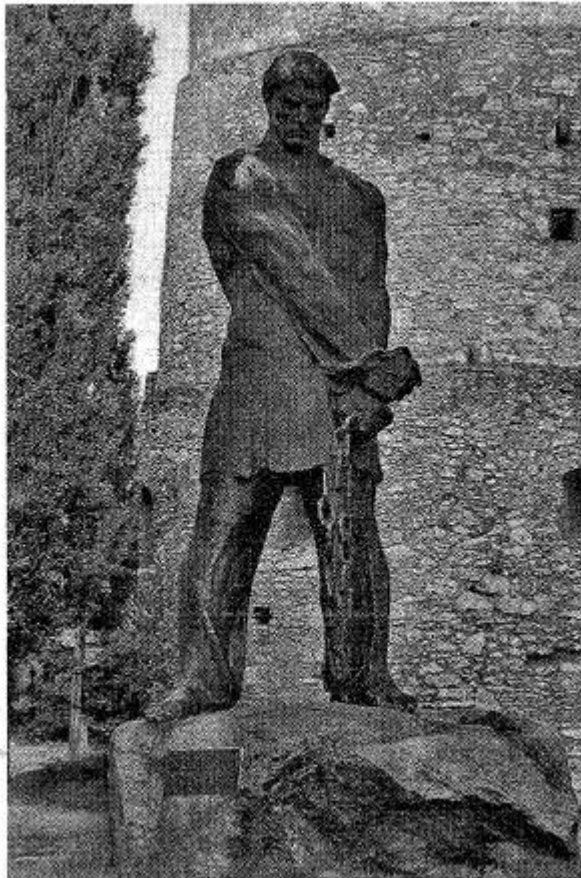

Украинская ярмарка. Гравюра по рисунку Ильи Репина

Материалы следствия свидетельствуют: за полгода в окрестностях Бара, где промышлял Кармалкж, было украдено 2000 волов и 1400 лошадей, не считая домашних вещей и одежды. Корчмари охотно все это покупали по дешевке, а потом перепродавали, пользуясь своими связями. Лисью шубу у разбойников они принимали по 4 злотых, коня — по 2 рубля. А за вола, особенно необходимого в крестьянском хозяйстве (вол — это тогдашний «трактор»), давали грабителям 10 злотых.

Для сравнения, минимальный оклад армейского капитана в то время составлял 200 рублей в год. По ценам приема награбленного у кармалюковской братвы этот не самого высокого чина офицер мог обменять свое жалованье сразу на 100 лошадей. В наши дни самая недорогая лошадь стоит 3000-5000 долларов. Умножьте эту сумму на 1 400 украденных за полгода конских голов, и вы поймете объемы оборотов, которыми оперировала шайка Кармалюка в содружестве с подольскими евреями-корчмарями. В современных деньгах через руки Устима Яковлевича проходили миллионы! Вполне хватило бы и на «Мерседес», и на окруженный высоким забором особняк.

Кармалюк разъезжал по малой родине в шикарном экипаже, запряженном четверкой лошадей, в сопровождении лакея и кучера. Сам он был в лисьей шубе, слуги — при оружии, как было заведено у панов. Именно в таком виде однажды разбойника обложили на хате у его знакомого Ивана Литвинюка в селе Думенка под Баром. Местные жители, еще не подмятые кармалюковской «мафией», кинулись к дому с вилами. «Пан» в лисьей шубе положил первого же из нападавших выстрелом из ружья наповал, гордо изрек: «Я — Кармалюк!» и, пройдя через расступившуюся толпу, сел в сани и уехал.

На памятнике Кармалюк непокоренный. Но в реальности он и цепи рвал, и своих бывших соратников сдавал

На кармалюковцев устроили облаву. Несколько мелких злодеев поймали. Но сам предводитель вынужден был после такого «наезда» со стороны властей перенести деятельность в Литинский уезд. Там он попытался отомстить своему-старому врагу Островскому, выследившему и поймавшему его в 1823 году. Кармалюк совершил налет на дом Островского в селе Комаровцы. Но тот с семьей был в отъезде — пытать и жарить оказалось некого. Раздосадованным разбойникам достались только домашние, вещи небогатого шляхтича и кое-какие деньги — всего добра, включая и «позаимствованную» одежду, на сумму около 1000 злотых.

К этому времени относится и несколько налетов Кармалюка на панские усадьбы. Банда увеличилась в количестве и чувствовала себя способной на «большие дела». Разбойники зарезали арендаторов в селах Гута и Гришки. Последнего долго мучили, пытаясь, где деньги. Это испортило отношение Кармалюка с местной шляхтой. Негласный договор: я граблю крестьян, но не трогаю панов, был нарушен. Кармалюк понимал, что губернские власти все рано будут его ловить, и хотел пожить вволю.

Пострадавшее польское дворянство, еще не утратившее инстинкт самосохранения, объявило «посполитое рушение» в одной отдельно взятой губернии. Зарезав арендаторов двух сел, Кармалюк стал, как сказали бы в наши времена, «беспредельщиком». Отморозка следовало изловить и уничтожить. Но некоторые подпанки с уголовными наклонностями наоборот сочувствовали ему. Особенно часто Устим любил отлеживаться и выпивать в гостях у шляхтича Ольшевского. На этой «малине» его в очередной раз и накрыли.

Совершил сей подвиг пан Феликс Янчевский из Кальной-Деражни. Он был ветераном двух армий (польской и русской) и за любовь произносить к месту и не к месту публичные речи получил кличку «Демосфен», кроме длинного языка златоуст имел еще и долгие руки с пудовыми кулаками. Янчевский пообещал лично поймать разбойника, а тот в ответ посулил подвесить храброго пана то ли за язык, то ли вообще за то место, которым делают и панов, и

мужиков, и прокоптить как колбасу.

Тем не менее победил силач-оратор. Вместе с двумя приятелями и дюжиной крестьян отставной кавалерист нагрянул в дом Ольшевского и после жаркой рукопашной схватки скрутил Кармалюка и его сообщников — Василия Добровольского и Илька Скотинчука. Атаман пенился и кричал, что снова вырвется из Сибири, только чтобы отомстить Демосфену. «Мои хлопцы не украли у тебя ничего! — кричал разбойник. — А ты на Кармалюка нападаешь. Разве что сдохнешь, старый пес, только тогда не выселелсу тебя!»

Под конвоем Кармалюка отвезли в Летичевскую уездную тюрьму. Потом перевели в Литинскую. Это — по соседству. На допросах он заговорил и начал выдавать следствию сообщников и перекупщиков краденного. Не будем наивными — в полиции Российской империи еще были специалисты, умевшие «разговорить» любого «героя» несмотря на то, что официально пыток, как и сегодня, не существовало. Чаще всего подследственному просто не давали пить несколько дней, предварительно угостив соленьким. Впрочем, ждать трое суток было не нужно. Обычно уже наутро самый закоренелый злодей просто не мог сдержать жажду поделиться со следствием воспоминаниями о своих похождениях.

Но нашего преступного гения пытали не жаждой. Кармалюку показали чистосердечные признания его сообщников и пообещали снять с него железный ошейник и устроить свидание с любовницей Магдаленой Добровольской, сидевшей в женском отделении, если он подтвердит то, что уже и так было известно полиции. Атаман подтвердил. Ошейник не сняли. Свидания не разрешили. За такое «кидалово» Устим устроил бунт в тюрьме. Невиданное дело! — он порвал ошейник и кандалы, вооружился ими и стал вызывать на бой тюремщиков. Бунт поддержали только Скотинчук и муж любовницы — Василий Добровольский. Остальные заключенные в ужасе забились по углам. Три дня, забаррикадовавшись, Кармалюк с двумя «побратимами» сидел в отдельной камере, потом оголодал, обессилил без воды и сдался в плен охране вместе с цепями.

Официально Подольская губерния в это время входила в Царство Польское — автономное государство в составе Российской империи. От имени царя им правил его брат — великий князь Константин. Он требовал еженедельно докладывать ему в Варшаву о деле Кармалюка. А дело разрасталось. По нему проходили 250 человек, участвовавших в грабежах, полтысячи посредников-перекупщиков и около тысячи свидетелей. Конечно, это не «партизанская» армия, но действительно огромное по меркам всего одной губернии преступное сообщество. Целая подольская мафия!

Наместник Польши великий князь Константин требовал еженедельно докладывать ему в Варшаву о деле Кармалюка

Приговор, вынесенный в 1828 году, был таков: Кармалюку — 100 ударов кнутом, Скотинчуку и Добровольскому — по 50 ударов, Добровольской — 25. И всем — пожизненная каторга. Сто восемьдесят менее виновных отдали в солдаты или сослали в Сибирь, а всякую мелочь — просто выпороли, в том числе и шляхтича Ольшевского, на «хате» у которого поймали Кармалюка.

Супруги Добровольские и Илько Скотинчук так и осели в Сибири. Может, и до сих пор есть там их потомки, а кости так наверняка, но Кармалюк снова сбежал, проявив свою обычную энергичную напористость.

В 1830 году на так называемом «черном шляху» появился новый разбойник. Убийств пока не было, но скот исчезал с такой скоростью и в таких количествах, словно его уносила нечистая сила — за два летних месяца пропало 970 волов и 700 лошадей. По округе понеслось: «Кармалюк вернулся!» Дом Демосфена-Янчёвского сразу же превратился в крепость. В его усадьбе разместилась даже команда солдат.

Еще в XIX веке подсчитали, что Кармалюк набегал из Сибири без всяких поездов (их еще не было) целых 15000 верст! Это был выдающийся марафонец. Кроме того, за 42 года жизни шпицрутенов он получил свыше 4000, а ударов кнутом — больше 200. Но Устим Яковлевич снова был в прекрасной форме и горел жаждой противоправной деятельности.

Однако и этого «супермена» победили высшие силы, принявшие на этот раз образ низших организмов в виде холерной палочки. В том же году, как Кармалюк снова явился из Сибири в родные края, по всей Европе от Парижа до Петербурга прокатилась эпидемия холеры. Это был не выдуманный пиарщиками фармацевтических фирм «куриный «грипп», а самая настоящая непобедимая вражина.

Она победила не только Кармалюка, но и его далекого врага великого князя Константина, умершего от эпидемии точно так же, как десятки тысяч простых людей. Плавало в испражнениях героическое русское воинство, подавляя польское восстание, начавшееся в том году. И в той лее вонючей жиже тонула в красивых мундирах с эполетами не менее героическая армия восставшего Царства Польского. Внимательно изучала по утрам свои экскременты российская полиция. Умирали от жестокого поноса гордые паны и забитые мужики. Иудеи, католики и православные одинаково молили Бога о спасении.

Холера остановила всякую экономическую деятельность не только в Подольской губернии, но и во всем мире. Никого больше не интересовали краденые вещи. Система сбыта угнанных бычков, которую снова стал налаживать Кармалюк, рухнула в одночасье.

Пять последующих лет стали временем медленного угасания знаменитого атамана. Ему даже приходилось ночевать в обычных сараях. Он снова крал по мелочам, как в молодости, заглядывал в окна хат и усадеб, выискивая, чего бы стащить, сидел в тюрьме, бегал, но уже без прежнего блеска. Это был то ли Кармалюк, то ли бледная тень Кармалюка.

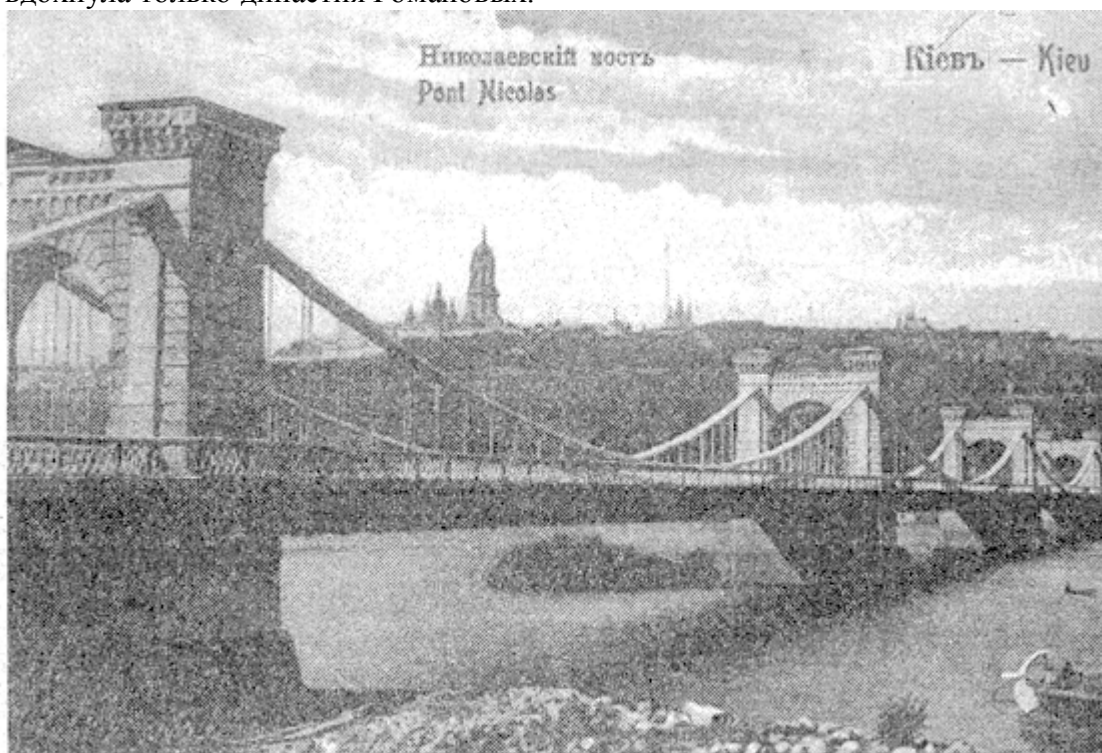
Когда он уже окончательно всем осточертел, его выследили в селе Карачинцы и застрелили на хате у любовницы — очередной чужой жены. Почуввав неладное, Кармалюк вышел в сени, столкнулся со шляхтичем Рудковским и тут же получил пулю в висок, труп опознали. Покойный был в кожухе, польской чемерке, высоких сапогах, имел при себе кисет с табаком, мешочек с пуговицами, ножницы, носовой платок, два пистолета, кинжал и пику. «Лицо овальное, выбритое, подстриженные усы, светлые волосы, зачесанные по-шляхетски, с пробором сбоку, орлиный нос, чело высокое — на нем два следа клейма, на плечах и спине следы рубцов от кнутов, в нижней челюсти недоставало двух передних зубов», — гласило полицейское заключение.

Почему же он остался в народной памяти? Да ведь это и есть подлинный, а не придуманный народный идеал — ничего не делать, грабить, есть, пить, гулять и хорошо одеваться. А еще — чтоб бабы любили. Для большинства представителей так называемого народа этот образ так и остается недостижимым идеалом. Воплощать его в жизнь страшно, так как расплата — каторга и пуля. Но Кармалюк преодолел инстинкт самосохранения и последовательно жил, грабил и убивал согласно вековечной народной мечте. А то, что чаще всего он грабил народ, забылось. В памяти остались только убийства и поджоги нескольких

панов. Да и грабил-то Кармалюк только тех выходцев из народа, которые хоть чуть-чуть выбились в люди, сумев что-то заработать или скопить. А кого у нас больше всего ненавидят? Рокфеллера? Ротшильда? Нет! Более удачливого соседа. Зависть к нему особенно понятна. Эта зависть к ближнему и надула воздушный пузырь мифа о Кармалюке. Верхом на знаменитой украинской жабе и ускакал Устим в вечность.

Глава 29. Императорский Киев

Киев после разгрома ханом Батыем в 1240 году и до самого присоединения к России в середине XVII века даже сложно назвать городом в современном значении. В нем насчитывалось всего 10-12 тысяч жителей. Старый княжеский Киев от нынешней Львовской площади и до Михайловского златоверхого монастыря совсем запустел. Тут красовались только руины, единственными «киевлянами» в которых были бродячие собаки. Люди жили только на Подоле. А Киево-Печерская лавра вообще не считалась частью города. С Подола по разбитым лесным тропам туда ехали целый день! Новую жизнь в стольный град Ярослава Мудрого вдохнула только династия Романовых.

Николаевский цепной мост, ставший первым в городе «постоянным», построил в 1853 году английский инженер Чарльз де Виньоля

Роман нашего города с царской властью начался 26 июля 1654 года, когда «царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя России самодержец» утвердил первого, киевского голову — по-тогдашнему войта — Богдана Сомковича в своей должности. Управлял этот предшественник нынешних меров совсем уж крошечной территорией — частью нынешнего Подола от улицы Нижний Бал до Почтовой площади, где никакой почты не было, а имелись только крытые очеретом мазанки самых бедных городских пролетариев. Тем не менее этот народ обладал большим чувством собственного достоинства. Уже в XIX веке, когда оборонительный Нижний вал снесут, а его ров станет называться Канавой, амбициозные подольские барышни не захотят встречаться с «джентльменами» с другой ее стороны. Помните, как в фильме «За двумя зайцами»

Голохвастов скрывал то, что он «цирюльник из-за Канавы»! Вот именно по этой причине!

Стрельцы. 1674 год

Но в XVII веке вонючая Канавка не только процветала, но и считалась частью городских укреплений, прикрывавших Подол с севера. За оборону этого зловонного городского рубежа, украшенного поверх вала щербатым частоколом, отвечали сами горожане. А гарнизон русских ратных людей, появившихся в Киеве сразу же после Переяславского договора, занял часть пустующего Верхнего города. Они разбили свои слободы на той территории, где теперь находятся улицы Стрелецкая и Рейтерская. Так их назвали в честь пешего стрелецкого и конного рейтарского полков, расквартированных тут. Но чтобы погулять и выпить, солдатам приходилось спускаться на Подол. Только там были корчмы и шинки. А на Андреевском спуске из-за близости к служивым появились публичные дома. Прямо в одноэтажных мазанках под соломенными крышами, составлявшими все архитектурное украшение этой типично сельской на тот исторический момент, еще не воспетой Булгаковым улочки. Заведения разврата располагались тут до самой середины XIX столетия, когда Киев снова стал разрастаться, а проститутки были вынуждены переехать на далекую новую окраину — Ямскую улицу возле Байкового кладбища, как бы желая символически намекнуть на скоротечность земных усад.

Стрельцы и рейтары сразу оживили экономическую жизнь города. Они получали царское жалование из московской казны. За право их спаивать шла целая юридическая война между горожанами и казаками Киевской сотни. Гнать водку в городе имели привилегию только киевские мещане. Но предприимчивые казачки сами производили неплохую сивуху, демпингуя своим продуктом. Мещане постоянно жаловались на казаков-самогонщиков гетманской власти. Эта проблема беспокоила их даже перед Полтавской битвой. В 1709 году гетман Иван Скоропадский после жалобы Киевского магистрата (то есть мэрии) строго запретил киевским казакам «шинковать горелкой». Но те продолжали упорно предаваться своему отнюдь не воинскому ремеслу, и наследникам Скоропадского приходилось снова и снова преследовать самогонщиков.

Следующий толчок развитию Киева дал Петр Первый. Он первым из русских царей посетил Киев лично и прожил тут довольно долго — с 18 июля по 30 августа 1706 года. Наверное, понравилось. Жил царь на Подоле в домике, сохранившемся до сих пор неподалеку от

Контрактной площади. В перерывах между пьянством и сексуальными подвигами он успел спроектировать Старую Печерскую крепость и женить своего фаворита Меньшикова. Это была самая знаменитая свадьба со времен киевских князей, В избранницы Меньшикову

досталась Дарья Арсеньева — подруга будущей жены Петра — трофейной прачки Екатерины, которую победоносные русские войска угнали у шведов. Кстати, царь тоже прихватил ее с собой в Киев. Поэтому можно считать, что она стала первой императрицей, побывавшей в матери городов русских.

Присматривать за строительством киевской крепости на Печерске Петр I назначил гетмана Мазепу, Тот строил плохо, постоянно отлынивал от своих обязанностей и просился домой в Батурин, В конце концов, его отпустили. Никаких мыслей о переходе к шведам у Мазепы на тот момент еще не было. Он даже пытался сосватать сестру Меньшикова за своего племянника, но получил отказ.

В Киеве с Петром Великим во время посещения Лавры произошел инцидент, который был истолкован присутствующими как предзнаменование победы над шведами. На встрече с архимандритом царь смахнул локтем с подноса бокал с вином. Но один из монахов тут же нашелся: «Так, государь, сокрушатся силы супостатов твоих!» «Дай Бог, чтобы пророчество твое сбылось», — ответил Петр.

Императрица Екатерина II посетила Киев в 1787 году во время путешествия по югу Российской империи. Город ей не понравился. Собственно говоря, его тогда еще и не было. В письме из Киева Екатерина с сарказмом заметила: «Странен здешний город. Он весь состоит из укреплений да из предместий. А самого города до сих пор не могу доискаться. Между тем, по всей вероятности, в старину он был, по крайней мере, с Москву». В отличие от Петра Екатерина II любила роскошь — ее уничижительная характеристика киевских прелестей вполне объяснима. А ее придворные испытывали в Киеве проблемы с квартирами и продуктами. «Они с трудом могут продовольствоваться в мерзейших клетушках, — продолжала царица и подытожила, — город отвратителен». Но все это не помешало 58-летней государыне поразвлечься с молодым любовником Мамоновым, а заодно и разговесться на Пасху, замаливая житейские грехи.

Возможно, кому-то приговор императрицы покажется жестоким. Но ее сложно обвинить в предвзятости, у высшей государственной власти, обеспокоенной войнами с турками и шведами, до благоустройства Киева не доходили руки. А сами местные жители о красоте своего города не очень заботились.

До середины XIX века Крещатик считался не столько улицей, сколько охотничьим угодем. «Он был не что иное, как изрытый ров, по которому ночью опасно было проезжать», — вспоминал мемуарист Иосиф Санчевский. Другой его современник Стогов в письме историку Семевскому рассказывал: «Был у нас председателем уголовной палаты Иван Наумович Подолинский (отец поэта Подолинского). Если вы были в Киеве, то знаете Крещатик, представьте себе, Иван Наумович каждую субботу охотится на уток в непроходимых камышах Крещатика».

Улицы Прорезной, спускающейся с холма на главную магистраль города, еще не существовало. А внизу нынешнего Шевченковского бульвара, тоже еще не разбитого, находилось... лютеранское кладбище. Сегодняшний Майдан Незалежности был самым обычным пустырем рядом с Козьим болотом, покрытым тиной и осокой. Тут еще сохранялись остатки плотины и водяной мельницы. Одним словом, окраина! Если бы тогда тут кто-то захотел протестовать, разбив палатки, то все было бы похоже на загородный пикничок.

Но именно эта первобытная дикая красота приглянулась знаменитому украинскому поэту Тарасу Шевченко. В Козьеболотском переулке рядом с утками и лягушками находился его самый известный киевский адрес. Теперь он носит гордое имя своего обитателя — переулок Шевченко. Там же расположен и филиал музея Тараса — крытый, железом домик с мемориальной доской. Но, как считают исследователи, домик — фальшивка. Его отстроила к юбилею Шевченко советская власть в 20-х годах прошлого столетия. А тот «коттедж», в котором Великий Кобзарь любил валяться в одной рубашке, спасаясь от жары и прислушиваясь к своей пьяной музе, не сохранился.

Покончить с безотрадной картиной Киева, где поэты валялись на Козьих болотах,

решил император Николай I. У этого царя почему-то плохая репутация. Наши историки его ненавидят лютой ненавистью. Хотя ничего плохого он не совершил. Украинский язык не запрещал, сепаратистов не поощрял, очень дружил с Западом и даже был членом Священного союза — прообраза нынешнего НАТО.

Император Николай I

Кроме того именно он, если быть честным, и построил современный Киев, превратив из хутора в настоящий город. Как профессиональный инженер Николай I взялся за дело рьяно. У него уже были две столицы — Петербург и Москва. Захотелось третью — на юге. Поэтому царь составил обширнейший план развития Киева, который числился официально «стольным градом», хоть и напоминал разросшееся село. За время правления императора в городе появился университет, Институт благородных девиц и огромная Новая Печерская крепость, заменившая мазепин недоделок. Частью этой крепости являются нынешний военный госпиталь и знаменитый Косой капонир, уцелевшие до сих пор.

Первый стационарный мост через Днепр и первый бульвар (Бибиковский, теперь переименованный в шевченковский) — тоже детища Николая I. А ещё Александровская гимназия, где учились Паустовский, Булгаков и Луначарский.

Кроме того император спас от уничтожения Аскольдову могилу. Ее планировали срыть в связи со строительством спуска из Верхнего города на Подол. Но Николай I распорядился сохранить приглянувшуюся ему церквушку, проведя шоссе немножко выше, к тому же царю не хотелось разорять расположенное на Аскольдовой могиле кладбище — он считал, что тревожить прах покойников — нехорошо.

Всего государь император Николай Павлович умудрился посетить Киев 15 раз, лично наблюдая за производимыми работами. Ни до, ни после него ни один правитель Российской империи и Советского Союза не бывал так часто в нашем городе. Тем не менее киевские власти предпочитают не вспоминать об этом, а после революции 1917 года статую Николая I даже убрали из сквера напротив университета, хотя она была намного более художественно ценной, чем находящийся там сейчас угрюмый памятник Шевченко.

Плевать в имперское прошлое у нас умеют. Долгое время в Национальном музее истории на втором этаже висел офицерский сюртук и кавалерийская шинель. Ничего более подробного узнать о них было нельзя. Пока однажды я не разнюхал, что шинель не простая, а принадлежавшая Александру I. Точно так же и мундир оказался одного из великих князей. А в запасниках музея имелись ботфорты Павла I, гольштинские шапки гренадеров Петра III,

детская гусарская форма одного из маленьких членов императорской фамилии и еще уйма замечательных царских вещей XVIII-XIX веков!

Все они попали в Киев после Великой Отечественной войны из ленинградских музеев для укрепления изрядно поредевшей за годы оккупации экспозиции. Но показывать их народу не стали! И не показывают до сих пор! А вдруг кому-то придет в голову, что императоры не только угнетали народ, но и сделали немало хорошего — например, изгнали Турцию аж за море, предоставив возможность Украине и Киеву развиваться в мире. Ведь за весь XIX век на нашу землю не ступала нога ни одного неприятельского солдата. Так почему бы не вернуть Киеву память о блистательных временах, когда из запущенного при польском владычестве городишки он превратился в один из стольных градов Российской империи? Давно пора!

Глава 30 . Отеческие методы однорукого губернатора

Да простят мне ныне живущие владыки «матери городов русских», но ни один из них не сравнится с киевским генерал-губернатором середины XIX века Дмитрием Бибиковым.

Чем, например, запомнится недавний городской голова Александр Омельченко? Разве что умением стоять на голове! Прочие же достижения мэра-акробата — весьма сомнительны. Майдан Незалежности на Козьем болоте когда-нибудь обязательно перестроят, а «баба с шашлыком» на очередном зигзаге истории обязательно слетит со своего поста и отправится в ад архитектурных уродов — туда, где жарятся сейчас Ленин и революционные солдатики, торчавшие до нее на том же месте.

Не больше шансов уцелеть в исторической памяти и у Леонида Черновецкого. Очень скоро его будут вспоминать только гурманы от киевоведения да еще бомжи, которых он бесплатно угощал гуманитарной сосиской. А Салия и Косакивского плохо помнят уже сейчас. Молодое поколение киевлян, бьюсь об заклад, не сможет назвать их градостроительных свершений и бюрократических подвигов. Как говорили древние римляне, так проходит мирская слава!

Дмитрий Бибииков

Но Бибикова эта поговорка не касается. Во-первых, ему удалось поразить воображение Тараса Шевченко, назвавшего его однажды «капралом безруким». Во-вторых, именно при Бибикове центр Киева стал таким, как мы его знаем Университет, бульвар Шевченко, до революции носивший название Бибиковского, Арсенал, который теперь то пытаются превратить в «мыстецкий», то почему-то поджигают и тушат — все это детища нашего героя. И, наконец, просто как личность он был вне всякой конкуренции, другого такого колоритного губернатора в нашем городе никогда не было и, уверен, в ближайшем будущем не предвидится. Воспоминания, посвященные выходкам этого царского «сатрапа», можно

насчитывать десятками!

«Ни одно имя главного начальника края, писал в 1882 году журнал «Киевская старина», не пользовалось такою популярностью, как имя Дмитрия Гавриловича; о нем толковали по-своему простые мещане и даже крестьяне, и всюду был известен генерал об одной руке. Доброе по природе сердце его удерживало его в пределах справедливости, но перевесивавшая сила воли влекла его нередко к мерам крайним, а изобретательный ум давал им такие оригинальные формы, которые усугубляли налагаемое на виновных наказание и приводили их в страх и трепет. Он был враг всяких полумер».

Бибиков стал киевским генерал-губернатором в 1837 году. Если бы мы мысленно перенеслись в ту эпоху, то просто не узнали бы свой город. По Крещатику тек грязный ручей. Возле нынешней гостиницы «Премьер-Палас» находилось кладбище, где хоронили немцев-лютеран. Вместо Шевченковского сквера был пыльный пустырь, куда забредали домашние животные пощипать травки и полюбоваться строящимися стенами Университета св. Владимира. Да и сами киевляне были другими. Тон в городе задавали польские помещики, регулярно съезжавшиеся сюда на Контрактовые ярмарки. Самым модным языком был, естественно, польский.

Крещатик начала XX века. На открытке центр Киева выглядит настоящим европейским городом, до которого ему сегодня, как Украине до Евросоюза

Так повелось со времен владычества Речи Посполитой над древней столицей Руси. В год, когда был назначен Бибиков, подчиненные ему губернии Киевская, Подольская и Волынская даже судились все еще по Литовскому статуту, оставшемуся от королей Польши.

Назначая Бибику генерал-губернатором, Николай I собирался с его помощью уничтожить это польское наследие в крае, большая часть которого вошла в состав России в конце XVIII века — при его бабке Екатерине II. Старшие братья царя — Александр I и великий князь Константин Павлович — были рьяными полонофилами. Долгое время находясь у власти, они ничего не сделали для располочивания Украины. Мало кто знает, но после наполеоновских войн император Александр даже взял всех поляков, воевавших на стороне Франции, на русскую службу несмотря на то, что они сражались против России. Из них был сформирован целый армейский корпус, получивший название армии Царства Польского. А великий князь Константин, ставший после победы над Наполеоном наместником в Варшаве, даже женился на польской барышне. Но такая «мудрая» политика привела только к тому, что в 1830 году Польша восстала, мечтая о восстановлении границы по Днепру, а украинец по происхождению и русский фельдмаршал по службе Иван Паскевич с десятками тысяч своих земляков был вынужден подавлять этот бунт.

В начале 30-х годов империя сделала поворот в своей внутренней политике.

Ненадежным полякам больше не доверяли. Ставка была сделана на православных подданных Украины, которых власть считала частью единого русского народа. Поэтому приехавший в Киев Бибиков сразу же заявил, увидев польского помещика, едущего на шестерке лошадей: «Я сделаю так, чтобы шесть поляков ехали на одной лошади!»

Принято считать, что царская власть всеми силами поддерживала крепостничество. Но это не совсем так. При Николае I крестьянин работал на помещика в несколько раз меньше, чем, например, сталинские колхозники на государство. Для этого существовал специальный регламент — так называемые «Инвентарные правила». Они ограничивали барщину двумя или тремя днями вместо шести, а каждая работа была определена специальной мерой — к примеру, даже указывалось, сколько можно снопов смолотить и какой величины они должны быть.

Естественно, шляхтичи Киевщины не хотели подчиняться этим царским «выдумкам». Им нравилось припахивать украинского мужика, когда и как душа пожелает. До Бибикова дошли сведения, что один молодой пан из Радомысльского уезда плюет на «Инвентарные правила». Генерал любил меры, как он говорил, «отеческие». Ведь смолоду его самого собственноручно порола маменька. Он пригласил помещика к себе и, улыбаясь, сказал: «Я полагаю, что вы не выполняете правила не от злой воли, а просто по причине молодости, беспрестанных развлечений и недостаточной ознакомленности с ними. Здесь на досуге вы изучите их. Приходите в канцелярию каждый день к девяти утра. Вам укажут комнату для занятий, а мой адъютант будет наблюдать за вами и выслушивать то, что вы успеете изучить. По окончании и я надеюсь сам прослушать вас!»

«Правила» представляли собой толстенный том. Слух об изысканном «издевательстве» Бибикова над молодым нарушителем обошел вверенные ему губернии и сразу же образумил разошедшихся крепостников. Ведь сам губернатор подтвердил, проэкзаменовав пана: «Теперь я не сомневаюсь, что вы будете хорошо управлять имением».

Но польское шляхетство не унималось. Однажды среди него разнесся слух, что на Кавказе, где шла постоянная война с горцами, якобы высадился легион из польских эмигрантов. Сплетники утверждали, что этот десант захватил с моря русскую крепость Анапу и истребил весь гарнизон.

Бибиков вызвал к себе одного из этих разносчиков «новостей» и со свойственной ему ироничностью завел такой разговор: «Стало мне известно, что вы распространяете известия, в справедливости которых сами не уверены». «Это так — одни байки, ваше высокопревосходительство,— отвечал пан. — Говорят теперь много. Один другому передают. И я слышал, рассказывал, а так ли оно, почем знать? Кто там был? Кто может сказать правду?» «То-то! — обрадовался генерал-губернатор. — Никто не был! Вот я и хочу, чтобы вы сами проехали в Анапу и лично удостоверились, цела ли она? А на обратном пути заезжайте ко мне сказать, что вы там найдете ».

У генерал-губернаторской резиденции стояла тройка почтовых лошадей. Два жандарма бережно усадили своего клиента и сами уселись рядом, чтобы сопроводить пана в Анапу. Крепость оказалась в порядке, а гарнизон на месте. Но стоимость путевых издержек губернаторская канцелярия взыскала с путешественника сразу же после его благополучного возвращения в Киев.

Получается, что царский сатрап не был так примитивен, как о нем рассказывают в примечаниях к шевченковскому «Кобзарю ». Кстати, польские помещики вспоминали о манере правления Бибикова даже с определенным уважением. Когда после отъезда Дмитрия Гавриловича в Петербург на его место был назначен либерал и добряк князь Васильчиков, болтунов и фрондеров из польской шляхты стали наказывать строго по закону — чаще всего определяя рядовыми в армию с правом выслуги. А о

Городская Дума. Так выглядел нынешний Майдан Независимости всего каких-то сто лет назад

Бибикове польская общественность края говорила ностальгически: «Ten karal po ojcowski!» («Тот карал по-отечески!»)

Но было бы напрасно думать, что свои «отеческие» методы генерал оттачивал только на польских спинах. Знали его нрав и киевские богачи из украинцев и русских. В 1847 году в городе разразилась эпидемия холеры. Мест в больницах не хватало, и Бибииков распорядился открыть временный лазарет прямо в Контрактовом доме, где происходили самые известные балы. Это очень встревожило киевское купечество. Самые именитые купцы вместе с городским головою явились к генерал-губернатору с просьбой отменить распоряжение. «Ваше высокопревосходительство приказали открыть в Контрактовом доме больницу для холерных, — начал городской голова, — но вот дочери наши там танцуют в зиму, а тут холерные будут... Будьте милостивы, прикажите переменить»...

Бибииков тут же призвал знаменитого киевского полицмейстера Голядкина — грозу всего города. «Голядкин! — приказал он. — Контрактовый дом очистить, а кровати с больными разместить в домах вот этих господ!» У купцов вытянулись физиономии. «Больше ничего не скажете, господа?» — спросил генерал. «Ничего », — отвечали те. «Так я вам скажу, — прибавил борец с холерой. — Вы, господа купцы, не киевские купцы, а киевские с***и, а вы — не киевский городской голова, а киевская городская жопа!»

Кровати холерных, естественно, никто никуда не переносил. Но городская «элита» получила наглядный урок человеколюбия, выраженный на единственно понятном ей языке.

Крутые меры, к которым прибегал генерал-губернатор, объясняются его живым нравом и нелегкой боевой молодостью. На свет Бибииков появился, естественно, с двумя руками. Но одной из них он лишился всего в двадцать лет в 1812 году во время Бородинского сражения. Будущий правитель Киева служил тогда офицером в гусарском полку. Замашек кавалериста выдающийся администратор не оставил до конца жизни. Он не пил, не курил, не играл в карты, но больше всего любил то, что мы бы назвали «сексуальными удовольствиями». Губернатор даже советовал киевским студентам для здоровья посещать публичные дома. Он считал, что всякие революционные мысли приходят в голову только от половой неудовлетворенности.

В отличии от нынешнего «кислотного» поколения, населяющего высшие учебные заведения, тогдашние студенты были буйным и могучим народом. О «плане» или «экстези» никто даже и не догадывался. Но завалиться в бордель и устроить там погром считалось пределом шика. После того, как полиция задержала нескольких таких молодцов, генерал-губернатор лично явился в Университет св. Владимира и прочел студентам нотацию,

которая заканчивалась словами: «Вы можете ходить к барышням, но не должны учинять буйства!»

Киев, который принял Бибиков, был городом одноэтажных домишек. План его преобразования задумали необыкновенно масштабно. Впервые левый и правый берег Днепра соединили стационарным мостом, покончившим с изоляцией столицы края от остальной империи. Гигантские суммы расходовались на строительство крепости. Для воспитания дворянок возвели Институт благородных девиц. Его здание под именем Октябрьского дворца уцелело практически в первоизданном виде до сих пор.

*Здание Института благородных девиц. 1838–1842 гг.
Архитектор В. И. Беретти*

Но самой интересной особенностью Киева стали широченные улицы. Общественного транспорта еще не было. Большинство киевлян передвигалось пешком. Даже телеги попадались редко. Что такое «тянучка» и тем более «пробка» не знали и знать не могли. Зачем же понадобились Бибикову просторные городские магистрали? Ответ однажды дал сам генерал-губернатор: «Чтобы не строили баррикад!»

Практика тогдашних революций в Европе показала, что на узеньких улочках прямо из булыжников мостовой можно соорудить отличные укрепления. Киевские бульвары такой возможности не предоставляли. В этом смысле Дмитрий Бибиков оказался впереди прогресса. Тем же путем через двадцать лет после него пошел французский император Наполеон III, перепланировавший Париж и расширивший его улицы для удобства подавления восстаний.

Глава 31. Дедушки и бабушки киевской прессы

Прародительницей всех киевских «акул пера» стала первая в городе газета, которая называлась «Киевские губернские ведомости». Возникла она в 1838 году, благодаря «проклятому реакционному самодержавию». А было оно и не проклятое. И не всегда реакционное. Наоборот — временами очень даже прогрессивное.

К этому времени в столичном Санкт-Петербурге, откуда в Киев пришел царский указ открывать печатный орган, газеты выходили уже больше века — еще со времен Петра I. Существовала даже ежедневная частная «Северная пчела» («Пчелка», как ее в шутку называли), пользовавшаяся громадной-популярностью по всей Российской империи. Влиятельности ее владельца — отставного кавалерийского офицера Фаддея Булгарина — завидовал сам Пушкин.

Здание Присутственных мест. Киевляне не догадываются, что в нем была редакция первой киевской газеты

А в Киеве стояла полная тишь. Ни во времена прославляемого ныне гетманства, ни даже позже никто из местных великих умов не позаботился об издании хотя бы паршивенькой газетенки, что доказывает крайнюю интеллектуальную лень местных «мазеп». По-видимому, они даже не понимали, какой великой силой обладает печатное слово!

Только в сезоны Контрактовых ярмарок на самом излете 1830-х годов стали печатать прообраз нынешней «Авизо» — «Киевские объявления». Их выпускало губернское правление «в цели распространения и своевременного сообщения в контрактовое время разных казенных и частных известий». Но полноценной газетой «Объявления» назвать нельзя. Как только заканчивалась январская ярмарка, их выпуск прекращали до следующего года.

Наконец в 1838 году император Николай I распорядился открыть в каждом губернском городе по официальному печатному органу. Так и появились всевозможные «Губернские ведомости» — Киевские, Харьковские, Черниговские и Полтавские.

Первая в Киевѣ газета «Киевские губернские ведомости» была открыта в 1838 году по повелению императора Николая I

Читатель для них уже имелся — помещики, чиновники, офицеры, купцы и все, кого скоро назовут интеллигенцией. Одного такого заядлого «читателя» изобразил в вышедшей именно в эти годы комедии «Шельменко-денщик» классик малороссийской литературы Григорий Квитка-Основьяненко. Это — богатый помещик Шпак, проживающий где-то в украинской глуши. Правда, читает он не «Киевские», а «Московские ведомости». Причем, сразу за целый год — подшивками. Его гость — нагрывший из Петербурга бывший сосед Опецковский не может понять отношения Шпака к такому скоропортящемуся продукту, как пресса: «Удивляюсь вам, Кирило Петрович, как можно так читать газеты?». А Шпак отвечает: «Читая по прошествии года все номера вместе, я имею полное наслаждение знать, чем какое обстоятельство кончится. Например: кроме военных сражений, я люблю следовать за семейными делами Европы, и вот читаю, что такой-то принц женился; и пока вы, Осип Прокопович, маетесь девять месяцев неизвестностью, я в тот же вечер узнаю, чем его молодая супруга разрешилась и как зовут новорожденное».

Комедия Квитки-Основьяненко была поставлена в Петербурге в 1836 году. Она первой отразила реалии газетной лихорадки, уже охватившей образованные слои империи даже в глубокой малороссийской провинции. Правда, в год ее выхода «шпаки» еще ничего не могли читать, кроме столичных газет, приходивших в их поместья, естественно, с большим запозданием из-за медленной почты. А буквально через два года к их услугам был богатый выбор разнообразных губернских ведомостей. И могли бы они прочитать в них, например, такое: «Киевское губернское правление все присутственные места извещает, что бывший Махновского уезда земский исправник губернский секретарь Никодим Корвин-Петровский, сужденный за несправедливый донос на повесившегося крестьянина помещика Абрамовича и другие противозаконные действия и злоупотребления по должности, — по решению правительствующего Сената... оставлен навсегда при отрешении от сей должности, с тем, чтобы и впредь как неблагонадежного к службе никуда не определять и к выборам никуда не допускать».

Эта заметка была опубликована в № 2 «Киевских губернских ведомостей» и означала для чиновника Корвин-Петровского полную служебную смерть. Отныне любой грамотный человек знал, что он — сволочь, которому даже руку подавать зазорно.

Подобными заметками буквально пестрела первая киевская газета, демонстрируя, как энергично борется правительство с коррупционерами. В том же номере сообщалось, что разыскивается бывший Могилевский вице-губернатор Исупов, оставшийся должным казне 38 рублей 84 копейки «недоимок рекрутских денег». Всем «полициям» предписывалось вице-губернатора, растворившегося на бескрайних просторах Российской империи, немедленно сыскать. Правда, искали его к моменту публикации заметки уже почти два года!

По соседству с информацией о проворовавшемся вице-губернаторе шли статейки о преступниках помельче. О мещанском сыне Илье Ивановиче Епонишнекове, «укрывавшемся от рекрутской повинности». О «признании изгнанником из России отлучившегося с мятежниками за границу в 1831 году» польском дворянине Луцкого уезда Ксаверии Гоебском. И о продаже с публичных торгов имения подполковника Сементяева — с этого достойного офицера правительство взыскивало 1094 рубля 40 копеек, которые он задолжал казне, командуя 5-м фушштатским (то есть обозным) батальоном. Проворовался ли Сементяев, продулся ли в карты, поистратился ли на «бабцов» — в заметке не сказано. Но имя это проказник терял завидное: «пахотные и сенокосные земли» и дачи в селе Заудайки и местечке Монастырище Нежинского уезда!

Читая эти сообщения, словно переносишься в гоголевские времена с их «Мертвыми душами», Чичиковыми и Ноздревыми. Административная машина вращалась крайне медленно. Ее постоянно обманывали и обворовывали. Некоторые умельцы укрывались от карающего меча закона десятилетиями. К примеру, 11 марта 1838 года «Киевские губернские ведомости» писали, что разыскивается еврей Берко Ицкович Пелуский с «имуществом ему принадлежащим», с которого следует взыскать «427 рублей 82 копейки пени за ром, задержанный 9 февраля 1826 года». Выходит, что торговец контрабандным алкоголем Берко

Ицкович скрывался уже целых 12 лет!

Откуда попадал этот алкоголь, можно понять из другой заметки в том же номере: «В Киевском губернском правлении получено требование Херсонского губернского правления об отыскании еврея Ицка Плицберга или имени ему принадлежащего и взыскании с него присужденных в пеню за тайный провоз за черту Порто-франко разных контрабандных товаров недовзысканных 237 рублей 48 копеек».

Порто-франко — в переводе «свободный порт». Таким статусом в России в то время обладала только Одесса. Иностранные товары ввозились в нее беспошлинно к крайней выгоде одесских коммерсантов. Пошлину, взимали только, когда импорт пересекал сухопутную городскую заставу — подлинную финансовую границу между Одессой и Российской империей. Однако многие предпочитали и тут не платить, обманывая или подкупая таможду.

Ежемесячно это наносило государству убыток от 200 до 400 тысяч рублей. Таким контрабандистом и был описанный в «Киевских губернских ведомостях» пресловутый Ицко Плицберг. Он, видимо, имел лапу на Одесской таможне, но попался с товаром где-то за ее пределами.

Полезная штука — чтение старой прессы! Перелистав подшивку первой киевской газеты, приходишь к выводу, что состояния тогда сколачивались так же, как и сегодня — на воровстве казенных денег, контрабанде и подпольной торговле спиртным. Мало что изменилось за два века. Лишь порядок цифр стал другим.

Как учили нас в школе, николаевская Россия была «тюрьмой народов». Нынешних школьников этому тоже учат. Но, по-видимому, это была хорошо отапливаемая и освещенная тюрьма. Начальство специально заботилось, чтобы заключенные не сидели во тьме. На эту тему в № 29 «Киевских губернских ведомостей» за июль 1838 года мне даже удалось найти специальную заметку. Она была опубликована в рубрике «Постановления и предписания начальства», и называлась конкретно: «О торгах. На поставку отапливания для тюремных помещений». «По представлению Чигиринской Думы, — сообщала газета, беспокоясь о бизнес-активности в Киевской губернии, — назначено произвести в оной Думе следующего Августа 24-го торг на поставку отапливания и освещения Чигиринских Тюремных помещений дров и постного масла, с 1-го Сентября. По чему желающие принять таковую поставку явились бы на означенные сроки в Чигиринскую Думу».

*Пропаж. Солдат из Черкасс Куриличенко
посеял сразу 3 медали*

Говоря нынешними словами, Чигиринская городская власть проводила тендер на отапливание своей тюрьмы. Уверен, все Чигиринские зеки встретили зиму в тепле и уюте, в светлых камерах, озаренных каганцами на конопляном масле!

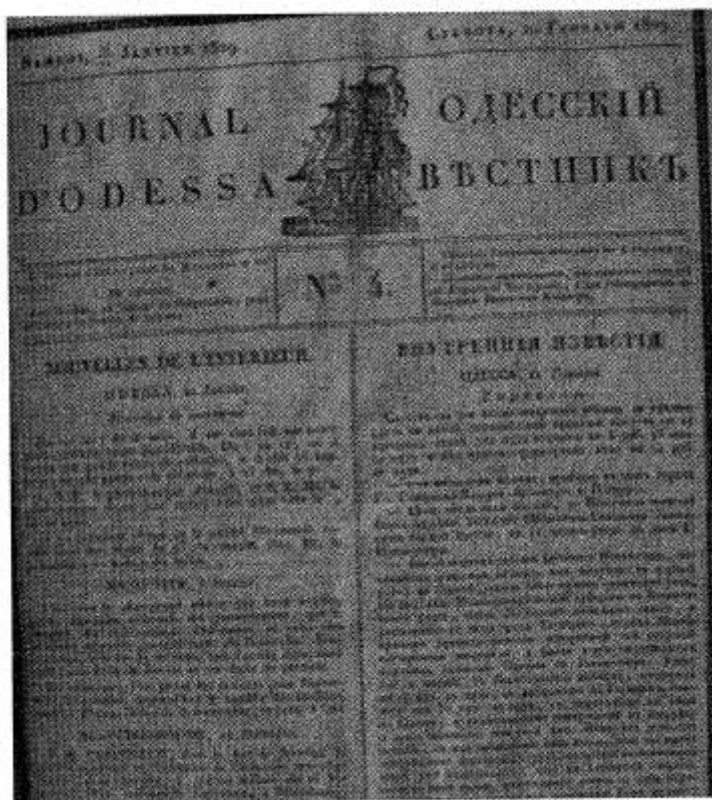
Пока одни попадавшие на газетные страницы подданные воровали, другие, как и сегодня, теряли последнее и потом в отчаянии пытались его отыскать. Естественно, через прессу. Одной из самых первых заметок о таком растеряхе, проживавшем на территории нынешней Украины, можно назвать сообщение в «Киевских губернских ведомостях» от 17 июня 1838 года: «Жительствующий в городе Черкассах отставной рядовой Алексей Куриличенко утерял знак отличия Св. Анны под № 198284 и две медали за 1812 год и за вступление в 1814 году в Париж, по чему нашедший оные знак и медали обязан представить их местной Полиции, для распоряжения о возвращении Куриличенку по принадлежности».

Наверняка, лихо закутил ветеран войны с Наполеоном Алексей Куриличенко! Ибо потерять три награды сразу иначе просто невозможно. Орденских планок еще не придумали. Кресты и медали носили прямо на мундире или шинели. Практически не снимая. Знак отличия Св. Анны это круглая медаль с красным крестом на красно-желтой ленте, выдававшаяся за беспорочную службу. Медаль за 1812 год чеканилась из серебра и выдавалась всем участникам борьбы с наполеоновским нашествием. Очень ценная награда — всего ее было отчеканено 260 тысяч. Причем, выдавалась она как солдатам, так и офицерам — по одному образцу. А медаль за взятие Парижа выглядела вообще круто: серебряная с профилем императора Александра I. Носилась она сразу на двух лентах — синей и черно-оранжевой георгиевской. В общем, лихо смотрелся рядовой Куриличенко, пока не посеял их где-то по пьяному делу. Хорошо хоть голову под Бородино не потерял!

В том же номере сообщалось еще о двух пропаяках, в городе Пензе нашли паспорт титулярного советника Семена Иванова. По-видимому, фальшивый, ибо Волжский земский суд, где якобы служил собственник документа, сообщал, что «в оном суде титулярного советника Семена Иванова никогда не было». А Псковское губернское правление сообщало, что утерянный паспорт отставного писаря-Велико-Луцкого егерского полка Пимена Григорьева следует считать недействительным, «дабы не мог кто-либо воспользоваться».

Весело, одним словом, жили отставники: только за ворота казармы — как сразу теряли и медали, и паспорта.

Справедливости ради скажем, что не Киев был пионером в газетном деле на территории Украины. Харьков опередил нынешнюю столицу на 20 лет! Уже в 1818 году там выходили «Харьковские известия», печатавшие все, вплоть до сообщений о здоровье Наполеона на острове Св. Елены и речей русского императора в Польском Сейме.

Номер газеты «Одесский вестник» за 1829 год

Но особенно хорош был «Одесский вестник», основанный в 1827 году. Он печатался на двух языках — французском и русском (каждая статья дублировалась), имел двойную датировку (по юлианскому и европейскому григорианскому календарю, что было особенно удобно в портовом многонациональном городе) и уже тогда отличался одесским юмором. В №2 за 1829 год «Одесский вестник» сообщал, что в Бразилии случайно найдены четыре жемчужины в обычном соленом озере, и советовал одесситам тоже заняться ловлей жемчуга: «Прибрежные жители лиманов около Одессы и соляных озер в Крыму! Спешите собирать раковины, с презрением попираемые вами; спешите раскрывать оные и искать в них то красивое произведение природы, которого неимение причисляет столько вздохов прекрасному полу».

Сегодня граждане Украины разбегаются из своей страны в поисках лучшей доли. А в 1829-м к нам на жительство, наоборот, переселялись даже швейцарцы! И это — несмотря на войну, которую вело русское правительство с турками. «Было время, когда Турецкое имя заставляло трепетать народы Южной Европы, — писал тогда «Одесский вестник», — но теперь это очень изменилось: Россия доказала, что нечего опасаться Турок. Швейцарцы уверены в сей истине; ибо полагаясь на могущество и кротость Русского Правительства, в то самое время, когда еще гром оружия раздавался у стен Варны, и Турецкие пленные прохаживались в городе нашем, прибыли к нам многие выходцы из Швейцарии, для поселения в Бессарабии».

«Киевский губернский вестник» был строгой официальной газетой. Каждый его номер подписывал в печать лично вице-губернатор князь Кудашев — весьма суровый господин. Конечно, тут тоже печатали развлекательные материалы вроде «Очерков малороссийской

демонологии», опубликованных, по странному стечению обстоятельств, 20 апреля 1845 года — как раз за день до приезда в Киев Тараса Шевченко.

«Одесский вестник» тоже выходил при местном генерал-губернаторе. Но редактировали его веселые люди, так как благодаря либеральному губернатору князю Воронцову тут создалась атмосфера покровительства власти частной инициативе. Одесские газетчики печатали массу заметок о театральной жизни, информировали читателей об успехах в борьбе с чумой, занесенной в город, в задорном стиле описывали, как живут в Риме русские художники Брюллов и Бруни. По мнению «Одесского вестника», последнему особенно удалась эротическая картина «Вакханка, упоющая маленького Амура»: «Полузакрытые сладострастные глаза Вахвой жрицы, нежность с кою выражены ВСЕ ФОРМЫ ЕЕ ТЕЛА... представлены так живо, что нельзя не восхищаться ими».

В 1829 году «Одесский вестник» опубликовал даже совет, как сделать самому фильтр для воды: «Устройство сего снаряда основано на свойстве угольного порошка освобождать жидкости от большей части веществ, которые не удерживаются в них тесным соединением». Эту заметку, актуальную для Одессы и сегодня, газета прокомментировала следующими словами: «Зная, сколь часто многие из одесских жителей нуждаются в хорошей воде, считаем долгом поместить здесь описание весьма удобного снаряда для очищения сей жидкости, изобретенного в Англии».

К середине XIX века одной государственной газеты для Клюева уже было мало. И тут на выручку пришла частная инициатива в лице немца Альфреда фон Юнка. В июле 1859 года он выпустил первый номер газеты, получившей название «Киевский телеграф». Она выходила дважды в неделю — по четвергам и воскресеньям. Плюс литературное приложение. Новое издание сразу завоевало популярность.

Но в чем только не упрекали фон Юнка! И в том, что первоначальный капитал он заработал, занимаясь чумацким бизнесом во время Крымской войны. И в том, что Юнк был почти неграмотным и допускал в своей газете чудовищные опечатки! (Как будто можно требовать от иностранца идеального знания русской орфографии!). И в том, что кроме «Киевского телеграфа» он «прославился» как писатель-кондитер такими вкусными книгами, как «Полное практическое руководство приготовления киевских сиропных варений» и «Практическое руководство к приготовлению польских баб, пляцков и мазурков».

Фото 1890-х гг. Редакция «Киевской старины» в полном составе. На стене портреты двух первых редакторов — Лебединцева и Лашкевича

Мне эти упреки кажутся просто воем завистников. Даже по названиям книг фон Юнка видно, что он был, прежде всего, бизнесменом. Главное, что его газета выходила без копейки

правительственной дотации, и ее раскупали!

Конечно, опечатки юнковского издания повергали в трепет. Шутники уверяли, что однажды «Киевский телеграф» напечатал, что «киевляне, по преимуществу, онанисты», а в следующем номере опубликовал поправку, будто имел в виду не «онанистов», а «оптимистов». Возможно, это просто байка, хотя, уверен, онанисты составляют подавляющее большинство не только в Киеве, но и во всем мире! Через это проходят все, по уверению светил современной науки. Получается, статья об онанистах была самым правдивым исследованием на сексуальную тему, когда-либо напечатанным в нашем ханжеском городе населенным ныне по преимуществу потомками высокоморальных селян, размножающихся почкованием с бешеной скоростью, если судить по толпам в метро.

Все номера «Киевского телеграфа» за семнадцать лет издания невозможно перечитать физически, если ты, конечно, не пан Шпак. Но в одном из них (№ 2 за 1876 год) мне попало следующее рекламное объявление крупными буквами: «Книга юрОдического свойства». В следующих выпусках «Телеграфа» этот продукт уже назывался правильно: «Книгой юрИдического свойства». Кстати, речь шла об интересной и в высшей степени скандальной брошюре некоего Ипполита Лютостанского «Вопрос об употреблении евреями-сектаторами христианской крови».

Правда, к этому времени Юнк уже шесть лет как умер. Владельцем газеты стала некая госпожа Гогоцкая, культивировавшая, как утверждают киевоведы, «украинофильство», а на самом деле — шароварщину. Но «орфографические традиции», заложенные немцем-основа-телем, «Киевский телеграф» сохранил почти до самого закрытия, случившегося в июле того самого 1876 года. Произошло это сразу после всем известного Эмского указа, хотя выходила газета по-русски. Так что не только украинцев ограничило царское распоряжение.

Есть у «Киевского телеграфа» и еще одна заслуга. Успех детища фон Юнка породил конкуренцию и вызвал к жизни в 1864 году газету «Киевлянин» — самый знаменитый консервативный печатный орган дореволюционного Киева. Видя популярность «Киевского телеграфа», имперская власть решила создать ему соперника. И выделила 25 тысяч рублей в год на газету, которая проводила бы правительственную линию в «Юго-Западном крае», как тогда официально называлась Правобережная Украина.

Случилось это сразу же после подавления очередного польского восстания 1863 года. Главной задачей «Киевлянина» было «щемить» недобитую польскую шляхту, которой по-прежнему принадлежало большинство земельных угодий на Правобережье. С этой миссией новый печатный орган справился на «отлично», регулярно напоминая читателям, что он выходит в «трижды русском крае».

*С Новым годом! Реклама
из «Киевлянина» 1876 г.*

Да и просто это была интереснейшая газета с золотыми перьями! «Киевлянин» публиковал международные новости, политические обзоры, программные статьи, но не забывал о простом обывателе. К примеру, именно на его полосах появились первые русские переводы полузапретного австрийского писателя Захер-Мазоха. «Киевлянин» еще в 1876 году называл Мазоха «галицким малорусом» и «наиболее интересным и замечательным» представителем «реализма на славянском востоке», сравнивая его с Тургеневым.

А вот образец новогоднего фельетона, опубликованного «Киевлянином»: «В июне прошлого 1875 года цена яичницы в Киеве возросла до пяти целковых! Надо ожидать, что если все пойдет так же прогрессивно, то нашим курам вовсе не надо будет нести золотых яиц, о чем мечтали в старину, а и обыкновенные яйца будут цениться на вес золота». (Речь шла о яичнице, которую подавали специально для тогдашних «новых русских» в киевской гостинице «Гранд-Отель».)

Ткнув киевских нуворишей рылом в яичницу, автор фельетона переходит к лопнувшему от мороза водопроводу: «Если речь зашла о пище, то поговорим уж и о воде.- С устройствам водопровода жаждущие воды старокиевцы, печеряне и вообще жители удаленных от Днепра частей города возликовали и думали, что воду так же легко будет достать, как водку... С февраля вплоть до половины апреля их постигло горькое разочарование: краны, что называется, иссякли... Что тут делать? За водопровод вы заплатили круглые сотни и тысячи, за воду платите по таксе, и по милости водопроводителей, проведших трубы так, будто в Киеве господствует вечное лето, водопровод ваш — одна мечта, вода — также. Один из киевлян пришел к печальному убеждению, что лучше разломать свой водопровод и возить по-старому из Днепра даровую воду, чем за свои же деньги терпеть нужду». Стиль и остроумие этого произведения, подписанного «Андрей Кр.», по-моему, сделает честь любой современной газете.

А вот что писал «Киевлянин» в том же 1876 году о местном алкоголизме: «В городах Киевской губернии число питейных заведений вдвое больше против среднего числа по государству (одно заведение приходится не на 120, а на 62 жителя); на каждые 10 городских зданий у нас приходится один кабак!».

Первым редактором этой стильной газеты был профессор Киевского университета

Виталий Шульгин. А последним — его сын, Василий Шульгин, — тот самый депутат Государственной Думы, что принимал отречение у Николая II в 1917 году. Василий Витальевич прославился как горячий защитник триединости русского народа и один из главных идеологов Белого движения. Его воспоминания «Дни» и «1920 год» стали классикой отечественной мемуаристики. Блестящий слог шульгин-ской публицистики был воспитан газетой «Киевлянин».

Отец и сын Шульгины — редакторы «Киевлянина» — газеты, выходившей в «трижды русском крае»

Самый первый и самый знаменитый журнал, выходивший когда-либо в матери городов русских, — «Киевская старина» — появился в январе 1882 года. Четверть века он был любимым чтением интеллигентной публики, интересовавшейся историей Малороссии. Да и сегодня это издание представляет собой и культурную, и научную, и материальную ценность — разрозненные номера «КС» можно купить от 20 долларов за штуку, а полный комплект достать практически невозможно. Он имеется только в главных киевских библиотеках и у нескольких коллекционеров.

Но никакой «Киевской старины» не было бы, не встретись весной 1879 года в Киеве два закадычных приятеля — профессор местного университета Владимир Бонифатьевич Антонович и приехавший из Чернигова историк и помещик Александр Матвеевич Лазаревский. Весна, цветение садов и чарка горилки произвели на разменявших пятый десяток ученых мужей такое воздействие, что они, по воспоминаниям Лазаревского, принялись лсарко рассуждать о необходимости «основать здесь, в Киеве, исторический журнал на манер «Русской старины» или «Русского архива».

Типы редакторов. Газетная карикатура начала XX века — смеялись над всем, даже над собой

Почему именно эти журналы вспомнили друзья? «Русский архив» выходил с 1863 года в Москве, а «Русская старина» — с 1870-го в Петербурге. Оба столичных издания печатали мемуары и документы по отечественной истории — причем бесцензурно, что резко отличало их от других изданий в империи. Хотелось иметь в Киеве такое же! Да и почему бы не иметь? И Владимир Бонифатьевич, и Александр Матвеевич были добропорядочными гражданами с немалыми возможностями. Антонович читал русскую историю в университете Св. Владимира, а Лазаревский большую часть жизни прослужил в судах Полтавы и Курска и уже хлопотал о переводе на теплое местечко в Киевский окружной суд. Ему хотелось объединить приятное с полезным — службу в государственных органах с возможностью публиковать беспрепятственно свои архивные изыскания.

Но ни Антонович, ни Лазаревский не хотели утруждать себя редакторской работой. Нужно было найти кого-то, кто согласился бы вычитывать материалы, править корректуру и дышать типографской пылью. Неизвестно, по какой причине, но, видимо, уж очень крепко подгуляв в тот весенний вечер, профессор и судейский чиновник решили, что таким редактором может стать ни кто иной, как... кафедральный протоиерей Софийского собора Петр Лебединцев. Он имел очень представительную внешность — с оливковым лицом, белой бородой и в длинной шелковой рясе, которая, по воспоминаниям очевидцев, придавала ему «вид какого-то византийского святого, вылезшего из своей рамы». Антонович тут же предложил ехать к нему, несмотря на поздний вечер: «Чтобы не откладывать дело, поедем сейчас к Лебединцеву, я вас познакомлю, а заодно и поговорим».

Представительный протоиерей с интересом выслушал предложение ввалившихся к нему поздней ночью собутыльников, но лезть в редакторское ярмо отказался. Вместо себя он предложил на заклате кандидатуру родного брата Феофана, занимавшегося в это время обрусением Польши. Там Феофан Лебединцев возглавлял Холмскую учебную дирекцию, ставя педагогические опыты по превращению маленьких поляков — потенциальных повстанцев — в верноподданных царя Александра II. Имелся у него и редакторский опыт — в молодости Феофан Лебединцев возглавлял церковный журнал «Руководство для сельских пастырей». Однако срок его службы в Польше истек, и он собирался выходить в отставку. Чтобы брат не скучал на пенсии, протоиерей и выдвинул его в редакторы нового журнала.

Несмотря на то, что в 1881 году народовольцы взорвали бомбой Александра II, и всю империю трясло, как в лихорадке, разрешение на выпуск «Киевской старины» было получено невероятно легко. В Петербурге у киевских энтузиастов обнаружилась серьезная лапа — старший брат Лазаревского Василий Матвеевич, который занимал должность члена совета Главного управления по делам печати и имперского Министерства внутренних дел. Только освобождение от предварительной цензуры выхлопотать не уда-лось — этим правом могли пользоваться лишь московские и петербургские частные издания.

Сложнее было найти деньги. Но их отстегнул известный украинский богач и меценат Василий Федорович Смиренко, которого ни за что нельзя путать с селекционером Львом Смиренко — «отцом» знаменитого сорта яблок. Василий Федорович выделил на первый киевский журнал 21 тысяч рублей.

Редактор «Киевской старины» надолго запомнился жителям города. Он ходил всегда в цилиндре, черном пальто, с сигарой в зубах и зонтиком, несмотря ни на какую погоду. Жил в квартире неподалеку от Софиевского собора, где заправлял его брат, и никогда не разлучался дома с котом Митридатом, который даже спал вместе с хозяином на одном диване. Жена Феофана Лебединцева умерла, дочь училась в гимназии. Поэтому редакция «Киевской старины» находилась прямо у него на квартире. Тут правили рукописи, принимали авторов и отмечали выход очередного номера.

Киевский щеголь. Так выглядел Феофан Лебединцев

Проснувшись, выпив кофе по-варшавски со взбитой пенкой (эту привычку он привез из Польши) и поиграв с котом, Лебединцев надевал цилиндр и отправлялся по редакторским делам — в типографию Корчак-Новицкого на соседней Михайловской улице, к цензору на Екатерининскую (теперь Липскую) улицу или в художественное заведение Кульженко на Пушкинской, которая называлась тогда Ново-Елизаветинской и еще даже не была покрыта брусчаткой.

Местная власть к журналу благоволила — губернский учебный округ даже рекомендовал его для подписки всем гимназиям. Вскоре «Киевская старина» стала любимым чтением генерал-губернатора Драгомирова — известного украинофила. Генерал сам баловался литературой, опубликовал целую критическую книгу о Льве Толстом, утверждая, что тот «неправильно» изображает войну, а номера журнала читал еще в гранках — на его страницах любимые Драгомировым запорожцы то и дело лили кровь и грабили. Тем же баловались татары и поляки. А рядом публиковались воспоминания о пьяных загулах Тараса Шевченко и отчеты о процессах ведьм при Гетманщине. В XIX веке «Киевская старина» была куда более честным и откровенным изданием на историческую тему, чем советские и нынешние украинские журналы. Она не боялась натурализма.

Тем не менее количество подписчиков журнала никогда не превышало 750 человек —

ровно столько было во всей Украине любителей родной истории. Ежегодный дефицит «Киевской старины» колебался в пределах двух-трех тысяч рублей. Покрывали его меценаты — тот же Симиренко, Евгений Чикаленко и Василий Тарковский.

К сожалению, не обошлось без научных интриг. В конце XIX века уже после смерти Лебединцева журнал объявил конкурс на лучшую историю Украины, назначив премию в 1000 рублей. На конкурс подали только одну (!) книгу — ее автором была замечательная женщина-историк Александра Ефименко. Однако Антонович с компанией из зависти премию так и не выплатили, а книгу не опубликовали — она вышла без них через несколько лет в Петербурге. Увы, великая украинская жаба не обошла стороной и редакцию «Киевской старины»...

Глава 32. Спасибо праву крепостному!!!

150 лет назад Александр II освободил крестьян. Я знаю, что сейчас на меня опять все набросятся и начнут клеить на МОЮ благородную шкуру ярлыки «консерватора» и «мракобеса». Но, тем не менее, наберусь интеллектуальной смелости и, отринув гнусные либерастические измышления, встану навытяжку под царскими портретами от Алексея Михайловича до блаженной памяти Николая I, припечатанного врагами престола несправедливым прозвищем Палкин, и, сняв фуражку, благодарно склоню голову со словами: «Спасибо тебе, право крепостное!».

Земство обедает. Так художник Г. Мясоедов изобразил в 1872 году русских крестьян после реформы

Спасибо за город Санкт-Петербург красоты небывалой, на твоих костях отстроенный! Спасибо за «негра» Пушкина — лютого рабовладельца, жизнь на руках крепостной крестьянки Арины Яковлевой начавшего и на руках крепостного же лакея завершившего. (Тот его после дуэли, как дитя малое, в шубу завернутое, на руках на второй этаж квартиры на Мойке внес.)

За Лермонтова спасибо. И за Грибоедова. За Гоголя, на деньги мужиков из деревни Васильевка в Нежинском лицее выученного. За Толстого. И за Тургенева с его «Му-Му». Ибо не будь крепостного права, ни Тургенева, ни «Му-Му» не было бы!

За основоположников малороссийской литературы нашей — Котляревского и Квитку-Основьяненко — особое спасибо! Ты, право крепостное, дало им досуг для

написания бессмертной «Энеиды» и сопливой «Маруси». А также — «Наталки Полтавки» и «Шельменко-денщика» — которыми начался украинский театр.

Господи! Даже страшно представить, какая катастрофа случилась бы, не будь тебя, трижды проклятое крепостничество, в наших краях! О чем бы писал Тарас Григорьевич? Где искал бы темы для творчества? В честь кого учредили бы Шевченковскую премию? И чем бы мучали детишек в школе, не сочини «батько Тарас», сам ни дня не ходивший на панщину, хрестоматийное «На панщині пшеницю жала»? Сонетами Петрарки? Какой кошмар!

Целая индустрия паразитирования на памяти Шевченко с кормлением бесчисленных «драчей» в Шевченковском комитете, ищущих очередную «черную ворону», дабы отметить ее холопской наградой, ни дня не смогла бы просуществовать на свете. Повода не было бы.

А теперь без шуток. Я не являюсь ни сторонником, ни противником крепостного права. Глупо протестовать против того, чего нет и отстаивать несуществующее глупо. Пусть стулья ломает гоголевский учитель истории. А я за то, чтобы мы представляли ту эпоху чуть объективнее и полнее.

Знаете ли вы, что во времена того же Шевченко крепостных нельзя было продавать без земли? Можно было только вместе с деревней. Это все равно, что колхоз помещика Троекурова передать под управление помещика Собакевича. Но ни разрывать семьи, ни торговать мужиками и бабами «в розницу» в самодержавной России Николая I не разрешалось.

Труд крепостного крестьянина был намного легче, чем работа колхозника во времена Сталина. Барщина была ограничена тремя днями. Три дня работаешь на пана. Три дня на себя. И один день — воскресенье — отдаешь Богу. То есть отдыхаешь.

Существовали строжайшие «Инвентарные правила» — специальный кодекс, изданный имперской властью, который предписывал, что имеет право помещик требовать от крестьян и чего он ни в коем случае не может требовать.

Царское село. Екатерининский дворец был построен в эпоху расцвета крепостнического строя

Так случилось, что на Правобережной Украине, попавшей в состав Российской империи после Третьего раздела Польши в 1795 году, большинство помещиков были поляками-католиками, а мужики — православными. Петербургское правительство считало последних «русскими» и стремилось защитить от произвола господ. Киевский генерал-губернатор Дмитрий Бибииков — современник Шевченко — вызывал нерадивых польских помещиков в Киев и заставлял их вместо развлечений штудировать эти самые

«Инвентарные правила» до посинения. А потом лично принимал «экзамен» и напутствовал очередного душевладельца ободряющей фразой: «Теперь поезжайте домой; я не сомневаюсь, что вы хорошо будете управлять имением».

И совсем уж мало кто помнит, что кроме обязанностей крепостных перед крепостниками были еще и обязанности крепостников перед крепостными. Правительство Николая I предписывало в каждом имении иметь специальный склад (он назывался «магазином») с зерном на; случай голода. В неурожайные годы дворяне были ОБЯЗАНЫ бесплатно выдавать из этого «резервного фонда» пшеницу и рожь нуждающимся семьям своих крепостных.

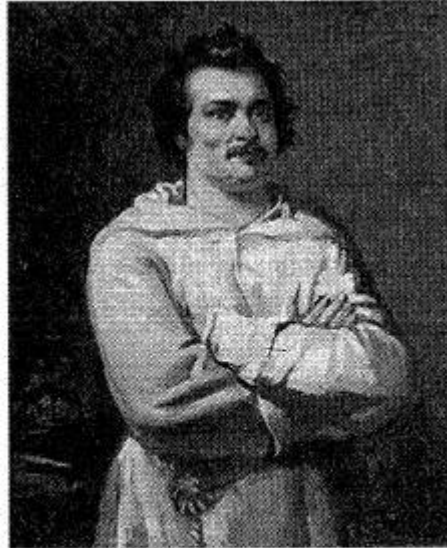
В результате за все время царствования Николая Палкина в Российской империи ни разу не было массового голода. Более того, когда в 1847 году в просвещенной Франции начался крестьянский голод, «дикая» николаевская Россия отвалила французам заем в 50 млн франков на борьбу с этим несчастьем. Самое странное, что о займах, которые брало царское правительство у Франции накануне Первой мировой войны, у нас знают все. А о займах, которые «передовые» французы брали у самодержавия в самую «глухую» и «реакционную» эпоху, не хочет помнить никто! Слишком уж выламывается этот факт из привычных представлений о Востоке и Западе.

Когда этот кредит давали, знаменитый жандармский генерал Дубельт записал в дневнике: «Государь дал Франции денег займы. Поступок его, конечно, великолепный, но, боюсь, что не многие оценят его». И был прав! Кто-кто, а французы гуманизм «царя северных варваров» точно не оценили — ровно через семь лет, отъевшись на русском займе, армия их Наполеона III будет осаждать Севастополь.

Зато подлинную «тяжесть» состояния крепостных крестьян на Украине, входившей тогда в Российскую империю, оценил такой всемирно известный француз как Оноре де Бальзак. В том самом 1847 году, когда Франция голодала, живой классик решил жениться. Свою избранницу он нашел под Бердичевым. Это была богатейшая польская помещица Эвелина Ганская, владевшая несколькими тысячами украинских крестьян. Бальзак сел в дилижанс и отправился на родину невесты. Это путешествие стало сюжетом для советского фильма «Ошибка Оноре де Бальзака», снятого на киностудии им. Довженко, в котором николаевская Россия изображалась, естественно, исчадием ада, а пылкий француз — критиком крепостнического режима.

А вот что Бальзак писал на самом деле в неопубликованном при жизни произведении «Письмо о Киеве»: «Русский крестьянин в сотню раз счастливее, чем те 20 миллионов, что составляют французский народ, иначе говоря, те французы, которые не считаются ни богачами, ни, если угодно, людьми зажиточными. Русский крестьянин живет в деревянном доме, обрабатывает собственный кусок земли, равный приблизительно двум десяткам наших арпанов (в переводе на современные меры — примерно 8 га). Урожай, который крестьянин с нее снимает, принадлежит не помещику, а ему самому; взамен крестьянин обязан отработать на помещика три дня в неделю, за дополнительное же время ему платят отдельно... Налоги крестьянин платит ничтожные. В довершение всего помещик обязан иметь большие запасы хлеба и кормить крестьян в случае неурожая. Заметьте при том, что работают крестьяне скверно, так, что для помещиков было куда лучше иметь дело с людьми свободными, которые, подобно нашим крестьянам, трудились бы за плату; зато крестьянин при нынешнем порядке вещей живет беззаботно, как у Христа за пазухой. Его кормят, ему платят, так что рабство для него из зла превращается в источник счастья и покоя... Характер здешних крестьян исчерпывается двумя словами: варварское невежество; эти люди ловки и хитры, но потребуются столетия, чтобы их просветить. Разговоры о свободе они, точь-в-точь как негры, понимают в том смысле, что им больше не придется работать. Освобождение привело бы в расстройство всю империю, зиждущуюся на послушании. И правительство, и помещики — все, кто видит, как мало толку от работы на барщине, — охотно перешли бы от нынешнего порядка к наемному труду. Однако на пути у них стало бы огромное препятствие — крестьянское пьянство... Свободу крестьяне поймут исключительно как возможность

напиваться до бесчувствия».

Бальзак: «Свободу крестьяне поймут как возможность напиваться до бесчувствия»

Удивительно точная картина! Воистину ее написал великий художник, в одном абзаце сумевший совместить и экономику, и психологию русского крепостничества. То, что эта картина истинна, доказывает такой общеизвестный факт, как биография Тараса Шевченко. За девять лет до того, как Бальзак посетил Украину, семья Николая I провела «эксперимент» по освобождению одного отдельно взятого талантливого крестьянина. Его выкупили за 2500 рублей у его помещика и предоставили возможность учиться в императорской Академии художеств. Увы, «свободу» бывший крепостной понял как «возможность напиваться до бесчувствия». Он умер от последствий алкоголизма всего в 47 лет, едва успев отпраздновать с друзьями свой последний день рождения. Как писал за восемь лет до своей смерти сам Шевченко: «Эх! То-то було б, дурний Тарасе, не писать було б поганих віршів-та не впиваться почасти горілочкою, а учиться було б чому-небудь доброму, полезному»... Сотни тысяч бывших крепостных, массово освобожденных после 1861 года, повторят его судьбу, перепутав кабаки с волей, а пьяные разговоры с общественным мнением. Шинок стал нашим первым парламентом и до сих пор, к сожалению, им остается...

Грань между бариним и мужиком была куда прозрачнее, чем между сегодняшней властью и народом. Обратите внимание: в России никогда не было окруженных крепостными стенами феодальных замков, как в Германии или Франции. Все замки, уцелевшие на Правобережной Украине, остались от польского владычества. Великороссийское и малороссийское дворянство жило иначе — в усадьбах, не имевших даже забора. Дед Льва Толстого — генерал Волконский — окопал свое имение Ясная Поляна символическим ровиком, через который могла перепрыгнуть курица! Этот ровик цел до сих пор.

Для сравнения съездите в Конча-Заспу, окруженную непреодолимым забором до неба, и убедитесь, кто действительно прячется от народа: нынешние демократы или тогдашние крепостники? Недавно на букинистическом развале мне попались изданные еще до революции «Записки крепостной девки» некой М. Е. Васильевой. Заканчиваются они словами: «С тех пор прошло много времени, а я все еще плачу о моем дорогом барине, которого я всю жизнь до страсти любила». Вряд ли нынешние «свободные девки» напишут подобное о «новых украинских» господах.

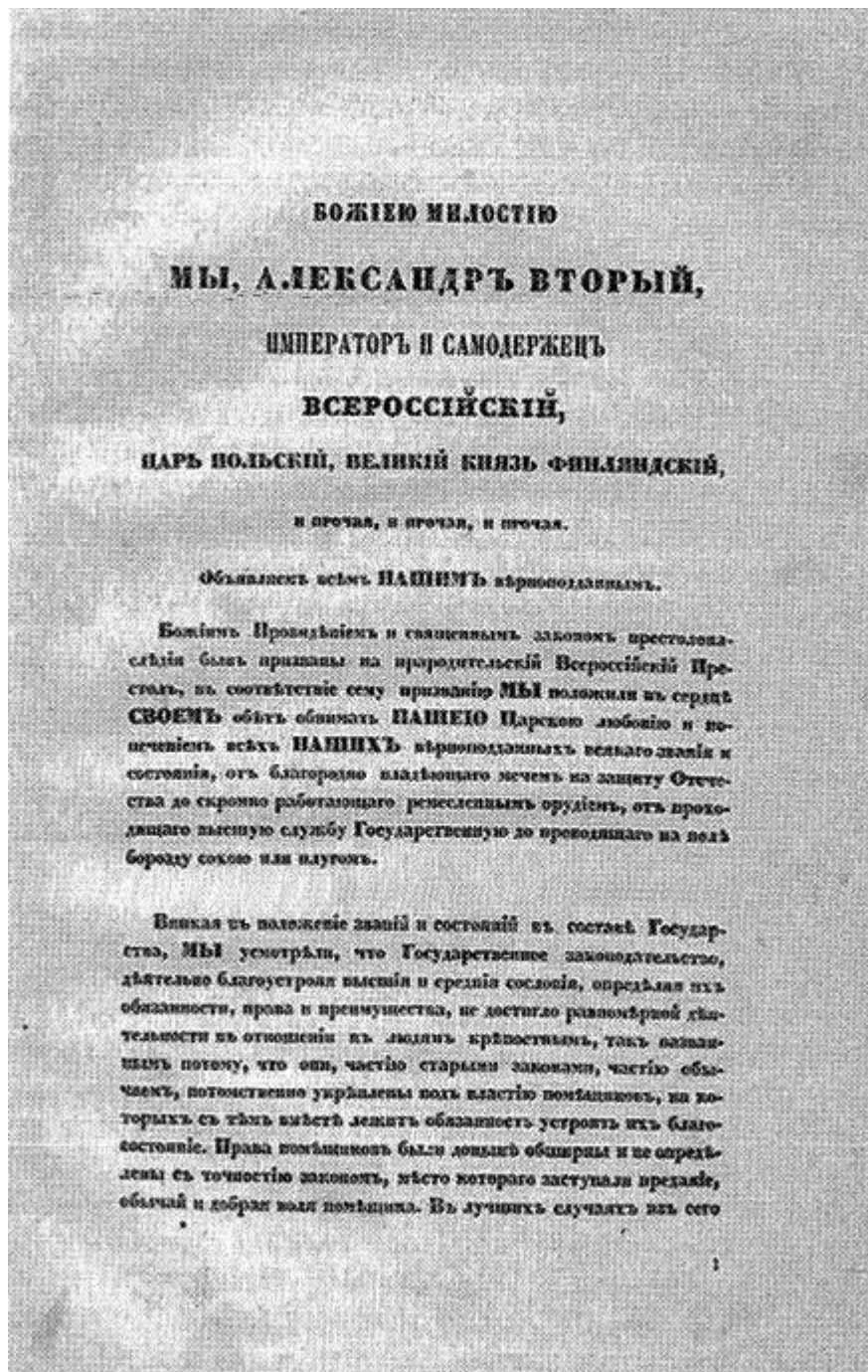
Почему же все-таки Александр II, наследовавший своему отцу, решил крепостное право упразднить? Историки называли разные причины. Говорили о «кризисе феодально-крепостной экономики». Но кризис был не в экономике, а в отдельно взятых

головах. Пока Ясной Поляной управлял отец автора «Войны и мира» граф Николай Толстой, он только прирастал землями и богатством. Хорошо известен случай, когда Толстой-старший встретил в Туле своего крепостного, занимавшегося попрошайничеством. Граф пришел в ужас: «Как же ты можешь меня так позорить?». Он забрал мужика в деревню, дал ему работу и велел приглядывать, чтобы тот снова не подался в бега бездельничать. А молодой Лев Толстой управление Ясной Поляной начал с того, что проиграл в карты... отцовский дом, в котором родился. Но кризиса «системы» еще никакого не было! Проигранный дом забрал за пять тысяч рублей «на вывоз» сосед-помещик, в карты не игравший. А тот дом, где теперь музей писателя, это всего лишь флигель от проданного дворца. Оставалось только перенести в этот «сарай» портреты предков.

Еще историки говорили о последствиях Крымской войны, о том, что она якобы показала гнилость самодержавия и требовала срочной отмены крепостничества. И это — полная чушь! Крымская война потрясла русское общество потому, что это была первая за все царствование Николая I проигранная война. До этого царь и его полководцы только метелили всех направо и налево и диктовали волю половине Европы. Поражение в Крыму было чувствительно, ибо являлось поражением сверхдержавы. Справедливости ради скажем, что это был проигрыш именно половине Европы — коалиции Британии, Франции, Турции и Сардинии. И что в результате этой победы Европа смогла захватить у России всего одну крепость — Севастополь — и боялась двинуться дальше, как лягушка, не рискующая прыгнуть далеко от-пруда. Если бы Николай I не умер в разгар этой войны, унижительный Парижский мир, лишивший Россию Черноморского флота, никогда не был бы подписан. Но, увы, нервы его сына Александра не отличались такой же крепостью, как у отца, напутствовавшего наследника перед смертью показанным кулаком и крылатой фразой: «Держи все! Вот так держи!».

*М. Булгаков об Александре II:
«Этот... С бакенбардами,
симпатичный, дай, думаю, му-
жикам приятное сделаю, осво-
божу их, чертей полосатых»*

Манифест об освобождении. Перед тем, как подписать его, Александр II закрылся в кабинете со словами: «Оставьте меня наедине с моей совестью»

В XX веке Сталин, услышавший завет Николая I, восстановит крепостничество в куда более жестокой форме в виде колхозов и добьется невиданных темпов экономического роста, продавая за границу дешевый хлеб в обмен на технологии для индустриализации. На новом витке истории крепостничество себя прекрасно зарекомендовало! Шесть дней работали на государство за трудовни, а иногда и семь — и хоть бы кто пикнул! Ни один драч не верещал — только славил Коммунистическую партию и «дышал Лениным».

Так в чем же крылась подлинная причина великой реформы Александра II, за которую он получил прозвище Освободитель? Перед тем как подписать 3 марта 1861 года манифест, молодой император ушел в кабинет со словами: «Оставьте меня наедине с моей совестью». Император был добр. Совесть подсказала ему освободить мужичков. Как говорил по этому поводу герой Булгакова: «Этот... Забыл, как его. С бакенбардами, симпатичный, дай, думаю,

мужикам приятное сделаю, освобожу их, чертей полосатых»... И освободил. Но дело было не только в царской доброте. В отличие от отца, Александр II очень зависел от мнения Европы. А так как в Европе крепостного права уже не было (последней его отменила в 1848 году Австрия), то и новый государь хотел, чтобы все было «по-европейски », к тому времени только каждый четвертый из его подданных являлся крепостным. На три четверти империя и так была абсолютно свободна— делай, что хочешь, и прилагай таланты на благо Отечества! Кто же виноват, что тот же Лев Толстой прилагал таланты в основном к карточной игре и не желал укреплять и развивать крепостной строй?

И царь сделал, как в Европе. Натянул вам! Но хотя буржуазный-строй стал делать в России невероятные успехи, а освобожденный народ побежал в кабак, империю это не укрепило. По крайней мере, в 1878 году с перевооруженной новыми нарезными ружьями армией, только что одержавшей победу над Турцией, Александр II так и не решился войти в Стамбул. Англия, видите ли, погрозила пальчиком, и царь-освободитель сдулся, вспомнив уроки Крымской войны.

Но для нынешней Украины отмена крепостного права имела совершенно неожиданные последствия. О них в 1861 году никто даже не догадывался. Вскоре после великой реформы в Донбасс, который еще не был Донбассом, приехал британский подданный по фамилии Юз. Он явился вместе с инвестициями в чемоданчике. И заложил основы того, что сегодня называется «донецким феноменом». Благополучие Юза росло именно за счет дешевого труда «освобожденных» русских крестьян, потянувшихся после манифеста о воле из центральных губерний на юзовские шахты. А не было бы Донбасса, не было бы и той Украины, которую мы, по выражению Кравчука, «маємо» — Украины не вышиванок, а угля и стали. Так что недаром наши ультранационалисты так ненавидят Александра II, несмотря на дарованное им освобождение крестьян.

Глава 33.

Первую историю украинской литературы написал москаль

Его звали Николай Петров. Он был профессором Киевской духовной академии, крестным отцом Миши Булгакова и первым украинским литературоведом. За что прочно забыт нынешней Украиной.

До Николая Петрова современная украинская литература насчитывала уже почти сто лет. Но истории ее, да и мало-мальски профессионального критического разбора не существовало. Виновато в этом, на мой взгляд, то завистливое животное, которое у нас называют «жабой». «Жаба» душила чуть ли не каждого украинского литератора, испытывавшего лютую зависть к коллегам по цеху. Каждый хотел быть самым великим. Каждому был нужен храм имени себя в мазанке под стрехой, но как минимум с античными колоннами и собственной статуей в тоге и шароварах. Поэтому Пантелеймон Кулиш поносил Гоголя и Шевченко. Гоголь — вообще никого не замечал, надеясь стать самым знаменитым украинцем в мировой литературе, что в результате у него и получилось. А Шевченко в свойственном ему духе «правдолюбия» мазал дегтем «і мертвих, і живих» конкурентов, щадя только «ненароджених».

Проводы казака на войну. Популярная тема в украинской литературе со времен Гоголя

В марте 1847 года Тарас решил написать предисловие ко второму изданию своего «Кобзаря», а заодно разделаться по заслугам с тем, что называлось на тот момент украинской литературой. Текст его я привожу по подлиннику. Так, как писал Великий Кобзарь. «Гоголь, — считал Шевченко, — вырись в Нижини, а не в Малороссіи, и своего языка не знае... Покойный Основьяненко дуже добре прыглядився на народ, та не прислухався до языка, бо може ёго не чувъ у колысци одъ матери, а Г. Артемовській хоть и чувъ, такъ забудь, бо в паны пострыгся».

К слову сказать, так же строго судил Тарас Григорьевич и об украинской философии, назвав «творчий доробок» самого известного представителя ее «бестолковыми произведениями философа Сквороды», а самого их создателя— «идиотом». Так и написал: «В малороссийских произведениях почтеннейшего князя со всеми подробностями отразился идиот Скворода». Кто не верит, пусть откроет повесть Шевченко «Близнецы» и найдет эту цитату.

Понятное дело, что такой горячий человек не мог написать историю литературы. Да и другие были немногим объективнее. Поэтому неблагоприятную миссию в очередной раз пришлось взвалить на плечи «москалю» — Николаю Петрову.

Он происходил из самой что ни на есть исконной Московии — села Вознесенское под Костромой, Родился в 1840 году в семье церковного дьячка. Да и сам внешне походил на типичного интеллигента-разночинца — очки, чеховская бородка, галстук-шнурок. Как выходец из духовной семьи Петров приехал учиться в Киевскую духовную академию (она находилась на Контрактовой площади, там, где сейчас «Могилянка») и остался в нашем городе до самой смерти в 1921 году. Тут он стал преподавателем в том же учебном заведении, которое закончил, профессором, членкором Петроградской академии наук, с 1919-го академиком ВУАН (Всеукраинской академии наук) и членом Украинского научного общества.

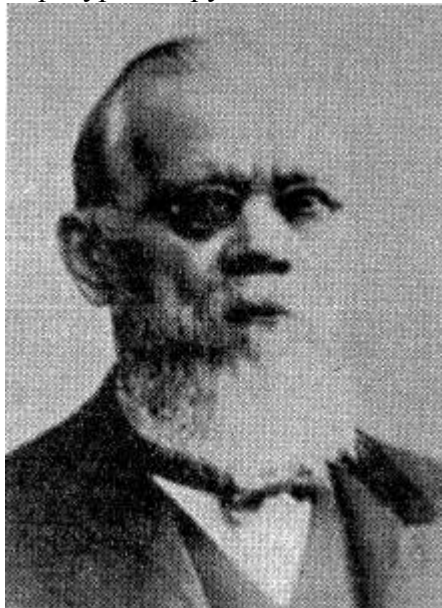
Каждая книга Петрова становилась для научного Киева крупным событием. Он первым выпустил историю того заведения, в котором служил. Книга его называлась «Киевская Академия во второй половине ХУП века». После нее гоголевские бурсаки, воспетые в «Вие», стали не просто художественными образами, но и предметом исследования. Первым же, по сути, разобрался с летописной топографией столицы Руси, написав «Историко-топографические очерки древнего Киева». Монографии эти были настолько хороши, что до сих пор разномастные «науковці» охотно передерируют у Петрова, когда пытаются писать популярно, и не всегда на него ссылаются. Но главным достижением

ученого стали «Очерки из истории украинской литературы XVII-XVIII веков» и «Очерки истории украинской литературы XIX столетия».

Последняя книга попала мне как-то у одного букиниста. Запросил он дорого. Но только за то, что книга была старая — 1884 года издания. К счастью для моего кошелька, продавец не оценил автограф на титульной странице: «М. Любичу от Автора». Кто такой Любич, я не знаю, но Петров, кроме всего прочего, был еще и крестным отцом Михаила Булгакова. Причем, видимо, очень хорошим крестным, раз, кроме первенца, он крестил потом еще нескольких детей в этой семье. Так что автограф его — немалая ценность.

С отцом Миши — Афанасием Ивановичем — они были друзьями. Да и трудились в одном месте — все в той же Духовной академии. Значит, Петров бывал у Булгаковых в доме, делился своими научными интересами. В связи с этим становится понятна и та скрытая симпатия, которая, несмотря ни на что, есть у автора «Белой гвардии» к игравшим в украинскую историю петлюровцам — взять хотя бы колоритный образ полковника Козыря-Лешко или сцену петлюровского парада. Описывая украинское, Булгаков хорошо его знал. Все украиноязычные персонажи его говорят на настоящем, а не стилизованном украинском языке. И это понятно — маленький Миша не только слышал этот язык на киевских улицах, но и был крестником автора первой истории украинской литературы. Это только лишний раз подтверждает, насколько тесно переплетены Украина и Россия, вышедшие из одной общей колыбели — Киевской Руси.

Многие идеи Петрова актуальны до сих пор. «Недоброжелатели украинской литературы, — писал он, — относятся к ней пренебрежительно, обзывают ее хохлацкою, хохломанскою и хлопоманскою литературою и не считают достойною серьезного изучения, — другие, преимущественно из украинцев, замечают в ней особую свежесть, девственность и оригинальность, ставят ее несравненно выше северно-русской искусственной литературы и дают ей почетное место между литературами других славянских племен...

Профессор Николай Петров

В том и другом лагере не достаёт спокойного изучения историко-литературных фактов и даже надлежащей полноты этих фактов

Обилие фактов и стало одним из главных достоинств «Очерков». Преподавая литературу в школе, у нас стараются залакировать сложные отношения украинских писателей друг с другом. А Петров их не скрывал. Поэтому герои его книги — живые люди, а не памятники. Они конфликтуют, завидуют, стремятся к славе, иногда даже заимствуют чужие сюжеты.

Петров подробно описывает, например, два противоположных отношения к

основоположнику новой украинской литературы — автору «Энеиды»: «Малорусские критики разошлись в своих мнениях о Котляревском: одни порицают его за насмешливое, карикатурное или же сентиментальное изображение малорусской действительности и, давая произведениям его лишь историческое значение, считают их анахронизмом для настоящего времени; другие, наоборот, возвышают его на степень истинного поэта».

Особенно строго, указывает Петров, относился к Котляревскому Пантелеймон Кулиш. «Уже самая мысль написать пародию на языке своего народа, — язвил этот критик, показывает отсутствие уважения к этому языку. Троянский герой в виде украинского бродяги смешил товарищей Котляревского до слез, и рукопись его начала ходить по рукам. Помещики украинские расхохотались над «Энеидою» не хуже офицеров; расхохотались над нею и их лакеи... Одни простолюдины не смеялись: им было не до «Энеиды». Тот век был вообще последнею пробой нашей народности, которая упала мало-помалу до бессознательного состояния; но ничто не подвергло ее столь опасному испытанию, как пародия Котляревского». И даже сам автор, по мнению Кулиша, «смутно почувствовал беззаконие своего смеха».

Но за этим строгим «приговором» скрывалась обычная зависть. Кулиш был не только критиком, но и сам грешил прозой и стихами. Его раздражала популярность Котляревского, на фоне которой собственные достижения Кулиша выглядели очень скромно. «Впрочем, как ни строго судил Кулиш произведения Котляревского, — писал Петров, но и он признавал большое значение их для современного и последующих поколений малороссов ».

В свою историю украинской литературы Петров включил и Николая Гоголя, которого сегодня наши дети проходят как иностранного писателя. Получается, что «москаль-литературовед» проявил больше уважения к этому автору, да и к самим украинцам, чем нынешнее Министерство образования. Гоголь, по словам Петрова, представитель «национализма» или «национальной школы в украинской литературе». При этом под «национализмом» он подразумевал «то направление, которое, опираясь на историческое и этнографическое изучение народа, идеализирует прошлую или современную жизнь его». В XX веке это слово изменило значение и стало ассоциироваться в основном с Петлюрой или Бандерой и их деяниями.

Гоголь же был представителем совсем другого национализма. И даже Кулиш писал о нем: «Со времен Гоголя взгляд великорусов на натуру украинца переменялся. Почувляли в этой натуре способности ума и сердца необыкновенные, поразительные; увидели, что народ, посреди которого явился такой человек, живет сильною жизнью и, может быть, предназначен судьбою к восполнению духовной натуры северо-русского человека ».

*Николай Гоголь. В XIX веке
он считался украинским
литератором*

Но особенно удалась Николаю Петрову глава о Тарасе Шевченко. Он описывал Великого Кобзаря не только как автора минорных стихов о страданиях простого народа, но и как гуляку, не перетруждавшего себя работой: «К веселой разгульной жизни располагал Шевченко и его знаменитый учитель и покровитель Брюллов, который и сам не прочь был пображничать. Наконец, Шевченко отбил у Сошенко (своего друга) племянницу его хозяйки — немки Марью Яковлевну, за что Сошенко выгнал нашего поэта из своей квартиры. Эта Марья Яковлевна жаловалась впоследствии на Шевченко в Академию художеств».

Зимний дворец. Эти петербургские красоты Тарас Шевченко в шутку называл «болотом»

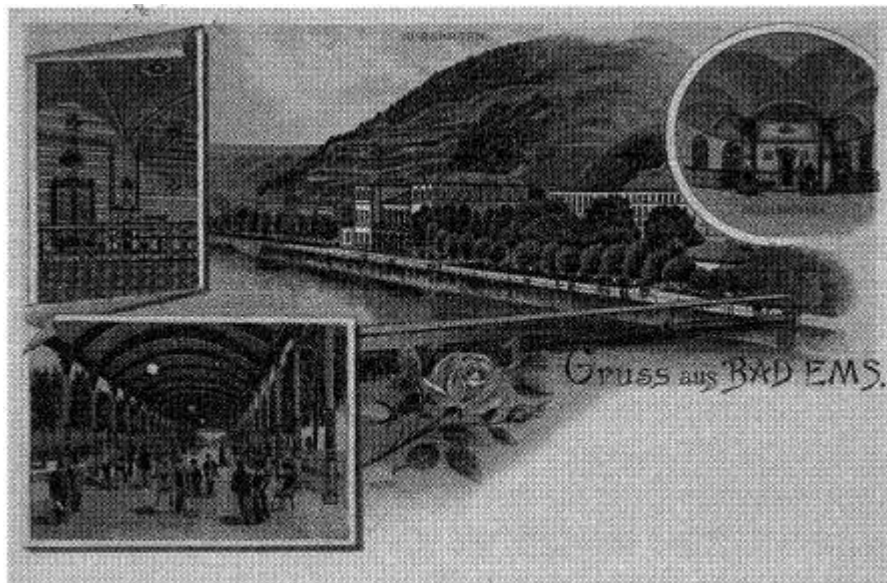
Получив в 1843 году звание свободного художника, Шевченко стал рваться из столицы на родину. Петров приводит одно из его писем к приятелю на Украину, где описывается их житье-бытье с Брюлловым: «Карль Павлович байдаки бье, а «Осада Пскова» жде лита. А я чортъ знае що — не то роблю що, не то гуляю, сновигаю по оцему чертову болоту, та згадую нашу Украину... Спиткали мене прокляты кацапи, такъ що не знаю, як и выкручатъця».

«Болотом» Тарас называл столицу Российской империи — Петербург. Но вряд ли всерьез. По самому тону письма чувствуется, что ему там не так уж плохо, раз основное время приходится тратить на загулы.

С точки зрения «серьезных специалистов» нашего времени, «Очерки по истории украинской литературы XIX столетия» написаны слишком свободно и неполиткорректно. Но кто тогда вообще что-то слышал о политкорректности? Это поздняя американская выдумка, призванная как-то сгладить неприязнь между различными этническими и расовыми группами в США. Теперь ее пытаются навязать остальному миру. Сам Шевченко — вызывающе «неполиткорректен». Но тем он и интересен. Как и первый историк украинской литературы профессор Петров, которого давно пора вернуть нашей науке и культуре.

Глава 34. Эмский указ против русского языка

Одной из самых наглых выдумок, растиражированных националистами, является сказка об Эмском указе.

Городок Бад Эмс на открытке 1899 года

Как утверждают наши «національно свідомі фантасти», указ якобы запретил украинский язык. Полная выдумка! Но миф об указе-языкоубийце давно стал частью государственной политики. Его пропагандирует радио, телевидение и, что самое печальное, школа. Давайте откроем «Историю Украины» для 9 класса неких Ф. Турченко и В. Мороко и на 188-й стр. прочтем: «1876 р. у місті Емс російський цар Олександр II підписав закон про цілковиту заборону української мови». Последние слова выделены жирным шрифтом. Если школьник хочет получить хорошую отметку, он должен затвердить на зубок эту фальшивку. То есть наша школьная программа сознательно заставляет детей лгать. Ибо на самом деле ни в курортном германском Эмсе, ни где либо еще ни Александр II, ни кто-нибудь другой из русских правителей ничего подобного с украинским языком не совершал. И даже не собирался! Достаточно открыть текст самого документа и прочитать. Кстати, выдержка из Эмского указа приводится на следующей странице того же учебника! Из нее следует, что в 1876 году император высочайше повелел: «Не допускать ввоза в пределы империи без особого на то позволения любых книг и брошюр, которые издаются за границей на малорусском наречии». Значит, в случае «особого позволения» импорт таких КНИГ разрешался! Далее указ запрещал издавать в России оригинальные произведения и переводы на том же наречии. Но тут же делал два исключения! Для исторических документов и для художественной литературы. Какие-нибудь Марко Вовчок и Пантелеймон Кулиш могли спокойно продолжать свои опыты на ниве украинской изящной словесности. Кулиш, например, Эмского указа даже не заметил. Он ему не мешал. Даже помогал хвалить царское правительство, обращаясь к памяти Петра I:

Ти наш, дарма що між бояр кудлатих
На світ родивсь, як між ведмедів диких.
Без тебе нам прийшлося би всім пропасти.
Без подвигів і праць твоїх великих.

Естественно, не запрещал указ 1876 года ни произведений Котляревского, ни Шевченко, ни Квитки Основьяненко и других уже покойных на тот момент украинских литераторов. Всех их продолжали благополучно печатать. Был бы спрос!

*Памятник русскому императору Александру II
в парке на набережной города Бад Эмс*

Зато один из пунктов Эмского указа касался газеты «Киевский телеграф». Александр II приказывал прекратить ее издание. Но газета эта, хоть и выходила в Киеве, печаталась на чистейшем русском языке! Надеюсь, никто из критиков царской власти не усомнится после этого, что, прихлопнув как муху «Киевский телеграф», император стал одним из первых «гонителей русского языка» в Украине! И, наконец, единственный пункт, который можно поставить императору в укор, касался театра. Он прекращал «сценические представления на малорусском наречии». К сожалению, Александр II жил в так называемую «Викторианскую эпоху». Она требовала соблюдения приличий. А так как на украинские пьесы тогда собирался в основном народ простой, то можно предположить: показ украинских пьес запретили только чтобы не допускать дебошей среди публики. Мемуаристы отмечают, что на представлении «малороссийских» комедий публика вела себя весьма вольно, а корифей отечественной сцены Саксаганский вспоминал, как даже в куда более поздние времена — в 1918 году — к нему за кулисы ввалилось несколько вдрызг пьяных гетманских офицеров. Но долго пункт о запрете украинского театра не продержался! Его уничтожила сама царская власть! Сын Александра II — тоже Александр, но Третий — не только ввел государственную винную монополию, но и снял запрет на украинские театральные представления. Новому императору казалось, что после просмотра пьес с названиями типа «Якщо ковбаса та чарка, то минеться й сварка», украинский народ только будет больше пить и обогащать таким образом государственный бюджет. Возникает вопрос: а где же эта самая «цілковита заборона української мови»? А нигде! О ней в Эмском указе — ни слова!

Более того, именно после 1876 года литература на Украине стала развиваться ускоренными темпами! Появился целый ряд талантливейших писателей. Автор «Кайдашевой семьи» Нечуй-Левицкий, Михайло Старицкий с его «За двумя зайцами» и плодовитый, как кролик, драматург Карпенко-Карый — все они «родом из Эмского указа». Запретив литературу политическую, революционную, разбойничью, царское правительство направило силы украинских литераторов в здоровое русло. Страшно подумать: не появись указ Александра II, все эти гении могли бы превратиться в обыкновеннейших сочинителей антиправительственных листовок и марксистских брошюр. И «печатались» бы они в лучшем случае на заборах и фонарных столбах. Мне могут возразить: но ведь был же еще и этот, как его, валуевский циркуляр, который, если верить тем же профессиональным носителям национальной идеи, объявил украинский язык несуществующим! Наши пропагандисты особенно любят его трепать. Та же «История Украины» для 9 класса утверждает: «20 червня 1863 р. таємним циркуляром Валуев проголосив, що окремої «малоруської мови не було,

немає й бути не може».

Уверен, никогда не читали составители этого учебника' ни одного текста, вышедшего из-под пера министра внутренних дел Петра Валуева. Если бы читали, то знали бы, что министр, кроме русского, владел еще английским, немецким и французским языками. Свой личный дневник он вел сразу на всех четырех. Отличался необыкновенной корректностью и даже осторожностью в выражениях. А в своем знаменитом циркуляре указывал следующее: «Давно уже идут споры в нашей печати о возможности существования малороссийской литературы. Поводом к этим спорам служили произведения некоторых писателей, отличившихся более или менее замечательным талантом или своею оригинальностью. В последнее время вопрос о малороссийской литературе получил иной характер вследствие обстоятельств чисто политических... Возбуждение этого (Вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказывающимся в печати. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка нет, не было и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши)... Я специально позволил эту довольно длинную цитату, чтобы читатель убедился: министр Валуев всего лишь констатировал наличие споров в тогдашней прессе о том, что же такое украинский язык. Сам же ничего не утверждал. Напомню, что и ученые-лингвисты из Российской академии наук признали украинский отдельным языком только во время революции 1905-1907 гг. Так в чем же виноват Валуев? Дай Бог нынешним чиновникам такой же осторожности в выражениях!

Граф Петр Валуев

Сам же валуевский циркуляр был вызван не антиук-раинским пафосом царской власти, а, как ни странно, польским восстанием 1863 года. Польская шляхта тогда не только требовала отделения от Российской империи, но и намеревалась прихватить в «независимую» Речь Посполитую еще и всю Правобережную Украину с границей по Днепру. А заодно печатала массу листовок на украинском'-языке, распространяя их среди правобережных украинцев. Вот против этих подрывных листовок и был направлен циркуляр Валуева — он их, а не украинский язык, запрещал! Ровно через два года, когда польский бунт был подавлен, циркуляр отменили новым законом о печати. Согласно ему любую книгу и на любом другом языке Империи мог запретить только гласный суд! Ведь государство Александра II было правовым! Порой даже откровенных террористок, вроде Веры Засулич, оправдывало! По сути, миф о валуевском циркуляре и Эмском указе наша нынешняя держава поддерживает только для того, чтобы сегодня закрывать в Украине русские школы, ограничивать количество русскоязычных передач на ТВ тридцатью процентами и отказывать доброй половине страны в праве свободно пользоваться родным языком в вузах, судах и

любых других государственных органах. Фантастическим пугалом из далекого Эмса XIX столетия оправдывают издевательства над украинскими русскоязычными гражданами в веке XXI.

Если политику России в отношении украинского языка наши учебники ругают, то австрийскую — ставят в пример. При этом никто не вспоминает, что до второй половины XIX века никто в Галичине даже не подозревал, что является «украинцем». Местное население называлось «русинами» и в большинстве своем считало себя частью русского народа, оторванного после распада Руси от единого целого. Чтобы отбить у него историческую память о близости со славянами в Российской империи, правительство Австро-Венгрии решило проводить особую линию. Для этого австрийский наместник Галичины граф Стадион фон Вартхаузен популярно объяснил местным русинам, что они должны либо объявить себя особой национальностью, либо готовиться к неприятностям, в случае упрямства правительство пригрозило поддерживать местных ПОЛЯКОВ, составлявших не менее трети населения Галичины. В XVII в. галичане уже отреклись от Православия, а в конце XIX — и от русинского имени. Таким образом украинизация Галичины явилась следствием конформизма по отношению к монархии Габсбургов.

«Языковеды» из Вены сначала придумали диковинное название «рутены» вместо русинов, а потом остановились на термине «украинцы». Местное наречие стали искусственно превращать в украинский язык. Для этого из Киева пригласили профессора Грушевского, который сам плохо разговаривал по-украински. Кто желает в этом убедиться, пусть откроет его дневник, пестрящий безграмотными выражениями: «Знов міні досей книжки пріпала охота». Зато Грушевский в огромных количествах стал вводить польские слова, которые в Украине никто не понимал, что вызвало возмущение среди украинцев, живших в Российской империи. Помните, как совсем недавно «вертоліт» заменили «гелікоптером»?

Михаил Грушевский

Согласитесь, странно звучит призыв: «Вивчайте рідну мову!» Родная на то и называется «родной», что впитана чуть ли не с молоком матери, А вот можно ли выучить в зрелом возрасте, скажем, английский и сродниться с ним? Тем не менее советская власть в 20-е тоды попыталась сделать родным придуманный Грушевским на австрийские деньги искусственный язык (так называемую «вишукану мову») для народа Украины. Из учреждений изгонялись чиновники, не желавшие изучать этот «новояз», вводилось отличное от общерусского правописание, придумывались новые слова. Подделали даже Шевченко! Название своей книги «Кобзарь» он писал с мягким знаком в конце. Украинизаторы посчитали это «русизмом» и мягкий знак запретили!

Особенно преуспел в обучении украинцев «мове» Лазарь Моисеевич Каганович — в середине 20-х генеральный секретарь ЦК Компартии Украины. Пик украинизации совпал с пиком Голодомора 33-го! Это не я придумал.

Сергей Ефремов

Правоверный «українсько-канадйський» историк Орест Субтельный ликует: «Відродження переживала україномовна преса. У 1922 р. з усіх публікованих на Україні книжок лише 27 % виходили українською мовою, цією ж мовою виходило близько 10 газет і часописів. До 1927 р. українською мовою друкувалася більш як половина кнілок, а в 1933 р. з 426 газет республіки 373 виходили рідною мовою». Но ни одна из этих «рідномовних» газет о Голодоморе в 33-м не написала. Оказалось, что выходит на украинском языке и сообщать правду — отнюдь не одно и то же. Перефразируя слова Ленина, можно сказать, что советская власть в Украине — это Голодомор плюс украинизация всей страны.

Бывший заместитель Грушевского по Центральной Раде Сергей Ефремов подсмеивался над этой украинизаторской показухой в дневнике: «Найкращий анекдот розказують комуністи. Дійові особи — Петровський і Рыков. (Видные большевистские вожди. — Авт.) Рыков: «Ты хочешь, чтобы я тебе на украинизацию деньги давал. Да ведь и языка-то такого не существует». — Петровский: «Нет, существует». — Рыков: «Ну, например, как будет по-украински голова?» — Петровский: «Голова». — Рыков: «Губы?» — Петровский: «Губы». — Рыков: «Рот?» — Петровский: «Рот». — Рыков: «Рука?» — Петровский: «Рука». — Рыков: «Нога?» — Петровский: «Нога». — Рыков: «Жопа?» — Петровский: «Срака!!!» — Рыков: «И ты хочешь, чтобы я на эту самую «сраку» полтора миллиона отпустил?!» Вряд ли у кого-то повернется язык упрекнуть Ефремова в украинофобии — он был репрессирован советской властью по делу СВУ — Спільки визволення України. Результатом хитрой партийной политики стало и создание украинского Союза писателей, членам которого в обмен на материальные блага разрешили хвалить репрессивный режим на украинском языке. При этом многие деятели этой организации в быту общались по-русски. Как-то забылось, что еще совсем недавно, в 70-е годы, в Киеве было практически невозможно опубликовать книгу местного автора по-русски. Выходил чуть ли не единственный русскоязычный литературный журнал «Радуга», хотя почти весь город общался на русском языке. Так что политику украинизации после 1917 года практически никогда не отменяли.

Зато слова «Малороссия» и «малороссы» чуть ли не топором вырубili из народной памяти — лишь бы избавить украинцев от сознания, что они тоже РУССКИЕ.

Послесловие

Мы любим идеализировать прошлое. То, что так раздражало вчера, сегодня кажется приятным воспоминанием. Заканчивая эту книгу, я спрашиваю себя: не слишком ли благостная картина у меня вышла? Не стошнит ли кого от этих тихих малороссийских вечеров под ясными зорями?

Но нет! я ничего не пытался приукрасить. Любоед Мацапура разгуливает по страницам моего повествования точно так же, как запутавшийся в истинах Кулиш и колеблющийся в «выборе веры» Хмельницкий. Им всем тут нашлось место — и юному пажу Мюнхгаузену, и турецкому паше Чайковскому, и хитрецу Сквороде, скрывшемуся от простых человеческих обязанностей в философскую бочку.

Эта книга — о другом. О том, что нельзя забывать. Малороссия все равно живет в нас, даже если мы этого не осознаем. Ее воистину стоило вытащить из подсознания, чтобы объяснить причину украинского веселья.

Вклад этого лоскутка казачьей земли на Левобережье Днепра в русскую цивилизацию поистине огромен. Ни Российской империи, ни Советского Союза, ни нынешней Украины без Малороссии просто бы не было.

Котляревский, Гоголь, Паскевич...

А Кожедуб? А маршал Рыбалко? А Зощенко?

Порожденный великим восстанием Богдана Хмельницкого, укрепленный в 1709 году победой под Полтавой исторический оптимизм малороссиян не иссяк и в XX веке.

Последний морской министр дореволюционной России Иван Григорович — тот самый, благодаря которому со стацелей сошла единственная достроенная серия русских линкоров, воевавших еще в Великую Отечественную, написал в мемуарах: «Мой отец Константин Иванович был генерал-майором, потомственным дворянином Полтавской губернии Пирятинского уезда».

Адмирал Григорович — последний морской министр империи

Командуя броненосцем «Цесаревич» в русско-японскую войну, Григорович блестяще отразил атаку миноносцев адмирала Того в ночь, когда началась эта роковая дальневосточная эпопея. «Цесаревич» служил после этого России еще в Первую мировую, оказавшись единственным русским броненосцем, вырвавшимся из ловушки Порт-Артура. Упорный, Системно мыслящий капитан первого ранга Григорович не только по праву получил адмиральские погоны, но и фактически воссоздал русский флот после трагедии «Цусимы». Много ли нам рассказывали о нем? Разве что Игорь Бунич помянул его добрым словом в книге «В огне государственного катаклизма»: «Первый командир «Цесаревича», капитан 1 ранга Иван Константинович Григорович (1853-1930) был одним из наиболее выдающихся офицеров Русского Флота, вложивших все силы в дело возрождения флота после его почти полного уничтожения в русско-японской войне. Занимая с 19 марта 1911 года пост морского министра, адмирал Григорович провел гигантскую работу по созданию небольшого, но хорошо оборудованного флота, способного прикрыть подступы к Петербургу и обеспечить общие стратегические замыслы России в период Первой мировой войны. Несмотря на правительственную чехарду, адмирал Григорович занимал свой пост

вплоть до падения монархии в феврале 1917 года и был, по меткому выражению Ленина, единственным умным человеком во всем царском правительстве».

А совсем неподалеку от родового имени Григоровичей на той же Полтавщине в Зеньковском уезде родился выдающийся морской инженер Владимир Костенко — участник Цусимы и один из лучших русских кораблестроителей (а по совместительству — еще и революционеров!) начала XX века. Без вклада Костенко никогда бы не была написана «Цусима» Новикова-Прибоя, признавшего «Костенко, с которым я плавал на броненосце «Орел», оказался как герой настолько необходим для моей книги, что, если бы его не существовало в природе, то пришлось бы такого выдумать».

Откуда эта странная тяга малороссиян — жителей степной страны к морю?

Оттуда же, откуда морские походы их предков — запорожских казаков. Ведь соратник Крузенштерна капитан Лисянский, совершивший первую российскую кругосветку, тоже был малороссом — уроженцем тихого Нежина! Малороссия всегда мечтала о море — чтобы было, куда везти плоды трудов своих.

XX век не прервал старинную малороссийскую традицию совать нос в историю. Потомки героических казаков Хмельницкого проявили себя в эпоху всероссийского надлома не менее ярко, чем их пращуры. Следы их можно найти буквально везде. Во всех партиях. Во всех армиях. И даже во всех бандах. В то время, когда полтавчанин Симон Петлюра пытается создать свою независимую Украину, киевлянин Михаил Дроздовский крепит единую и неделимую Россию, совершая знаменитый поход на Дон, а будущий легендарный партизан Сидор Ковпак рвется устанавливать власть рабочих и крестьян. Одни малороссы идут к красным, другие — к белым, третьи — к желто-синим. Но всем им найдется место в моей душе, и, надеюсь, в твоей, читатель. Ибо ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Киев, 18 декабря 2011 г., воскресенье

Приложение.

Николай Гоголь «Взгляд на составление Малороссии»

I. Какое ужасно-ничтожное время представляет для России XIII век! Сотни мелких государств единоверных, одноплеменных, одноязычных, означенных одним общим характером и которых, казалось, против воли соединяло родство, — эти мелкие государства так были между собою разъединены, как редко случается с разнохарактерными народами. Они были разъединены не ненавистью, сильные страсти не досягали сюда, ни постоянную политикою следствием непреклонного ума и познания жизни. Это был хаос браней за временное, за минутное, браней разрушительных, потому что они мало-помалу извели народный характер, едва начинавший принимать отличительную физиогномию при сильных норманнских князьях. Религия, которая более всего связывает и образует народы, мало на них действовала. Религия не срослась тогда тесно с законами, с жизнью. Монахи, настоятели, далее митрополиты были схимники, удалившиеся в свои кельи и закрывшие глаза для мира; молившиеся за всех, но не знавшие, как схватить с помощью своего сильного оружия, веры, власть над народом и возжечь этой верой пламень и ревность до энтузиазма, который один властен соединить младенчаствующие народы и настроить их к великому. Здесь была совершенная противоположность Западу, где самодержавный папа, как будто невидимую паутиною, опутал всю Европу своею религиозною властью, где его могущественное слово прекращало брань или возжигало ее, где угроза страшного проклятия обуздывала страсти и полудикие народы. Здесь монастыри были убежищем тех людей, которые кротостью и незлобием составляли исключение из общего характера и века. Изредка пастыри из пещер и монастырей увещали удельных князей; но их увещания были напрасны: князья умели только поститься и строить церкви, думая, что исполняют этим все обязанности христианской религии, а не умели считать ее законом и покоряться ее велениям. Самые ничтожные причины рождали между ими бесконечные войны. Это были не споры королей с вассалами или вассалов с вассалами: — нет! это были брани между

родственниками, между родными братьями, между отцом и детьми. Не ненависть, не сильная страсть воздымала их: — нет! брат брата резал за клочок земли или просто, чтобы показать удалство. Пример ужасный для народа! Родство рушилось, потому что жители двух соседних уделов, родственники между собою, готовы были каждую минуту восстать друг против друга с яростью волков. Их не подвигала на это наследственная вражда, потому что кто был сегодня друг, тот завтра делался неприятелем. Народ приобрел хладнокровное зверство, потому что он резал, сам не зная за что. Его не разжигало ни одно сильное чувство, ни фанатизм, ни суеверие, ни даже предрассудок. Оттого, казалось, умерли в нем почти все человеческие сильные благородные страсти, и если бы явился какой-нибудь гений, который бы захотел тогда с этим народом совершить великое, он бы не нашел в нем; ни одной струны, за которую бы мог ухватиться и потрясти бесчувственный состав его, выключая разве физической железной силы. Тогда история, казалось, застыла и превратилась в географию: однообразная жизнь, шевелившаяся в частях и неподвижная в целом, могла почтяться географическою принадлежностью страны.

II. Тогда случилось дивное происшествие. Из Азии, из средине ее, из степей, выбросивших столько народов в "Европу, поднялся самый страшный, самый многочисленный, совершивший столько завоеваний, сколько до него не производил никто. Ужасные монголы, с многочисленными, никогда дотоле невиданными Европою табунами, кочевыми кибитками, хлынули на Россию, осветивши путь свой пламенем и пожарами — прямо азиатским буйным наслаждением. Это нашествие наложило на Россию двухвековое рабство и скрыло ее от Европы. Было ли оно спасением для нее, сберегши ее для независимости, потому что удельные князья не сохранили бы ее от литовских завоевателей, или оно было наказанием за те беспрерывные брани: как бы то ни было, но это страшное событие произвело великие следствия: оно наложило иго на северные и средние русские княжения, но дало между тем происхождение новому славянскому поколению в южной России, которого вся жизнь была борьба и которого историю я взялся представить.

III. Южная Россия более всего пострадала от татар. Выжженные города и степи, обгорелые леса, древний, разрушенный Киев, безлюдье и пустыня — вот что представляла эта несчастная страна! Испуганные жители разбежались или в Польшу, или в Литву; множество бояр и князей выехало в северную Россию. Еще прежде народонаселение начало заметно уменьшаться в этой стороне. Киев давно уже не был столицею; значительные владения были гораздо севернее. Народ, как бы понимая сам свою ничтожность, оставлял те места, где разнородная природа начинает становиться изобретательницею; где она раскинула степи прекрасные, вольные, с бесчисленным множеством трав почти гигантского роста, часто неожиданно среди них опрокинула косогор, убранный дикими вишнями, черешнями, или обрушила рытвину всю в цветах и по всем вьющимся лентам рек разбросала очаровательные виды, протянула во всю длину Днепр с ненасытными порогами, с величественными гористыми берегами и неизмеримыми лугами, и "всё-это согрела умеренным дыханием юга. Он оставлял эти места и столплялся в той части России, где местоположение, однообразно-гладкое и ровное, везде почти болотистое, истыканное печальными елями и соснами, показывало не жизнь живую, исполненную движения, но какое-то прозябение, поражающее душу мыслящего. Как будто бы этим подтвердилось правило, что только народ, сильный жизнью и характером, ищет мощных местоположений или что только смелые и поразительные местоположения образуют смелый, страстный, характерный народ.

IV. Когда первый страх прошел, тогда мало-помалу выходцы из Польши, Литвы, России начали селиться в этой земле, настоящей отчизне славян, земле древних полян, северян, чистых славянских племен, которые в Великой России начинали уже смешиваться с народами финскими, но здесь сохранялись в прежней цельности со всеми языческими поверьями, детскими предрассудками, песнями, сказками, славянской мифологией, так простодушно у них смешавшейся с христианством. Возвращавшиеся на свои места прежние жители привели по следам своим и выходцев из других земель, с которыми от

долговременного пребывания составили связи. Это население производилось боязненно и робко, потому что ужасный кочевой народ был не за горами: их разделяли или, лучше сказать, соединяли одни степи. Несмотря на пестроту населения, здесь не было тех браней междоусобных, которые не переставали во глубине России: опасность со всех сторон не давала возможности заняться ими. Киев — древняя мать городов русских — сильно разрушенный страшными обладателями табунов, долго оставался беден и едва ли мог сравниться со многими, даже не слишком значительными городами северной России. Все оставили его, даже монахи-летописцы, для которых он всегда был священ. Известия о нем разом прервались, и несмотря на то, что там оставалась еще отрасль князей русских, ничто не спасло его от полувекового забвения. Изредка только, как будто сквозь сон, говорят летописцы, что он был страшно разорен, что в нем были ханские баскаки, и потом он от них задернулся как бы непроницаемою завесою.

V. Между тем как Россия была повергнута татарами в бездействие и оцепенение, великий язычник Гедимин вывел на сцену тогдашней истории новый народ — народ, бедный и жизнью и средствами для жизни, населявший дикие сосновые леса нынешней Белоруссии, еще носивший звериную кожу вместо одежды, еще боготворивший Перуна и поклонявшийся древнему огню в нетроганных топором рощах, плативший прежде дань русским князьям, известный под именем литовцев. И этот народ при своем князе Гедимине сделался самым видным на огромном северо-востоке Европы! Тогда города, княжества и народы на западе России были какие-то отрывки, обрезки, оставшиеся за гранью татарского порабощения. Они не составляли ничего целого, и потому литовский завоеватель почти одним движением языческих войск своих, совершенно созданных им, подверг своей власти весь промежуток между Польшей и татарской Россией.

*Н. В. Гоголь. Акварель
И. Жерна. 1836 год*

Потом двинул он войска свои на юг, во владения ВОЛЫНСКИХ князей. Весьма естественно, что успех сопровождал его везде. В Лурке однако ж князь Лев сильно сопротивлялся, но не в силах был отстоять земель своих. Гедимин, назначив старост и начальников, шел далее на юг, к самому сердцу южной России, к Киеву. Убежавший луцкий князь Лев успел кое-как уговорить киевского князя Станислава выйти с своими немногочисленными дружинами навстречу грозному победителю: дружины были усилены союзниками-татарами; но всё бежало перед мощным литовцем. Гедимин, сильно поразив их при реке Ирпени, вступил с торжеством в Киев, носивший на себе свежую печать татарского посещения, и постановил в нем правителем князя Миндова Ольшанского, принявшего греческую веру. Итак, литовский завоеватель у самых татар вырвал почти перед глазами их находившуюся землю! Это должно бы, казалось, возбудить борьбу между двумя народами,

но Гедимин был человек ума крепкого, был политик, несмотря на видимую свою дикость и свое невежественное время. Он умел сохранить дружбу с татарами, владея отнятыми у них землями и не платя никакой дани. Этот дикий политик, не знавший письма и поклонявшийся языческому богу, ни у одного из покоренных им народов не изменил обычаев и древнего правления; всё оставил по-прежнему, подтвердил все привилегии и старшинам строго приказал уважать народные права; нигде даже не означил пути своего опустошением. Совершенная ничтожность окружавших его народов и прямо исторических лиц придают ему какой-то исполинский размер. Он умер в 1340 году; мертвый был посажен на коня с своим оруженосцем, с охотничьими собаками, соколами и сожжен по языческому обычаю литовцев. Вслед за ним такие же два сильные характера, Ольгерд и Ягайло, вознесли Литву, употребляя ту же самую политику с присоединенными народами.

VI. И вот южная Россия, под могущественным покровительством литовских князей, совершенно отделилась от северной. Всякая связь между ими разорвалась; составились два государства, называвшиеся одинаким именем — Русью. Одно под татарским игом, другое под одним скипетром с литовцами. Но уже сношений между ими не было, другие законы, другие обычаи, другая цель, другие связи, другие подвиги составили на время два совершенно различных характера. Каким образом это произошло, — составляет цель нашей истории. Но прежде всего нужно бросить взгляд на географическое положение этой страны, что непременно должно предшествовать всему, ибо от вида земли зависит образ жизни и даже характер народа. Многое в истории разрешает география.

Эта земля, получившая после название Украины, простирающаяся на север не далее 50° широты, более ровна, нежели гориста. Небольшие возвышенности встречаются очень часто, но ни одной гористой цепи. Северная ее часть перемежается лесами, содержащими прежде в себе целые шайки медведей и диких кабанов; южная вся открыта, вся из степей, кипевших плодородием, но только изредка засевавшихся хлебом. Девственная и могучая почва их своевольно произрастала бесчисленное множество трав. Эти степи кипели стадами сайг, оленей и диких лошадей, бродивших табунами. С севера на юг проходит великий Днепр, опутанный ветвями впадающих в него рек. Правый берег его горист и представляет пленительные и вместе дерзкие местоположения; левый весь из лугов, покрытых рощами, потоплявшимися водою. Двенадцать порогов — выросших из dna реки скал, недалеко от впадения его в море, преграждают течение и делают плавание по нем чрезвычайно опасным. Около порогов водился род диких коз — сугаки с белыми лоснящимися рогами, с мягкой, атласною шерстью. Прежде воды в Днепре были выше, разливался он шире и далее потоплял луга свои. Когда воды начинают опадать, тогда вид поразителен: все возвышенности выходят и кажутся бесчисленными зелеными островами среди необозримого океана воды. В Днепр впадает только одна судоходная река, Десна, проходящая в северной Украине, с лесистыми берегами, почти с обеих сторон потопляемыми водою; но и эта река только в некоторых местах судоходна. Кроме того на севере Остер и часть Сейма, на юге Сула, Псел, с цепью видов, Хорол и другие; но ни одна из них несудоходна. Сообщения никакого нет; произведения не могли взаимно размениваться — и потому здесь не мог и возникнуть торговый народ.

Все реки разветвляются посередине; ни одна из них не протекала на рубеже и не служила естественною гранью с соседственными народами. К северу ли с Россией, к востоку ли с кипчакскими татарами, к югу ли с крымскими, к западу ли с Польшей — везде она граничила полем, везде равнина, со всех сторон открытое место. Будь хотя с одной стороны естественная граница из гор или моря — и народ, поселившийся здесь, удержал бы политическое бытие свое, составил бы отдельное государство. Но беззащитная, открытая земля эта была землей опустошений и набегов, местом, где сшибались три враждующие нации, унавожена костями, утучнена кровью. Один татарский наезд разрушал весь труд земледельца: луга и нивы были вытаптываемы конями и выжигаемы, легкие жилища сносимы до основания, обитатели разгоняемы или угоняемы в плен вместе со скотом. Это была земля страха; и потому в ней мог образоваться только народ воинственный, сильный

своим соединением, народ отчаянный, которого вся жизнь была бы повита и взлелеяна войною. И вот выходцы вольные и невольные, бездомные, те, которым нечего было терять, которым жизнь — копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти, которым везде грозила виселица, расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей татар и турков. Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила целый народ, набросивший свой характер и, можно сказать, колорит на всю Украину, сделавший чудо — превративший мирные славянские поколения в воинственные, известный под именем козаков, народ, составляющий одно из замечательных явлений европейской истории, которое, может быть, одно сдержало это опустошительное разлитие двух магометанских народов, грозивших поглотить Европу.

Обложка издания «Арабески»
1835 года

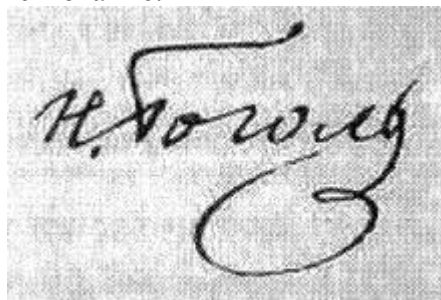
VII. Если не к концу XIII, то к началу XIV века можно отнести появление козачества, к тем векам, когда святая, сильная ревность к религии еще не остыла в Европе, когда почти вдруг во всех концах беспрестанно образовывались братства и ордена рыцарские, составлявшие странную противоположность с тогдашним разъединением, с изумительным самоотвержением разрушившие и отвергнувшие условия обыкновенной жизни, безбрачные, суровые, неотразимые соглядатаи дел мира, железные поборники веры христовой. Чем слабее была связь тогдашних государств, тем сильнее росла ужасная сила этих обществ. Разлитие магометанства и магометанских новых сильных народов, уже врывавшихся в Европу, увеличивало их еще более. Дух этих братств распространился везде и не между рыцарями и не для подобных предназначений. В это время явился близ порогов городок, или острог Черкасы, построенный удалыми выходцами, имя которого звучит обитателями Кавказа, которого даже построение многие приписывают им, и где было главное сборище и местопребывание козаков. Вначале частые нападения татар на северную часть Украины заставляли жителей спасаться бегством, приставать к козакам и увеличивать их общество. Это было пестрое сборище самых отчаянных людей пограничных наций. Дикий горец, ограбленный россиянин, убежавший от деспотизма панов польский холоп, даже беглец исламизма татарин, может быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днепра, впоследствии постановившему целью, подобно орденским рыцарям, вечную войну с неверными. Это скопище людей не имело никаких укреплений, ни одного замка.

Землянки, пещеры и тайники в днепровских утесах, часто под водою, на днепровских островах, в гуще степной травы, служили им укрытием для себя и для награбленных богатств. Гнездо этих хищников было невидимо; они налетали внезапно и, схвативши добычу, возвращались назад. Они поворотили против татар их же образ войны, те же азиатские набеги. Как жизнь их определена была на вечный страх, так точно с своей стороны они решились быть страхом для соседей. Татары и турки должны были всякой час ожидать этих неумолимых обитателей порогов. Магометанский сосед не знал, как назвать этот ненавистный народ. Если кто хотел к кому выразить величайшее презрение, то называл его козаком.

VIII. Большая часть этого общества состояла однако ж из первобытных, коренных обитателей южной России. Доказательство — в языке, который, несмотря на принятие множества татарских и польских слов, имел всегда чисто славянскую южную физиономию, приближавшую его к тогдашнему русскому, и в вере, которая всегда была греческая. Всякой имел полную волю приставать к этому обществу, но он должен был непременно принять греческую религию. Это общество сохраняло все те черты, которыми рисуют шайку разбойников; но, бросивши взгляд глубже, можно было увидеть в нем зародыш политического тела, основание характерного народа, уже вначале имевшего одну главную цель — воевать с неверными и сохранять чистоту религии своей. Это однако ж не были строгие рыцари католические: они не налагали на себя никаких обетов, никаких постов; не обуздывали себя воздержанием и умерщвлением плоти; были неукротимы, как их днепровские пороги, и в своих неистовых пиршествах и бражничестве позабывали весь мир. То же тесное братство, которое сохраняется в разбойничьих шайках, связывало их между собою. Всё было у них общее — вино, цехины, жилища. Вечный страх, вечная опасность внушали им какое-то презрение к жизни. Козак больше заботился о доброй мере вина, нежели о своей участи. Но в нападениях видна была вся гибкость, вся сметливость ума, всё меньше пользоваться обстоятельствами. Нужно было видеть этого обитателя порогов в полутатарском, полупольском костюме, на котором так резко отпечатались пограничность земли, азиатски мчавшегося на коне, пропадавшего в густой траве, бросавшегося с быстротою тигра из неприметных тайников своих или вылезавшего внезапно из реки или болота, обвешанного тиною и грязью, казавшегося страшилищем бегущему татарину. Этот же самый козак после набега, когда гулял и бражничал с своими товарищами, сорил и разбрасывал награбленные сокровища, был бессмысленно пьян и беспечен до нового набега, если только не предупреждали их татары, не разгоняли их пьяных и беспечных и не разрывали до основания городка их, который, как будто чудом, строился вновь, и опустошительный, ужасный набег был отпущением. После чего снова та же беспечность, та же разгульная жизнь.

IX. Казалось, существование этого народа было вечно. Он никогда не уменьшался: выбывшие, убитые, потонувшие заменялись новыми. Такая разгульная жизнь приманивала всякого. Тогда было то поэтическое время, когда всё добывалось саблею; когда каждый в свою очередь стремился быть действующим лицом, а не зрителем. Это скопление мало-помалу получило совершенно один общий характер и национальность, и чем ближе к концу XV века, тем более увеличивалось приходящими вновь. Наконец целые деревни и сёла начали поселяться с домами и семействами около этого грозного оплота, чтобы пользоваться его защитой, с условием за то некоторых повинностей. И таким образом места около Киева начали пустеть, а между тем по ту сторону Днепра люднели. Семейные и женатые мало-помалу от обращения и сношения с ними получали тот же воинственный характер. Сабля и плуг сдружились между собою были у всякого селянина. Между тем разгульные холостяки вместе с червонцами, цехинами и лошадьми стали похищать татарских жен и дочерей и жениться на них. От этого смешения черты лица их, вначале разнохарактерные, получили одну общую физиономию, более азиатскую. И вот составился народ, по вере и месту жительства принадлежавший Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, народ, в котором так странно столкнулись две

противоположные части света, две разнохарактерные стихии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию и усовершенствованию — и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование.

Подпись Н. В. Гоголя